

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

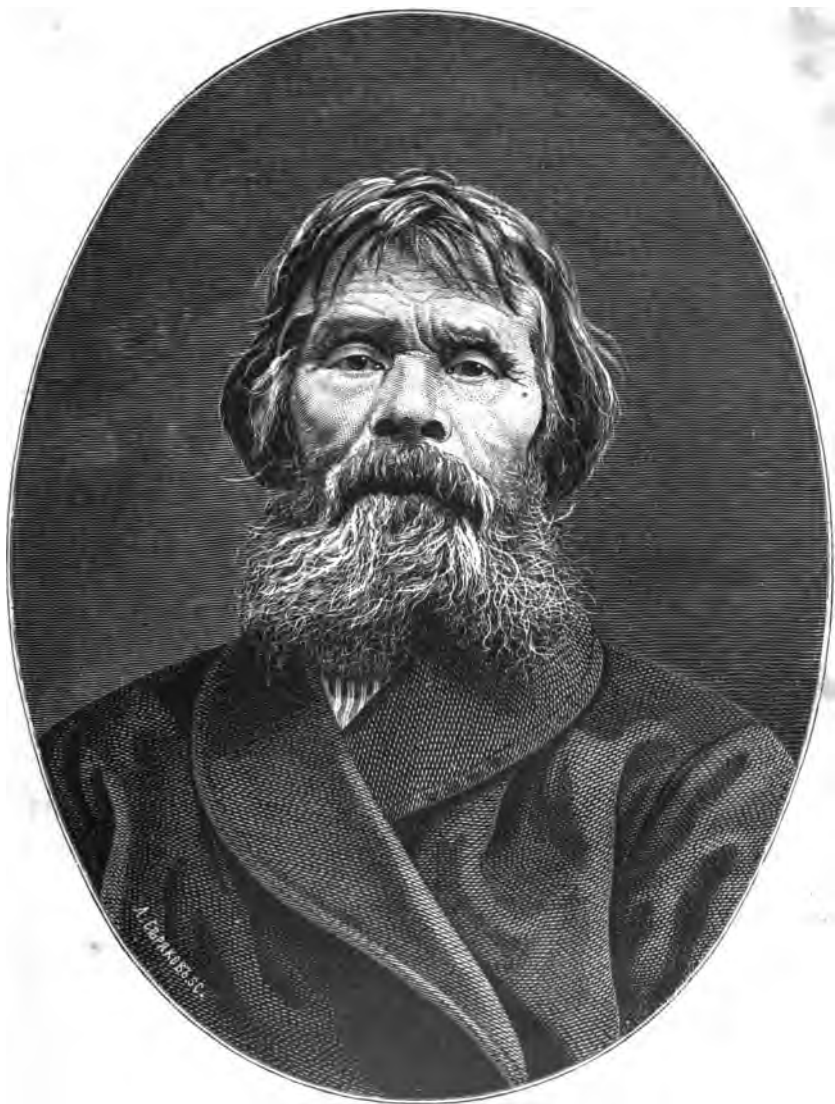

~~В~~ Восток
№ 37

КНИГА БЫЛИНЪ.

Трофимъ Григорьевичъ
РЯБИНИНЪ.

Avenarius, V. P.

221

КНИГА БЫЛИНЪ.

СВОДЪ ИЗБРАННЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ

РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

Составилъ В. П. Авенариусъ.

Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы Л. А. Сѣрякова и рисунками
А. В. Прохорова, Н. Н. Каразина и В. В. Спасскаго.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

ПЕЧАТАННОЕ СО ВТОРОГО БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

ОДОБРЕНО Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для награды учащимся.

ВНЕСЕНО въ каталогъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

РЕКОМЕНДОВАНО Учебнымъ Комитетомъ Собств. Е. И. В. Канцелярїи по учрежденіямъ Императрицы Марїи учебнымъ и воспитательнымъ заведеніямъ, какъ классное пособие, и для подарковъ.

МОСКВА.

Издание книгопродавца А. Д. Ступина.

1902.

221

PG 3114
A 9

Дозволено цензурою. Москва, 10 ноября 1901 г.

МОСКВА.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская улица, соб. домъ.

1902.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введеніе къ былинамъ VII

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ.

I. Вольга Всеславьевичъ (съ картинкой)	3
II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра	13
III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична	25
IV. Алеша Поповичъ (съ карт.)	30
V. Первый бой Добрыни Никитича съ змѣемъ Горынчищемъ	40
VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ (съ карт.)	46
VII. Ставѣрь Годиновичъ и Василиса Микулична	54
VIII. Соловей Будиміровичъ (съ карт.)	67
IX. Испѣленіе Ильи Муромца	78
X. Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ (съ карт.)	85
XI. Микула Селяниновичъ (съ карт.)	102
XII. Святогоръ	112
XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична	116
XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ (съ карт.)	121
XV. Илья Муромецъ и Идолище	127
XVI. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ	135
XVII. Илья Муромецъ и Калинь царь (съ карт.)	145
XVIII. Чурила Плёнковичъ (съ карт.)	164
XIX. Дюкъ Степановичъ	173
XX. Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ (съ карт.)	196
XXI. Михайло Потыкъ	209
XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ (съ карт.)	218
XXIII. Три поѣздки Ильи Муромца (съ карт.)	230
XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руси	239

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

I. Молодость Василя Буслаева (съ карт.)	245
II. Смерть Василя Буслаева	259
III. Садко дѣлается богатымъ гостемъ	267
IV. Садко въ Поддонномъ царствѣ (съ карт.)	274

БЫЛИНЫ МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ и ПЕТРОВСКІЯ.

	<i>Стр.</i>
I. Взятіе Казани Грознымъ царемъ	285
II. Оговоръ царевича передъ Грознымъ (съ карт.)	287
III. Ермакъ, покоритель Сибири	293
IV. Царевичъ Дмитрій и Борисъ Годуновъ	298
V. Гришка Отрепьевъ и Марина Мнишекъ	299
VI. Смерть Стеньки Разина	303
VII. Азовъ	305
VIII. Плачь войска по Петрѣ	307

БЫЛИНЫ БЕЗЫМЕННЫЯ.

I. О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ	311
II. Татарскій полонъ	315
III. О Горюшкѣ (съ карт.)	317
IV. „Ужь какъ палъ туманъ на синѣ море...“	319
Примѣчаніе къ былинамъ	III
Алфавитный указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и не- обычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ	XXXI
Отзывъ печати о „Книгѣ былинъ“	XLII

ВВЕДЕНИЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенецъ, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ нянюшкиныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенокъ, начинаетъ безъ-умолку лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связной рѣчи и музыкальныхъ звуковъ. Точно такъ же и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь къ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность—все свое фантастическое міросозерцаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественныхъ дѣятелей облечь въ замысловатый разсказъ, который, за отсутствіемъ или малою распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной поэзіи — безъ *рапсода* (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсень, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безыскусственнаго струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіе столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлкѣ: умѣлый рапсодъ твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ

довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно поглядывать по сторонамъ, — смѣтливый разсказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ сократить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣвающее скуку, при чемъ съ художническимъ чутьемъ наложить на всю картину, смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать то же впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неуклюжій стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняются другимъ выраженіемъ и стихомъ; если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благопріятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворятъ, наконецъ, и самого повѣствователя и его слушателей. Тѣмъ не менѣе *ядро* народнаго сказанія, т.-е. его основное содержаніе и наиболѣе удачные обороты, сохраняется вѣками: въ вариантахъ эпическихъ пѣсень, записанныхъ, напр., въ наше время въ Нижегородской губерніи, дословно повторяются цѣлыя фразы вариантовъ тѣхъ же пѣсень, записанныхъ 100 лѣтъ назадъ въ Сибири и 200 лѣтъ назадъ въ Москвѣ. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общою идеей, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало-по-малу, какъ бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной разсказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ народная эпопея есть опозитизированная *исторія* народа, разсказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—отдѣльныхъ рапсодій, носящихъ у насъ названіе *былинъ* (разсказъ о *быломѣ*), а также *старинъ* (разсказъ о *старинѣ*) или просто «пѣсень» *). Но по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей былины могутъ быть раздѣлены на нѣсколько главныхъ группъ, или

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былевого творчества стоитъ народное произведеніе XII вѣка—„Слово о Полку Игоревѣ“, которое, разсказанное устами современника, хотя и отличается задушевною непосредственностью, образностью и нѣкоторымъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основнаго условія пѣсни—болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго размѣра.

«цикловъ»: 1) древнѣйшій циклъ—о полумифическихъ герояхъ до - владимѣрской эпохи, такъ называемыхъ *старшихъ* богатыряхъ, 2) *киевскій*, или *владиміровъ*, циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *мошквовско-петровскій* и 5) *казацкій*.

Былины о «старшихъ» богатыряхъ, относительно происхожденія которыхъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей еще расходятся (см. прим. 3 въ концѣ книги), стоятъ по содержанію своему близко къ слѣдующему затѣмъ былевому кругу—о «младшихъ», владиміровыхъ богатыряхъ: одинъ изъ «старшихъ» богатырей, *Сухманъ*, даже прямо находится при князѣ Владиміръ; двое, *Святогоръ* и *Самсонъ*, попадаютъ (въ двухъ разныхъ былинахъ) киевскому богатырю Ильѣ Муромцу, который оказывается притомъ крестникомъ Самсона; двѣ дѣвочки четвертаго старшаго богатыря, *Микулы Селяниновича* (Василиса и Настасья Микуличны), состоятъ въ замужествѣ за двумя киевскими богатырями (Ставромъ Гоудиновичемъ и Добрынею Никитичемъ). Такимъ образомъ былины о «старшихъ» богатыряхъ если нѣсколько и предшествуютъ «владимірову» циклу, то находятся съ нимъ въ непосредственной связи какъ лицами, такъ и мѣстомъ дѣйствія (въ древней киевской Руси); поэтому онѣ могутъ быть разсматриваемы и какъ часть киевскаго эпоса.

Кругъ былинъ, относящихся собственно къ *киевскому* эпосу, изъ всѣхъ былевыхъ цикловъ наиболѣе обширенъ и замѣчательнъ. Всѣ былины этого круга имѣютъ своимъ предметомъ «князя-солнышка», «ласковаго Владиміра стольно-киевского». т.-е. *Владиміра Святого* (980—1014 гг.), съ его богатырскою дружиной. Князь-солнышко—центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система—богатыри и богатырицы, сверкающіе однако не только заимствуемымъ отъ центральнаго солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху мірозданія и небесные спутники нашего дневнаго свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская «гридня», подобно римскому форуму,—свѣтовой фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи ея: подъ звонъ «полуторанудовыхъ» чашъ, подъ звуки «яровчатыхъ» гуслей здѣсь сливки древне-киевского общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздъ, сватаются, интригуютъ, ссорятся, мирятся, замышляютъ богатырскіе вы-

ѣзды противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой «заставѣ».

Что Владиміръ Святій съ его богатырскою дружиной сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса, объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя «краснымъ солнышкомъ» разсѣявшаго лежавшій дотолѣ надъ Русью мракъ язычества и кочевой неурядицы, было дѣйствительно самою свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долголѣтняго гнета азіатскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ «князя-солнышка» долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ—Дмитрія Донскаго, Ермака—безсознательно приурочивались новѣйшими россіадами все къ тому же «солнечному» вѣку.

Былины *новгородскаго* круга воспѣваютъ героевъ Новгорода начала XII вѣка, т.-е. того именно цвѣтущаго періода его, когда онъ служилъ центромъ торговаго движенія сѣверной Руси. Герои эти уже не богатыри въ полномъ смыслѣ слова, ратоборствующие за отчизну, за вѣру, «за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей»; это, вѣрнѣе, *удальцы*, совершающіе подвиги не для блага другихъ, а просто ради удалства или для личной своей пользы. Но удалство ихъ все же развертывается такъ широко, описывается такъ своеобразно и ярко, что возсоздаетъ передъ нами живую картину древнаго Новгорода и возбуждаетъ въ насъ невольное сочувствіе къ самимъ удалцамъ. Удальцы эти двоякаго рода: вольница и купцы. Въ «славномъ Великомъ Новѣ-городѣ», кромѣ русскаго и иноземнаго купечества, совершенно естественно стекался также массаи всякій безпріютный людъ. Людъ этотъ, не имѣвшій иного достоянія, какъ развѣ свою кипучую молодость и беззавѣтную отвагу, помышлялъ лишь объ одномъ: гдѣ бы выказать свою удалъ и гдѣ бы пожить на чужой счетъ. Нуженъ былъ только ловкій человекъ, чтобы сплотить эту вольницу около себя въ непреоборимо-сильную дружину. И вотъ является такой ловкій человекъ—*Василій Буслаевъ*, который, кромѣ удали и тѣлесной силы, обладаетъ еще и другими цѣнными качествами: денежными средствами, именитымъ родствомъ и недюжиннымъ для того времени образованіемъ (умѣетъ читать, писать, пѣть по-церковному). Неудивительно, что ему съ его молодецкой дружиной удается сдѣлаться грозою цѣлаго Новгорода, а затѣмъ попасть и въ

народную пѣсню. Рядомъ съ героемъ вольницы однако выдвигается своего рода богатырь и изъ совершенно противоположнаго лагеря — изъ богатаго, степеннаго купечества. И Василій Буслаевъ воюеть уже не мечомъ или копьемъ, какъ доблестные богатыри кievскіе, а простонапросто дубиною (червлѣнымъ вязомъ) или осью телѣжною; *Садко* же, богатырь купеческій, борется хоть и не дубѣмъ, да рублемъ, выкупая весь Новгородъ. И у него, какъ у тѣхъ, своя богатырская дружина, но дружина эта—община торговая, необходимая ему, какъ охранная стража при его кочевомъ, небезопасномъ и полномъ приключеній образѣ жизни *торговаго юстя*. Былинъ о Василіи Буслаевѣ и Садеѣ-купцѣ записано нѣсколько десятковъ; но всѣ онѣ могутъ быть сведены къ 4 - мь отдѣльнымъ пѣснямъ: по двѣ на cadaго удалца. Кромѣ Василя Буслаева и Садки-купца, въ новгородскихъ былинахъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ еще только *юсть Терентьице*; но былина о послѣднемъ—шуточная и описываетъ случай изъ будничной жизни новгородскихъ купцовъ.

Въ числѣ былинъ изъ до-татарскаго періода, стоящихъ внѣ кievскаго и новгородскаго круговъ, можно упомянуть здѣсь развѣ только про былинку о *Суровцѣ-Суздальцѣ* (родомъ изъ *Суздаля*, торгуетъ же по *Сурожскому*, или Азовскому, морю); но былина эта, описывающая борьбу Суровца-Суздальца съ татарскимъ царемъ Кумбаломъ или Курбаномъ Курбановичемъ, въ литературномъ отношеніи не имѣетъ интереса.

Татарщина, обрушившаяся на Русь въ началѣ XIII вѣка, такимъ тяжелымъ гнетомъ легла на грудь русскаго народа, что надолго, на цѣлые вѣка, заглушила въ ней вольную пѣсню. Только изъ удѣльнаго періода дошло до насъ нѣсколько слабыхъ попытокъ въ эпическомъ родѣ. Но эти такъ называемыя *княжескія* пѣсни, по своей малочисленности и разрозненности, едва ли могутъ почитаться даже особымъ цикломъ, а по содержанию и складу своему настолько безцвѣтны, что не останавливаютъ вниманія.

Только съ середины XVI вѣка народное творчество нашло себѣ опять въ лицѣ *Ивана Васильевича Грознаго* (1533—1584 гг.) героя, стоящаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по уму и силѣ характера головою выше всѣхъ окружающихъ. Здѣсь описываемыя событія по большей части идутъ уже рядомъ съ историческими фактами, и потому былины этого круга, *московско-*

петровскія, какъ и примыкающія къ нимъ *казацкія*, могутъ быть названы также *историческими* пѣснями. Но пѣсни эти и по духу и по формѣ своей уже значительно разнятся отъ пѣсенъ древней Руси—киевскихъ и новгородскихъ. Тамъ, при могучихъ фантастическихъ образахъ, разсказъ течетъ величаво-спокойно, разливаясь нерѣдко весьма широко и какъ бы даже щеголяя частыми повтореніями. Въ московскихъ былинахъ эта основная черта эпической поэзіи почти отсутствуетъ; здѣсь общій характеръ—краткость изложенія, быстрота и драматизмъ дѣйствія, а затѣмъ и задушевная, элегическая нота, которая чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ звучитъ громче. Въ то же время все чаще попадаются *книжныя* выраженія, повторяющія языкъ московскихъ лѣтописей.

Послѣ Грознаго сила былевой пѣсни опять ослабѣваетъ. Наиболѣе выдающіяся личности, наиболѣе памятные моменты допетровской Руси, правда, находятъ еще отголосокъ въ пѣснѣ: помнятъся въ ней царевичъ *Димитрій Уличскій* и *Борисъ Годуновъ*, *Гришка Отрепѣевъ* и *Тушинскій воръ*, *Гришка Скопинъ*, *Василій Шуйскій* и *Прокопъ Ляпуновъ*, *Козьма Мининъ* и *князь Пожарскій*. Но истинно поэтической элементъ проявляется уже только урывками.

Съ воцареніемъ *Петра I* народное вдохновеніе какъ бы на время окрыляется. Энергическій, строгій образъ великаго преобразователя, какъ и нѣкоторыя частности изъ его государственной и семейной жизни, живо воскрешаетъ въ памяти народной незабытаго еще вполнѣ въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ Грознаго. Для прославленія взятія Азова оказывается уже готовый матеріалъ въ былинѣ о взятіи Казани; расправа со стрѣльцами напоминаетъ знакомую старую пѣсню о томъ, какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ «выводилъ измѣну изъ Москвы»; заключенная въ монастырь царица повторяетъ жалобу другой царственной схимницы; преданное войско плачетъ по умершемъ царѣ и тамъ, и здѣсь. Кромѣ указанныхъ темъ, «петровскія» пѣсни слагались и по поводу шведскихъ походовъ и волненія донцовъ, при чемъ дѣйствующими лицами являются *Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ*, князя *Долморуки*, *Семень Палій* и *Иванъ Краснощекоевъ*, донцы *Флоръ Миняевичъ*, *Сенька Маноцкій* и *Некрасоевъ*, *шведскій король*, *Мазена*, *Шмиппенбахъ* и *Левенауптъ*. Не говоря однако-жъ уже и о томъ, что о наиболѣе прославившихъ царствованіе Петра внутреннихъ ре-

формахъ народное творчество вполне умалчиваетъ (единственный намекъ на государственныя мѣропріятія Петра встрѣчается въ пѣснѣ о *Ладожскомъ каналѣ*), и въ излюбленныхъ этимъ творчествомъ темахъ полетъ его еще ниже, чѣмъ въ пѣсняхъ о Грозномъ. Тѣ изъ «петровскихъ» былинь, гдѣ преобладаетъ элементъ элегическій и лирическій, придающій имъ извѣстную образность и звучность, составляютъ уже переходъ къ народнымъ пѣснямъ семейнымъ и разгульнымъ; другія же, передающія въ болѣе или менѣе сухихъ, отрывочныхъ чертахъ голые факты, отзываются простыми реляціями.

Со смертью Петра умолкаетъ навсегда и настоящая былевая пѣсня. Солдатскія пѣсни, слагавшіяся еще послѣ того и въ царствованіе Екатерины II, и въ 1812 году, и въ наше время, имѣютъ съ былевою поэзіей одно только общее: что приурочиваются къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ; но лишены уже всякаго литературнаго значенія.

Параллельно съ былинами *московско-петровскаго* цикла возникали былины *казацкія*, воспѣвающія героевъ *казачества*: *Ермака*, *Стеньку Разина* и другихъ. Судьба этихъ героев и въ самыхъ былинахъ находится въ такой тѣсной зависимости отъ царей московскихъ, что былины о нихъ составляютъ только необходимое дополненіе къ общей картинѣ былевой Москвы. И здѣсь чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе плавно и спокойно течетъ стихотворный рассказъ, прерываемый личными изліяніями пѣвца. Богатыри-казаки, покорившіе царство Сибирское, -мельчаютъ и обращаются въ разгульныхъ бродягъ, въ разбойничковъ-«затюремщичковъ»; стройная былина переходитъ въ простую удалую пѣсню.

Кромѣ перечисленныхъ разрядовъ былинь, можно различить еще одинъ: разрядъ былинь *безыменныхъ*, или *молодецкихъ*. Сложенныя въ свое время объ опредѣленномъ лицѣ, былины эти, благодаря своему преимущественно пѣвучему складу и лирическому характеру, не успѣли еще разложиться въ побывальщину или прозаическую сказку, но съ теченіемъ времени утратили уже имя воспѣваемаго лица, и потому не могутъ быть прямо отнесены къ тому или другому былевому кругу. Онѣ служатъ какъ бы послѣднюю ступенью отъ настоящихъ былинь къ обыкновеннымъ народнымъ пѣснямъ.

Первымъ собирателемъ нашихъ народныхъ былинь былъ англичанинъ *Ричардъ Джемсъ*, въ рукопись котораго, начинаю-

щуюся съ 1619 года со «ста двадцать седьмого года осмой тысячи», вошли однѣ былины московскія. Только въ началѣ слѣдующаго XVII вѣка *Кириешю Даниловымъ* (вѣроятно, казакъ сибирскій) были записаны и наиболѣе извѣстныя былины кievскія и новгородскія, которыя такимъ образомъ по *рукописному* своему возрасту на сто лѣтъ моложе московскихъ. Въ печати же рукопись Кириши, подъ названіемъ «Древнія Россійскія Стихотворенія», появилась впервые всего въ 1804 году. Кромѣ этого изданія, до второй четверти настоящаго столѣтія, былины, именно московскія, печатались, также съ рукописей, только въ пѣсенникахъ Чулкова, Трутовскаго, Новикова, Соликова и др.; съ этого времени начинается прилежное записываніе былинь *съ устъ народа* нѣсколькими ревностными собирателями народной старины, преимущественно тремя: *П. В. Киртеевскимъ* (10 томовъ «Пѣсень», изд. съ 1860—1874 г.), *П. Н. Рыбниковымъ* (4 тома «Пѣсень», изд. съ 1861—1867 г.) и *А. Ф. Гильфердингомъ* (1 томъ «Онежскихъ былинь» въ 1336 стран. мелкой печати, изд. въ 1873 г.).

Однако и до послѣдняго времени для большинства нашего читающаго общества эти чисто-народныя произведенія оставались недоступными какъ потому, что они разсѣяны по множеству дорого-стоящихъ книгъ въ нѣсколькихъ десяткахъ вариантовъ, такъ и потому, что едва ли хотъ одинъ изъ записанныхъ вариантовъ, сколько бы онъ ни превосходилъ другіе варианты той же былины интересными подробностями или поэтическими красотами, можетъ произвести вполне цѣльное впечатлѣніе, имѣя всегда нѣсколько испорченныхъ стиховъ, явныя недомолвки или несогласныя съ требованіями современнаго изящнаго вкуса и нравственности выраженія и частности.

Первыя «попытки соединенія разныхъ вариантовъ былинь въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ» принадлежать графу Л. Н. Толстому, составившему сводъ 4-хъ былинь о «старшихъ» богатыряхъ (Вольгѣ, Микулѣ, Сухманѣ и Святогорѣ). Опытъ въ томъ же родѣ сдѣланъ былъ В. П. Острогорскимъ въ его былевомъ разказѣ «Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ».

Наша задача была—дать русскимъ читателямъ, и въ особенности русскому юношеству, возможность въ одной, не слишкомъ объемистой книгѣ, близко ознакомиться съ лучшими перлами русской народной эпической поэзіи. Съ этою цѣлью сли-

чивъ, по стихамъ, всѣ извѣстные варианты избранныхъ былинь, выбравъ лучшіе, по нашему мнѣнію, стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, затруднявшія плавное теченіе стиховъ, мы составили возможно полный сводъ каждой былины, при чемъ не пренебрегли, конечно, ни былинами съ полуразрушеннымъ стихомъ или такъ называемыми *побывальщинами*, ни прозаическими *богатырскими сказками*, представляющими только послѣднюю стадію разложенія былинь. Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, мы въ отношеніи кievскихъ былинь, представляющихъ какъ бы разрозненные части цѣлой народной эпопеи, позволили себѣ, для большей занимательности разсказа, послѣдовать примѣру нѣмца Зимрока и финляндца Ленрота, которые, въ новѣйшее время, разрозненные отрывки древне-германской «Пѣсни объ Амелунгахъ» и финской «Калевалы» сгруппировали въ связныя поэмы: не касаясь существа былинь, мы связали ихъ въ возможно-послѣдовательную хроніку, стоявшія же отдѣльно отъ владимірова круга былины о «старшихъ» богатыряхъ вложили въ уста славнаго «загусельщика» — Добрыни Никитича, какъ то часто встрѣчается и въ другихъ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ.

Имѣвшійся у насъ въ распоряженіи матеріаль для свода избранныхъ былинь прочихъ былевыхъ цикловъ по *количеству* хотя еще богаче матеріала, послужившаго намъ для возстановленія древне-кievской эпопеи, но по *качеству* своему онъ значительно уступаетъ послѣднему, почему, при строгомъ выборѣ, всѣ остальные разряды былинь дали въ общей сложности едва третью часть того, что далъ одинъ древне-кievской эпосъ. Сводъ былинь о новгородскихъ удалцахъ приведенъ нами вполнѣ *). Зато изъ слѣдующихъ разрядовъ: московскаго, петровскаго и казацкаго, а также изъ былинь безыменныхъ, мы выбрали только такіе образцы, которые имѣютъ дѣйствительное литературное достоинство и притомъ, разумѣется, по содержанію своему вообще соотвѣтствуютъ настоящему изданію, предназначенному для большинства читающаго общества, въ томъ числѣ и для юношества. Въ виду той связи, которая существуетъ

---

*) Шуточная новгородская былина о *гостѣ Терентьишѣ*, удобная только для спеціального изданія, помѣщена нами въ „Исторической Библіотекѣ“ 1878 года, № 3.

между героями казачества съ царями московскими, мы сочли нужнымъ былины казакія помѣстить хронологически среди былинъ московскихъ, вслѣдъ за которыми расположили былины петровскія, какъ составляющія прямое ихъ продолженіе.

Что касается былевыхъ анахронизмовъ, то мелкіе позднѣйшіе наросты (какъ -то: огнестрѣльное оружіе въ древнемъ Кіевѣ, подзорныя трубки, постоянный эпитетъ Ильи Муромца «казакъ» и т. п.) нами, по возможности, устранены; крупныхъ, органически сросшихся со всѣмъ былевымъ эпосомъ (какъ, напр., валовое наименованіе всѣхъ внѣшнихъ враговъ кіевлянъ «татаровьями») мы не считали себя въ правѣ тронуть, чтобы ненарокомъ не посягнуть на самобытное ядро рассказа. Значеніе важнѣйшихъ изъ такихъ анахронизмовъ, какъ и вообще всѣхъ встрѣчающихся въ былинахъ фактовъ, личностей и предметовъ, требующихъ поясненія, указано въ приложенныхъ въ концѣ книги *Примѣчаніяхъ*, гдѣ помѣщены нами и нѣкоторыя, заслуживающіе вниманія, варианты былевыхъ стиховъ. Для сохраненія самобытнаго характера былинъ мы равнымъ образомъ удержали значительное число вышедшихъ уже изъ употребленія или малоизвѣстныхъ народныхъ словъ, *Алфавитный указатель* которымъ также приложенъ.

Относительно стихосложенія былинъ находимъ неизлишнимъ объяснить слѣдующее:

Первоначальный размѣръ большей части былинъ—правильный хорейскій: 4, 5 или 6 хореевъ, изъ которыхъ послѣдній, чрезъ прибавленіе короткаго слога, обращенъ въ дактиль; напр.:

„Въ стольномъ | было | горо | дѣ во | Кіевѣ“.

Этотъ размѣръ, соблюдаемый лучшими рапсодами довольно строго, принятъ нами въ большей части былинъ. Рѣдкія отступленія допущены нами только въ тѣхъ случаяхъ, когда и у рапсодовъ, для большей выразительности, послѣдняя стопа растянута еще на одинъ лишній слогъ, на которомъ слышится полуудареніе, какъ въ слѣдующемъ ироническомъ возгласѣ богатыри Настасьи Микуличны:

„Я-то думала, комарики ^{покусы}вають,
Анъ то русскіе богатыри ^{пощелки}вають.“

Изъ сколькихъ бы стопъ ни состоялъ хорейскій стихъ, привычный слухъ различаетъ всегда ни болѣе, ни менѣе какъ

три ударенія, изъ которыхъ послѣднее упадаетъ на длинный слогъ послѣдней стопы:

„Въ стóльномъ было гóродѣ во Киеви
Да у ласковаго князя у Владѣмѣра
Было пированьице почестень пирь
На многихъ князей, на бояровъ“.

(Или:

„На многихъ князей, на бояровъ“.)

Особенно важно имѣть въ виду это правило при чтеніи такихъ стиховъ, гдѣ конецъ послѣдней стопы составляетъ отдѣльное слово, имѣющее въ прозаической рѣчи свое особое удареніе, противоположное стихотворному; напр., должно читать «во чистóмъ полѣ», «ни однóй птѣчки», а не «во чѣстомъ полѣ», «ни однóй птѣчки». Чтобы при выговариваніи словъ, требующихъ необычнаго ударенія, не встрѣчалось недоразумѣнія, нами надъ подлежащими слогами поставленъ знакъ ударенія.

У большей части народныхъ пѣвцовъ, впрочемъ, правильный хорейскій размѣръ утратился: неизмѣннымъ остается только условіе, чтобы въ стихѣ были *три* ударенія; изъ слоговъ же, неимѣющихъ ударенія, можетъ быть выпущено, по надобности, сколько угодно, лишь бы между двумя слогами съ удареніемъ оставался одинъ безъ ударенія. Такъ образовался особый размѣръ, полухорейскій, полудактилическій *) (хорошо извѣстный всякому читателю по знаменитой лермонтовской «Лѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», очевидно, навѣянной на чуткаго поэта «Древними Стихотвореніями» Кирши Данилова):

„Закатилось красное солнышко,
Закатилось за гóрушки высокія,
За моря глубокія, широкія,
Разсаждались часты звѣзды по свѣтлѣу небу“.

Нерѣдко первое удареніе въ стихѣ бываетъ и не на третьемъ слогѣ, а на второмъ или первомъ:

„Дружина моя добрая, хорóбрая,
Тридцать мóлодцевъ безъ едѣнаго!“

*) Подъ *дактилемъ* (—) мы разумѣемъ здѣсь вообще стопу изъ одного длиннаго и двухъ короткихъ слоговъ, такъ какъ и *амфибрагій* (—), и *анакестъ* (—) обращаются въ дактиль, если въ началѣ стиха выпустить одинъ или два слога.

Точно такъ же къ концу стиха нерѣдко прибавляются лишніе слоги, изъ которыхъ въ такомъ случаѣ послѣдній получаетъ нѣкоторое удареніе, сообщающее стиху особенную размашистую упругость:

„Я какъ ржи напашу да въ скірды сложу,
Въ скірды сложу, съ поля выволочу,
Съ поля выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру да пива накурю,
Пива накурю да гостей наберу.—
Стануть гости пить, стануть кѹшати,
Стануть здравствовать меня да похвалявати:
— Ай ты здравствуешь, Микѹла Селяниновичъ?“

Только въ 6-мъ и въ 8-мъ стихахъ сохранено здѣсь обыкновенное дактилическое окончаніе (—). Такимъ полухореическимъ, полудактилическимъ размѣромъ изложены у насъ всего пять былинъ кіевскихъ, а именно: три о «старшихъ» богатыряхъ (№№ 1, 11 и 12) и первая и послѣдняя объ Ильѣ Муромцѣ (№№ 9 и 23). Не говоря уже о томъ, что возстановить въ этихъ былинахъ, безъ ущерба для ихъ содержанія, правильный хореическій стихъ, которымъ онѣ вѣроятно также были нѣкогда сложены, представлялось бы очень затруднительнымъ, такъ какъ не имѣется налицо ни одного варианта ихъ такого стихосложенія, — по нашему мнѣнію, неровный, своевольный хореически-дактилическій размѣръ даже соотвѣтствуетъ какъ стихійному характеру старшихъ богатырей и появляющихся въ первой былинѣ объ Ильѣ каликъ переходящихъ, такъ и нетвердымъ шагамъ муромскаго героя, сейчасъ послѣ исцѣленія его отъ тридцатилѣтняго паралича и при закатѣ его дней, когда онъ по-старчески при всякомъ случаѣ сѣдой головой покачивается.

Третій размѣръ, весьма схожій съ предыдущимъ, отличается отъ него только обиліемъ во многихъ стихахъ дактилическихъ стопъ:

„Высота ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океань-море!“

Или:

„Здравствуешь, солнышко Владѣмиръ князь
Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Пленковича.“

Благодаря дактилямъ, стихъ дѣлается игривымъ, какъ бы рѣзво скачущимъ. Этимъ размѣромъ поются всѣми рапсодами и

изложены и у насъ двѣ веселыя былины объ удалыхъ молодцахъ кievскихъ: Соловьѣ Будиміровичѣ (№ 8) и Чурилѣ Плѣнковичѣ (№ 18). Къ этому же размѣру приближается и былина московская о Гришкѣ Отрепьевѣ (№ 5).

Былины лирическаго характера принимаютъ любимый размѣръ обыкновенныхъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ вслѣдствіе двойного соединенія дактиля съ анапестомъ въ стихѣ остается всего два ударенія (— — — — | — — — —), и стихъ пріобрѣтаетъ особенную пѣвучесть:

„Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ морѣ“.

Этимъ складомъ (съ неизбежными въ народной пѣснѣ отступленіями) поются четыре изъ приведенныхъ въ настоящемъ сборникѣ былинъ: былина о «царевичѣ Димитріѣ и Борисѣ Годуновѣ», послѣдняя петровская («Плачь войска») и двѣ безыменныя: «Татарскій полонъ» и «Ужъ какъ палъ туманъ».

Съ замѣною второй половины двойного стиха дактилемъ стихъ укорачивается еще на два слога (— — — — | — —) и даетъ столь же звучный, довольно рѣдкій размѣръ, которымъ изложена у насъ одна былина («О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ»):

„Отломилася вѣточка
Отъ кудряваго дѣревца“.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ стихосложеніи, рѣзко отличающемся отъ обыкновеннаго былеваго стиха амфибрахическимъ окончаніемъ (— —), вмѣсто дактилическаго (— — —):

„Подымалась полтавская баталья“.

Образцы этого размѣра, свойственнаго главнѣйше «солдатскимъ» пѣснямъ, можно видѣть въ прим. 132.

Что касается прибаутокъ къ былинамъ, этихъ вызывающихъ ритурнелей въ началѣ или концѣ ихъ, то, не стѣсняясь размѣромъ самой былины, онѣ или принимаютъ лихой дактилическій складъ:

„Нашему хозяйну честь бы была!“

или раскидываются широкимъ хорейскимъ стихомъ, съ хорейскимъ же окончаніемъ:

„Охъ, вы, роци, роци зеленыя! липушки цвѣтныя!“

или коротко обрываются:

„Здунай-най-най?
Болъ пѣть впередъ не знай“.

Гомеровскія пѣсни въ древней Греціи пѣлись, какъ извѣстно, речитативомъ. Напѣвы нашихъ народныхъ рапсодовъ также очень просты и не ушли далеко отъ речитатива. У каждаго пѣвца для десятковъ былинь одинъ, два, много три разныхъ напѣва; но ускореніемъ или замедленіемъ пѣнія, возвышеніемъ или пониженіемъ голоса чрезвычайно разнообразится напѣвъ, такъ что тотъ же немногосложный мотивъ на нѣсколькихъ нотахъ въ одной былинѣ звучитъ грозно-торжественно, въ другой—протяжно-уныло, въ третьей—весело-игриво. «Въ Ставрѣ», какъ выразился пѣвецъ Рябининъ, «надо пѣть толще, а въ Потыкѣ—тоньше».

Какое впечатлѣніе производитъ это пѣніе въ безыскусственной сельской обстановкѣ на всякаго свѣжаго человѣка, лучше всего можно видѣть изъ описанія г. Рыбникова предпринятой имъ въ маѣ 1860 года поѣздки въ Заонежьѣ, гдѣ ему въ первый разъ удалось услышать настоящаго *сказителя*, какъ называютъ себя тамошніе рапсоды. Приводимъ здѣсь описаніе это собственными словами собирателя:

«Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣнные вѣтры совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсѣяно множество мелей и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы (лодки) понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорскій приходъ. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ «баженнымъ» (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся «стрѣтный» вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-Навролку—пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска. На островѣ стоитъ закопченная «фатера»—домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и «фатера» народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была че-

резчуръ смраднa и грязна, и хотъ было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ. Меня разбудили странные звуки: до того много я слыхивалъ и пѣсенъ, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхалъ. Живою, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльные слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидятъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатыи старикъ съ окладистою, бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ-купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ разспрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Серѣдки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буслаевича, про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варианты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Впрочемъ, на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впослѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варианты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтія на Шуй-Наволокъ».

Хотя былины поются въ настоящее время и «каликами», пѣвцами по ремеслу, специальность которыхъ—«духовные» стихи, но настоящими носителями и рачителями народнаго эпоса являются «скавители», не промышляющіе своимъ пѣніемъ, а за-

нимающіеся имъ, какъ истинные художники, изъ любви къ искусству. Они обыкновенно—зажиточные крестьяне: по мѣткому замѣчанію другого собирателя былинъ, Гильфердинга, «былины, повидимому, укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни». Лучшимъ изъ живущихъ сказителей почитается вышеупомянутый старикъ-крестьянинъ деревни Середки, Кижской волости, Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Трофимъ Григорьевичъ *Рябининъ* (портретъ котораго прилагается къ нашей книгѣ) — ученикъ двухъ извѣстнѣйшихъ олонецкихъ пѣвцовъ начала нынѣшняго столѣтія: Ильи Елустафьева и дяди Рябинина—Игнатія Андреевыхъ. Кромѣ крестьянъ, хорошіе расподы встрѣчаются и между нѣкоторыми переходими и ремесленниками, именно между занимающимися портнымъ и сапожнымъ мастерствами. Замѣчательно однако, что самая незначительная часть пѣвцовъ грамотна: какъ слѣпой, прозрѣвъ, теряетъ прежнюю тонкость осязанія, такъ и человекъ грамотный не въ состояніи уже удержатъ въ памяти пространныхъ стихотворныхъ расподій въ нѣсколько сотъ стиховъ.

Первымъ гонителемъ свободнаго народнаго творчества было варварство, вторымъ—цивилизация. Былевая пѣсня наша, пѣвшаяся когда-то «загусельщиками» и «каликами переходими», вездѣ, гдѣ она слушалась охотно: и на княжескихъ пирахъ, и на семейныхъ торжествахъ горожанъ и крестьянъ, и всенародно—на рынкахъ и базарахъ, съ татарскимъ погромомъ по неволѣ смолкла на мѣстѣ своего зарожденія и искала спасенія въ дали, на сѣверѣ и на востокѣ, гдѣ ей можно было еще вольно раздаваться. Но на смѣну татарамъ явились тутъ просвѣщеніе и грамотность и, съ каждымъ шагомъ впередъ, оттѣсняли стародавнюю пѣсню все далѣе. Лучшіе образцы историческихъ былевыхъ пѣсенъ сохранились до насъ благодаря лишь тому счастливому обстоятельству, что были записаны благовременно, за сотни лѣтъ назадъ. Былины же древне-кѣвскія и древне-новгородскія должны были быть отыскиваемы новѣйшими собирателями на отдаленнѣйшихъ окраинахъ, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской и сибирскихъ, въ селеніяхъ, лежащихъ среди лѣсовъ и болотъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, отъ торговой и заводской дѣятельности, преимущественно между раскольниками, крѣпко держащимися старины. Но и тамъ на-

чинаеть понемногу вымирать поколѣніе истыхъ пѣвцовъ. Какъ слышалъ г. Рыбниковъ въ Пудожѣ отъ старожиловъ, еще не такъ давно, въ началѣ настоящаго столѣтія, у мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій собирались вечеринки «съ сказителями»; но теперь сказители «вышли изъ моды» и находятъ себѣ внимательныхъ слушателей только въ деревняхъ. Даже на сельской Шунтской ярмаркѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, калики, распѣвавшіе на погостѣ, кромѣ духовныхъ стиховъ, и былевые пѣсни, исчезли съ 50-хъ годовъ, но не столько вслѣдствіе равнодушія слушателей, сколько «ради порядка», по настоянію земской полиціи. Этотъ простонародный «продуктъ» постигла общая участь всякаго мало требуемаго товара: съ уменьшеніемъ спроса, уменьшилось и его производство: лучшіе пѣвцы—старики съ семью-восемью десятками за плечами; молодое поколѣніе, зараженное промышленнымъ духомъ новаго времени, слушаетъ ихъ пѣсню однимъ ухомъ и перенимаетъ ее туго. Недалеко то время, когда передъ пронзительнымъ свистомъ локомотива и фабрикъ окончательно замолкнетъ задушевная пѣсня о сѣдой старинѣ.

Тѣмъ болѣе значеніе поэтому пріобрѣтаютъ записанные нашими почтенными собирателями еще «съ голоса» послѣднихъ пѣвцовъ обрывки русскаго народнаго эпоса. Поэтому же, надѣмся, будетъ не излишенъ и настоящій, возможно-полный, систематическій сводъ лучшихъ изъ этихъ обрывковъ, своего рода антологія нашей народной эпической поэзіи.

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ.

Добрыня Никитичъ.

Илья Муромецъ.

Алеша Поповичъ.

„БОГАТЫРИ“, съ картины В. М. Васнецова.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Вольга Всеславъевичъ.

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пѣва было:
Самъ бы испиль да и намъ бы поднёсь.
Станемъ мы, ребята, сказывати,
А вы, люди добрые, послушайте,
Что про старое время, про доселѣшнее.
Изъ-за лѣсу было изъ-за темнаго,
Изъ-подъ чуднаго креста съ-подъ Леванидова, ⁽¹⁾
Изъ-подъ бѣлаго горюча камня Латыря—⁽²⁾
Тутъ повышла, повышла, повѣбѣжала,
Выбѣгала-вылегала матка Волга-рѣка,
Мѣстомъ шла она ровно три тысячи версть,
А и много же въ себя она рѣкъ побрала,
Да побольше того вѣдь ручьевъ пожрала,
Широкѣ-далекѣ подъ Казань прошла,
Шире, далѣй того да подъ Астрахань;
Здѣсь пускала устьѣ ровно семьдесятъ версть,
Выпадала во морюшко Хвалынское.
Да все это, братцы, не старинушка,
Все-то это, братцы, прибауточка,
А теперь старинамъ у насъ зачѣнъ пойдеть.

* *
*

Какъ не красно солнце въ небѣ разгоралосѣ—
Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У Владиміра у князя солнышка

Заводилось пированьице—почёстенъ пирь,
 Собирались всѣ князья да бояре,
 Русскіе могучіе богатыри, (3)
 Да и поленицы ли удалыя. (4)
 А живеть во городѣ во Кіевѣ
 У своей любезной рѣдной матушки,
 У честной вдовы Аѳимьи Александровны,
 Добрый мѣлодецъ, боярскій сынъ,
 Что по имени Добрынюшка Никитичъ младъ. (5)
 Какъ садила его матушка за грамоту,
 Какъ учила уму-разуму да вѣжеству,
 Какъ возрѣстила до полнаго до возраста,—
 Сталь Добрынюшка въ чистѣ поле поѣзживать,
 На почёстенъ пирь къ Владиміру похаживать,
 На пиру да во гусѣлышки поигрывать.

А и будетъ день во половинѣ дня,
 Княженецкій столъ да во полу-столъ,
 За столомъ всѣ пьяны-веселы,
 Самъ Владиміръ свѣтель-радошень,—
 Во столовую во гридню княженецкую
 Входитъ тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Крестъ кладеть да по писаному,
 И поклонъ ведеть да по учёному,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны.
 Солнышку Владиміру въ особину.
 Проводили мѣлодца тутъ во большѣй уголь,
 Во большѣй уголь, во мѣсто бѣльшее,
 За столы садили за дубовые,
 За тѣ явства за сахѣрныя,
 За тѣ питья за медвяныя.

Не золотая трубочка вострубила,
 Не серебряна саповочка возыграла—
 Воспрогворилъ самъ батюшка Владиміръ князь,
 Воскричалъ да громкимъ голосомъ:

„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрныя!
 Наливайте-ка вы чару зеленѣ вина,
 Наливайте чару пива пьянаго,
 Наливайте чару меду сладкаго,
 Слейте всѣ три чары во единую,
 Подносите чару добру мѣлодцу,

Молоду Добрынюшкѣ Никитичу“.

Слушались князя слуги вѣрные,
 Наливали чару зеленѣ вина,
 Наливали чару пива пьянаго,
 Наливали чару меду сладкаго,
 Слили всѣ три чары во единую:
 Стала мѣрой чара въ полтора ведра,
 Стала вѣсомъ чара въ полтора пуда;
 Подносили молоду Добрынюшкѣ.
 Принималъ ее Добрыня единой рукою,
 Выпивалъ ее Никитичъ единымъ духомъ,
 Самъ Владиміра на томъ поздравствовалъ.

И спрѣговорить Владиміръ стольно-кїевскїй:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 А бери-ка ты гусѣлышки ярѣвчаты,
 Поподѣрни-ка во струнки золочѣнья
 По уныльному сыграй намъ, по умильному,
 Во другой сыграй да по веселому“.

Какъ беретъ Добрыня во бѣлыя руки
 Тѣ звончатя гусѣлышки ярѣвчаты,
 Поподѣрнетъ да во струнки золочѣнья,
 Заиграетъ стихъ Еврейскїй по уныльному,
 По уныльному да по умильному,—
 Во пиру всѣ призадумались,
 Призадумались да позаслушались.
 Заигралъ Добрыня по веселому,
 Игрище завелъ отъ Ерусѣлима,
 Игрище другое отъ Царя-града,
 Третіе отъ стольна града Кїева—
 Во пиру привелъ всѣхъ на весельице.
 Какъ Владиміру игра та показалася,
 Говорить Владиміръ стольно-кїевскїй:

„Ай же ты, лихой игрокъ Добрынюшка!
 Распотѣшь-ка мнѣ еще князей да бояровъ,
 Звесели могучіихъ богатырей:
 Заведи старинку стародавнюю
 Про того про старшаго богатыря,
 Про удалаго Вольгѹ Всеславьича“.⁽⁶⁾

Какъ повелъ опять Добрыня по гусѣлышкамъ,
 Заигралъ напѣвки святорусскія,

Заводилъ старинку стародавнюю
Про удалаго Вольгѹ Всеславъевича:

* *
*

„Закатилось красное солнышко,
Закатилось за горушки высокія,
За моря глубокія, широкія,
Разсаждались часты звѣзды по свѣтлѹ небу—
Нарождался на матушкѣ святой Руси
Молодой богатырь Вольга Всеславъевичъ.
Только будетъ Вольгѣ полтора часа,
Говоритъ Вольга, будто громъ гремитъ:
„—А и гоѣ еси, сударыня матушка,
Молодая Марѣа Всеславъевна!
Ты не пеленай во пелену червчатую,
Не поясай въ поясы шелковыя—
Пеленай меня, сударыня матушка,
Въ крѣпкія латы булатныя,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
Въ праву руку—палицу свинцовую,
Чтобы вѣсомъ была палица въ триста пудъ.—
„Росъ-подросъ Вольга до пяти годковъ,
Какъ пошѣлъ Вольга по сырѣй землѣ—
Мать-сырѣя земля всколыбалася,
По темнымъ лѣсамъ звѣри разбѣжались,
По подоблачью птицы разлетались,
По синю морю рыбы разметались.
И пошѣлъ Вольга Всеславъевичъ
Обучаться всякимъ хитростямъ-мудростямъ:
Обучался первой хитрости-мудрости—
Обертываться яснымъ соколомъ;
Обучался другой хитрости-мудрости—
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Обучался третьей хитрости-мудрости—
Обертываться туромъ—золотые рога.
Да задѣлся отъ семи годовъ,
Обучался до двѣнадцати.
Сталъ дружину себѣ набирать Вольга,
Дружинушку добрую, хоробрую,

Набиралъ дружину три года:
 Самому Вольгѣ пятнадцать лѣтъ,
 И всей его дружинѣ по пятнадцати.
 Тридцать мѡлодцевъ набралъ безъ единаго,
 Становился самъ тридцатымъ.

„И възгѡворить Вольгѡ таковы слова:

„—Дружина моя добрая, хорѡбрая.
 Тридцать мѡлодцевъ безъ единаго!
 Слушайте-ка братца бѡльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Отъ моей отъ славы богатырскія
 Звѣри ушли во темны лѣса,
 Птицы ушли подъ ѡблака,
 Рыбы ушли во синѣ море,
 Во синѣ море, въ глубокой станы:
 Вейте-ка тенѣта шелковья,
 Становите-ка ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, по сырой землѣ,
 И ловите въ нихъ и куницъ и лисицъ,
 Всякихъ дикихъ звѣрей и черныхъ собoley.—

„Они слушали братца бѡльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Вили тенета шелковья,
 Становили ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, по сырой землѣ,
 Ловили три дня и три ночи—
 Не могли добыть ни одного звѣрка.
 Обернулся Вольгѡ лютымъ звѣремъ,
 Поскачилъ въ темный лѣсъ, по сырой землѣ,
 Загонялъ въ тенета куницъ и лисицъ,
 Всякихъ дикихъ звѣрей и черныхъ собoley;
 Ни медвѣдю, ни волку спуску нѣтъ;
 Да и мелкимъ звѣрюшкомъ не брѣзгиваль:
 Забиралъ поскакучихъ заюшекъ,
 Бралъ и малыхъ горностаюшекъ.
 И поиль-кормиль онъ дружинишку,
 Обуваль-одѣваль добрыхъ мѡлодцевъ,
 И носили они шубы соболиныя,
 Перемѣнныя шубы-то—барсовыя.

„И възгѡворить Вольгѡ таковы слова:

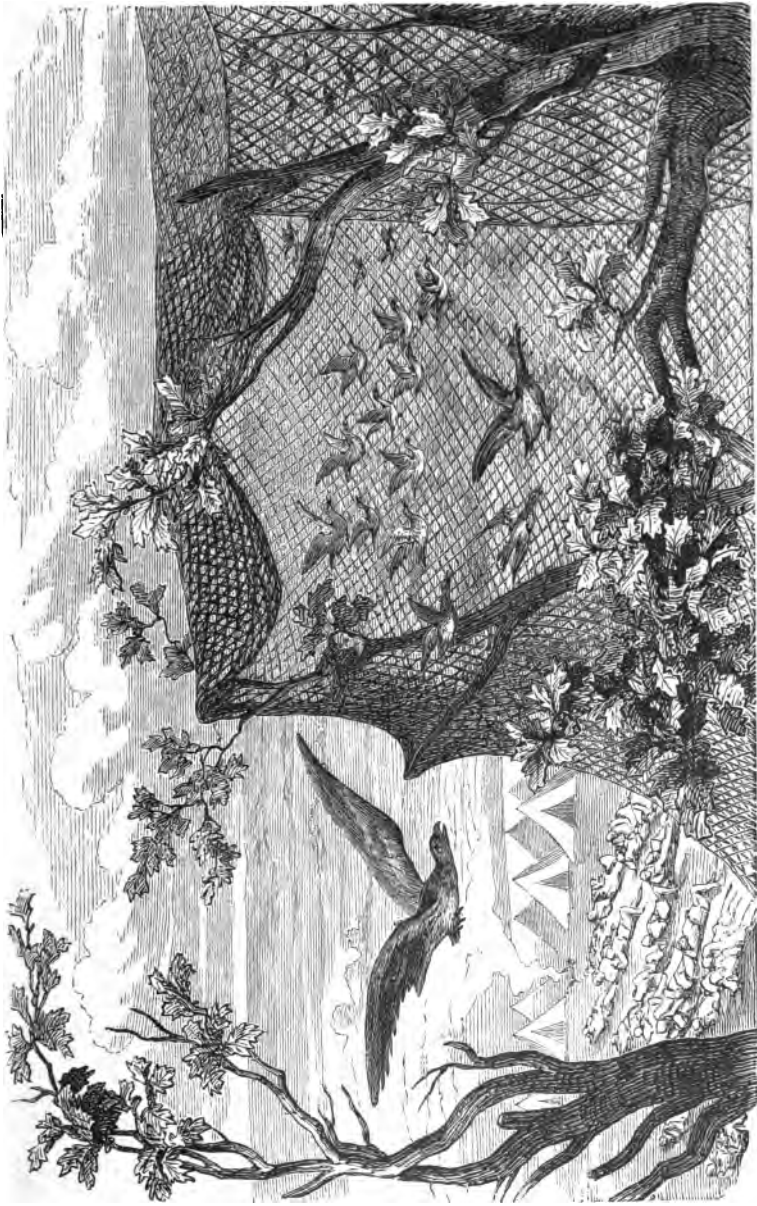
„—Дружинушка моя добрая, хоробрая!
 Слушайте-ка брата бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Звѣри въ лѣсахъ всѣ помыловлены;
 Вейте-ка сѣти шелковья,
 Становите-ка ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, на самый верхъ,
 И ловите въ нихъ гусей-лебедей,
 Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.—

„Они слушали брата бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Вили сѣточки шелковья,
 Становили ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, на самый верхъ,
 Ловили три дня и три ночи—
 Не могли добыть ни одной птички.
 Обернулся Вольга яснымъ соколомъ,
 Полетѣлъ Вольга по подоблачью,
 Заворачивалъ въ сѣти гусей-лебедей,
 Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.
 И поилъ-кормилъ онъ дружинушку,
 Всѣ-то явства у него отборныя,
 Перемѣнныя явства—сахарныя.

„И возворитъ Вольга таковыя слова:

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
 Слушайте-ка брата бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Звѣри-птицы въ лѣсахъ всѣ помыловлены;
 Вы берегите-ка топоры дроворубныя,
 Стройте-ка суденышко дубовое,
 Ладыте-ка тоневя шелковыя,
 Поплавочки кладите чиста золота,
 Выѣжайте на синѣ море,
 И ловите рыбу-сѣмжину, бѣлужину,
 Дорогую рыбу осетринку,
 Да и щученьку, малую плотиченьку.—

„Они слушали брата бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Брали топоры дроворубныя,
 Строили суденышко дубовое,

Оберудя Волыга яснымъ соколомъ,
Полетѣтъ Волыга по подобачью,

Заворачивалъ въ сѣти гусей-лебедей,
Сърыхъ утокъ и малыхъ игашечекъ.

Ладили тоневя шелковные,
 Выѣзжали на синё море,
 Ловили три дня и три ночи—
 Не могли добыть ни одной рыбки.
 Обернулся Вольга рыбой-щучиной,
 Опустился Вольга во синё море,
 Изъ глубокихъ станѡвъ рыбъ повыпугаль,
 Заворачиваль рыбу-сёмжинку, бѣлужинку,
 Дорогую рыбку осётринку,
 Браль и щученьку, малую плотиченьку...

„Какъ прошла тутъ слава великая
 Ко стольному граду Кіеву,
 Что индейскій царь (?) снаряжается,
 Стольный Кіевъ градъ взять похваляется,
 Божьи церкви разорить, на дымъ пустить.

„И возгѡворить Вольга таковы слова:

„—Дружина моя добрая, хорѡбрая!
 А и есть ли удалый добрый мѡлодецъ,
 Чтѡ сходилъ бы во царство индейское,
 Про царя Салтыка Ставрुльевича
 Да про думу его тайную провѣдати,
 Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
 Таго мѡлодца я буду жаловать
 За его за услугу великую.—

„Тутъ всѣ мѡлодцы добрые, хорѡбрые—
 Большой туляется за средняго,
 Средній туляется за мѣньшаго,
 А отъ мѣньшаго и отвѣту нѣтъ.
 Какъ бы листь со травой пристилается,
 Вся дружина его приклоняется:

„—Ужъ какого ли удала добра мѡлодца
 Нѣтъ опричь тебя, Вольги Всеславича!—

„—Такъ ужъ видно жъ Вольгѣ самому пойти!—

„Обернулся туромъ—золотые рога,
 Первый скокъ за цѣлу версту скочиль,
 А другой-то скокъ не могли найти.
 Добѣжалъ до царства индейскаго,
 Обернулся малой птицей-пташицей,
 Садился на царское окопечко,
 И слушалъ рѣчи тайныя.

„Говорить царь Салтыкъ Ставрुльевичъ
Со своею царицею Азвяковной:

„—Ай же ты, жена возлюбленная,
Молодая царица Азвяковна!
Знаешь ли мою царскую выдумку?—

„Говорить царица Азвяковна:

„—Ай же царь Салтыкъ Ставрुльевичъ:
Какъ мнѣ знать твою царскую выдумку?—

„Говорить царь Салтыкъ Ставрुльевичъ:

„—Я задумалъ ѣхать на святую Русь,
Завоюю девять городовъ на Руси,
Подарю города девяти сынамъ,
Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ,
А тебѣ, царица Азвяковна,
Подарю дорогую шубоньку.—

„Говорить царица Азвяковна:

„—Ночью спалось—во снѣ мнѣ видѣлось:
Съ-подъ восточной съ-подъ сторонушки
Налетѣла мала птица-пташица,
А съ-подъ западной съ-подъ сторонушки
Налетѣла птица черной воронъ;
Во чистомъ полѣ онѣ слеталися,
Межъ собою бились подиралися;
Малая-то птица-пташица
Черна ворона повѣклевала,
По перышку его повѣщипала,
На вѣтеръ всего повѣпустила.
Малая птица-пташица—

Молодой богатырь Вольга Всеславъевичъ,
Черный воронъ царь—Салтыкъ Ставрुльевичъ.—

„Какъ тѣ рѣчи царю не слюбилися:

Какъ ударить онѣ царицу по бѣлѣ лицу,
Повернется—и въ другой-то разъ,
Кинетъ царицу о кирпичать полъ,
Кинетъ ее и въ другой-то разъ:

„—А поѣду же я на святую Русь,

Завоюю девять городовъ на Руси,
Подарю города девяти сынамъ,
Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ!—

„Воспрѣговорить Вольга Всеславъевичъ:

„—Ай ты, царь Салтыкъ Ставрुльевичъ!
Не бывать тебѣ на святой Руси,
Не владѣть тебѣ градомъ Кіевомъ!—

„Обернулся Вольга сѣрымъ волкомъ,
Поскочилъ Вольга на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней всѣхъ поперебралъ
Глотки у всѣхъ поперебралъ;
Обернулся малымъ горностающкой,
Побѣжалъ по подваламъ, по погрѣбамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У калѣныхъ стрѣлъ желѣзца повѣнималъ,
Сабли острья повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Обернулся тогда яснымъ соколомъ,
Высоко взвился по подоблачью,
Полетѣлъ далече во чисто поле,
Ко дружинущкѣ доброй, хороброй,
Разбудилъ удалыхъ добрыхъ мѣлодцевъ:

„—Гой, дружина моя добрая, хоробрая!
Не время теперь спать, порѣ вставать!
Мы пойдемте-ка къ царству индейскому!—

„И пошли они къ царству индейскому,
Подошли къ стѣнѣ бѣлокаменной;
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Ворѣты въ стѣнѣ желѣзныя,
Крюки-засовы всѣ мѣдныя,
Стоять караулы денны-нощны,
Стоить подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мудрѣныя вырѣзы вырѣзаны,
А и только въ вырѣзъ мурашу пройти.
Закручинились мѣлодцы, запечалились:

„—Потерять, знать, даромъ буйны головы!
А и какъ намъ будетъ стѣну пройти?—

„Молодой Вольга догадливъ былъ:
Самъ себя обернулъ мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ мѣлодцевъ мурашками—
Прошли они стѣну бѣлокаменну,
На ту сторону, въ царство индейское,
Обернулъ опять добрыми мѣлодцами
Со всею со сбруею ратною,

Говорить имъ самъ, приказъ даетъ:

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
Вы ходите-ка по царству индейскому,
Вы рубите-ка и стараго и малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
Оставьте только женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного-немало—семь тысячей.—

„А и ходять они по царству индейскому,
А и рубятъ и стараго и малаго,
А и только оставляютъ женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного-немало—семь тысячей.

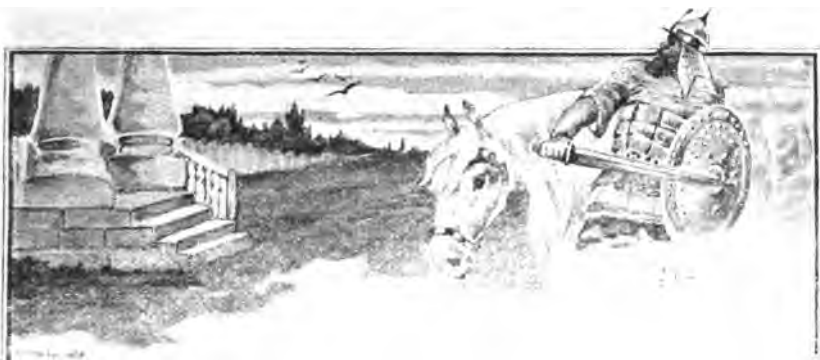
„—Дружина моя добрая, хоробрая!
А станемъ-ка теперь полонѹ дѣлить.—

„Что было на дѣлежѣ дорого,
Что было на дѣлежѣ дешево?
Добры кони были по семи рублей,
Сабли острья по пяти рублей,
Тяжки палицы булатныя по трѣ рубля.
А то было дешево—женскій полъ:
Старушечки были по полусечкѣ,
Молодѹшечки по двѣ полусечки,
Красны дѣвушки-душечки по денежкѣ.

„То старина, то и дѣянье!
Синему морю на утѣшенье,
Старымъ людемъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перенѣманье,
А веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидячїи во бесѣдушкѣ смиренной,
Испиваючи медъ, зеленѹ вино;
А и гдѣ мы пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Государю-свѣту, красну солнышку,
Нашему хозяину ласковому!“

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра.

Хорошо Добрынюшка Никитичъ младъ
Во гусѣлышки играетъ во ярѡвчаты,
Хорошо поетъ старѣнку стародавнюю
Про удалаго Вольгѹ Всеславьича
Со его дружиной доброю, хоробрюю.
На пиру всѣ приутихли, приумолкнули,
Приумолкнули да призаслушались.
Какъ встаетъ изъ-за стола съ-за задняго
Старый тутъ Бермята (*) сынъ Васильевичъ,
Говоритъ самъ таковыя слова:

„А слыхалъ еще я отъ старѣхъ людей,
Что того Салтыка-то Ставрुльича,
Ухвата, Вольгѹ ударилъ о кирпичать полъ,
Во крохи расшибъ да самъ царемъ насѣлъ,
Взялъ себѣ царицею Азвяковну,
А его дружина добрая, хоробрая
На тѣхъ красныхъ дѣвушкахъ переженилася“.

Какъ тутъ солнышко Владиміръ распотѣшился,
Повскочилъ со мѣста княженецкаго,
По столовой гриднѣ запохаживаль,
Частую бородку запоглаживаль,
Бѣлыми руками заразвѣживаль,
Желтыми кудрями запотрѣживаль,
Пословечно сударь выговариваль:

„Гой же вы, мои князья да бѡяре,
Сильные, могучіе богатыри!

Всѣ-то вы во Кіевѣ поженены,
 Всѣ-то дѣвушки-бойрушки повиданы,
 Только я, Владиміръ, не женатъ живу,
 Не женатъ живу да холостымъ слыву.
 Вы не знаете ли, братцы, красной дѣвицы,
 Красной дѣвицы—мнѣ, князю, супротивницы:
 Чтобы станикомъ была ровнёшенька,
 Ростомъ, какъ и самъ я, высокѣшенька,
 Очи были бъ ясна сокола,
 Броби были бъ чѣрна соболя,
 Тѣло было бъ снѣгу бѣлаго,
 Красотой красна и мнѣ умѣмъ сверстна;
 Было бъ съ кѣмъ мнѣ думушку подумати,
 Было бъ съ кѣмъ словечко перемолвити,
 Во пиру-бесѣдушкѣ кѣмъ похвалитися,
 А и было бы кому вамъ поклонитися,
 Было бы кому вамъ честь воздать“.

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 Бласлови-ка, государь, мнѣ слово вымолвить.
 Знаю я тебѣ княгиню—красну дѣвицу,
 Красну дѣвицу да супротивницу:
 Какъ во той землѣ во хоробрѣй Литвѣ,
 У того у короля литовскаго (°)
 Есть двѣ дочери любимыя на выданьѣ;
 Бѣльшая-то дочь Настасья королевична
 Не пойдетъ къ тебѣ княгинею-царицею:
 Вадитъ въ полѣ сильной поленицею;
 Меньшая же дочь Апраксья королевична ( )
 Въ теремѣ сидитъ все, во златомъ верху,
 Что за тридевятью ли замочками
 Да за тридевятью сторожѣчками:
 Красно солнышко ее не запечеть,
 Буйны вѣтрушки ее не обвѣютъ,
 Многи люди не увидятъ, не обзѣрятся.
 А и ростомъ-то она высокая,
 А и станомъ становитая,
 Красотою красовитая:
 Черны брови—соболя заморскаго,
 Ясны очи—сокола пролѣтнаго,

Личушкомъ бѣла какъ зимній снѣгъ,
 Да и въ грамотѣ-то поучёная:
 Будеть съ кѣмъ тебѣ свой вѣкъ коротати,
 Будеть намъ кому и честь воздать“.

Какъ то слово князю по душѣ пришло,
 Больно солнышку словечко полюбилося,
 И возгѣворить онъ таковыя слова:

„Ай же вы, мои князья да бояре,
 Ай же вы, могучіе богатыри!
 А кого же мнѣ послать посвататься
 За меня, за князя за Владиміра,
 У того у короля литовскаго
 На прекрасной на Апраксѣ королевичнѣ?“

Всѣ за столикомъ сидятъ, умолкнули,
 Приумолкнули да приутихнули,
 Приутихнули да затулялися:
 Бѣльшіе туляются за среднихъ,
 Средніе туляются за меньшихъ,
 А отъ меньшей тулицы-то и отвѣту нѣтъ.

Возстаётъ опять Бермята сынъ Васильевичъ:

„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
 Бласлови еще мнѣ слово молвити.
 Ты пошли-ка сватомъ добра мѣлодца,
 Тихаго Дунаюшку Иванова: ⁽¹¹⁾
 Тихій-то Дунай вѣдь во послахъ бывальъ,
 Много множество чужихъ земель видалъъ,
 Тихій-то Дунай и говоритъ гораздъ —
 Ужъ кому, какъ не ему бы, и посвататься“.

Не изъ бѣльшаго тутъ мѣста, не изъ мѣньшаго,
 Изъ того ли мѣста да изъ средняго,
 Изъ-за стѣлья изъ-за бѣлодубова
 Возстаётъ удалый добрый мѣлодецъ,
 Тихій тотъ Дунай Ивановичъ,
 Понизѣнько князю поклоняется:

„Гой еси ты, государь нашъ батюшка,
 Ласковый Владиміръ стольно-кѣвскій!
 Бласлови и мнѣ словечко молвити,
 Безъ казнѣнія, безъ дальней высылки!“

Говоритъ Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!

Хочешь говорить, такъ говори теперь“.

„Жиль я, государь, во хоробрѣй Литвѣ
 Девять лѣтъ у короля литовскаго:
 Трѣ года у короля я кѣнюхаль,
 Трѣ года у короля я стольничаль,
 Трѣ года у короля я клюшничаль,
 А и вѣрно слово говорилъ тебѣ
 Старый человѣкъ Бермята сынъ Васильевичъ.
 Есть двѣ дочери у короля литовскаго,
 Обѣ дочери—пригожія, хорошія.
 Много ѣзживаль я по инымъ землямъ,
 Много видываль я королевишенъ,
 Много видываль и изъ ума пыталъ:
 Та красна лицомъ—да не сверстна умомъ,
 Та сверстна умомъ—да не красна лицомъ.
 Не нахаживаль я эдакой красавицы,
 И не видываль я эдакой пригожицы,
 Какъ та младша дочка королевская,
 Молода Апраксья королевична:
 Ходить—словно бѣлая лебѣдушка,
 Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день;
 А и въ грамотѣ-то больно гѣразда.
 Было бы тебѣ съ кѣмъ жить да быть,
 Было бы кого назвать намъ матушкой,
 Величать намъ государыней!“

„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
 Ты умѣлъ ее теперичко повѣхвастать,
 Такъ умѣй-ка ты ее оттоль и вывести.
 Ты возьми съ тобою силы сорокъ тысячей,
 Ты возьми казны да десять тысячей,
 Поѣзжай во ту во хоробрѣ Литву,
 О томъ добромъ дѣлѣ да о свѣтовствѣ
 На прекрасной на Апраксѣ королевичнѣ“.

Скоро бралъ Владиміръ чарочку хрустальную,
 Дорогого хрусталя восточнаго,
 Со краями позлачѣнными,
 Наливалъ во чару зеленѣ вина,
 Да не малую стопу, а полтора ведра,
 Разводилъ медами да стоялыми,
 И подносить тихому Дунаюшкѣ;

Скоро бралъ Дунаюшка Ивановичъ
 Чарочку отъ князя во бѣлы ручки,
 Принималъ одною ручкою,
 Выпивалъ однимъ душкомъ,
 Подавалъ назадъ Владимиру,
 Понизѣнькѣ князю поклоняется:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 А не надобно мнѣ силы княженецкія,
 И не надобно мнѣ золотой казны:
 Да не биться же мнѣ тамъ, не ратиться;
 Дай-ка только мнѣ товарища любимаго,
 Молода Добрынюшку Никитича:
 Роду онъ, Добрынюшка, хорошаго,
 Да умѣеть онъ съ людьми и рѣчь вести;
 Соизволь еще сходить намъ на конюшенъ дворъ,
 Выбрать двухъ жеребчиковъ неѣзжанныхъ,
 Выбрать два сѣдлышка недѣржанныхъ,
 Да еще двѣ плѣточки нехлыстанныхъ,
 Самъ пиши-ка ярлыки да скорописчаты
 О томъ добромъ дѣлѣ да о сватовствѣ“.

Бралъ опять Владиміръ чару во бѣлы ручки,
 Наливалъ во чару зеленя вина,
 Разводилъ медами да стоялыми,
 И подносить молоду Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ млады!
 А пожалуй-ка къ Дунаю во товарищи;
 Да идите съ нимъ вы на конюшенъ дворъ,
 Да берите тамъ всего, что надобно“.

Скоро всталъ Добрыня на рѣзвы ножки,
 Скоро бралъ отъ князя чару во бѣлы ручки,
 Принималъ одною ручкою,
 Выпивалъ однимъ душкомъ,
 Понизѣнькѣ князю кланялся;
 Скоро шли они съ палаты бѣлокаменной,
 Выходили на конюшенъ дворъ,
 Брали двухъ жеребчиковъ неѣзжанныхъ,
 Брали два сѣдлышка недѣржанныхъ,
 Да еще двѣ плѣточки нехлыстанныхъ,
 Сами обкольчужились, облатились,
 Приняли еще отъ князя солнышка

Ярлыки тѣ скорописчаты,
 Съѣли на добрыхъ коней, поѣхали;
 А и видѣли ихъ на коней-то сядючи,
 Да не видѣли ихъ на коняхъ поѣдучи:
 Будто ясны соколы воспорхнули,
 По пути-дорожкѣ только пыль пошла.

Какъ поѣхали они тутъ изъ землі въ землю,
 Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
 Приѣзжали скоро въ хоробрѣ Литву,
 Ко тому ли королю литовскому,
 Заѣзжали на широкій королевскій дворъ,
 Становились противъ самыхъ окошечекъ,
 Соскочили со добрыхъ коней.

Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты побудь-ка тутъ, покарауль коней,
 Подъ окошечкомъ косящатымъ похаживай,
 За собой добрыхъ коней поваживай,
 Во палаты королевскія поглядывай,
 Поспѣвай на выруку, какъ позову тебя“.

Самъ проходитъ во палаты королевскіе;
 Знаетъ онъ порядки королевскіе:
 Что не надо ни креститься, ни молитвиться,—
 Бьетъ челомъ лишь королю онъ, поклоняется:

„Здравствуй, батюшка, король ты хоробрѣй Литвы!“
 На Дуная тутъ король оглянется:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
 А и жилъ ты у меня вѣдь цѣлыхъ девять лѣтъ:
 Трѣ года ли жилъ во конюхахъ,
 Трѣ года ли жилъ во стольникахъ,
 Трѣ года ли жилъ во кляшникахъ,
 Жиль-служиль мнѣ вѣрой-правдою.
 За твои услуги молодецкія
 Посажу тебя теперь за большій столъ,
 Посажу за большій столъ, во мѣсто большее,
 Вшь-ка дѣ-сыта да пей-ка дѣ-люби“.

Посадилъ за большій столъ, во мѣсто большее
 Тихаго Дунаюшку Иванова,

Самъ Дуная сталъ выпрашивать, вывѣдывать:

„А скажи, Дунай, скажи-ка, не утай себя

За какимъ ты дѣломъ къ намъ пожаловаль?

Нась ли повидать, себя казать,

Аль по старому пожить да мнѣ служить?“

„Гой ты, батюшка, король ты хоробрѣй Литвы!

Я не васъ пріѣхаль повидать, себя казать,

Не по старому пожить, тебѣ служить,

Я прибѣль о добромъ дѣлѣ къ вамъ—о свѣтовствѣ

На твоей на дочери Апраксиі

За Владиміра за князя солнышка“.

Положилъ онъ ярлыки тутъ на дубовый столъ;

А король въ сердцахъ ихъ мечеть о кирпичать полъ,

Чѣрны кудри рветъ себѣ на головѣ,

Говоритъ самъ таковыя слова:

„Глупый князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Меньшую-то дочку сватаеть,

Большую во дѣвкахъ засадишь!

Коль Апраксю за кого просватаю,

Такъ просватаю во Золоту Орду,

За того собаку царя Калина.

Самого тебя, Дунаюшка Ивановичъ,

Кабы прежде не служилъ мнѣ вѣрой-правдою,

За твои за рѣчи неумильныя

Посадишь бы въ погребѣ глубокіе,

Позадвинулъ бы дощечками желѣзными,

Позасыпаль бы песками рудожелтыми,

Пропитомствовалъ бы хлѣбушкомъ-водицею;

Погостилъ бы у меня ты въ хоробрѣй Литвѣ,

Ума-разума въ головку понабрался бы“.

Какъ тутъ тихому Дунаю за бѣду пало,

Повскочилъ Дунаюшка да на рѣзвы ножки,

Поднялъ ручку выше головы,

Кулакомъ ударилъ по столу—

Столъ дубовый порастрѣскался,

Питья на столѣ порасплескалися,

Вся посуда на столѣ разсыпалась.

Какъ забѣгалъ тутъ король по застолу,

Куней шубкой укрывается:

„Ахти, братцы! вѣтъ такъ на бѣду попалъ,

Ахти, братцы! на великую.

Какъ съ бѣдой, не знаю, развязатися?“

Со двора ли тутъ бѣгцы бѣгутъ, гонцы гонятъ:
 „Ай ты батюшка, король нашъ хоробрѣй Литвы!
 Вѣшь ты, пьешь да утѣшаешься,
 А невзгоды надъ собой не вѣдаешь:
 На твоємъ дворѣ на королевскомъ
 Добрый мѣлодецъ невѣдомый уродствуетъ:
 Во лѣвѣй рукѣ два повода шелковныхъ—
 Держить двухъ коней да богатырскихъ,
 Во правѣй рукѣ дубинка сорочинская,
 Чебурацкаго свинцу налита въ сорокъ пудъ.
 Яснымъ соколомъ онъ по двору полѣтываетъ,
 Чернымъ ворономъ онъ по двору попархиваетъ,
 Изъ конца въ конецъ онъ по двору поскакиваетъ,
 На всѣ стороны дубинкою помахиваетъ,
 Крупной силы побилъ сорокъ тысячей,
 Мелкой силушки—и смѣты нѣтъ.
 Неужтѣ намъ изъ-за дѣвки всѣмъ погинути?“

А король-то бѣгаетъ по застолу,
 Куньей шубкой укрывается:

„Ай же, тихій ты Дунаюшка Ивановичъ!
 Ужъ попомни-ка ты стару хлѣбъ да соль,
 Поуйми-ка своего товарища,
 Видно, дѣчущка Самймъ вамъ Богомъ сужена.
 Ужъ вы, служки, нянюшки да мамушки!
 Вы бѣгите-ка во теремъ ко златымъ верхамъ,
 Отомкните трѣдевать замочиковъ,
 Трѣдевать да сторожѣчиковъ,
 Къ молодой Апраксѣ королевичнѣ,
 Поумойте дѣвицу бѣлѣхонько,
 Сокрутите хорошохонько,
 Проводите на широкой дворъ,
 Посадите на добра коня,
 Отпустите на святу Русь,
 Во замужество за князя за Владимира“.

Выходилъ Дунай тутъ на крутой крылець,
 Унималъ любимаго товарища:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Полно же тебѣ теперъ уродствовать,
 А и есть намъ, видно, помочь Божія“.

Проходилъ самъ ко златымъ верхамъ,

Трїдевять замочиковъ отщёлживаль,
 Дверцы со крюковъ выставливалъ—
 Королевскія палаты зашаталися.
 А сидить во теремъ, въ златомъ верху
 Молода Апраксья королевична.
 Во однихъ тонкѣхъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
 Русая коса-то пораспущена.
 Какъ увидѣла Дунаюшку Иванова,
 Испужалась бѣлая лебѣдушка,
 Бросилась какъ угорѣлая.
 Воспрогѣворилъ Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Апраксья королевична!

• А идешь ли ты за князя за Владиміра?“

Говорить Апраксья королевична:

„Ай ты, славный богатырь Дунай Ивановичъ!
 Трї года я Богу вѣдь молилася,
 Чтобъ попасть замужъ за князя за Владиміра“.

Какъ пришли тутъ нянюшки да мамушки,
 Поумыли-убѣлили красну дѣвицу,
 Напушили личико ей бѣлое,
 Сокрутили хорошохонокъ,
 Проводили на широкой дворъ.
 Бралъ ее Дунай за бѣлы ручки,
 На добра коня садилъ да къ головѣ хребтомъ,
 Самъ Дунаюшка садился къ головѣ лицомъ.
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 Да по славному раздолью по чисту полю.

Какъ настигла во раздольѣ во чистомъ полѣ,
 Во пути-дороженькѣ ихъ ночка темная,
 Пораздѣрнули палатку полотняную,
 Заходили во палатку опочивъ держать;
 Въ ноженки поставили добрыхъ коней,
 Въ головы ли копыя долгомѣрныя,
 По правдой рукѣ ли сабли острия,
 По лѣвой рукѣ ли палицы тяжелыя.
 А и спать они да высыпаются,
 Темну ночку сномъ корѣтають.
 Темной ночкой ничего не видѣли,
 Ничего не видѣли, да много слышали,
 Слышали погоню богатырскую,

Услыхали по́свистъ по-змѣиному,
 Услыхали по́крикъ по-звѣриному.
 Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Гой же ты, Добрынюшка Никитичъ млады!
 Вѣдь за нами есть погоня богатырская.
 Поѣзжай-ка со Апраксѣй королевичной
 На святую Русь, во стальной Кіевъ градъ,
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Отвези ему поклоны, челомъ-бѣтьице,
 Да подай ему невѣсту во бѣлы ручки.
 Самъ я здѣсь останусь, во чистомъ полѣ,
 Со богатыремъ побиться да поратиться“.

И садили красну дѣвицу да на добра коня,
 На добра коня да къ головѣ хребтомъ,
 Самъ Добрынюшка садился къ головѣ лицомъ,
 Распростился и поѣхалъ съ красной дѣвицей
 На святую Русь, на стольный Кіевъ градъ.
 Тихій же Дунаюшка Ивановичъ
 Не съ упадкою, а со прихваткою,
 Со прихваткою богатырскою
 Ыдетъ ко богатырю на стрѣтушку.

Какъ не двѣ тутъ горюшки скатилися—
 Съѣхалися два могучіихъ богатыря,
 Попытать ли богатырскихъ плечъ,
 Поиспробовать отваги молодецкія;
 Сдѣлали разъѣздъ въ чистомъ полѣ,
 Съѣхалися въ одно мѣсто,
 Приударили во палицы булатныя,
 Словно громъ грянулъ въ поднебесьи—
 Палицы въ рукахъ ихъ приломилися.
 Какъ разъѣхалися опять въ чистомъ полѣ,
 Съѣхалися во одно мѣсто,
 Приударили во сабли остры—
 Остры сабли притупилися.
 Въ третій разъ разъѣхалися въ чистомъ полѣ,
 Съѣхалися во одно мѣсто,
 Приударили во копыя долгомѣрныя—
 Вышибъ тихій тутъ Дунай Ивановичъ
 Изъ сѣдла лихого супротивничка,
 Со добра коня сронилъ да на сырѹ землю.

Самъ едва лишь усидѣлъ въ сѣдлѣ,
 Не казнилъ удала супротивника,
 Только ко сырѣй землѣ копьемъ прижалъ,
 Въ бѣлу грудь тупымъ концомъ уперъ:

„Ты скажись-ка мнѣ, удалый добрый молодецъ,
 Ты коей земли, коей орды,
 Кого отца да коей матери?“

Добрый молодецъ ему отвѣтъ держить:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
 Что же ты меня не опозналъ?

Во одной дороженькѣ со мною ѣживаль,
 Во одной бесѣдушкѣ со мною сиживаль,
 Со одной и чарочки со мною кушиваль.
 Жилъ у насъ вѣдь ровно девять лѣтъ:

Три года ли жилъ во конюхахъ,
 Три года ли жилъ во стольникахъ,
 Три года ли жилъ во ключникахъ“.

„Ай же ты, Настасья королевична!
 А почтѣ ты ѣздишь по чисту полю,
 Поленицею удаюю полякуешь?“

„А почтѣ вы, святорусскіе богатыри,
 Увели сестрицу мнѣ любимую?
 А поляковать я ѣзжу во чистѣ поле—
 Поискать себѣ да супротивника:
 А и кто меня побьетъ въ чистѣмъ полѣ,
 За того мнѣ и замужъ идти!“

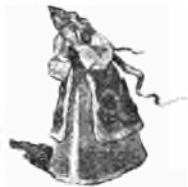
Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Во семи земляхъ служилъ я, во семи ордахъ,
 Не сумѣлъ себѣ я выжить красной дѣвицы,
 А теперь я во чистѣмъ полѣ
 Супротивницу нашель себѣ, обручницу.
 Ай ты, молода Настасья королевична!
 Собирайся-ка со мною въ путь-дороженьку,
 Скидывай-ка златъ шеломъ со буйной головы,
 Скидывай-ка латы со кольчугою.
 Обряжайся по-дѣвичьему
 Во простую епанечку бѣлую,
 Да поѣдемъ-ка со мной во стольный Кіевъ градъ,
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Сходимъ вмѣстѣ въ церковь Божию,

Примемъ вмѣстѣ по злату вѣнцу“.

Обряжалася Настасья по-дѣвичьему,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
 Прибыли во стольный Кіевъ градъ,
 Подъѣзжали къ матушкѣ ко церкви Божіей;
 А Владиміръ князь съ Апраксей королевичной
 Въ церковь Божію ужъ ко вѣнцу идетъ.
 На церковномъ на крыльцѣ сестрицы встрѣтились,
 Встрѣтились сестрицы, поздоровались,
 Вмѣстѣ ли крестились и молитвились,
 Вмѣстѣ ли пошли теперь и въ церковь Божію,
 Вмѣстѣ приняли и по злату вѣнцу,
 Положили заповѣдь великую:
 Съ мужевьями жить да быть, да вѣкъ коротати.
 Завели тутъ свадебку, почестень пирь,
 Пированьице на весь крещѣный людъ,
 Не на мало, не на много—на двѣнадцать дѣнь.

И. Смирнов

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Дунай Ивановичъ и Настасья коро- левична (12).

Въ стольномъ было городъ во Кіевѣ
Ласковый Владиміръ князь вѣнчается
Со прекрасной со Апраксѣй королевичной,
Тихій ли Дунаюшка Ивановичъ
Съ большею сестрицею вѣнчается,
Съ молодой Настасьей королевичной.
Какъ пошли со церкви Божіей,
Приходили во палаты бѣлокаменны,—
Заводили тутъ почѣстенъ пиръ,
Пированьице на весь крещѣный людъ,
Не на мало, не на много—на двѣнадцать дѣнь.
Всѣ-то за столы посажены,
Всѣмъ-то яства, питица налажены;
Всхоже солнышко идетъ ко западу,
Бѣлый дѣнь идетъ ко вечеру,
А почѣстенъ пиръ идетъ ко вѣселу;
Въ пѣль-сыта всѣ наѣдаются,
Въ пѣль-пьяна всѣ напиваются,
Всѣ промежъ собою порасхвастались:
Сильный хвастаетъ великой силушкой,
Голый щапъ—одѣжой цвѣтною,
А богатый—золотой казной;
Кто гораздъ боротся рукопашкою,

Кто гораздъ стрѣляти изъ туга лука,
 Кто гораздъ поѣздить на добромъ конѣ;
 Умный хвалится отцомъ да матерью,
 А безумный—молодой женой.

Какъ выходитъ тутъ Дунаюшка Ивановичъ
 Изъ-за тѣхъ изъ-за столовъ дубовныхъ,
 Изъ-за тѣхъ скамеечекъ окольныхъ,
 Отъ своей семеюшки любимыя,
 Молодой Настасьи королевичны;
 Сталь Дунай по горенкѣ похаживать,
 Пословечно выговаривать:

„А и нѣту мѡлодца во Кіевѣ
 Противъ тихаго Дунаюшки Иванова:
 Отъ того отъ короля Литовскаго
 Вытащилъ двѣ бѣлыхъ лебеди,
 Самъ себя женилъ и друга подарилъ“.

Говорить ему Настасья королевична:
 „Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
 Не пустымъ ли ты, Дунай, расхвастался?
 Хоть не долго здѣсь, во Кіевѣ, я побыла.
 Много я во Кіевѣ повѣзнала:
 Нѣту силой мѡлодцевъ, ухваткою
 Супротивъ Самсона да Самойлова,
 Нѣтъ поѣздкой мѡлодцевъ, посадкою
 Супротивъ Михайла Пѡтыка Иванова,
 Уговоромъ мѡлодцевъ, смиренницею
 Противъ молода Добрынюшки Никитича,
 Красотою мѡлодцевъ, угожествомъ
 Противъ князя солнышка Владиміра,—
 А на выстрѣль нѣту изъ туга лука
 Супротивъ Настасьи королевичны:
 На твою головку мѡлодецкую
 Покладу своё колечико серебряно,
 Понаставлю свой булатный ножъ,
 Отойду сама да на пятьсотъ шаговъ,
 Три раза калѣну стрѣлочку повѣстрѣлю,
 Пропущу сквозь то колечико серебряно,
 По тому по острію ножѣвому,
 Чтобъ разсѣклась стрѣлочка калѣная
 На двѣ равныхъ половиночки,

Обѣ вѣсомъ и на взглядъ равны,
 Покатилися бы на двѣ стороны,
 Не сронили бы колечика съ головушки“.

Какъ тутъ тихому Дунаю ко стыду пришло,
 Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Настасья королевична!
 А мы выйдемъ-ка съ тобою во чисто поле,
 Востроты другъ у друга отвѣдаемъ,
 Кто стрѣлять гораздѣй изъ туга лука“.

Выходилъ Дунай съ ней во чисто поле,
 Полагалъ колечико серебряно
 На свою ли на головку молодецкую,
 Понаставилъ свой булатный ножъ;
 Отошла Настасья королевична
 Отъ Дуная на пятьсотъ шаговъ.
 Брала въ ручки тугой лукъ разрывчатый,
 Налагала стрѣлочку калѣную:
 Натянула за ухо тетивочку,
 И спускала стрѣлочку калѣную:
 Пропустила сквозь колечико серебряно,
 По тому по острію ножѣвому;
 Раскололась стрѣлочка колѣная
 На двѣ равныхъ половиночки,
 Обѣ вѣсомъ и на взглядъ равны,
 Покатились на двѣ стороны,
 Не сронили съ головы калечика.
 Три раза Настасья королевична
 Пропустила стрѣлочку калѣную
 Во колечико серебряно,
 По тому по острію ножѣвому,
 Да не сшибла съ головы колечика.

Говорить Дунай ей таковы слова:
 „Ай же ты, Настасья королевична!
 Становись-ка супротивъ меня“.

Полагалъ колечико серебряно
 Ей на буйную головушку,
 Понаставилъ свой булатный ножъ,
 Отошелъ самъ на пятьсотъ шаговъ.
 Первый разъ стрѣлилъ—перестрѣлилъ,
 Другой разъ стрѣлилъ—не дѣстрѣлилъ.

Третій разъ стрѣлилъ—попасть не могъ.
 Какъ у тихаго Дунаюшки Иванова
 Разгорѣлося тутъ ретивѡ сердце,
 Ретивѡ сердце да молодецкое;
 Сталь онъ стрѣлочкой помахивать,
 Самъ ли стрѣлочкѣ да выговаривать:

„Ай же ты, стрѣла любимая!
 Ужь пади-ка ты не на воду, не на землю,
 Попади-ка ты Настасьѣ да во бѣлу грудь“.

Восполѡшилась княгинюшка Апраксія,
 Стала тихаго Дуная уговаривать:

„А и гой еси ты, мой любимый зятюшка,
 Молодой Дунай да сынъ Ивановичъ!
 То была лишъ шуточка пошучена“.

Возмолилася ему и молодà жена,
 Кланялася въ землю, убивалася,
 Горючѣи слезами уливалася:

„Гой еси ты, мой любезный ладушка,
 Молодой Дунаюшка Ивановичъ!
 Ты прости, прости меня во женской глупости!
 Ты оставь-ка шутку до другого дня;
 Ты теперь, Дунаюшка, хмельнѣшенекъ,
 Ты теперь, Дунаюшка, пьянѣшенекъ,
 Угодишь и въ-правду въ молодѡ жену,
 Сдѣлаешь головку безповинную“.

Стали всѣ князя да бѡяре,
 Сильные могучіе богатыри
 Тихаго Дуная уговаривать.
 Озадѡрился Дунай, не слушаетъ,
 Налагаетъ стрѣлочку калѣную;
 Спѣла у тугà лука тетивочка,
 Угодила стрѣлочка калѣная
 Молодой Настасьѣ да во бѣлу грудь,
 Пала молода Настасья на сырѡ землю,
 Облилася кровію горючею;
 Тутъ Настасьѣ и славу поють.

Подошелъ Дунаюшка Ивановичъ,
 Запечалился Дунаюшка, расилакался,
 Говорить самъ таковы слова:

„Гдѣ головкой пала лебедьбѣлая,

Тамъ пади головкой и ясень соколты!“

Вынималъ изъ ноженъ саблю острую,
Становилъ въ сырѹ землю тупымъ концомъ,
Падалъ самъ на саблю ретивымъ сердцомъ;
Тутъ и тихому Дунаюшкѣ славу поють.

Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,
Тамъ отъ крови отъ ея напрасныя
Протекала быстрая Настасья-рѣченька;
А гдѣ палъ головкою ясень соколъ,
Тамъ отъ крови отъ Дунаевой
Протекла славная Дунай-рѣчка;
На двѣ струйки рѣчки расходилися,
Во одно мѣсто опять сходилися,
Выросло тутъ два деревца кипарисныхъ
Во одно мѣсто верхушки совивалися,
Вѣточки со вѣточками соплеталися:
Малы дѣти идутъ—набалуются,
Молодые идутъ—надивуются,
Стары люди идутъ—понаплачутся.

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Алеша Поповичъ (13).

Какъ изъ славнаго Ростова, красна города,
Не ясенъ соколъ съ соколикомъ вылётывалъ—
Выѣзжали два могучіихъ богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ, (14)
Съ нимъ молоденькій Екимъ Ивановичъ.
Вѣдрили богатыри плечо въ плечо,
Стремя въ стремя богатырское;
Вѣдрили гуляли по чисту полю,
Не наѣзживали ничего въ чистомъ полѣ,
Не видали птицы перелётныя,
Не видали звѣря порыскучаго;
Только и наѣхали въ чистомъ полѣ
Три дороженьки широкія,
Промеждѣ дороженекъ горючъ камень лежитъ,
А на камнѣ подписи подписаны.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, братецъ мой, Екимъ Ивановичъ!
Человѣкъ ты поучённый въ грамотѣ:
Посмотри на камнѣ подписи.
Что на камнѣ-то подписано?“
Соскочилъ Екимъ съ добра коня,

Посмотрѣлъ на камнѣ подписи,
 А на камнѣ три дороженьки расписаны:
 „Первая дороженька на Муромѣ градъ,
 Третья ли ко городу ко Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.

Говорить Екимъ Ивановичъ:

„Ай ты, братецъ мой, Алешенька Поповичъ младъ!
 Ты какой дорожкой изволишь путь держать?“

Говорить ему Алешенька Поповичъ младъ:

„Лучше ѣхать намъ ко городу ко Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.

Повернули добры молодцы добрыхъ коней,
 И поѣхали ко городу ко Кіеву.

Не доѣхавши до славной до Сафать-рѣки, (15)
 Становились на лугахъ зеленыхъ,
 Покормить своихъ добрыхъ коней,
 Разставляли два бѣлыхъ шатра.

И Алеша поизволилъ опочивъ держать
 Мало время позамѣшкавши,
 Молодой Екимъ добрыхъ коней
 Въ зеленъ лугъ пустилъ стреноживши,
 Самъ въ шатеръ ложился опочивъ держать.

Какъ прошла та ночь осенняя,
 Ото сна Алеша пробуждается,
 Возстаетъ ранѣ ранѣшенько,
 Утренней зарею умывается,
 Бѣлою ширинкой утирается,
 Ко востоку Богу молится.

Молодой Екимъ Ивановичъ
 По добрыхъ коней сходилъ скорѣшенько,
 Попойть сводилъ ихъ на Сафать-рѣку,
 Приказалъ Алеша тутъ сѣдлатъ добрыхъ коней.
 Осѣдлавши онъ, Екимъ, добрыхъ коней,
 Снаряжались ко городу ко Кіеву.

Приходилъ къ нимъ тутъ калика переходя: (16)
 Лѣпотки на немъ семи шелковъ,
 Подковыренныя чистымъ сѣребромъ,
 Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,
 Шуба соболиная да долгополая,
 Шляпа сорочинская да земли греческой,

Шелепуга подорожная

Чебурацкаго свинцу налита въ тридцать пудъ.

Говорить калика перехожая:

„Ой вы гой еси, удалы добры молодцы!

Видѣлъ я за славной за Сафать-рѣкой

Молода Тугарина Змѣевича: (17)

Въ вышину-то онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,

Промежь плечь-то у него коса сажень,

Промежь глазъ-то каленà стрѣла,

Конь крылатый подъ Тугариномъ какъ лютый звѣрь,

Изъ хайлица-то огонь пышетъ,

Изъ ушей-то дымъ столбомъ валить“.

Привязался тутъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, братецъ мой, калика перехожая!

Дай свое мнѣ платье каличее,

Самъ возьми мое да богатырское,

Дай мнѣ лапотки семи шелковъ,

Подковыренныя чистымъ сѣребромъ,

Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,

Шубку соболиную да долгополую,

Шляпу сорочинскую да земли греческой,

Шелепугу подорожную

Чебурацкаго свинцу налиту въ тридцать пудъ“.

Не отказывалъ калика перехожая,

Даль ему свое онъ платье каличее,

Надѣвалъ самъ платье богатырское.

Наряжается Алешенька каликою,

Взялъ съ собою шелепугу подорожную

Чебурацкаго свинцу налиту въ тридцать пудъ,

Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,

И пошелъ за славную Сафать-рѣку.

Какъ завидѣлъ тутъ Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ

Отъ далѣ Алешеньку Поповича,

Заревѣлъ, собака, зычнымъ голосомъ,

Инъ продрогнула дубравушка зеленая,

Младъ Алеша еле живъ идетъ.

Говорить ему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:

„Ай ты гой еси, калика перехожая!

Не слыхалъ ли ты да не видалъ ли гдѣ

Про младà Алешу про Поповича?

„Ай ты кой еси, Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчицу:

Не слыхатъ мнѣ отъ задѣго, что ты говоришь.“
Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ.

Я-бъ Алешу закололъ копьемъ,
Закололъ копьемъ, спалилъ огнемъ“.

Говорить Алешенька каликою:

„Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчищу:
Не слышать мнѣ отъ далѣ-то что ты говоришь“.

Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ.
Какъ сверстался младъ Алеша со Тугариномъ,
Шелепугою его по головѣ хлестнулъ,
Буйну голову Тугарину разбилъ-расшибъ,
Повалилъ собаку на сырѹ землю,
Самъ вскочилъ ему на черну грудь...
А и взмолился Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:

„Гой еси, калика перехожая!

Ты не самъ ли есть Алешенька Поповичъ младъ?
Если ты Алеша—побратаемся“.

Втѣпоры Алешенька врагу не вѣрвалъ,
Отрубилъ ему онъ буйну голову,
Поснималъ съ него онъ платье цвѣтное,
Платье цвѣтное да на сто тысячей,
Самого въ торокѣ вязалъ,
Одѣвался въ платье цвѣтное,
На коня его садился, на люта звѣря,
И поѣхалъ ко своимъ бѣлымъ шатрамъ.

Какъ увидѣли его Екимъ съ каликою,
Испужались, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко Ростову городу.
Настигаетъ ихъ Алешенька Поповичъ младъ.
Какъ обернется Екимъ Ивановичъ,
Показался онъ ему Тугариномъ,
И выдѣргивалъ онъ боевую палицу,
Палицу булатную во тридцать пудъ,
И бросалъ ее назадъ себя—
Угодилъ Алешѣ въ груди бѣлыя,
Сшибъ Алешу изъ черкаскаго сѣдѣлышка,
И упалъ онъ на сырѹ землю.
Соскочилъ Екимъ тутъ со добра коня,
Сѣлъ ему на груди бѣлыя,
Ладить ихъ пороть ему чингалищемъ—
И увидѣлъ золотъ чуденъ крестъ на немъ,

Самъ заплакаль, говоритъ каличищу:

„По грѣхамъ мнѣ, видно, учинилося,
Что убилъ я братца своего родимаго!“

Стали оба тутъ его трясти, качать,
Подали ему питья заморскаго,
И пришелъ онъ отъ того ко живности.
Помѣнялися они съ каликой платицею:
Надѣвалъ калика платице каличее,
Надѣвалъ Алеша богатырское,
А Тугарина-то платье цвѣтное
Положили въ тороки къ себѣ.
Сами сѣли на добрыхъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,
Соскочили со добрыхъ коней,
Привязали ко столбамъ дубовымъ
И пошли во гридни свѣтлыя.
А у ласковаго князя у Владиміра
Со его княгиней со Апраксіей
Поразставлены столы дубовые,
И идетъ хорошъ почѣстенъ пиръ.
Какъ вошли во гридни свѣтлыя,
Молятся святому Спасу образу,
Бьютъ челомъ на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Говоритъ имъ ласковый Владиміръ князь:

„Гой еси вы, добры мѣлодцы!

А и какъ же васъ зовутъ по имени,
Величаютъ по изотчеству?
Вамъ по имени бы можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловать“.

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Я изъ славнаго Ростова, красна города,
Сынъ Леонтыя, стараго попа соборнаго,
А зовутъ Алешю Поповичемъ.
Повстрѣчалъ путемъ Тугарина Змѣевича,
Голову срубилъ чудовищу,
Въ торокахъ его привезъ къ тебѣ“.

Какъ возрадуется тутъ Владиміръ князь,
Говорить Алешѣ таковы слова:

„Гой еси Алешенька Поповичъ младъ!
А садись-ка ты да по отечеству
Во большое мѣсто, во большій уголь,
Во другое мѣсто богатырское—
Во скамью дубову супротивъ меня,
Въ третье мѣсто—куда самъ захошь“.

Не садился младъ Алеша во большій уголь,
Не садился во скамью дубовую,
Сѣлъ онъ со товарищами на палатный брусъ.
Воскричалъ Владиміръ князь тутъ громкимъ голосомъ:

„Гой еси вы, слуги вѣрные!
Вы идите-ка да на широкій дворъ
За чудовищемъ Тугариномъ Змѣвичемъ,
Вы берите-ка со тороковъ его,
Принесите предъ лицо мое“.

И идутъ двѣнадцать добрыхъ молодцевъ,
Принесли Тугарина Змѣвича

На доскѣ изъ красна золота,
Посадили во большій уголь,
Рядомъ со княгиней со Апраксіей. (18)

Были же тутъ повара догадливы:
Приносили яствушекъ сахарныхъ,
Приносили бѣлую лебедушку.

Стали ѣсть всѣ, прохладжались
А Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ нечестно ѣсть:

По ковригѣ цѣлой за щеку мечётъ,
Проглотилъ за разъ всю лебедь бѣлую,
Закусилъ еще ковригой монастырскою.
Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Какъ у моего у государя батюшки,
У Леонтья у попа Ростовскаго,

Было псище старое, сѣдатое,
Еле по подстолю таскалося;
Какъ хватило псище кость великую,
Гдѣ хватило, тамъ и подавилоса;
Подавиться и Тугарину Змѣвичу
Отъ меня Алеша отъ Поповича“.

Почернѣлъ Тугаринъ, какъ осення ночь,

Проясняль Алеша, какъ свѣтѣль мѣсяць.
 Были повара опять догадливы:
 Приносили зелена вина,
 Приносили питьецовъ медвяныхъ,
 Питьецевъ медвяныхъ, заморскихъ.
 Стали пить всѣ, прохлажатися;
 А Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ нечестно пьетъ:
 Въ разъ охлѣстываетъ чары цѣлыя,
 Каждая-то чара въ полтара ведра.
 Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Какъ у моего родителя у батюшки,
 У Леонтя у попа Ростовскаго,
 Было старое коровище,
 Еле по двору таскалося,
 На поварню къ поварамъ забилоса,
 Браги прѣсной цѣлый чанъ охлестнуло,
 Гдѣ охлестнуло—и треснуло;
 Треснуть и Тугарину Змѣвичу
 Отъ меня Алеша отъ Поповича“.

Потемнѣль Тугаринъ, какъ осеня ночь,
 Выдернулъ чингалище булатное,
 Бросилъ во Алешу во Поповича;
 Да Алешенька на то повѣртокъ былъ,
 И не могъ Тугаринъ угодить въ него.
 А стоялъ у печки у муравленой
 Молодой Екимъ Ивановичъ,
 На лету чингалище подхватываль,
 Самъ Алешѣ приговариваль:

„Ай ты, братецъ мой Алешенька Поповичъ младъ!
 Самъ изволишь ли бросать въ него, аль мнѣ велишь?“

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Самъ не брошу и тебѣ бросать не дамъ.
 Заутро ужѣ съ нимъ перевѣдаюся:
 Бьюся съ нимъ я о великъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ—
 Бьюся о своей о буйной гловѣ“.

Втѣпоры князя и бѣяре
 Повскочили на рѣзвы ноги,
 Всѣ поруки держать за Тугарина:
 Какъ по сту рублей князя кладутъ,

По пятидесяти бѡяре,
А крестьяне по пяти рублей.
Гости ли торговые случилися:
Подъ Тугарина Змѣевича
Подписали корабли свои,
Чтѡ стояли на быстромъ Днѣпрѣ
Со товарами заморскими.
За Алешу за Поповича подписывалъ
Изо всѣхъ владыка лишь черниговскій.

Взвился тутъ Тугаринъ и съ палатъ ушѣлъ,
На добра коня сажился, на люта звѣря;
Поднялся на крыльяхъ его добрый конь,
Полетѣлъ высоко, близъ подъ облакомъ.
Со товарищами и Алеша вонъ пошелъ;
На добрыхъ коней сажилися,
И поѣхали ко славной ко Сафать-рѣкъ;
Поразставили бѣлы шатры,
Отпустили коней въ зеленѣ луга,
Сами стали опочивъ держать.

Тутъ Алеша цѣлу ночь не спалъ—
Цѣлу ночь стоитъ на востокъ лицомъ,
Со слезами Богу молится:

„Дай-ка, Господи, мнѣ тучу грозную,
Тучу грозную со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило бы коня крылатаго
У Тугарина Змѣевича,
Опустился бы Тугаринъ на сырѣ землю,
Было бы мнѣ съ нимъ посѣхаться“.

По тому ли по Алешину моленію,
По Господнему да по велѣнію
Наставала туча грозная,
Туча грозная со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило крылья у коня крылатаго,
Палъ Тугаринъ на сырѣ землю.
Прибѣгаетъ тутъ Екимъ Ивановичъ
Ко Алешѣ съ радостною вѣсточкой,
Что Тугаринъ ѣдетъ по сырѣ землѣ.
Скоро младъ Алеша снаряжается,
Взялъ съ собою палицу тяжелую,
Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,

И садился на добра коня,
 Ёдетъ ко Тугарину на стрѣтушку.
 А Тугаринъ ёдетъ на добромъ конѣ,
 На добромъ конѣ да по сырой землѣ,
 Увидалъ Алешеньку Поповича,
 Заревѣлъ, собака, зычнымъ голосомъ:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
 Хошь ли, я тебя огнемъ спалю?
 Хошь ли, я тебя конемъ стопчу?
 Хошь ли, я тебя копьемъ убью?“

Замахнулся онъ чингалищемъ булатнымъ,
 Чтобы снять съ Алеши буйну голову;
 А Алеша былъ востѣръ собой:
 Завернулся за ту гриву лошадиную;
 Промახнулося чингалище булатное
 И ушло въ сырѹ землю до черна.
 Говорить Алешенька Тугарину
 Изъ-за гривы лошадиныя:

„Гой же ты, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
 Бился ты со мною о великъ закладъ:
 Биться-драться одинъ-на-одинъ,
 А вѣдь за тобою силы смѣты нѣтъ
 На меня на Алешу на Поповича“.

Какъ оглянется Тугаринъ тутъ назадъ себя,
 Младъ Алеша былъ востѣръ собой:
 Вывернулся изъ-за гривы лошадиныя,
 Да ударить палицей тяжелою
 Въ буйну голову Тугарина Змѣевича—
 Своротилося главйще на правѹ страну,
 Туловйще да на лѣвую.
 Соскочилъ Алеша со добра коня,
 Бралъ чингалище булатное,
 Проколомъ собакѣ уши въ гѣловѣ,
 Да главйща-то не можетъ на плечо поднять,
 Жалкимъ голосомъ кричитъ товарищамъ:

„Гой еси, мои вы вѣрные товарищи!
 Подсобите-ка главйще на плечо поднять“.

Подъѣзжали вѣрные товарищи
 Помогли главйще на плечо поднять.
 И несетъ его Алеша ко добру коню,

Привязалъ кудѣрушками желтыми
 Какъ стремянамъ ко лошадинымъ
 И повезъ ко городу ко Кіеву.

Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
 Какъ заѣхали на княженецкій дворъ
 Бросилъ онъ середь двора чудовище.
 Увидаль ихъ ласковый Владиміръ князь,
 Выходилъ къ нимъ на краснѣ крыльцо,
 Проводилъ ихъ въ гридни свѣтлыя,
 За убранные столы сажальъ,
 Самъ Алешѣ приговаривальъ:

„Гой еси, Алешейка Поповичъ младъ!
 Ужъ живи-ка ты теперь у насъ во Кіевѣ,
 Послужи-ка мнѣ, князю Владиміру;
 До-люби тебя пожалую“.

Такъ про молода Алешу старину поють,
 Морю синему на тѣшину,
 Добрымъ людямъ на послушанье.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

Первый бой Добрыни Никитича со Змѣемъ Горынчищемъ.

Среди ли было лѣта краснаго
Во жары ли непомѣрные Петровскіе,
Захотѣлося Добрынюшкѣ Никитичу
Во студёной быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.
Приходилъ Добрыня къ рѣдной матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ,
Говорилъ ей такovy слова:

„Ай же ты, моя родитель-матушка!
Ужъ ты дай-ка мнѣ прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Съѣздить ко той славной ко Пучай-рѣкѣ: ⁽¹⁹⁾
Мнѣ охота во студёной, быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское“.

Говорить Добрынѣ рѣдна матушка,
Та честна вдова многоразумная:

Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ млад!
Ты не ѣзди-ка купаться во Пучай-рѣкѣ;
Та Пучай-рѣка свирѣбая, сердитая:
Изъ-за первой струйки какъ огонь съчѣтъ,
Изъ-за средней струйки искры сыплются,

Изъ-за третей струйки дымъ столбомъ валить,
Дымъ столбомъ валить да съ жаромъ-пламенемъ“.

Не послушался Добрыня рѣдной матушки,
Выходилъ онъ изъ столовой горенки
Да во славныя палаты бѣлокаменны,
Одѣвалъ одѣжицу дорожную,
Накрывался шляпой земли греческой,
Заходилъ въ широкъ конюшенъ дворъ
И уздалъ, сѣдлалъ добра коня;
Бралъ копье съ собою долгомѣрное,
Тугой лукъ да каленыя стрѣлы,
Саблю острую да палицу тяжелую—
Не для драки бралъ, для кроволитица,
Для потѣхи бралъ для молодецкія.
Какъ садился тутъ Добрыня на добра коня,
Какъ сѣзжалъ да съ широкѣ двора
Съ молодымъ слугою, съ малымъ паробкомъ—
Плеткою добра коня понуживалъ,
Палицей булатною поигрывалъ,
Долгомѣрнымъ копьемъ да поворачивалъ.
Какъ поѣхалъ по чисту полю да ко Пучай-рѣкѣ,
Какъ проѣздилъ часъ-другой по красну солнышку—
Богатырское-то тѣло разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося,
Приправлялъ коня онъ къ быстрой рѣченькѣ,
Соскочилъ скорѣнько со добра коня,
Бросилъ поводъ малу паробку:

„Ай же ты, дѣтинка, малый паробокъ!
Подержи-ка мнѣ, покарауль коня“.

Снялъ съ головки шляпу земли греческой,
Разболѣкивалъ одѣжицу дорожную,
Штавики со спусками да чѣрны чѣботы,
Скидывалъ рубашку миткальную,
Да спустился во студѣну, быстру рѣченьку.
Заходилъ за стрѣчку за первую,
Заходилъ за стрѣчку за среднюю,
Говорить самъ таковыя слова:

„Мнѣ, Добрынѣ, говорила матушка,
Мнѣ, Никитичу, наказывала рѣдная:
— Не купайся ты, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ;

Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая.—
 Анъ Пучай-то рѣченька кротка, смирна,
 Будто лужица дождѣвая“.

Не успѣлъ Добрыня слѣво смолвити
 Вѣтра нѣтъ, а тучи нанесло,
 Тучи нѣтъ, а будто дождь дождить,
 И дождя-то нѣтъ, а громъ гремитъ,
 Громъ гремитъ, да свищеть молнія.
 Ни отколь на молода Добрынюшку
 Налетѣло змѣище Горынчище
 Лютая змѣя о трехъ о гѣловахъ,
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ,
 Говорить ему змѣя проклятая:

„А вѣдь стары люди-то пророчили,
 Что убиту быть мнѣ, змѣищу Горынчищу,
 Молодымъ Добрынею Никитичемъ,
 А теперь Добрыня самъ въ моихъ рукахъ,
 Захочу теперь—Добрыню я огнемъ сожгу,
 Захочу теперь—Добрыню съѣмъ-сожру,
 Захочу теперь—Добрыню въ хоботѣ возьму,
 Въ хоботѣ возьму, да во полонъ снесу“.

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же ты, змѣя проклятая!

Ты поспѣй-ка захватить Добрынюшку,
 Въ тѣ пору Добрынюшкой и хвастайся,
 А теперь Добрыня не въ твоихъ рукахъ“.

Плавать онъ, Добрыня-то, гораздъ вѣдь былъ:

Какъ у тамошняго бережка ныркомъ нырнулъ,
 Такъ у здѣшняго повынырнулъ;

Вышелъ по желтѣ песку да на крутой берѣгъ.

Въ тѣ пору-то паробокъ былъ торопокъ:

Вонъ угналъ коня Добрынина,

Взялъ съ собой копьѣ Добрынино,

Тугой лукъ и калены стрѣлы,

Саблю острую и палицу тяжелую—

Нечѣмъ-то ему съ змѣею попротивиться.

А она опять летитъ проклятая,

Сыплеть искрами горячими,

Жжетъ ему да тѣло бѣлое.

Приужахнулося сердце богатырское!

Поглядѣлъ Добрынюшка по бѣрежку—
 Не случилось ничему лежать на бѣрежкѣ,
 Нѣчего-то взять ему въ бѣлы ручки.
 Вспомнилась Добрынѣ рѣдна матушка:

„Не велѣла мнѣ, Добрынѣ, рѣдная
 Во Пучай-рѣкѣ купатися;
 А теперъ приходитъ мнѣ кончинушка!“

Поглядѣлъ въ послѣдній разъ по бѣрежку—
 Увидалъ тутъ шляпоньку на бѣрежкѣ,
 Шляпоньку свою да земли греческой.
 Скоро бралъ онъ шляпоньку въ бѣлы ручки,
 Насыпалъ въ нее песочку желтаго,
 Желтаго песочку цѣлыхъ три пуда,
 Да со всей досадушкой великою
 Какъ ударить шляпонькой поганую—
 Изъ двѣнадцати ей поотшибъ три хобота,
 Повалилъ змѣю съ размаху на сырѹ землю,
 На сырѹ землю да во ковыль-траву,
 Повскочилъ на груди ей колѣнками,
 Отшибить ей хочеть остальные хоботы.
 Какъ возмолится змѣя Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, молоденькій Добрынюшка!
 Не убей меня ты за напраслину,
 А спусти летать да по бѣлѹ свѣту:
 Буду я тебѣ сестрою меньшею,
 Будешь ты мнѣ братцемъ большіимъ. (20)
 И положимъ мы съ тобою заповѣдь,
 Заповѣдь велику, нерушіймю:
 Не ѣзжать тебѣ, Добрынюшкѣ, въ чисто поле,
 Не топтать моихъ дѣтенышей-змѣенышей;
 Не летать и мнѣ, змѣѣ, къ вамъ на святую Русь,
 Не носить въ полонъ народу христіанскаго“.

Поддался Добрынюшка на рѣчь лукавую,
 Положилъ съ змѣею заповѣдь великую
 И спустилъ изъ-подъ колѣнъ проклятую.
 Поднялася вверхъ змѣя подъ облака,
 Полетѣла прямо да на Кіевъ градъ;
 Пролетая черезъ Кіевъ градъ,
 Увидала князеву плѣмянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну, (21)

Чтò повышла съ мамками да съ няньками
 Погулять во зеленомъ саду,—
 Припала лютая къ сырой землѣ
 Ухватила князеву племянницу
 Въ хобота свои змѣиные,
 Унесла съ собой на гору Сорочинскую, (23)
 Въ пещерушки свои змѣиныя.

Въ тѹ пору Добрыниѣ малый паробокъ
 Подбѣгалъ опять къ нему, ко добру мѡлодцу,
 Подавалъ одежицу дорожную,
 Подводилъ коня да богатырскаго.
 Только сѣлъ Добрыня на добра коня—
 Какъ не тѣни темныя затѣмили,
 Какъ не тучи черныя попадали—
 Какъ летить по воздуху змѣя проклятая,
 Въ хоботахъ несесть да князеву племянницу.
 Тутъ молоденькій Добрыня закручинился,
 Закручинился Добрыня, запечалился.
 Въ Кіевъ градъ Добрыня поворотъ держалъ,
 Пріѣзжалъ на свой широкій дворъ,
 Проходилъ въ палату бѣлокаменну,
 Во столову горенку ко рѡдной матушкѣ,
 Да садился на брусѡву лавочку,
 До самой земли повѣсилъ буйну голову,
 Ни словечкомъ не промолвился.

Подходила ко Добрыниѣ рѡдна матушка,
 Стала старая его выпрашивать,
 Стала старая вывѣдывать:

„Ты объ чемъ, Добрынюшка, кручинишься?
 Ты объ чемъ, мой свѣтъ, печалишься?“

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:

„Не объ чемъ я не кручнюся,
 Не объ чемъ я не печалюся:
 Только дай-ка, матушка, прощеньице,
 Дай прощеньице-благословеньице
 Мнѣ сходить ко князю ко Владиміру:
 У него, у князя у Владиміра,
 Зачался почѣстенъ пиръ да на двѣнадцать дѣнь
 На многіхъ князей его, на бояровъ,
 Да на всѣхъ могучіхъ богатырей“.

Говорить Добрынѣ рѣдна матушка:
 „Ай ты, свѣтъ мой, душенька! Добрынюшка
 Не ходи-ка ты ко князю на почѣстень пирь,
 А живи-ка во своемъ дому, у матушки,
 Хлѣба-соли ѣшь-ка до-сыта,
 Зеленà вина пей дѣ-пьяна,
 Золотой казны держи по надобью“.

Не послушался Добрыня матушки,
 Снаряжался, отправлялся на почѣстень пирь
 Къ ласковому князю ко Владимиру.

Какъ на этомъ старина кончается,
 А другая начинается.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

Второй бой Добрыни со змѣемъ.

Какъ идетъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
На почѣстенъ пирь ко князю ко Владиміру,
Какъ проходить въ гридню княженецкую,
Гдѣ стоять столы дубовые,
Стланы скатерти шелковья,
Понакладаны уѣдушки сахарныя,
Поразставлены напитки медвяныя,—
Крестъ кладетъ онъ по-писаному,
И поклонъ ведетъ да по-ученому,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Проводили гостя во большой уголъ,
Во большой уголъ, во мѣсто большее.

Какъ тутъ ласковый Владиміръ князь
По столовой гриднѣ запохаживаль,
На своихъ богатырей посматриваль,
Пословечно, сударь, выговариваль:

„Ай вы, сильные, могучіе богатыри!
Хоть идетъ у насъ почѣстенъ пирь на-веселѣ,
Самому-то мнѣ, Владиміру, не весело:
Унесла змѣя проклятая Горынчище
У меня любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Вы подумайте-ка, братцы, посовѣтуйтесь:
На кого бы мнѣ накинуть служебку,
Служебку не малую, великую,
Съѣздить на ту гору Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ

Отыскать, добыть любимую племянницу?“

То услышавши, могучіе богатыри
Большіе туляются за средніхъ,
Средніе хоронятся за меньшихъ,
А отъ меньшихъ по чину и отвѣту нѣтъ.
Какъ выходитъ тутъ изъ-за стола съ-за средняго
Молодой Алешенька Леонтьевичъ:

„Гой ты, батюшка Владиміръ стольно-кіевскій!
Былъ вчерась я во чистомъ полѣ,
Видѣлъ у Пучай-рѣки Добрынюшку:
Съ змѣищемъ Горынчищемъ онъ дрался-ратился,
Покорилася змѣя ему, винилася,
Называла братцемъ бѣльшимъ,
Нарекалася сама сестрою меньшею.
Ты пошли-ка на ту служебку Добрынюшку:
Онъ тебѣ любимую племянницу
Безъ бою, безъ драки-кроволитьица
У названой у сестры своей повѣспросить“.

И возгдворилъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты садись-ка на добра коня,
Поѣзжай-ка на ту гору Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
Добывай-ка мнѣ любимую племянницу,
Молоду Забавушку Путятичну.
Не добудешь мнѣ племянницы—
Прикажу тебѣ, Добрынѣ, голову рубить“.

Опустилъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ во столъ дубовый очи ясныя,
Ни словечка на тѣ рѣчи не отвѣтствовалъ.
Онъ вставалъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ околныхъ,
Отдавалъ великое почтеніе
Князю за весело пированьице,
И пошелъ къ своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Какъ пришелъ въ столовую во горенку
Ко своей ко рѣдной матушкѣ,
Говоритъ ему тутъ рѣдна матушка,
Та честна вдова Афимья Александровна:

„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,

Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты объ чѣмъ, про чтò такъ пригорюнился,
 Пригорюнился да закручинился?
 Мѣсто ли въ пиру было не по чину,
 Чарой ли въ пиру тебя подбнесли,
 Али пьяница-дуракъ поосмѣялъ въ глаза?“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ.

„Мѣсто-то въ пиру мнѣ было по чину,
 Чарою въ пиру меня не обнесли,
 Пьяница-дуракъ не осмѣялъ въ глаза;
 А накинулъ на меня Владиміръ князь
 Служебку не малую, великую—
 Съѣздитъ на ту гòру Сорочинскую,
 Ко пещерушкамъ змѣйнымъ,
 Отыскать ему, добыть племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну“.

Говорить Добрынѣ родна матушка:

„Ты ложись-ка спать поранѣй съ вечера,
 Мудренѣе утро будетъ вечера:
 Встанешь утрушкомъ отъ молодецка сна,
 Заходи въ конюшеньку стоялую,
 Выводи бурка съ конюшеньки,
 Дѣдова коня матѣраго,
 А стоитъ бурка пятнадцать лѣтъ,
 По колѣна ноженъки въ назѣмъ зарощены,
 Дверь по поясу въ назѣмъ ушла“.

И ложился спать Добрыня съ вечера,
 Утрушкомъ вставалъ ранѣшенько,
 Умывался водушкой бѣлѣшенько,
 Утирался полотѣнышкомъ сушохоенько,
 Подкрутился хорошохоенько,
 Выходилъ къ конюшенькѣ стоялоей,
 Изъ назема дверь повытащилъ,
 Дѣдову коню матѣрому
 Изъ назема ноженъки повыдернулъ.
 Выводилъ за уздицу тесьмянную
 На широкой дворъ добра коня,
 Сталъ добра коня засѣдывать, улаживать:
 Полагалъ сперва подпотничекъ,
 На подпотничекъ клалъ потничекъ,

Сверху потничка еще да войлочекъ,
 А на войлочекъ черкасское сѣдлышко —
 Что сѣдлышко-то изукрашено:
 Цѣнными шелками пообшйвано,
 Да червоннымъ золотомъ обвивано.
 Сталь подтягивать тутъ подпруги шелковоньки,
 Втягиваетъ въ нихъ шпеньки булатные,
 Полагаетъ пряжки красна золота:
 Шелкъ не порвется, булатъ не потрется,
 Красно золото не ржавѣеть,
 Добрый молодець въ сѣдлѣ не старѣеть.
 Всѣхъ подтягиваль двѣнадцать подпруговъ,
 Клалъ еще тринадцатый для крѣпости,
 Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ.
 Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ.

Какъ сѣдился тутъ Добрыня на добра коня,
 Какъ сѣзжалъ да съ широка двора,
 Провожала его рѣдна матушка,
 Подавала на повѣздѣ плѣточку,
 Плѣточку семи шелковъ да разныхъ,
 Говорила, слезы утираючи:

„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
 Ты возьми-ка плѣточку семи шелковъ:
 Какъ приѣдешь на ту гору Сорочинскую,
 Какъ начнешь змѣенышей потаптывать,
 Да не станеть бурушко поскакивать, —
 Ты хлыщи бурка промежь ушей,
 Промежь ногъ хлыщи да промежь заднихъ:
 Станеть у тебя бурка поскакивать,
 Прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивать,
 Всѣхъ притопчетъ до одинаго“.

Отломилась вѣточка съ садовой яблоньки,
 Откатилось яблочко отъ яблоньки,
 Отѣзжаетъ сынъ отъ рѣдной матушки
 Въ чужедальнюю сторонушку.
 День уходитъ за день будто дождь дождить,
 А недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.
 Ыдетъ днемъ Добрынюшка по красну солнышку,
 Ыдетъ ночью онъ по свѣтлу мѣсяцу;
 Въѣхаль на ту гору Сорочинскую,

Сталь топтать поганыхъ змѣнышей.
 Подточили тутъ змѣныши
 У добра коня копытушки,
 И не можетъ добрый конь поскакивать,
 Сталь онъ подъ Добрынюшкой припадывать.
 Вспомнилъ тутъ Добрынюшка наказъ родительскій,
 Выдернулъ онъ плетку изъ-за пояса,
 Плеточку семи шелковъ да разныхъ,
 Сталь хлыстать бурка̄ промежь ушей,
 Промежь ногъ хлыстать да промежь заднихъ:
 Сталь буркӯ да приговаривать:

„Ай ты, бурушко, скачи-поскакивай,
 Прочь отъ ногъ змѣнышей отряхивай“.

Сталь тутъ бурушко скакать-поскакивать,
 По верстѣ да по другой помахивать,
 По колѣнушки въ сырѣ землю погрязывать,
 Изъ сырой земли копытушки выхватывать,
 По сѣнной копнѣ земелюшки вывертывать,
 За три выстрѣла да камешки откидывать;
 Сталь онъ прочь отъ ногъ змѣнышей отряхивать,
 Притопталъ всѣхъ до одинаго.
 И сходилъ Добрыня со добра коня,
 Облачался во доспѣхи крѣпкіе,
 Бралъ во праву руку саблю острую,
 Полагалъ подъ лѣвую подъ пазушку
 Палицу тяжелую булатную,
 На бѣлы груди копье да долгомѣрное,
 Клалъ подъ поясъ шелепугу подорожную,
 Съ ней и плеточку семи шелковъ—
 И пошелъ къ пещерушкамъ змѣиннымъ.

Какъ не тѣни темныя затѣмнѣли,
 Какъ не тучи черныя попадали—
 Какъ летитъ сама змѣя Горынчище,
 Во когтяхъ несетъ да тѣло мертвое.
 Увидала молода Добрынюшку—
 Опустила тѣло мертвое
 На сырѣ землю, на муравѣ траву,
 Подлетѣла къ молоду Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, молоденькіи Добрынюшка,
 Ты зачѣмъ нарушилъ нашу заповѣдь!

Притопталъ монхъ дѣтенышей-змѣенышей?“

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:

„Ай же ты, змѣя проклятая!

Я-ль нарушилъ нашу заповѣдь,

Али ты, змѣя, ее нарушила?

Ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,

Унесла у насъ Забаву дочь Путятичну?

Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Путятичну

Безъ бою, безъ драки-кроволитица“.

Не хотѣла отдавать змѣя

Безъ бою, безъ драки-кроволитица,

Заводила съ нимъ великій, кроволитный бой.

Бились-рѣтились они тутъ двое сутокекъ,

А не можетъ одолѣть змѣю Добрынюшка,

Начала змѣя его покидывать,

Начала его побрасывать.

Вспомнилъ онъ опять про плеточку,

Плеточку семи шелковъ да разныхъ,

Бралъ во праву руку плеточку,

Лѣвою поймалъ змѣю поганую,

Преклонилъ ее къ сырѣй землѣ,

Билъ той плеточкой шелковою,

Укротилъ акі скотинушку.

Отрубилъ тогда змѣѣ всѣ хоботы,

Распиналъ ее да по чисту полю,

Разрубилъ на мелки частички.

И пошла съ востока внизъ до запада

Вкругъ Добрыни кровь змѣиная;

Простоялъ въ крови Добрыня трое сутокекъ—

Не пожрала крови той сырѣ земля.

Бралъ опять Добрыня плеточку шелковою,

Билъ той плеточкой сырѣ землю,

Самъ землѣ да приговаривалъ:

„Разступись-ка, мать сырѣ земля

На четыре разступись на четверти,

Всю пожри-ка кровь змѣиную“.

Разступилась мать сырѣ земля

На четыре да на четверти,

Всю пожрала кровь змѣиную.

И сошелъ Добрынюшка Никитичъ младъ

Ко пещерушкамъ змѣйнымъ.
 Какъ затворено тамъ мѣдными затворами,
 Подперто желѣзными подпорами—
 Не пройти въ пещерушки змѣйныя.
 Онъ желѣзныя подпоры прочь откидываль,
 Мѣдные затворы вонъ отдвигиваль,
 Проходилъ въ пещерушки змѣйныя.
 А сидитъ тамъ полововъ-то много множество:
 Съ сорока земель царей, царевичей,
 Съ сорока ли королей да королевичей,
 А простой-то силушки и смѣты нѣтъ.
 И спроговоришь Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же вы, цари, царевичи,
 Короли да королевичи,
 Ты, простая силушка несмѣтная!
 Выходите-ка на Божью волюшку,
 Расходитесь по своимъ мѣстамъ,
 По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ“.

Стали выходить они на Божью волюшку,
 И пошелъ у нихъ великій шумъ.
 Не видать одной Забавушки Путятичны.
 Проходилъ Добрыня всѣ пещерушки,
 Приходилъ къ послѣдней ко двѣнадцатой—
 Только тутъ нашель Забавушку Путятичну,
 Ко стѣнѣ руками врозь приковану.
 Со стѣны снималь онъ красну дѣвушку,
 Бралъ ее за бѣлы ручушки,
 Выводилъ съ пещерушекъ змѣйныхъ,
 Говорилъ ей таковы слова:

„Ай же ты, Забава дочь Путятична!
 Для тебя я ѣздилъ-странствовалъ,
 Для тебя съ змѣю бился-ратился.
 Мы поѣдемъ-ка теперь во Кіевъ градъ,
 Къ твоему ко дядюшкѣ любимому,
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.

И садился тутъ Добрыня на добра коня,
 И садилъ съ собою красну дѣвушку,
 И повезъ съ собою по чисту полю.
 Говоритъ Добрынѣ красна дѣвушка,
 Молода Забава дочь Путятична:

„Ай же ты, Завава дочь Путятична,
Для тебя я бздиль-странствовалъ,

Для тебя съ змѣю бился-ратился.
Мы побѣдемъ-ка теперь во Кіевъ градь...“

„За твою за вѣслугу великую
 Назвала бы я тебя, Добрыню, батюшкой—
 Называть мнѣ такъ Добрыню не можно;
 За твою за выслугу великую
 Назвала бы братцемъ да родимымъ—
 Называть тебя и братцемъ не можно;
 За твою за выслугу великую
 Назвала бы другомъ да любимымъ—
 Самъ Добрыня не возьметъ замужъ меня!“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ахъ ты, молода Забавушка Путятична!

Ты изъ роду княженецкаго,
 Я изъ роду изъ боярскаго—
 Не чета тебѣ, княжнѣ, боярскій сынъ“.

И повезъ ее во стольный Кіевъ градъ;
 А Владиміръ князь ужъ на крыльцѣ стоитъ,
 Съ почестью его встрѣчаетъ, съ благодарностью.
 Какъ сошелъ Добрыня тутъ съ добра коня,
 Опускалъ онъ наземъ красну дѣвушку,
 Подводилъ племянницу къ Владиміру,
 Подавалъ ему во бѣлы ручки.
 И дарилъ его Владиміръ золотой казной,
 И дарилъ его онъ платьемъ цвѣтнымъ,
 Поклонялся до самой земли:

„А спасибо же тебѣ, Добрынюшкѣ!
 Сослужилъ ты службу мнѣ великую,
 Отыскалъ ты мнѣ любимую племянницу.
 Никого не могъ найти я въ цѣломъ Кіевѣ,
 Изъ всѣхъ могучихъ изъ богатырей
 Одного тебя нашель, Добрынюшку!“

Прибѣгала тутъ и матушка Добрынина;
 Во слезахъ брала его въ бѣлы ручки,
 Цѣловала во уста сахарныя,
 И пошелъ тутъ пиръ у нихъ да пированьице,
 Что для молодца Добрынюшки Никитича,
 Для другой—Забавушки Путятичны.

Такъ про молодца Добрынюшку Никитича
 Славу славятъ, старину поютъ,
 Морю синему ли на утѣшенье,
 А вамъ, добрымъ лѣдямъ, на послушанье.

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

Ставеръ Годиновичъ и Василиса Микулична. (23)

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ
Да у ласковаго князя у Владиміра
Было пированьице, почѣстенъ пиръ
На многіхъ князей, на бѣяровъ,
На всѣхъ гостюшекъ столовннхъ,
На всѣхъ людюшекъ торговыхъ,
На всѣхъ званныхъ-браныхъ, приходящихъ.
На пиру всѣ наѣдалися,
На честномъ всѣ напивалися,
Чѣмъ-нибудь всѣ похвалялися:
Кто хвалился славнымъ отечествомъ,
Кто удалымъ молодечествомъ,
Иной хвастался добрымъ конемъ,
А другой ли шелковымъ портомъ,
Изо всѣхъ гостей Ставеръ Годиновичъ, (24)
Молодой торговый гость черниговскій, (25)
Лишь одинъ сидитъ, не ѣсть, не пьетъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Да ничѣмъ-то молодець не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ князь по горенкѣ,
Самъ Ставрѣ да вопрогворить:
„Ахъ ты, молодой Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
Что же ты сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
Бѣлой лебеди моей не рушаешь,
Да ничѣмъ-то, молодець, не хвастаешь?
Али нечѣмъ вамъ, черниговцамъ, похвастати?“

Отвѣчаетъ молодой Ставерь Годиновичъ:

„Нечѣмъ мнѣ, Ставрѣ, предъ вами здѣсь похвастати!

Мнѣ похвастать—не похвастать отцомъ-матушкой:

Отца-матушки моихъ въ живыхъ ужь нѣтъ.

Мнѣ похвастать—не похвастать золотой казной:

Золота казна торговая не тощится,

Малы денежки торговья не держатся.

Мнѣ похвастать—не похвастать цвѣтнымъ платьицемъ:

Цвѣтны платьица мои не носятя:

У меня есть тридцать мѡлодцевъ,

Тридцать мѡлодцевъ—портныхъ все мастеровъ,

Шьютъ кафтанцы мнѣ все снова-на-ново;

День держу кафтанчикъ, подержу другой,

Да снесу кафтанчикъ въ лавоньку на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-боярамъ, повѣспродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

Мнѣ похвастать—не похвастать крѣпкимъ чѡботомъ:

Чѡботы мои не держатся:

У меня есть тридцать мѡлодцевъ,

Тридцать мѡлодцевъ—сапожныхъ мастеровъ,

Шьютъ мнѣ чѡботы все снова-на-ново;

День держу ихъ, проношу другой,

Въ лавоньку снесу опять на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-боярамъ, повѣспродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

Мнѣ похвастать—не похвастать и добрымъ конемъ:

Добры кѡни у меня не ѣзятся:

У меня кобылочки всѣ златошерстныя,

Все дають жеребчиковъ хорошенькихъ;

Чтѡ получше-то жеребчики—тѡ ѣзжу самъ,

Чтѡ похуже—тѡ сгоню на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-боярамъ, повѣспродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

А и нечѣмъ мнѣ предъ вами хвастати.

Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,

Василисой дочерью Микуличной? (28)

Какъ во лбу-то у нея свѣтѣль мѣсяць,

По косицамъ—звѣзды частыя,

Бровушки чернѣе черна соболя,

Очушки яснѣе ясна сокола;

Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продасть да выкупить:
А тебя, Владиміра, съ ума сведеть“.

На то слово на пиру всѣ призамолкнули,
А Владиміру то слово не слюбилося,
И спроговорить Владиміръ таковы слова:

„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрныя!

Вы берите-ка Ставрѣ Годинова
За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злачѣныя,
Отведите-ка во погреба холодныя
За его хвасткѣ да за великія,
За его рѣчи за неучливныя,
Посадите на овесъ да на воду (27)

Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.
Пусть-ка тамъ Ставрѣ да обьумѣтся,
Пусть-ка тамъ да образумится.

Поглядимъ-ка, какъ Ставрѣва молодѣ жена
Муженькѣ изъ погребовъ повѣручить,
Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продасть да выкупить,
А меня, Владиміра, съ ума сведеть“.

Взяли слуги вѣрныя Ставрѣ Годинова.

За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злачѣныя,
Отвели во погреба глубокія,
Позадвинули дощечками желѣзными,
Позащѣлкули замѣчками булатными,
Пропитомство клали овсецѣ съ водой.
Посыласть Владиміръ князь грознѣ посла (28)
Ко Ставрѣ Годиновичу во Черниговъ градъ,
Чтобы дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять.

Въ тѣ пору Ставрѣвой молодой женѣ,
Василисѣ дочери Микуличнѣ,
Перепала вѣсточка нерадостна,
Что ея любимый мужъ Ставрѣ Годиновичъ
Солнышкомъ Владиміромъ во Кіевъ
Посажѣнъ въ полѣнъ во погреба холодныя
Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„Деньгами мнѣ выкупѣть Ставрѣ—не выкупить,

Силою мнѣ выручать Ставра—не выручить.
Я могу ли, нѣтъ, Ставра повыручить
Да своей догадочкою женскою“.

Шла тутъ Василиса дочь Микулична
По своей палатѣ бѣлокаменной,
Воскричала Василиса во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:

„Ай же вы, мои служанки вѣрныя!
Вы бѣгите-ка ко мнѣ скорѣшенько,
Вы рубите-ка мнѣ косы русыя,
Вы несите-ка мнѣ платица посыльныя
Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго!“

Подбѣгали вѣрныя служаночки,
Подрубили по-мужскій ей русы косыньки,
Приносили ей одежицы посыльныя,
Засѣдлали ей коня да богатырскаго.
Накрутилась Василиса въ платья цвѣтныя,
Назвалась посломъ со Золотой Орды,
Что грознымъ посломъ Василиемъ Микуличемъ,
Набрала дружинушки хоробрыя,
Сорокъ мѣлодцевъ—все молодыхъ борцовъ,
Сорокъ мѣлодцевъ—все молодыхъ стрѣльцовъ,
И поѣхала посломъ ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Половину ли дороженьки проѣхали,
А навстрѣчу имъ изъ Кіева грозѣнъ посоль:
Сѣѣхались послы тутъ, поздоровались;
Какъ великіе послы послуются,
Ручка обѣ ручку они цѣлуются.

Сталь изъ Кіева посоль выспрашивать:

„Ай и гой же вы, удалы добры мѣлодцы!
Вы куда поѣхали, куда васъ Богъ несѣтъ?“

Говорятъ ему, послу, да таковы слова:

„Мы изъ дальней де земли, изъ Золотой Орды,
Отъ грозна царя собаки Калина,
А поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Взять всѣ дани-выходы-невѣплаты
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи“.

Какъ изъ Кіева посоль-то позадумался,
Позадумался, въ отвѣтъ прогдвориль:

„Самъ я де изъ Кіева грозѣнь посоль,
Бду ко Ставрѹ Годинову въ Черниговъ градъ,
Дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять“.

Говорять ему удалы добры молодцы:

„Прежде былъ у насъ тамъ постоянный дворъ;
Нынѣ заѣзжали—никого въ дому:
Молода жена Ставрѹва убиралася
Въ дальнюю землю, во Золотѹ Орду“.

Скоро кіевскій посоль тутъ поворотъ держаль,
Пріѣзжалъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку,
Разказалъ ему, Владиміру, тихохонько,
Что изъ дальней де земли, изъ Золотой Орды,
Ѣдетъ къ Кіеву немилостивъ посланничекъ
Отъ грозна царя собаки Каліна.

А и больно тутъ Владиміръ запечалился;
Покидалися всѣ, пометалися;
Улицы метуть, да ставятъ ельничекъ; (29)
Передъ воротами ждуть посланничка
Отъ грозна царя собаки Каліна.

А грозѣнь посоль Васильюшка Микуличъ сынъ,
Не доѣдучи до города до Кіева,
Пораздѣрнулъ во чистомъ полѣ бѣлой шатеръ,
Оставлялъ дружину у бѣла шатра,
Ѣдетъ самъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку.
Пріѣзжалъ посоль во княженецкій дворъ,
Поскакалъ посоль да со добра коня,
Во сырѹ землю копье тупымъ концомъ,
А шелкѹвый поводъ на злачѣнный гвоздь,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ во палаты бѣлокаменны,
По ступенцамъ ставится тихошенько,
По сѣнямъ идетъ да полегошенько,
Входитъ въ гридню княженецкую,
Крѣститъ очи по-писаному,
И ведетъ поклоны по-учѣному,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Къ князю солнышку съ княгинею въ особину,

Наипаче же той князевой племянницѣ,
Молодой Забавушкѣ Путятичнѣ.

Говорить грознѹ послу Владимірѣ князь:
„Здравствуешь, посоль ты съ Золотой Орды!
Ты садись-ка съ нами за дубовый столъ,
Отдохни съ широкой со дороженьки“.

Говорить въ отвѣтъ ему грозѣнъ посоль:
„Гой еси ты, князь Владимірѣ стольно-кѣвскій!
Недосугъ сидѣтъ послу, разсиживать,
Нась, пословъ, за то не жалуютъ.
Какъ послалъ меня собака Калинъ царь
Взять съ тебя всё дани-выходы-невыплаты
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи;
Какъ я самъ, посоль Василій да Микуличъ сынъ,
Взять себѣ хочу въ супружество
Молоду твою любимую племянницу,
Что по имени Забаву дочь Путятичну“.

Говорить Владимірѣ стольно-кѣвскій:
„Ай ты, молодой Васильюшка Микуличъ сынъ!
Я пойду съ племянницей подумаю“.

Выводилъ племянницу изъ горенки,
Спрашивалъ племянницу, вывѣдывалъ:
„Ай же ты, моя любезная племянница!
Ты пойдешь ли за того грозна посла,
За млада Василія Микулича?“

Говорить ему племянница тихохонько:
„Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный!
Что-то у тебя теперъ затѣяно,
Что-то у тебя задумано?“

Не отдай ты дѣвицы за женщину,
Не надѣлай смѣху по святой Руси“.

Говорить Владимірѣ стольно-кѣвскій:
„Ай же ты, любезная племянница!
Какъ же не отдать мнѣ за грозна посла,
За грозна посла собаки царя Калина?“

„А не быть же то грознѹ послу—быть женщинѣ.
Знаю я примѣты всё по-женскому:
Какъ по улочкѣ идетъ—что уточка плыветь,
А по горенкѣ ступаетъ по частенечко;

Какъ на лавочкѣ сидить—колѣнца вмѣстѣ жметъ,
 Съ поволокою глаза поваживаетъ.
 Рѣчь со провизгомъ у ней по-женскому,
 Бѣдра крутеньки у ней по-женскому,
 Ручки бѣленьки у ней по-женскому,
 А и пальчики-то тоненьки по-женскому,
 Даже дужки отъ колець не вышли всѣ.
 Двое-надвое намъ будетъ хоть съ тоски пропасть!“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Я пойду, посла да попровѣдую:
 Буде онъ не мѡлодецъ, а женщина,
 Не пойдетъ онъ по-мужскій боротися“.

Взялъ-повыбралъ князь семь молодцовъ-борцовъ,
 Пять братѡвъ Причтѣнковъ, двухъ Хапиловыхъ, ⁽⁸⁰⁾
 Выводилъ ихъ на широкой дворъ,
 Приходилъ къ Василію Микуличу,
 Говорилъ самъ таковыя слова:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
 Не угодно ль со борцами да потѣшиться,
 На широкомъ на дворѣ да поборотися!“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„А и некому же у меня боротися:
 Во чистѡмъ полѣ борцы мои оставлены;
 Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
 Я вѣдь сызмала по улочкѣ побѣгивалъ,
 Шуточки съ ребятками пошучивалъ“.

И выходитъ ко борцамъ онъ на широкой дворъ;
 Среди двора они становятся,
 На борьбу на рукопашку сходятся.
 Молодой Васильюшка Микуличъ сынъ
 Какъ возьметъ во лѣву руку трехъ борцовъ,
 Какъ возьметъ во праву руку трехъ другихъ борцовъ,
 Столкнетъ ихъ вмѣстѣ да раскинетъ врозь,
 А седьмого-то смахнетъ въ серѣдочку—
 На землѣ лежать всѣ семь борцовъ, не могутъ встать.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ.

„Глухая забава, неразумная!
 Дологъ волосъ у тебя, умъ коротокъ:
 Женщиною назвала богатыря:
 Экаго посла здѣсь и не видано!—

Позаспорилась Забава съ княземъ-дядюшкой:

„Ай же ты, мой государь-свѣтъ дядюшка!

А не быть же то грозну послу—быть женщинѣ:

Всѣ примѣты у него по-женскому“.

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Я пойду, еще посла провѣдую:

Буде онъ не молодець, а женщина,

Не поидеть стрѣлять онъ изъ туга лука.“

Выводилъ онъ тутъ двѣнадцать молодцовъ-стрѣльцовъ,

Славныхъ все, могучіихъ богатырей,

Приходилъ къ Василию Микуличу:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!

Не угодно ль со стрѣльцами да потѣшиться,

Изъ туга лука стрѣлять да за цѣлу версту!“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Во чистомъ полѣ стрѣльцы мои оставлены;

Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?

Я вѣдь сызмала по улочкѣ побѣгивалъ,

Изъ туга лука съ ребятами пострѣливалъ“.

Выходили тутъ двѣнадцать молодцовъ-стрѣльцовъ,

Изъ туга лука стрѣляютъ по сырѹ дубу,

Попадаютъ за цѣлу версту во сырѹ дубъ:

Отъ ихъ стрѣлочекъ калѣнныхъ,

Отъ стрѣльбы ихъ богатырскія

Только сырѹ дубъ шатается,

Будто отъ погоды сильныя.

Говорить посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Гой еси, Владиміръ стольно-кѣвскій!

Богатырскихъ вашихъ мнѣ луковъ не надобно.

Прикажи-ка мнѣ мой малый лукъ подать,

Волокитное лучѣнышко, завозное“.

Какъ тутъ кинулись удалы добры молодцы:

Подъ одинъ ли рогъ несутъ пять мѹлодцевъ,

Подъ другой другіе пять несутъ,

Тридцать мѹлодцевъ колчанъ калѣнныхъ стрѣлъ тащатъ.

Говорить посолъ Васильюшка Владиміру:

„Ужъ потѣшу-ка тебя я, князя солнышка!“

Какъ беретъ во рученьку во лѣвую

Стрѣлочку калѣную булатную,

Вытягаетъ тугой лукъ да за ухо:

Спѣла шёлкова тетівка у туга лука,
 Взвыла да пошла стрѣла калёная—
 Всѣ тутъ сильныя, могучіе богатыри
 Бросилися будто угорѣлыя,
 Князь Владиміръ окарачъ напѣлзался;
 Хлѣстнетъ стрѣлка по сырѹ дубу,
 Изломала дубъ во черенья ножёвыя.

Говоритъ посолъ Василій таковы слова:

„Какъ ни жаль сыра дуба мнѣ, кряковѣстаго,
 Болѣ жаль мнѣ стрѣлочки калёныя:
 Не найти мнѣ стрѣлки во чистомъ полѣ“.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ,
 Говоритъ себѣ да таковѹ слово:

„Развѣ самъ посла я попровѣдую“.

Приказалъ принестъ дощечку шахматну,
 Понаставитъ золоты тавлѣички,
 Говорилъ послу да таковы слова:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
 Не угодно ли со мной самимъ потѣшиться,
 Поиграть во шахматы заморскіе?“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ!

„Игроки мои въ чистомъ полѣ оставлены;
 Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
 Я вѣдъ сызмала тавлейками поступывалъ,
 Всѣхъ ребятѹкъ въ шашки-шахматы обыгрывалъ“.

„Ай же ты, лихой игрокъ Васильюшка!
 Ты поставь-ка на дощечку дани-выходы,
 Самъ я, князь, поставлю стольный Кіевъ градъ“.

Стали тутъ тавлейками заступывать,
 Стали по доскѣ ходить-гулять.
 Въ первый разъ посолъ ступень ступилъ—
 Ко Владиміру не дѣступилъ;
 Во другой ступилъ—призѣступилъ,
 Въ третій разъ ступилъ—игру повѣигралъ,
 Шахъ и матъ, да и тавлейки подѣ доску:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Проигралъ ты мнѣ твой стольный Кіевъ градъ“.
 Говоритъ ему Владиміръ князь:

„Ты изволь меня, посолъ, взять головой съ женою!“
 И проговоритъ посолъ да таковы слова:

„А не надобно же мнѣ тебя съ княгинею,
Да не надобно и вашего мнѣ Кіева:
Ты отдай-ка за меня замужъ племянницу
Молоду Забавушку Путятичну“.

На великихъ радостяхъ Владиміръ князь
Не пошелъ Забаву больше спрашивать,
Сталъ любимую племянницу просватывать
За грозна посла Василя Микулича:

„А и гой же ты, Васильюшка Микуличъ сынъ!
Хоть сейчасъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку“.

Зачали они справляти свадебку,
Заводили столованьице—почѣстенъ пиръ.
Пиръ идетъ у нихъ уже по третій день,
А сегодня имъ идти ко церкви Божіей.
Закручинился посоль тутъ, запечалился.
Говорить ему Владиміръ стольно-кіевскій:

„Что же, молодой Васильюшка, не вѣсель ты?
Что же буйную головушку повѣсилъ ты?“

Отвѣчаетъ молодой Васильюшка:

Что-то мнѣ на разумѣ не весело;
Либо померъ дома рѣднй батюшка,
Либо матушка велѣла долго жить.
Нѣтъ ли у тебя веселыхъ загусельщиковъ,
Поиграть въ гусельшки ярѣвчаты,
Спѣтъ про новы времена, про нынѣшни,
Да про стары времена, доселѣшни?“

Доставалъ Владиміръ загусельщиковъ—
Все играютъ да не весело,
Не могли развеселить посла.

Говорить посоль Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Нѣтъ ли у тебя здѣсь затюрѣмщиковъ,
Что умѣли бы играть въ гусельшки?“

Выпускалъ Владиміръ затюрѣмщиковъ,
Стали тѣ играть въ гусельшки—
Всѣ играютъ да не весело.

Говорить опять посоль Васильюшка:

„А и гдѣ же здѣсь живетъ, во Кіевѣ,
Молодой торговый гость черниговскій,
Что по имени Ставеръ да сынъ Годиновищъ?“

Про него идетъ молва великая,
 Что куда гораздъ играть въ гусѣлышки,
 Пѣть про новыя времена, про нынѣшни,
 Да про старыя времена, доселѣшни“.

Говорить себѣ Владиміръ князь:

„Мнѣ какъ выпустить Ставра, такъ не видать Ставра,
 А не выпустить Ставра, такъ разгнѣвить посла“,

Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,
 Посылаетъ за Ставромъ Годиновымъ.

Выводили съ погребовъ Ставра Годинова,

Приводили на почѣстенъ пиръ.

Повскочилъ посоль тутъ на рѣзвѣ ноги,

Посадилъ Ставра да супротивъ себя,

Супротивъ себя въ скамью дубовую.

Сталъ Ставѣрь гусѣлышки налаживать,

Сталъ ко стрункѣ струночку натягивать:

Первую наладилъ съ града Кіева,

А другу наладилъ изъ Чернигова,

Третію наладилъ изъ Царя-града;

Сыгрыши повель великіе,

Величаетъ князя со княгинею,

А припѣвки припѣваетъ съ-за синя моря.

Всѣ князья да бѣяре сидятъ, дивуются,

Всѣ богатыри молчатъ, заслушались,

А послу вздремнулось, захотѣлось спать.

Говорить посоль Ставрѣ да таковы слова:

„Здравствуешь ты, развесѣлый мѣлодецъ,

Молодой Ставѣрь да сынъ Годиновичъ!

Ты меня никакъ ни опозналъ?“

Говорить въ отвѣтъ Ставѣрь Годиновичъ:

„Не откуда жъ мнѣ и знать тебя“.

Говорить посоль да таковы слова:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Мнѣ твоихъ не надо даней-выходовъ,

Ты пожалуй-ка меня веселымъ мѣлодцемъ,

Молодымъ Ставромъ Годиновымъ“.

Говорить себѣ Владиміръ князь:

„Какъ отдать Ставра, такъ не видать Ставра,

Не отдать Ставра, такъ разгнѣвить посла“.

Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,

Отдавалъ Ставра послу съ рукъ на руки.

Говорить посоль да таковы слова:

„Ай ты, молодой Ставеръ Годиновичъ!
Мы поѣдемъ-ка съ тобою во чисто поле,
Посмотрѣть дружинушку хоробрую.“

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Прѣзжали ко дружинушкѣ хороброей.
Шелъ посоль Василій во бѣлой шатеръ,
Сокрутился Василисой въ платья женскія:

„Здравствуешь, Ставеръ Годиновичъ:
А теперь-то ты меня не знаешь ли?“

Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ Годиновичъ;
„Здравствуешь, моя любимая семеюшка,
Молодая Василиса дочь Микулична!“

„А за что же ты, Ставеръ Годиновичъ,
Засажёнъ былъ княземъ въ погребѣ холодные?“

„Я тобой похвасталъ, молодой женой,
Что всѣхъ князей-бояровъ продашь да выкунишь,
Самого Владимира съ ума сведешь.“

А теперь скорѣй посядемъ на добрыхъ коней,
Въ свою сторону уѣдемъ, во Черниговъ градъ“.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„А не честь же, не хвала намъ молодецкая
Воровски уѣхати изъ Кіева;

Мы поѣдемъ свадебку доигрывать.
Князья-бояре-то проданы, выкуплены,
Солнышко Владиміръ князь съ ума сведёнъ“.

Воротилися во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!
Я, грозёнъ посоль, Ставрѣва молодѣ жена,
Василиса дочь Микулична,
Воротилась свадебку доигрывать.“

Да отдашь ли за меня еще племянницу?“

Говорить Забава дочь Путятична:

„Ай же ты, мой дядюшка Владиміръ князь!
Чуть вѣдь смѣху не надѣлалъ ты по всей Руси,
Чуть не отдалъ дѣвицы за женщину!“

Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій

Со стыда повѣсилъ буйну голову;
 Ясны очи утопилъ въ кирпичатъ полъ,
 Самъ прогдворилъ да такovy слова:

„Благодарствуешь, Ставѣрь да сынъ Годиновичъ,
 Зналъ похвастать молодой женой!

Всѣхъ сумѣла здѣсь она продать да выкупить,
 А меня, Владиміра, съ ума свести.
 За твою за похвальбу великую
 Ты торгуй-ка вѣкъ во Кіевѣ,
 Вѣкъ торгуй и по вѣку безошлинно“.

Какъ тутъ стали отъѣзжать изъ Кіева
 Въ свою сторону да во Черниговъ градъ
 Молодой Ставѣрь Годиновичъ
 Съ молодою Василисою Микуличной,
 Выходили провожать ихъ князь съ княгинею.

Тутъ ли про Ставрѣ и старину поють,
 Морю синему на тишину,
 Всѣмъ вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

Соловей Будиміровичъ.

Высота-ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океанъ-море!
Широкò раздолье—по всей землѣ!
Глубокѣ—темны омуты Днѣпровскіе!

* *
*

Изь-подъ дуба было, дуба съраго,
Изь-подъ вяза, вяза съ-подъ червлѣнаго,
Изь-подъ кустышка да съ-подъ ракитова,
Съ-подъ березыньки да съ-подъ кудрявья,
Изь-подъ камешка да изъ-подъ бѣлаго
Выходила, выбѣгала мать Днѣпра-рѣка,
Пала устьемъ въ море, море Черное.
Изь-за моря, моря Чернаго
Съ-за того лукоморья зелѣнаго,
Ото славна города отъ Вѣденца,
По той матушкѣ да по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Какъ не чѣрны тученьки затучили,
Какъ ни сѣни облачки задѣргали—
Выбѣгали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей да все червлѣнныхъ:
А одинъ корабликъ напередъ бѣжить,
Напередъ бѣжить да какъ соколь летить.
Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изнаряжены,

А соколъ-корабликъ получше всѣхъ:
 Высокѣшенько головушка приподнята,
 Носъ-корма сведены по-туриному,
 Широкий бока по-звѣриному—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Вмѣсто очей было вставлено
 По драгому камню по яхонту,
 Вмѣсто бровей было вращено
 По заморскому черному соболу,
 Вмѣсто усовъ было воткнуто
 Два булатные острые ножичка,
 Вмѣсто ушей было вдѣргано
 Два горностаюшка зимніе—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Вмѣсто гривы было прибавано
 Двѣ лисицы бурнастыя заморскія,
 Вмѣсто хвоста повѣшано
 Два медвѣдя бѣлые заморскіе—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Тонки парусы были дорогой камки,
 Дорогой камѣчки хрущатя,
 Толсты снасти-канаты семи шелковъ,
 Остры якори были булатные,
 А колечки у якорей серебряныя,
 Еще лапочки были золоченыя—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Среди того сѣкола-кораблика
 Чердачѣкъ стоитъ зѣлень муравлений
 Потолокъ подѣрнуть рытымъ бархатомъ,
 Стѣны крыты-обиты чернымъ соболемъ,
 Изнавѣшаны лисицами-куницами,
 Дорогими соболями заморскими.
 Въ чердакѣ—бесѣдочки сидѣльныя,
 На бесѣдочкахъ сидитъ купавъ молодець
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ, ⁽²¹⁾
 Со своей государыней со матушкой,
 Съ молодой Ульяной Васильевной,
 А вокругъ сидитъ его дружинишка,
 До трехъ сотъ молодцовъ переборныхъ;
 У всѣхъ платье одѣто скурлатъ—сукна,

Кушаками подпоясаны шёлковыми,
 На головкахъ шляпочки пуховыя,
 — А ножкахъ сапожки зелёнъ сафьянъ,
 На сапожкахъ пряжечки серебряныя,
 А подбиты гвоздочками золочеными.
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
 Во гусёлышки играетъ во яровчатяя,
 Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
 Наигрышъ по голосу налаживаетъ,
 По звончатымъ струночкамъ похаживаетъ,
 Игры-сыгрыши ведетъ отъ Царя-града,
 А другіе ведетъ отъ Ерусалима,
 И всѣ малые припѣвки съ-за синя моря,
 Съ-за синя моря Веденецкаго,
 Съ-за того лукоморья зелёнаго;
 Звеселяетъ родитель-матушку,
 Молодую Ульяну Васильевну,
 Спотѣшаетъ дружину хоробрюю.

Какъ встаетъ тутъ Соловей со бесѣдушки,
 По кораблику по соколу похаживаетъ,
 Желтыми кудѣрками потряхиваетъ,
 Говоритъ самъ таковыя слова:

„Гой еси вы, гости-корабельщики,
 И вы всѣ, цѣловальники любимые!
 Вы послушайте-ка братца бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повѣленное:
 Подымайте всѣ парусы хрущатые,
 Побѣгайте ко славному ко Киеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру“ .

Они слушали братца бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣнное:
 Подымали всѣ парусы хрущатые,
 Побѣгали ко славному ко Киеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ;

„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
 И вы всѣ, цѣловальники любимые!
 Вы берите-ка щупалы желѣзныя,
 Щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
 Щупайте-ка во славномъ во синѣмъ морѣ,

Мѣряйте лудья подводныя,
Чтобы намъ, молодцамъ, проѣхати“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:
Брали шупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
Щупали во славномъ во синѣмъ морѣ,
Лудья подводныя проѣхали.

Говорить молодой Соловешко:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ цѣловальники любимые!
Возставайте-ка на реи на верхнія,
Поглядите-ка на славный на Кіевъ градъ?
Далекò ли стоитъ славный Кіевъ градъ?
Поглядите пристань корабельную,
Чтобы намъ, молодцамъ, попасть туда“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:
Возставали на реи на верхнія,
Говорятъ саміи таковыя слова:
„Ай ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
Не далѣко стоитъ славный Кіевъ градъ,
И видать ужъ пристань корабельную“.

Скоро ѣхали-проѣхали подъ Кіевъ градъ,
Забѣгали во пристань корабельную,
Остры якори метали во Днѣпру-рѣку.

Говорить опять Соловешко:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы мечите-ка три сходеньки на круть бережокъ:
Перву сходеньку мечите золоченую,
Другу сходеньку мечите серебряную,
Третью сходеньку мечите повѣлжаную:
Да берите-ка подарочковъ умильныхъ;
Дорогихъ соболей, куницъ да лисицъ,
А и матушки камѣчки заморскія:
Что заморскія камѣчки узорчатя“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:
Пометали три сходеньки на круть бережокъ,
Брали тѣ подарочки умильные,
Самъ беретъ онъ гусѣлышки яровчаты
Да идетъ по сходеньки золоченой,
Его матушка идетъ по серебряной,

Пожегали три сходеньки на круть бережокъ,
Брали тѣ подарочки умильные,

Самъ беретъ онъ гусельшкн яровчаты....
И пошелъ на славный княженецкій дворъ.

А хорóбрая дружина по повòлжаной,
 И пошелъ онъ на славный княженецкій дворъ;
 Входитъ прямо въ гридню свѣтлую,
 Крестъ кладеть да по-писаному,
 И поклоны ведеть по-учёному,
 На всѣ три на четыре стороны,
 Князю солнышку Владиміру въ особину,
 Подаетъ ему подарочки умильные:
 Дорогихъ соболѣй, куницъ да лисицъ,
 А ту матушку камòчку узорчатую
 Молодой княгинюшкѣ Апраксіи,
 Говорить самъ таковы слова:

„Принимайте худые подарочки,
 А на златъ-серебрѣ не погнѣваться.“ (22)

Князю солнышку дары полюбилися,
 А княгинюшкѣ наипаче того,
 Развернула камòчку—дивуется,
 На плечахъ головушка качается:
 Что камочка-то двуличнева,
 Въ красномъ золотѣ не согнется,
 Въ чистомъ сѣребрѣ не сломится,
 Жемчугòмъ кругòмъ изнасажена;
 Да не дорого столько злато-сѣребро,
 Сколько дòроги узоры заморскіе:
 Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
 Всѣ-то мудрости Ерусòлима,
 А все замыслы Соловья Будимірова. (23)

Воспроговòритъ княгиня Апраксія:

„Ай ты, солнышко князь стольно-кїевскій!
 Ты умѣй-ка честить добра мòлодца,
 Ты умѣй-ка его и пожаловати“.

Воспроговòритъ князь стольно-кїевскій:

„Гой ты, душечка, удалый добрый молодець!
 Ты не царь ли какой, не царевичъ ли,
 Не король ли какой, королевичъ ли?
 За твои за подарочки умильные
 Какъ тебя честить, чѣмъ жаловати?
 Города ль тебѣ надо съ пригородками,
 Али сѣла тебѣ надо со присѣлками,
 Али надо безсчетной золотой казны?“

Отвѣчаетъ Соловей Будиміровичъ:

„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій!
 Какъ не царь я, не царевичъ я,
 Не король, не королевичъ я,
 Какъ торговый я гость съ-за синя моря,
 Ото славнаго города отъ Вѣденца,
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ.
 И не надо городовъ мнѣ съ пригородками,
 И не надо мнѣ сѣль со присѣлками,
 И не надо безсчетной золотой казны—
 У меня и своей ести дѣ-любѣ“.

„Гой еси ты, Соловей сынъ Будиміровичъ!
 Такъ зачѣмъ же ты побывалъ сюда?
 Не торгѡмъ ли торговать на съѣздѣ ко мнѣ,
 Аль пріѣхалъ такъ, на житьѣ пожить?“

Отвѣтъ держить младъ Соловеюшко:

„Не торгѡмъ торговать на съѣздѣ къ тебѣ,
 Я пріѣхалъ такъ, на житьѣ пожить
 За твоей за лаской княженецкою.
 Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить:
 Ты позволь мнѣ мѣстечка малѣшечко,
 Гдѣ построить, поставить бы три тѣрема“.

Говорить ему князь стольно-кіевскій:

„А ты стройся-ка на горкѣ конной,
 Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
 Гдѣ малые ребятки калачи продають,
 Калачи продають, барышничаютъ“. (31)

„Какъ ужъ горька-то конная мнѣ нѣ любя,
 Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
 Гдѣ малые ребятки калачи продають,
 Калачи продають, барышничаютъ.
 Ужъ ты дай-ка мѣстечко мнѣ подлѣ себя,
 У своей, государь, племянницы,
 Молодой Забавы Путятичны,
 Во ея, государь, зеленѡмъ саду,
 Въ вишеньѣ да въ орѣшеньѣ“.

И возгѡворить Владимиръ таковѡ слово:

„За твои за подарки великіе,
 За твои за рѣчи учливья,
 Ты бери себѣ мѣсто, гдѣ прилюбится,

Въ зеленѣмъ хоть саду во Забавинѣмъ,
Въ вишенѣ да въ орѣшенѣмъ“.

„Благодарствуешь, князь стольно-кѣвскій,
На твоей почесткѣ княженецкой“.

Скоро тутъ Соловей поворотъ держаль,
Приходилъ ко дружинущкѣ хороброей,
Вспрогѣворилъ да таковы слова:

„Гой вы, братцы, дружинущка хоробрая!
Вы послушайте-ка братца большаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Скидывайте кафтаны скурлатъ-сукна,
Надѣвайте кожѣнцы рабочіе,
Разувайте сапожки зеленѣ-сафьянъ,
Обувайте лапотцы липовые,
Берите топорики булатные,
Подите во Забавинъ во зеленѣный садъ,
Поставьте мнѣ въ вишенѣ, въ орѣшенѣ
Къ утра-свѣту три терема златоверхнихъ,
Что верхі бы со верхами совивалися,
Совивалися да соплеталися,
Молодая Забава Путятична
На верхи бы на тѣ оглядѣлася,
Намъ самимъ бы съ утра туда жить пойти“.

Они слушали братца большаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Скидывали кафтанцы скурлатъ-сукна,
Надѣвали кожѣнцы рабочіе,
Разували сапожки зеленѣ-сафьянъ,
Обували лапотцы липовые,
Брали топорики булатные,
Скоро шли во Забавинъ зеленѣный садъ;
Со поздня вечера до полночи
Будто дятлы въ дерево пощелкивали,
А къ полночи поспѣли три терема,
Что верхи-то со верхами совиваются,
Совиваются да соплетаются,
Въ теремѣхъ трое сѣничекъ снарядныхъ:
Первы сѣнички—рѣшетчатыя,
Други сѣнички—стекольчатыя,
Третьи сѣнички—красна золота;

А вокругъ поставленъ булатный тынь,
По серёдочкѣ—гостинный дворъ;
Къ утру-свѣту туда и жить пошли.

Зазвонили рано къ заутренѣ,
Ото сна Забава пробуждалася,
Поглядѣла во окошечко косящатое,
Во хорошій свой, во зелёный садъ,
Въ вишенье да въ орѣшенье—
Счудовѣлася Забава, сдивовѣлася:
Во хорошемъ ея, во зелёномъ саду
Что стоятъ три терема златоверхіе,
Во-четвёртыхъ стоитъ гостинный дворъ.
Говорила Забава дочь Путятична:

„Что за чудо теперь мнѣ случилося?
За ночь пиво-вино воспроизурѣлося?
Ай вы, нянюшки мои да мамушки,
Ай вы, красныя сѣнныя дѣвушки!
Вы подите-ка, поглядите-ка:

Какъ вечеръ-то стоялъ мой зелёный садъ,
Какъ стоялъ онъ вечеръ пустымъ-пусто,
А теперечко стоитъ густымъ-густо:
Три построено въ немъ терема златоверхіихъ,
Во-четвёртыхъ построень гостинный дворъ“.

Отвѣчаютъ ей нянюшки, мамушки,
Ея красныя сѣнныя дѣвушки:

„Ай ты, матушка Забавушка Путятична!
Ты изволь-ка сама сходить, посмотрѣть:
Твое счастье къ тебѣ вѣдь на дворъ пришло“.

Скоро тутъ Забава наряжается:
Обувала башмачкѣ на босѹ ногу,
Надѣвала накидничекъ на одно плечо,
Подвязалася платочкомъ шёлковымъ,
Брала за руку любезную подручницу,
По крылечку спущалась полегдшенько,
По дорожкѣ бѣжала поскорѣшенько,
Во хорошій свой, во зелёный садъ,
Въ вишенье да въ орѣшенье.
Какъ у перваго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у рѣшетчатыхъ—
Въ тоемъ теремѣ ли стучить-бренчить,

Стучить-бренчить, щелчить-молчить: (25)
 Тутъ лежитъ Соловьѣва золотà казна,
 Золотà казна безсчетная.
 У другого терема послушала,
 У тѣхъ сѣничекъ у стекольчатыхъ—
 Въ этомъ теремѣ шопоткомъ говорятъ:
 Тутъ старушечка Богу молится,
 За любимое чадо умаливаетъ,
 За младаго Соловья Будимірова.
 Какъ у третьяго терема послушала,
 У тѣхъ сѣничекъ у золоченныхъ—
 Въ этомъ теремѣ во гудки гудятъ,
 Во гусѣлки играютъ-наигрываютъ,
 Пляшутъ, скачутъ, поютъ, прикокуиваютъ:
 Соловьѣва тутъ дружинушка хоробрая,
 А и самъ Соловей сынъ Будиміровицъ.
 Говорить Забава дочь Путятична:
 „Ай же ты, любезная подручница!
 А зайдемъ-ка мы во теремъ съ тобой“.
 Заходили они въ сѣни золоченныя,
 Отворяли во теремъ двери на-пятьу—
 А и больно тутъ Забава испужалася,
 Чудо въ теремѣ ей показалось:
 Солнце на небѣ—солнце и въ теремѣ,
 Мѣсяць на небѣ—мѣсяць и въ теремѣ,
 Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремѣ,
 Зѣри на небѣ—зѣри и въ теремѣ,
 А и вся красота поднебесная.
 Въ одномъ ли углу говорятъ-гуторятъ,
 Во другомъ ли поютъ, во гудки гудятъ,
 Во гусѣлки играютъ во звончатя,
 На серѣдкѣ идутъ смѣхи, скокъ да плясъ,
 А и всякія утѣхи несказанныя.
 Испужалася Забава, перепалася,
 Подломились ея ноженьки рѣзвыя.
 Молодой Соловейко догадливъ былъ,
 Побросаль гусѣлки звончатя,
 Подхватилъ красну дѣвицу за бѣлыя ручки,
 Становилъ ее на рѣзвыя ножки,
 Поклонился, дѣвицу поздравствовалъ:

„А и здравствуешь, Забавушка Путятична,
Молодая княженецкая племянница!“
Поклонилася Забава понизёшенько,
Говорила сама да поскорёшенько:

„Ай ты, душечка, заѣзжій добрый мѡлодець!
Ты ли, мѡлодець, холостъ, неженень есть,
Да и я, красна дѣвица, на вѣданьѣ.“ (26)

Говорить Соловей сынъ Будѣмировичъ:

„Всѣмъ ты, дѣвица, мнѣ въ любовь пришла,
Тѣмъ лишь, дѣвица, мнѣ не прелюбилася,
Что сама себя, дѣвица, просватала“.

Какъ тутъ дѣвица прослезилася,
Со дѣвичьяго стыда со великаго,
Поскорёшенько поворотъ держить,
Поворотъ держить, домой бѣжить.

А самъ душечка Соловей сынъ Будѣмировичъ
Во сердцахъ-то на то не осердился,
Какъ идетъ онъ поскорёшенько,
Поскорёшенько идетъ, скорымъ-скоро
Къ князю солнышку большимъ сватомъ,
Князю солнышку низко кланяется,
Говорить самъ таковы слова:

„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій,
Какъ зашелъ я къ тебѣ докладъ держать;
Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить“.

Говорить ему князь стольно-кіевскій:

„Гой еси ты, младъ Соловеюшко!
А какой ты зашелъ мнѣ докладъ держать?“

„Я такой-то зашелъ докладъ держать—
Что о добромъ дѣлѣ, о свѣтовствѣ.
Есть любимая у тебя племянница,
А нельзя ль за меня ее замужъ отдать?“

Какъ тутъ правили они рукобѣтыце,
Какъ просваталъ князь стольно-кіевскій
Ту любимую свою племянницу
За младѣ Соловья да Будѣмирова,
Какъ пошелъ у нихъ почѣстенъ пиръ,
А честнымъ пиркомъ и за свадебку.
Приходилъ тутъ душечка добрый мѡлодець,
Соловеюшко сынъ Будѣмировичъ,

Бралъ ее, красну дѣвицу, за бѣлы ручки,
И пошли они съ дѣвицей въ церковь Божию,
Золотыми перстнями обручались,
Золотыми вѣнцами повѣнчались.

Какъ завѣяла-пошла тутъ повѣтеръ
По той славной по Днѣпрѣ-рѣкѣ,
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
Скоро съ княземъ солнышкомъ прощается,
На соколѣ-корабликъ свой собирается
Съ молодой Забавушкой Путятичной,
Со своей со рѣдной матушкой,
Со своей дружинишкой хорѣброей,
Самъ по соколу-кораблику похаживаетъ,
Желтыми кудѣрками потряхиваетъ,
Говоритъ да таковы слова:

„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы всѣ цѣловальники любимые!
Вы послушайте-ка брата бѣльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Вы снимайте сходеньки со бережка,
Подымайте якоря булатные,
Распускайте парусы хрущатые,
Поѣзжайте за славно синѣ море
Ко тому лукоморью зелѣному,
Да во славную землю Веденецкую“.

Они сдѣлали дѣло повелѣное:
Брали сходеньки со бережка,
Поднимали якоря булатные,
Распускали парусы хрущатые;
Выбѣгаютъ-выгребаютъ тридцать кѣраблей,
Впереди всѣхъ бѣжитъ соколѣ-корабль
По той матушкѣ по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Да ко славному ко синю морю.

* *
* *
* *

Глубокі—темны омуты Днѣпровскіе!
Широко раздолье—по всей землѣ!
Глубота—глубота океанъ-море!
Высота—высота поднебесная!..

БЫЛИНА ДЕВЯТАЯ.

Исцѣленіе Ильи Муромца.

Ой вы, люди мои, люди добрые,
Люди добрые, сосѣди ближніе!
Вы прійдите-ка посидѣть ко мнѣ,
Вы скажите-ка мнѣ про старое,
Про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца.

* * *

Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держалъ,
Во томъ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во большомъ селѣ Карачаровѣ, (87)
Жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоеевичъ;
У того крестьянина изо всѣхъ дѣтей
Было дѣтище одно любимое,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Какъ сидѣлъ онъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ,
На печи ли яму подъ собой протѣръ.
День и ночь онъ Богу молится,
Восполѣшится только, опомнится,
Какъ слышитъ вѣсти отъ странниковъ
Про того Соловья разбойника,

Что доро́гу залегъ на Кіевъ градъ;
Станеть спрашивать о немъ, вывѣдывать.

„Что тебѣ до разбойника, дитяtko?“

Говорить государь его батюшка.
Ничего онъ на то не отвѣтствуетъ,
Самому же все и во снѣ и въявь
Соловей разбойникъ представляется—
И молиться окаянный не даетъ ему!

Приходило время лѣтнее,
Время страдное, дни сѣнокосные,
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ его со матушкой, ⁽⁸⁸⁾
Да со всѣмъ семействомъ любимымъ
На работушку на ту крестьянскую,
Очищать отъ дубья-колодыя пожню,—
Оставался дома одинъ Илья.

Идутъ мимо тутъ старцы незнакомые,
Нища братія, калики перехожіе, ⁽⁸⁹⁾
Становились подъ окошечко косящато,
Говорили Ильѣ таковы слова:

„Ай же ты, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
Возставай-ка на рѣзвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкія,
Впускай-ка каликъ во храмину;
Подавай-ка каликамъ напиться“.

Отвѣтъ держитъ каликамъ Илья Муромецъ:

„Ай же вы, калики перехожіе!
Радъ бы васъ впустить во храмину,
Радъ бы вамъ подать напиться,
Да вотъ сиднемъ сижу ужъ тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣю ни рукъ, ни ногъ“.

Говорять калики перехожіе:

„Ай же ты, Илья, возставай-ка самъ!

Илья Муромецъ сидитъ, силу пробуетъ:
Тронетъ правую ногу—поднимается,
Тронетъ лѣвую—и та поднимается.
Возставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія,
Впускалъ каликъ во храмину;
Взялъ тогда братіну въ полтора ведра,

Опускался въ подвалы глубокіе,
 Наливалъ братіну пивомъ крѣпкимъ.
 Подносилъ каликамъ переходжимъ.
 Отпивали калики переходжіе,
 Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:

„А испей-ка, Илья, ты послѣ насъ“.

Принималъ отъ каликъ Илья Муромецъ,
 Испивалъ братіну за единый духъ—
 Только пиво то и видѣли.

У Илюши сердце разгорѣлося,

Тѣло бѣлое да распотѣлося.

И возгѣворятъ калики переходжіе:

„Что теперь ты чуешь въ себѣ, Илья?“

Бьетъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:

„Чую здравіе въ себѣ великое“.

Говорятъ калики переходжіе:

„А подай-ка ты намъ еще испить“.

Взялъ Илья братіну больше прежняго,

Опускался въ подвалы ниже прежняго,

Наливалъ братіну пивомъ крѣпче прежняго,

Подносилъ каликамъ переходжимъ.

Отпивали калики переходжіе,

Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:

„А испей-ка еще ты послѣ насъ“.

Испивалъ онъ братіну за единый духъ—

Только пиво то и видѣли.

И возгѣворятъ калики переходжіе:

„Что теперь ты чуешь въ себѣ, Илья?“

„Слышу силушку въ себѣ великую:

Кабы столбъ былъ отъ земли до небушка,

Во столбу утверждено золотѣ кольцо—

За кольцо бы взялъ, перевернулъ землю“.

Говорятъ калики промежъ себя:

„Много силушки дано Ильѣ!

Не снесетъ его мать сыра земля.

Надо будетъ поубавить ему силушки“.

Говорятъ калики Ильѣ Муромцу:

„А подай-ка ты намъ еще испить“.

Взялъ Илья братіну больше прежняго,

Опускался въ подвалы ниже прежняго,

Наливалъ братѣну пивомъ крѣпче прежняго,
Подносилъ каликамъ переходжимъ.

Отпивали калики переходжіе,

подавали назадъ Ильѣ Муромцу:

„А испей-ка еще ты послѣ насъ“.

Испивалъ онъ братѣну за единый духъ —
Только пиво то и видѣли.

И возгворятъ калики переходжіе:

„Много-ль чуешь еще въ себѣ силушки?“

„Да убавилось будто на половинушку“.

„А и будетъ съ тебя этой силушки.“

Будешь ты, Илья, великъ богатырь,

На бою тебѣ смерть не написана;

Ты постой-ка за вѣру христіанскую,

Бейся-рѣтися съ силой невѣрною,

Со богатырями сильными, могучими

Да со всею поленицею удалою;

Не ходи только драться-рѣтиться

Со могучимъ Святогоромъ-богатыремъ:

Черезъ силу носить его земля;

Не бейся и съ родомъ Микулинымъ:

Его любить матушка сыра земля;

Не ходи еще на Вольгу Всеславѣича:

Онъ не силой возьметъ, такъ хитростью-мудростью.

А теперь доставай-ка себѣ коня,

Коня добраго, коня богатырскаго,

Выходи во раздолье чисто поле:

Какъ услышишь заржучисъ жеребчика,—

Что запросить крестьянинъ за жеребчика,

Хоть запросить цѣлыхъ пятьсотъ рублей,—

Ты давай за него пятьсотъ рублей,

Станови его въ срубъ на три мѣсяца,

Бѣлоярой пшеной его откармливай,

Ключевой водой его отпаивай,

А пройдетъ тому времени три мѣсяца—

Ты по три noci въ саду его поваживай,

Въ трехъ росахъ его во утреннихъ выкатывай, ⁽⁴⁰⁾

Подводи ко тыну ко высокому:

Станетъ конь тутъ поигрывать, поплясывать,

Головою повертывать, потряхивать,

Въ лошадиныя ноздри пофыркивать,
 Черезъ тынь взадъ-впередъ перескакивать—
 Ты сѣдай тогда добра коня,
 Полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
 Поѣзжай на немъ во чисто поле,
 Повезеть онъ тебя по святой Руси,
 И богатыремъ сильнымъ, святорусскимъ
 Ты по всей святой Руси прославишься“.

Тутъ калики ушли, потерялися.

И пошелъ Илья ко родителямъ,
 За три пѣприща ътъ дому на займище,
 На работушку на ту крестьянскую,
 Отъ дубья-колодыя очистить паль.
 Отъ работы отъ той поумаявшись,
 Его рѣдныя отдыхаютъ—спать.
 Взялъ Илья топоръ во бѣлыя ручки,
 Началъ чистить пѣжню-займище:
 Все добье-колодые повырубилъ,
 Во глубокую рѣку повыгрузилъ,
 Развалилъ все займище великое
 И топоръ по корень въ пень воткнулъ—
 Не начистили семействомъ всемъ въ три дня,
 Сколько онъ начистилъ въ трѣ часа,
 Какъ возстали со сна родители,
 Удивлялися они, испужалися:

„Что за чудо такое подѣялось?

Кто сработалъ за насъ работушку?“

Подходилъ къ нимъ Илья Муромецъ,
 Разказалъ про каликъ переходящихъ,
 Какъ поилъ онъ ихъ пивомъ крѣпкимъ,
 Какъ давали и они ему испить,
 Какъ почуялъ онъ здравіе великое,
 Получилъ великую силушку.

И пошелъ Илья во чисто поле,
 Услыхалъ заржучисъ жеребчика.
 Какъ ведетъ мужикъ жеребчика,
 Жеребчика косматаго, шелудиваго. ⁽⁴¹⁾
 Не рядился Илья, купилъ жеребчика,
 Становилъ его въ срубъ на три мѣсяца,
 Бѣлояровою пшеною его откармливалъ,

Ключевой водой его отпаиваль;
 А прошло времени тому три мѣсяца—
 Сталь по трѣ noci въ саду его поваживать,
 Въ трехъ росахъ его во утреннихъ выкатывать,
 Подводишь ко тыну ко высокому;
 Сталь жеребчикъ поигрывать, поплясывать,
 Головою повертывать, потряхивать,
 Въ лошадиныя ноздри пофыркивать,
 Черезъ тынь взадъ-впередъ перескакивать.
 Осѣдлалъ, зауздаль его Илья,
 Полагаль на него доспѣхи крѣпкіе,
 Говориль самъ таковыя слова:

„Ай ты, славный мой, богатырскій конь!
 Послужи-ка мнѣ вѣрою-правдою!“

Обкольчужилъ Илья, облатился,
 Сталь пытатъ мечи булатныя;
 Какъ сожметъ въ кулакѣ рукоятъ меча—
 Сокрушится рукоятъ, разсыплется;
 Кинулъ бабамъ мечи онъ лучину драть,
 Самъ беретъ три пѣлосы булатныя,
 Въ каждой пѣлосѣ-то по трѣ пуда,
 Три стрѣлы изъ пѣлосѣ себѣ выковаль,
 Закалываль во утробѣ мать-сырѣй земли,
 Положилъ ихъ во глубоку колчанъ,
 Положилъ во налучникъ свой тѣгой лукъ,
 Бралъ съ собой копьѣ долгомѣрное,
 Бралъ еще и палицу булатную.

Какъ не сырѣ дубъ къ землѣ клонится,
 Не листочки по землѣ разстилаются—
 Разсталается сынъ передъ батюшкой,
 Себѣ просить благословеньца
 Да на вѣки нерушимое:

„Гой еси ты, родимый, милый батюшка!
 Ужь ты дай-ка мнѣ благословеньце:
 Я поѣду во славный стольный Кіевъ градъ,
 Заложиться за князя за Владиміра,
 Послужить ему вѣрою-правдою,
 Постоять за вѣру христіанскую.“

Говорить старый Иванъ Тимоѣевичъ:

„Гой ты, свѣтъ мой, чадо порождѣное!

Я на добрыя дѣла благословлю тебя,
 На худыя дѣла благословенья нѣтъ.
 Какъ поѣдешь ты путемъ-дорогою,
 Не помысли зломъ на татарина,
 Не убей въ чистомъ полѣ христiянина“.

Поклонился Илья отцу до земли,
 Заходилъ еще за Оку-рѣку
 Ко тому Миколѣ Заручѣвскому,
 Отслужилъ обѣдню запрестольную,
 Становилъ свѣчу въ двадцать-пять рублей,
 Посулилъ впередъ въ пятьдесятъ рублей,
 Самъ давалъ завѣты великіе:

„Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа,
 Межъ обѣдней ранней и утреней,
 Поспѣвать ко столу княженецкому,
 Ко обѣду тому воскресенскому,
 Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
 Не натягивать туга лука,
 Не накладывать каленой стрѣлы,
 Не кровавить копья долгомѣрнаго,
 Не кровавить и палицы булатныя,

На прощанье еще въ ладонку
 Взялъ земельки родной малу горсточку,
 На прощанье пустилъ по Окѣ-рѣкѣ
 Оржанаго хлѣбушка корочку,
 Самъ Окѣ-рѣкѣ приговаривалъ:

„А спасибо-жь тебѣ, матушка Ока-рѣка,
 Что поила, кормила Илью Муромца“.

Еще видѣли—сѣлъ на коня Илья,
 А не видѣли—куда поѣздку далъ.

БЫЛИНА ДЕСЯТАЯ.

Илья Муромецъ, Черниговцы и Соловей разбойникъ.

Охъ вы, рощи, рощи зеленѣя! липушки цвѣтныя!
Вы, кусточки молодые! вы, орѣшники густые!
Разрослись вы, расплодилось по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, все по быстрымъ рѣкамъ,
Коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона рѣки!
Обтекаютъ эти рѣки славны русски города,
Протекаетъ рѣка Волга 'коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывутъ то, всплываютъ красны лодочки на ней:
Красны лодочки краснѣютъ, чѣрны шляпоньки чернѣютъ,
Чѣрны шляпоньки чернѣютъ на гребцахъ-молодцахъ,
На самѣмъ-то на старшѣмъ-то чѣрна сѣболя колпакъ.
Они ѣдутъ-всплываютъ все про Муромски лѣса,
Они хвалятъ-величаютъ все удала молодца!
Все удала молодца Илью Муромца!

* *
* *

Какъ изъ славна города изъ Муромъ,
Изъ того села изъ Карачарова
Начиналася поѣздка богатырская:
Выѣзжалъ удалый добрый молодецъ
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Онъ стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты крѣпкіе:
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдной раннею и утреней,

Поспѣвать къ обѣду княженецкому,
Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
Рукъ дорожкой не кровавити.

Какъ первѣй ускокъ свой богатырскій конь
Даль во полпути отъ Мурома—
Съ-подъ копыть его ударилъ ключъ живой;
У ключа Ильюша сѣрой дубъ срубилъ,
Надъ ключомъ часовню устанавливалъ,
На часовнѣ имечко свое подписывалъ:

„Ѣхалъ святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ“.

О сю пору льется родничокъ живой,
О сю пору же стоитъ надъ нимъ часовенька; (43)
А въ ночь къ ключу студѣному
Ходить звѣрь-медвѣдь воды испить,
Понабраться силы богатырскія.

Какъ другимъ ускокомъ богатырскій конь
Перенесъ Ильюшу черезъ Муромъ градъ;
А за третімъ ускокомъ Илья Муромецъ
Подѣзжалъ ко городу Чернигову. (44)
У того ли города Чернигова
Силы ратища стойтъ чернымъ черно,
Нагнано что чѣрна вѣрона.

Подступили подъ Черниговъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце неуѣмчиво, разгѣрчиво:
Что веселый огонѣчекъ разыграется,
Что морозъ палящій разгорается.
Говорить себѣ Ильюша таково слово:

„Не хотѣлось бы отцу быть супротивникомъ,
Не хотѣлось бы и заповѣдь переступить;
Да хотъ всякій заповѣди кладывалъ,
А не всякій заповѣди сдерживалъ“.

Подѣзжаетъ онъ къ силушкѣ великой
Да не хочеть натянуть свой тѣгой лукъ,
Палицу, копье свое кровавити—
Сѣрой дубъ беретъ онъ въ три обѣмени,
Изъ земли повѣвернулъ, повѣдернулъ
Со камѣнями да со кореньями,
Сталъ сырѣмъ дубомъ по силушкѣ погуливать,

Силушку добрымъ конемъ потаптывать;
Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
Отмахнется—часты площади;
Добивается до трехъ царевичей,
Говорить имъ таковы слова:

„Охъ, вы гой еси, мои царевичи!
Во полонъ ли мнѣ васъ, братцы, взять,
Али буйны головы съ васъ снять?
Какъ въ полонъ васъ взять—дѣвать васъ нѣкуда:
У меня дороженьки заѣзжія,
У меня хлѣба завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмена сгубить.
Разѣзжайтесь-ка вы по своимъ ордамъ,
По своимъ ордамъ да по своимъ мѣстамъ;
Да чиніте, разносите такову славу,
Что святая Русь да не пуста стоитъ,
Есть еще на матушкѣ святой Руси
Сильные, могучіе богатыри“.

Заѣзжалъ онъ тутъ во славный во Черниговъ градъ,
Подѣзжалъ ко церкви Божіей,
Ко тому Ивану ко Великому:
А во церкви Божьей люди Богу молятся,
Каются да приобщаются,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаются.
Заходилъ Илья во славный Божій храмъ,
Крестъ кладеть да по-писаному,
И поклонъ ведеть да по-учѣному:
Поклоняется святому Спасу образу,
Во-другихъ святыхъ Божьей матери,
Во-третьихъ всему міру христіанскому:

„Ужъ вы здравствуйте-ка, мужичкы черниговцы!
Вы объ чемъ тутъ каетесь да приобщаетесь,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаетесь?“

Отвѣчаютъ мужичкы черниговцы:

„Мы объ томъ тутъ каемся да приобщаемся,—
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаемся,—
Обступили нашъ Черниговъ три царевича,
Наступаютъ силой трижды сорокъ тысячей“.

Говоритъ имъ Илья Муромецъ:

„Вы идите-ка на стѣну городовую,

Посмотрите во чисто поле

На ту силу трижды сорокъ тысячей“.

Шли черниговцы на стѣну городовую,

Со стѣны смотрѣли во чисто поле

На ту силу трижды сорокъ тысячей:

Гдѣ стояла сила во чистомъ полѣ,

Тамъ стоятъ одни знамѣна, да не русскія,

Много множество знамѣнь, какъ во темномъ лѣсу,

Во темномъ лѣсу сухого дерева;

А народу тамъ прибито да привалено,

Будто градомъ нива выбита, присѣчена.

Бьютъ челомъ Ильѣ черниговцы низкомъ-низко:

„Гой же ты, удалый добрый молодець!

Ты коей земли, коей орды,

Коего отца да кдеи матушки,

Какъ тебя, удалый, именемъ зовуть?

Ты иди-ка къ намъ въ Черниговъ воеводю,

Ты суди суды надъ нами правильно,

Будемъ всѣ тебя мы слушати“.

Говоритъ въ отвѣтъ имъ Ильѣ Муромецъ:

„Не дай Господи съ холопа дѣлать барина,

Съ барина холопа, съ палача попа,

Воеводу дѣлати съ богатыря!

Я изъ той земли, изъ той орды,

Изъ того изъ города изъ Мурома,

Изъ того села изъ Карачарова,

Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,

Ильѣ Муромецъ да сынъ Ивановичъ:

Не хочу идти къ вамъ воеводю!

Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,

Прямоѣзжую во стольный Кіевъ градъ“.

Не хотятъ пускать его черниговцы,

Насыпаютъ чашу красна золота,

Насыпаютъ чашу чиста сѣребра,

Насыпаютъ третью скатна жемчугу,

Всѣ ему подносятъ во подарочекъ.

Не беретъ Ильѣ ихъ злата-сѣребра,

Не беретъ ихъ скатна жемчугу,

Проситъ указать дорожку прямоѣзжую.

Говорятъ ему черниговцы:

„Ай же ты, удалый добрый молодець:
 Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
 Заколодѣла дорожка, замуравѣла;
 Какъ по той пути-дороженькѣ
 Тридцать лѣтъ никто пѣхотою не хаживаль,
 На добромъ конѣ никто не ѣзживаль.
 А стоять тамъ три заставушки великія:
 Первая застава (44)—во лѣсахъ во Брынскіихъ
 Грязь топучая, корба зыбучая;
 А другая—у березы у покляпныя,
 У той славной рѣчки у Смородиной, (45)
 У того креста у Леванидова,
 Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семй сукахъ,
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ; (46)
 Какъ засвищеть онъ по-соловьиному,
 Зашипить, разбойникъ, по-змѣиному,
 Закричить, собака, по-звѣриному—
 Отъ того отъ пѣсвисту солѡвьяго,
 Отъ того отъ пѣшипу змѣинаго,
 Отъ того отъ пѣкрику звѣринаго
 Всѣ-то травушки-муравы уплетаются,
 Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
 Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
 А что есть людей—то всѣ мертвы лежать.
 Третья ли заставушка великая—
 Домъ стоитъ у Соловья разбойника
 На семи дубахъ да на семи верстахъ;
 Какъ живетъ тамъ молода жена Солѡвьева
 Со тремя со дочерьми родимыми—
 Мимо не пройти ни конному, ни пѣшему.
 Прямоѣзжей-то дорожкой будетъ триста версть,
 А окольною дорожкой цѣла тысяча“.

Пораздумался удалый Илья Муромецъ;

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
 Ъхати дорожкой окольною;
 Ужь поѣду-ка дорогой прямоѣзжею“.

Какъ не буйны вѣтрушки завѣяли—
 Какъ поѣхаль тутъ удалый добрый молодець
 Не окольною дорожкой, прямоѣзжею;—
 Бралъ во ручку плѣточку шелкѡвенку.

Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Вынуждалъ скакать всей силушкой великою;
 Осержался добрый богатырскій конь,
 Со горы на гору перескакивалъ,
 Со холма да на холмъ перемахивалъ,
 Мелки рѣченьки, озѣрки промежь ногъ спускалъ.
 И привезъ его онъ во лѣса во Брынскіе,
 Ко той первой ко заставушкѣ—
 Ко грязи топучеѣй, корбѣ зыбучеѣй;
 Развалились мостики калиновы,
 А и ѣхати имъ больше некуда.
 Соскочилъ удалый со добра коня,
 Лѣвою рукой ведетъ коня на поводѣ,
 Правую рукой дубѣ-колѣдѣ рветъ,
 Про себя моститъ мосточки дубовые.
 Сѣлъ опять удалый на добра коня,
 Проѣзжаетъ ровно тридцать верстъ,
 Подѣзжаетъ ко другой заставушкѣ—
 Ко березѣ ко покляпоеѣй,
 Ко той славной рѣчкѣ ко Смородиной,
 Ко тому кресту ко Леванидову,—
 Услыхалъ тутъ Соловьино гнѣздышко.
 Скоро онъ срываетъ маковъ листь,
 Затываетъ уши въ гѣловѣ,
 Ёдетъ прямо къ Соловьину гнѣздышку.
 Не доѣхалъ до гнѣзда онъ за три поприща,
 Отъ далѣ услышалъ добра молодца
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:
 „А какой невѣжа проѣзжаетъ тутъ
 Мимо моего гнѣзда да Соловьинаго?“
 Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному,
 Зашипитъ да по-змѣиному,
 Закричитъ да по-звѣриному—
 Мать сыра земля подрогнула:—
 Всѣ-то травушки-муравы улетѣлися,
 Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпѣлися,
 Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклонилися,
 Добрый конь Ильюшинъ на колѣна палъ;
 На конѣ сидитъ Ильюша не сворохнется,
 На головушкѣ кудѣрышки не стрѣхнутся.

Бралъ опять онъ плёточку шелковеньку,
 Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Говорить самъ таковыя слова:

„Ахъ ты, волчья сыть, медвѣжья выть!
 Не ходилъ ты развѣ, конь мой, по лѣсу,
 Не слыхалъ ты посвисту соловьяго,
 Не слыхалъ ты пошипу змѣйнаго,
 Не слыхалъ ты покрику звѣринаго
 Не видалъ ударовъ богатырскихъ?
 Ты вставай-ка на рѣзвыя ноги,
 Подвози-ка подъ гнѣздо подъ Соловьиное,
 Подъ того подъ Соловья разбойника!“

Пуще прежняго пустился добрый конь
 Подъ гнѣздо подъ Соловьиное.
 Удивляется разбойникъ, буйну голову
 Изъ гнѣзда изъ своего повѣсунуль.
 Какъ нарушилъ тутъ Илья завѣты крѣпкіе:
 Вынулъ изъ налучника свой тугой лукъ,
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,
 Наложилъ стрѣлу калѣную,
 Самъ стрѣлѣ да приговариваль:

„Ты лети-ка, стрѣлка, да не въ темный лѣсъ,
 Ты лети-ка, стрѣлка, не въ чисто поле,
 Ты пади-ка Соловью во правый глазъ,
 Вылетай-ка во лѣво ухо!“

Полетѣла стрѣлочка калѣная,
 Пала Соловью разбойнику во правый глазъ,
 Вылетала во лѣво ухо;
 Не убила до смерти разбойника,
 Поразила только, повалила съ ногъ,
 Покатился со гнѣзда онъ, что овсяный снопь;
 Подхватилъ его Ильюша на бѣлыя руки,
 Налагаль съ тетивочки шелковенькой
 Петельку ему на буйну голову,
 Пристягнуль той петелькой ко стремени,
 И повезъ съ собою по чисту полю.
 Сталъ тутъ добрый конь его поскакивать,
 Соловешко у стремени поплясывать.

И подѣхалъ онъ ко третьей ко заставушкѣ—
 Ко тому ко дому Соловьиному;

А стоить онъ на семи дубахъ,
 На семи дубахъ да на семи верстахъ.
 Около двора идетъ желѣзный тынъ,
 А на всякой тычинкѣ по маковкѣ,
 По головушкѣ по богатырскойей.
 Какъ живетъ тамъ молода жена Соловьева
 Акулина дочь Дудентьевна,
 Какъ живутъ съ ней дѣтушки родимыя:
 Старшая—Невѣя Соловьевична,
 Средняя—Ненила Соловьевична
 И меньшайя—Пелька Соловьевична.
 Какъ глядятъ тѣ дѣтушки Соловьевы
 Во окошечко косящато,
 Сами говорятъ да таковы слова:

„Ай ты, наша матушка-родителекъ,
 Акулина дочь Дудентьевна!
 Ъдетъ государь нашъ батюшка
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ,
 На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскомъ,
 А везетъ онъ мужичищу-деревенщину
 У булатнаго у стремени прикована,
 Кверху ноженъки, а внизъ головушка“.

Прибѣгала Акулина дочь Дудентьевна,
 По поясъ въ окошечко бросалася,
 Закричала жалкимъ голосомъ:

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
 Неразумныя вы дѣтушки!
 Ъдетъ мужичище-деревенщина,
 На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскомъ,
 А везетъ-то государя-батюшку
 У булатнаго у стремени прикована,
 Кверху ноженъки, а внизъ головушка.
 Вы бѣгите-ка скорѣе на широкій дворъ,
 Поднимите подворотеньку чугунную,
 Да убейте на проѣздѣ въ воротахъ его,
 Выручите батюшку желаннаго!“

Побѣжали эти дочушки Соловьевы,
 Впереди всѣхъ Пелька Соловьевична:
 Поднимала Пелька подворотеньку,
 Подворотеньку во девяносто пудъ,

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!

Бѣдетъ мужичище-дервенщина,
А везетъ-то государя-батюшку...“

Ладила ударить Илью въ буйну голову.
 Да была его ухватка богатырская,
 Осадилъ Илья назадъ добра коня,
 Пролетѣла мимо подворотенька.
 Пнулъ еще ногою дѣвку подъ спину—
 Улетѣла дѣвка за широкій дворъ,
 Нажилà себѣ увѣчье вѣковѣчное. (47)

Закричалъ тутъ дѣткамъ во всю голову
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:

„Ай же глупыя вы дѣтушки,
 Неразумныя вы дѣтушки!
 Подворотней ли убить вамъ мѡлодца,
 Коли самъ я свистомъ не сразилъ его?
 Вы зовите мѡлодца въ гостѣбище,
 Вы дарите мѡлодца подарками,
 Выкупайте батюшку желаннаго“.

Стали звать онѣ Илью въ гостѣбище,
 Выносили цѣнныя подарочки,
 Золотой казны даютъ ему три тысячи—
 Не беретъ Илюшенька трехъ тысячей;
 Обѣщаютъ тридцать тысячей—
 Не беретъ и тридцати онѣ тысячей:

„Мнѣ подарочковъ неправедныхъ не надобно,
 И не выдамъ вамъ я батюшки-разбойника;
 Я свезу его во Кіевъ градъ,
 На вино пропью да на калачъ проѣмъ“.

„Ай же ты, удалый добрый мѡлодецъ!
 Ты бери съ насъ златà-сѣребра,
 Ты бери съ насъ скатна жемчугу,
 Сколько сможетъ увезти твой добрый конь,
 Сколько самъ снесешь на плечахъ богатырскіихъ;
 Только намъ оставь кормильца-батюшку,
 Хоть не ради прокормленьица,
 Хоть бы ради поглядѣнница“.

Говоритъ Илья имъ таковыя слова:

„Ай вы, малы дѣтушки Соловьевы!
 Не оставлю и на поглядѣннице.
 Поѣзжайте-ка за мною на прощеньице:
 Покладите все имѣніе-богачество,
 Всю несчѣтну золоту казну

На телѣги на ордѣнскія,
 Да катите къ славному столъну Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру:
 Можетъ, тамъ вамъ и отдамъ кормильца-батюшку“.

Самъ поѣхаль къ славному столъну Кіеву,
 Поспѣваль къ обѣденькѣ ко позднейей.
 Входитъ онъ во славный Божій храмъ,
 Крестъ кладѣтъ да по-писаному,
 И поклонъ ведеть да по-учѣному,
 Всѣмъ святымъ иконамъ поклоняется:
 „Не исполниль я завѣта Божьяго,
 Окровавилъ руки въ челоуѣчью кровь:
 Надо бы служить во храмъ Богу мѣлебень“.

Отстоявши позднюю обѣденьку,
 Ёдетъ ко палатамъ княженецкіимъ,
 Пріѣзжалъ на княженецкій дворъ,
 Привязалъ коня ко столбику точѣному,
 Ко тому колечку золочѣному,
 Дверь въ палаты на-пяту размахиваль,
 Заходилъ во гридню княженецкую,
 Кладъ тутъ крестъ да по-писаному,
 Вель поклоны по-учѣному,
 На четыре на сторонки низко кланялся,
 Князю солнышку съ княгинею въ особину,
 Всѣмъ еще князьямъ его да подколѣннымъ.
 Говорить ему Владиміръ стольно-кіевскій:

„Здравствуешь, удалый добрый мѣлодецъ!
 Ты коей земли, коей орды?
 Какъ тебя, скажись, зовуть по имени,
 Нарекають по отечеству?“

Отвѣчаетъ добрый мѣлодецъ:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 Я изъ славна города изъ Мурома,
 Изъ того села изъ Карачарова,
 Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты Илья Муромецъ Ивановичъ!
 А давно ль ты выѣхаль изъ Мурома,
 А какой дорожкой ѣхаль ты во Кіевъ градъ?“

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

„Я стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты крѣпкіе:
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдней ранней и заутреней,
Поспѣвать къ обѣду княженецкому.
Да дорожкой дѣло призамѣшкалось:
Ѣхаль я дорожкой прямоѣзжею,
Мимо славна города Чернигова,
Ѣхаль ли еще лѣсами Брынскими,
Мимо той березыньки покляпныя,
Мимо славной рѣченки Смородиной,
Мимо славнаго креста да Леванидова;
Лишь поспѣлъ къ обѣднѣ къ ко поздней“.

Какъ сидѣлъ Алеша тутъ Поповскій сынъ,
Говоритъ Алешенька Владиміру:

„Гой ты, ласковое солнышко Владиміръ князь!
Во глазахъ дѣтина замирается,
Во глазахъ надъ нами насмѣхается!
Ужъ ему ли, деревенщинѣ, проѣхати
Прямохожею дорожкой, прямоѣзжею?
У того у города Чернигова
Силы нагнано чернымъ-черно:
Сѣру заюшкѣ въ три года вкругъ не обскакать,
Ясну соколу въ три года да не облетѣть.
Во лѣсахъ во Брынскихъ грязь топучая,
Грязь топучая, корба зыбучая;
А у той березы у покляпныя,
У той славной рѣчки у Смородиной,
У того креста у Леванидова
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семі сукахъ,
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ;
Какъ засвищеть оцъ по-соловьиному,
Зашипитъ, разбойникъ, по-змѣиному,
Закричитъ, собака, по-звѣриному—
Всѣ-то травушки-муравы уплетаются,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
А что есть людей, то всѣ мертвы лежать“.

Говоритъ удалый Илья Муромецъ:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Соловей разбойникъ на твоємъ дворѣ:
Выбилъ я ему, злодѣю, правый глазъ,
Приковаль его ко стремячку булатному“.

Какъ тутъ солнышко Владиміръ столько-кіевскій
Возставаль скорѣнько на рѣзвѣ ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Соболину шапочку да на одно ушко,
Выходилъ съ княгиней на широкой дворъ
Посмотрѣтъ на Соловья разбойника;
Какъ тутъ пометались всѣ князья да бѣяре,
Покидались всѣ могучіе богатыри:
Богатырь Самсонъ Самойловичъ,
Богатырь Суханъ Домантьевичъ,
Богатырь Добрынюшка Никитичъ младъ,
Богатырь Алешенька Поповскій сынъ,
Съ ними семь братѣвъ Сбродовичей,
Два еще братѣ Хапилова,
Да еще ли мужики Залѣшане—
Выбѣгали всѣ за княземъ на широкой дворъ,
Подбѣгали къ Соловью разбойнику.
А разбойничекъ висить у стремени,
Травянымъ мѣшкомъ висить, согнѣтъ корчагою,
Лѣвымъ глазомъ-то глядитъ на Кіевъ градъ,
Правымъ глазомъ, что подстрѣленъ, на Черниговъ градъ.

Говорить ему Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Засвищи-ка ты по-соловьиному,
Зашипи-ка по-змѣиному,
Закричи-ка по-звѣриному.“

Пусть потѣшатся мои князья да бѣяре,
Пусть услышатъ всѣ могучіе богатыри“.
Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:

„Не у васъ сегодня хлѣба кушаю,
Такъ не васъ сегодня и послушаю!
Я сегодня кушалъ у Ильи у Муромца,
Одного Илюшу и послушаю“.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
Прикажи-ка ты разбойнику

Засвистать по-соловьиному,
 Зашипѣть да по-змѣиному,
 Закричать да по-звѣриному“.

Говорить удалый Илья Муромецъ:

„Ужъ ты гой еси, нашъ батюшка Владиміръ князь!
 Не во гнѣвъ бы вамъ съ княгиней показалося:
 Я тебя ли, батюшку, возьму подъ паушку,
 Подъ другой прикрою матушку княгинюшку.
 Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
 Ужъ потѣшь-ка князя батюшку,
 Засвищи-ка да полѹ-свистомъ,
 Зашипи-ка да полѹ-шипомъ,
 Закричи-ка да полѹ-крикомъ“.

Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:

„Ай ты, славный Илья Муромецъ!
 Какъ не ходять у меня уста сахарныя,
 Запеклись горячей кровью, запечатаны:
 Ты стрѣлилъ меня во правый глазъ,
 Выходила стрѣлка во лѣвѹ ухо.
 Прикажи-ка князю солнышку
 Чару мнѣ налить да зеленѹ вина,
 Какъ повыпью зеленѹ вина,
 Тутъ мои кровавы раны поразѹдутся,
 Тутъ мои уста сахарны порасходятся,
 Засвищу я вамъ тогда по-соловьиному,
 Зашиплю вамъ по-змѣиному,
 Закричу вамъ по-звѣриному“.

Говорить Илья князю Владиміру:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кѣвскит!
 Ты поди-ка въ горенку столовую,
 Наливай-ка чару зеленѹ вина,
 Да не малую стопу—во полтора ведра,
 Разводи ее медами да стоялыми,
 Подноси, да Соловьѹ разбойнику“.

Скоро князь Владиміръ стольно-кѣвскит
 Шель во горенку столовую,
 Налилъ чару зеленѹ вина,
 Да не малую стопу—во полтора ведра,
 Разводилъ ее медами да стоялыми,
 Подносилъ собакѣ Соловьѹ разбойнику.

Принялъ чару Соловей одной рукой,
 Выпилъ чару за единый вздохъ,
 Да отъ той отъ чары ли собаку хмель зашибъ,—
 Не послушался наказа онъ Ильюшина:
 Засвисталъ во весь во соловьиный свистъ,
 Зашипѣлъ во весь змѣиный шипъ,
 Закричалъ во весь звѣриный крикъ.
 Отъ того отъ пѣсвиста солдвьяго,
 Отъ того отъ пѣшипу змѣинаго,
 Отъ того отъ пѣкрику звѣринаго
 Маковки на теремахъ покривились,
 Стеклышки въ оконницахъ полѣпались,
 Со двора всѣ кѣни разбѣжались,
 Всѣ князья со боярами пали замертво,
 Всѣ могучіе богатыри припадали,
 Окаракой по двору распѣзались,
 Самъ Владиміръ князь съ княгинею
 Еле живъ стоитъ, шатается,
 У Ильи подъ пазушкою укрывается:

„Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичь!
 Ты уйми-ка Соловья разбойника,
 Чтобы не свисталъ по-соловьиному,
 Князей-бояровъ оставилъ мнѣ на сѣмена!“

Какъ катятъ тутъ дѣтушки Солдвьевы
 На широкой княженецкой дворъ
 Много-множество телѣгъ ордынскихъ.
 На имѣніе-богачество Солдвьево
 Солнышко Владиміръ князь обзѣрилъ.
 Говоритъ удалый Илья Муромецъ:

„Ай ты, солнышко Владиміръ князи!
 Не тобой они приказаны,
 Не тобой же и назадъ отпустятся!—
 Гой вы, малы дѣтушки Солдвьевы!
 Вы катите-ка опять назадъ къ себѣ
 Все свое имѣніе-богачество,
 Всю несчетну золоту казну:
 Не видать ужъ вамъ кормильца-батюшки;
 Вамъ не надо по міру скитатися,
 Будетъ чѣмъ до смерти пропитатися,
 Обойдется и безъ кормильца-батюшки“ .

Покатили дѣтушки Соловьевы
Все имѣніе-богачество—заплакали.

Говорить Илья разбойнику:

„Ай ты Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Я велѣлъ тебѣ свистать полу-свистомъ:
Ты почто свисталъ во весь во соловьиный свистъ?“

Какъ отдернеть онъ разбойника отъ стремени,
Выводилъ за ручки во чисто поле,
Ко сырѣ дубу привязывалъ,
Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Стрѣлочку калѣную накладывалъ
И стрѣлилъ ему во бѣлу грудь,
Раздробилъ злодѣю бѣлу грудь,
Говорилъ самъ таковыя слова:

„Полно же тебѣ свистать по-соловьиному,
Полно же тебѣ шипѣть да по-змѣиному,
Полно же тебѣ кричать да по-звѣриному,
Полно же тебѣ слезить отцовъ и матерей,
Полно же тебѣ вдовить молѣдушекъ,
Полно же тебѣ сирѣтать малыхъ дѣтушекъ!“

И спроговорилъ Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Благодарствуешь, удалый Илья Муромецъ,
Что избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
Нареку тебѣ я имечко по-новому:
Будь ты первый богатырь во Кѣвѣ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Да живи у насъ во стольномъ Кѣвѣ,
Вѣкъ живи отнынѣ до вѣку!“

И пошли они къ обѣду княженецкому.

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Гой еси ты, первый богатырь нашъ кѣвскій,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Жалую тебя тремя мѣстами я:
Первое мѣсто—въ рядѣ со мной садись,
Другое мѣсто—въ рядѣ съ княгинею,
Третье мѣсто—куда самъ захошь“.

Заходилъ Илья съ окѣнничка,
Пожалъ всѣхъ князей да бояровъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей:
Очутился противъ самаго Владиміра.

Смѣлому Алешѣ за бѣду пало,
 Взялъ Алеша со стола булатный ножъ,
 Кинулъ во Илью во Муромца;
 На лету поймалъ Илья булатный ножъ,
 Да воткнулъ его въ дубовый столъ.

Говорить Ильѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Гой ты, первый богатырь нашъ кіевскій,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
 Держимъ всѣ мы на тебя надѣжу крѣпкую:
 Ужъ прими-ка ты меня, Добрынюшку,
 А со мной и моего ли братца меньшаго,
 Смѣлаго Алешеньку Поповича,
 Во свои во братья во крестовые;
 Будешь ты, Илья, намъ братцемъ бѣльшимъ,
 Я, Добрыня, буду братцемъ среднимъ,
 А Алеша—братцемъ меньшимъ“.

Говорить ему Алешенька Поповичъ младъ:

„Во своемъ ли ты умѣ, Добрынюшка,
 Во своемъ ли, братецъ мой, во разумѣ?
 Самъ изъ роду ты, Добрыня, изъ боярскаго,
 Я, Алешенька, изъ стараго поповскаго,
 А ему никто не знаетъ роду-племени,
 Принесло его ни вѣсть откудова,
 Назвался крестьянскимъ сыномъ изъ-подъ Мурома,
 Да чудить у насъ во Кіевѣ, уродствуеть“.

Быль тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ,
 Говорить Ильѣ Самсонъ Самойловичъ:

„Гой ты, мой возлюбленный племянничекъ,
 Первый богатырь нашъ Илья Муромецъ!
 На Алешку больно ты не гнѣвайся:
 Роду онъ поповскаго, захлыщева,
 И каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянь,
 Лучше всѣхъ бранится, лучше ссорится!

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты дядюшка Самсонъ Самойловичъ!
 Не во гнѣвъ же и тебѣ будь сказано:
 Самъ доселѣ слылъ ты старшимъ богатыремъ,
 А теперь кого въ племянники пожаловалъ,
 Надъ собою наибольшимъ кого призналъ?
 Деревеньщину, засельщину!

Говорить Самсонъ Самойловичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты гораздъ играть во гусельцы звончатыя,
Пѣть про времена про стародавнія.
Вынимай-ка гусельцы звончатыя,
Поналадь-ка струнки золочёння,
Выбирай-ка сыгрыши хорощеньки,
Спой Алешѣ на послушанье старинушку
Про того про деревенскаго богатыря,
Про Микулу Селянинова“. (48)

Вынималъ Добрыня гусельцы звончатыя,
Сталъ шелковья тетивочи потягивать,
Золочёны струночки подлаживать,
Учалъ по тѣмъ струночкамъ похаживать,
Учалъ-почалъ голосомъ поваживать;
Выигрышъ беретъ со матушки святой Руси—
Про того Микулу Селянинова,
А напѣвки все свои, Добрынины.

БЫЛИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Микула Селяниновичъ.

„Ой вы, люди мои, люди добрые!
Я скажу вамъ старину стародавнюю:
„Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Народился младъ Вольгѣ Всеславьевичъ.
Сталь Вольгѣ ростѣть-матерѣть,
Обучался Вольгѣ многимъ мудростямъ:
Щукой-рыбою ходить во сѣниихъ моряхъ,
Птицей-сѣколомъ летать подѣ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чѣстныхъ поляхъ.
Уходили всѣ рыбушки въ глубокія страны,
Улетали всѣ птичущки за оболока
Убѣгали всѣ звѣрюшки во тѣмные лѣса.
Сталь онъ, Вольгѣ, ростѣть-матерѣть,
Подбиралъ себѣ дружинущку хордбрую,
Свѣрстныхъ себѣ волосомъ да голосомъ,
Рѣчью, пословицей, походкою,
Всею поступочкою молодецкою,
Тридцать мѣлодцевъ безъ единого,
Самъ-то Вольгѣ былъ во тридцатныхъ.

„Какъ не стали мужики тутъ со двухъ городовъ:
Съ славна Гурчевца да со Орѣховца,
Деней-пошлинѣ платить во Кіевъ градъ,—

Молодой Вольга Всеславьевичъ
Со дружинешкой хоробрю справляется;
За получкой къ городамъ тѣмъ снаряжается!
Все берутъ они жеребчиковъ молоденькихъ,
Все молоденькихъ берутъ да темнокарихъ.
„Вотъ послали на добрыхъ коней, поѣхали,
Выѣзжали во раздольице чисто поле,
Услыхали во чистомъ полѣ оратая:
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣдутъ мѣлодцы впередъ до оратая,
Ѣдутъ день они съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Другой день они ѣдутъ до оратая,
Другой день съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Третій день они ѣдутъ до оратая,
Третій день идетъ ко полудню—
Только тутъ оратая наѣхали.
Ореть въ полѣ оратай, понукиваетъ,
На кобылушку свою погукиваетъ,
Съ края въ край бороздки помѣтываетъ,
Въ край уѣдетъ—и другого не видать,
Изъ земли дубья-колоды вывѣртываетъ,
А великіе каменья всѣ въ борозду валить;
Только кудри у оратая качаются,
Скатнымъ жемчугомъ по плечамъ разсыпаются.
У оратая кобылка-то солѡвая,
На кобылкѣ гужики шелковные,
Хвостъ-отъ до земли растилается,
Грива колесомъ завивается.
Сошка у оратая дубовая,
А омѣшики на сошкѣ чиста сѣребра,

На омѣшикахъ присошекъ красна золота,

„Говорить Вольга таковы слова:

„—Богъ тебѣ помочь, оратаюшко?

Что орать ли, пахать да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки помѣтывати!—

„Говорить оратай таковы слова:

„—Да поди-ка ты, Вольга Всеславьевичъ!

Надо Божью помочь намъ крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки помѣтывати.

Самъ далече-ль ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинишкою хороброю?—

„Говорить Вольга таковы слова:

„—Ѣду съ града Кіева ко двумъ городамъ:

Къ славну Гурчевцу да ко Орѣховцу:

Не хотятъ мужики даней-пошлинъ платить.—

„—Ай ты, младъ Вольга Всеславьевичъ!

Въ томъ Гурчевцѣ да во Орѣховцѣ

Мужики-то живутъ все разбойники:

Я недавно былъ тамъ—третьёго дни,

Закупилъ себѣ соли цѣлыхъ трѣ мѣха,

А и въ каждомъ мѣху было по сту пудъ,

Положилъ на кобылку на соловую,

На кобылку на солову *Обнеси-Голова*,

Самъ я, мѣлодецъ, садился—ровно сорокъ пудъ,

И поѣхаль по Гурчевцу-Орѣховцу.

Какъ тутъ стали мужики меня захватывать,

Тѣ разбойники гурчевцы-орѣховцы,

Стали грѣшей подорожныхъ съ меня просить.

Сталь я грѣшей подорожныхъ мужикамъ дѣлить;

Да чѣмъ меньше грошей стало ставиться,

Тѣмъ просителей все больше стало ставиться.

А я былъ съ шалыгой подорожною,

Сталь дѣлить имъ грѣшей подорожныхъ:

Да кой стоя стояль, тотъ и сидя сидитъ,

А кой сидя сидѣль, тотъ и лёжа лежитъ—

Положилъ ихъ, разбойниковъ, до тысячи.—

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!

Поѣзжай-ка ты со мною во товарищахъ.—

„Собрался съ нимъ оратай во товарищахъ,

Съ сошки мужики шелковеньки повѣстегнуль,

Сошку съ земельки повдёрнулъ,
Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнулъ,

Подхватилъ да махнулъ въ ракитовъ кусть —
Улетѣла сошка подь оболока....

Да кобылку солдовеньку повѣвернулъ,
Самъ садился на кобылку солдовеньку;
Всѣ посѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

„Говорить оратай таковы слова:

„— Ай же ты, Вольга Всеславьевич!
А оставилъ я вѣдь сошку въ бороздочкѣ;
Да не для-рати прохожаго-проѣзжаго:
Маломожный наѣдетъ—не управится;
А богатый наѣдетъ—не позарится,
Не наѣхалъ бы на сошку свой братъ мужикъ:
Онъ какъ сошку съ земельки то повѣдернетъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнеть,
Да изъ сошки омѣшики повѣколнетъ—
Нечѣмъ будетъ самому мнѣ крестьянствовати.
Ужъ пошли-ка ты дружинишку хоробрю,
Чтобы сошку съ земельки повѣдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.—

Посылаетъ Вольга Всеславьевичъ

Со своей со дружинишки хоробрю
Трехъ самолучшихъ добрыхъ мѡлодцевъ,
Чтобы сошку съ земельки повѣдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Ѣдутъ къ сошкѣ три могучихъ мѡлодца,
За рогачъ они сошку вокругъ вертѣтъ,
А не могутъ сошки съ земли поднять.
Посылаетъ Вольга десять мѡлодцевъ—
Ѣдутъ къ сошкѣ цѣлымъ десяточкомъ,
За рогачъ они сошку вокругъ вертѣтъ,
Сошки отъ земли поднять нельзя.
Посылаетъ всю дружинишку хоробрю,
Тридцать мѡлодцевъ безъ одинаго—
Ѣдутъ къ сошкѣ всѣ тридцать безъ одинаго,
За рогачъ берутъ сошку, вокругъ вертѣтъ,
Отъ земельки сошки все поднять нельзя.

Говорить оратай таковы слова:

„— Ай ты, младъ Вольга, княженецкїи сынъ!
Не дружинишка у тебя хоробрю,
А немудрая у тебя одна хлѣбоаясть.—

„Самъ подѣхаль къ сошкѣ оратаюшко,
 За рогачъ бралъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повѣдёрнулъ,
 Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнулъ,
 Подхватилъ да махнулъ въ ракитовъ кустъ—
 Улетѣла сошка подъ оболока,
 Пала сошка на земь за ракитовъ кустъ,
 Во сырѹ землю до рогача ушла. (49)
 Съѣли на коней опять, поѣхали.

„Говорить Вольгѣ Всеславьевичъ:

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Мы поѣдемъ-ка съ тобой въ запуски.—

„У оратая кобылка ступкомъ идетъ,
 У Вольги-то конь побѣгиваетъ;
 У оратая кобылка рысью идетъ,
 У Вольгѣ-то поскакиваетъ;
 У оратая кобылка грудью пошла,
 А Вольгѣ-то конь и гнаться не могъ.
 Сталъ Вольгѣ оратаю покрикивати,
 Сталъ Вольгѣ колпакомъ помахивати:

„—Стой-ка ты, постой, оратаюшко!
 Кабы эта кобылка конѣмъ была,
 За коня бы я далъ пятьсотъ рублей.—

„Говорить въ отвѣтъ оратаюшко:

„Глупый ты, Вольгѣ, неразумный Вольгѣ!—
 Я кобылку взялъ жеребѣночкомъ,
 Однолѣткомъ-жеребѣночкомъ съ-подъ-матушки,
 Далъ за жеребѣночка пятьсотъ рублей,
 А теперъ цѣна кобылкѣ цѣла тысяча.
 Кабы эта кобылка да конѣмъ была,
 Экому коню бы смѣты не было.—

„Говорить Вольгѣ Всеславьевичъ:

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Какъ тебя, скажись-ка, именѣмъ зовуть,
 Какъ величаютъ по отечеству?—

„Ай, ты, младъ Вольгѣ Всеславьевичъ!
 Я какъ ржи напашу да въ скірды сложу,
 Въ скірды сложу, съ поля въволочу,
 Съ поля въволочу, дома въмолочу,
 Драни надеру да пива накурю,

Пива накурю да гостей заберу,—
 Стануть гости пить, стануть кушати,
 Стануть здравствовать меня да похваливати:
 „Ай ты здравствуешь, Микула Селяниновичъ!“ —

„Бѣхали впередъ добры мѡлодцы,
 Подвѣзжали подъ Гурчевецъ-Орѣховецъ,
 Да наѣхали на драку, на великій бой. (50)
 Мужики-то эти гурчевцы-орѣховцы
 Отъ далѣ узнали добрыхъ мѡлодцевъ,
 А и были же злодѣи тутъ догадливы:
 На той рѣченькѣ ли да на быстрой
 Понадѣлали мосточиковъ поддѣльныхихъ.
 Молодой Вольгà самъ догадливъ былъ:
 Посылалъ на мосточки впередъ себя
 Эту силушку—дружинушку хоробрую.
 Какъ зашла эта силушка великая
 Да на тѣ на мосточки поддѣльные,
 Подломилися мосточки поддѣльные,
 Стала сила въ рѣченькѣ тонуть да гинуть.
 Какъ тутъ младъ Вольгà со Микулушкой
 Поразсѣрдилися да поразгнѣвалися,
 Приправляли за рѣченьку добрыхъ коней,
 Однимъ скокомъ скочили на тотъ бережокъ,
 Стали-пѣчали злодѣевъ чествовати,
 Чествовати да жаловати,

Оплетьми ихъ дѡ-люби нахлыстывати:

„—А и вотъ же вамъ, ребята, за дурачество!—

„Какъ клянутся тугъ ребята, заклинаются:

„—Трое проклять будетъ на вѣку изъ насъ,
 Кто еще съ такими мѡлодцами свяжется,
 Заведетъ съ вами драку, великій бой!—

„Стали вокругъ ихъ ходить, оглядывати,
 Промежду собой да приговаривати:

„—А вѣдь этотъ-то ребята, и третьѣго дни былъ,
 И третьѣго дни былъ, насъ, мужиковъ, побилъ!

„Собиралися ребята, извинилися,
 Понизѣнько мѡлодцамъ поклонялися:

„—Ужъ вы гой еси, удалы мѡлодцы;
 Получайте-ка всѣ дани съ насъ, невыплаты.—

„Бралъ Вольгà съ нихъ дани-невыплаты,

Со Микулой скоро поворотъ держаль,
 Поворотъ держаль во стольный Кіевъ градъ.
 Тѣмъ поѣздка эта и рѣшилася.

„А и то старина, то и дѣянье!“

* *
 * *

Какъ замолкнуль молодой Добрынюшка,
 Положилъ на лавку гусельцы звончатя,
 Воспрогдворилъ Владиміръ стольно кіевскій:

„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
 Пиль допрѣжь ты чарочку заздравную,
 А теперъ повыпей-ка забавную,
 Во-первѣхъ за то, что распотѣшилъ насъ,
 Во-другихъ за то, что ко стыду привель
 Смѣлаго Алешеньку Поповича:
 Во скамѣ сидитъ Алешка, не сворѣхнется,
 Утопилъ глаза завидливы въ дубовый столъ.“

Наливалъ Добрыня чару зеленâ вина,
 Да не малую стопу—во полтора ведра,
 Разводилъ ее медкомъ стоялымъ,
 Возымаеть чару единойъ рукой,
 Выпиваетъ чару за единыйъ вздохъ.
 Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 А не тѣмъ лишь та поѣздка кончилася:
 Какъ Вольга во Кіевъ градъ ворѣчался,
 Тутъ Микула, слышно, зазывалъ Вольгу
 Въ домъ свой во гостѣбище почестное.
 Какъ пріѣхали къ поселицу Микулину,
 Выводили въ стрѣту имъ три дѣвицы,
 Славныя три дочери Микулины,
 Поленицы молодя все, удаляя,
 Всѣ въ родителя и силою, и мудростью:
 Старша—Василиса дочь Микулична,
 Средня—Марія дочь Микулична
 И меньша—Настасья дочь Микулична,
 Принимали гостя съ честию-почестью...“
 Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!

Полениць удалыхъ и забыль какъ разъ!
 Ты поди-ка, сослужи-ка Богу мѡлебень,
 Что Микула твой уже преставился:
 За твою за патять молодецкую
 Наградилъ бы онъ тебя изъ рукъ своихъ
 Тѣми же грошами подорожными—
 Шелепугой подорожною.
 Хоть и живы дочери Микулины,
 Да вотъ та, что поумнѣ, старшая,
 Василиса дочь Микулична,
 За Ставра Годинова замуужъ пошла,
 Во Черниговѣ за муженькомъ живеть,
 На печи лежить да калачи жуеть;
 Всѣхъ сумѣла здѣсь продать да выкупить,
 А Владиміра-то князя и съ ума свела;
 И тебя не обошла бы благодарностью.
 Но вотъ сѣстры у нея еще на вѣданѣ,
 Обѣ поленицы же удалыя,
 Во раздольицѣ чистомъ полѣ полякуютъ;
 Вы сѣдлайте-ка скорѣй добрыхъ коней,
 Ты, Добрыня, со своимъ со братцемъ большіимъ,
 Съ первымъ ли богатыремъ Ильею Муромцемъ,
 Выѣзжайте во раздольице чисто поле,
 Во чистомъ полѣ порыскайте, покликайте—
 Можеть, выкличите полениць удалыхъ;
 Тутъ побить ихъ во бою вамъ, добрымъ мѡлодцамъ,
 Уже дѣло не великое—последнее;
 А кто поленицу во бою побьеть,
 За того вѣдь и замуужъ и деть.
 Прямо въ церковь Божью ко злату вѣнцу,
 Отъ вѣнца честнымъ пиркомъ ли и за свадебку!
 Только бѣде, какъ Ставра Годинова,
 Приберутъ васъ ко бѣлымъ рукамъ—
 Не взыщите, братцы, не прогнѣвайтесь!“
 Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
 „Старому жениться—не ко младости,
 Вѣкъ съ бабой бабиться—не къ радости.
 Да не биться мнѣ и съ родомъ со Микулинымъ:
 Любить мать сыра земля его.
 А случить нелегкая посяхаться .

Съ поленицею удалой во чистомъ полѣ—
 Изъ сѣдла собью дѣвчину на сырѹ землю,
 Коли взмолится—спущу во живности,
 Заупрамятся—предамъ и смерти скороей.
 Да не дай мнѣ, Боже, биться съ бабою,
 Дай мнѣ поединщиковъ-богатырей,
 Супротивъ меня могучихъ супротивниковъ!
 Тутъ какъ самъ Господь положить на душу:
 Либо силушки другъ у друга отвѣдаемъ,
 Либо же крестами побратаемъ“.

А Алеша все не унимается,
 Говоритъ Ильѣ, самъ усмѣхается:

„Коль наѣдетъ мужика Микулушка,
 Своего же брата гурчевца-орѣховца—
 Силушку надъ мужикомъ извѣдаетъ,
 Нахлыстаеъ шелепугой до-люби;
 А наѣдетъ сильнаго богатыря,
 Такъ вѣрнѣе побрататься съ нимъ“.

Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же, смѣлый ты Алешенька Поповичъ младъ!
 Любо всякому могучему богатырю
 По чистѹ полю порыскать, пополяковать,
 Силой съ супротивникомъ помѣряться,
 А съ невѣрнымъ за святую Русь
 Прозакладывать и буйну голову,
 Простоять хоть вѣкъ свой на заставушкѣ,
 За сиротъ, за вдовъ да за бѣдныхъ людей.
 Да не честь же, не хвала богатырю,
 Для радѣ утѣхи молодецкія,
 Проливать безвинну челоувѣчью кровь,
 Обездоливать семейку богатырскую,
 Молоду жену да малыхъ дѣтушекъ.
 А мужикъ Микула Селяниновичъ
 И не тянется за славой за богатырскою:
 Онъ проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошкою,
 Съ края въ край распахиваетъ землю-матушку,
 Напасаеъ хлѣбушка на всю святую Русь—
 И на насъ съ тобой, могучіихъ богатырей;
 Всю земную тягу, во поту лицу,
 Носитъ онъ, кормилецъ, на плечахъ мужицкіихъ,

А земную тягу на плечахъ носить
Не подь силу и сильнѣйшему богатырю.
Ты чего, насмѣшникъ, усмѣхаешься?
Знать, забылъ про сумочку Микулину?
Не длинна старинка, да тяжка, вѣска,
Какъ та мала сумочка Микулина.
Ужъ сыграю-ка еще старинку чудную
Всѣмъ вамъ, добрымъ людямъ, на потѣшенье,
А тебѣ, Алешѣ, на утѣшенье“.

Бралъ опять онъ гусельцы звончатя,
Заводилъ старинку чудную
Про ту малу сумочку Микулину.

БЫЛИНА
ДВѢНАДЦАТАЯ.

Святогоръ.

„На крутыхъ горахъ, на Святыхъ Горахъ,
Великанъ-богатырь Святогоръ ⁽⁵¹⁾ сидѣль,
Да не ѣздилъ онъ на святую Русь:
Не носила его мать сыра земля.
Захотѣлося разъ богатырю
Погулять во раздольицѣ чистомъ полѣ—
Засѣдлалъ онъ коня богатырскаго,
Выѣзжаетъ въ путь-дороженьку.
Встрепенулося сердце молодецкое,
Заиграла силушка по жилочкамъ,
Такъ вотъ живчикомъ и переливается;
А и грузно ему отъ этой силушки,
Грузно, будто отъ тяжкаго бремени:
Не съ кѣмъ силой-то богатырю помѣяться.
И выкидываетъ онъ палицу булатную
Выше облака ходячаго ѣзь виду вонь,
На бѣлыя руки опять подхватываетъ:
„—Кабы мнѣ да земную тягу найти,
Утвердилъ бы въ небесѣ кольцо,
Привязалъ бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
Притянулъ бы небо къ землѣ-матушкѣ,
Повернулъ бы землю краемъ вверхъ,
И смѣшалъ бы земныхъ со небесными!—
„Усмотрѣлъ онъ тутъ во чистомъ полѣ
Добра мѣлодца пѣхотою идучи;
За плечами у добра мѣлодца

Была малая сумочка перемётная.
 Какъ припустить скакать онъ добра коня
 Во всю силу во лошадиную—
 Добрый мѣлодецъ идетъ пѣхотою,
 Не нагнать его коню богатырскому.
 Какъ поѣдетъ тихую вольготою—
 Добрый мѣлодецъ впередъ не наступываетъ.
 „И окликнулъ Святогоръ добра мѣлодца:
 „—Гой еси ты, прохожій добрый мѣлодецъ!
 Ты постой-ка, постой немножечко.
 Какъ скакать припущу добра коня
 Во всю силу во лошадиную—
 Ты идешь впередъ пѣхотою,
 Не нагнать тебя коню богатырскому;
 Какъ поѣду тихую вольготою—
 Ты идешь, впередъ не наступываешь.—
 „Обождалъ его прохожій добрый мѣлодецъ,
 Полагалъ со плечъ со могучихъ
 Наземь малую сумочку переметную.
 Говорить Святогоръ добру мѣлодцу:
 — А скажи-ка мнѣ, добрый мѣлодецъ,
 У тебя что за ноша въ этой сумочкѣ?
 „Отвѣчаетъ ему добрый мѣлодецъ:
 „— Ай же, славный ты великанъ-богатырь!
 Попытайся-ка взять мою ношицу
 На свои на плечи на могучія,
 Побѣжать съ ней по раздольицу чисту полю.—
 „Опускался славный великанъ-богатырь
 Со добра коня къ малой сумочкѣ,
 Принимался за малую сумочку;
 Принимался сперва однимъ перстомъ—
 Эта малая сумочка переметная
 На сырѣй землѣ не сворѣхнется.
 Принимался тогда одной рукой—
 Эта сумочка все не сворѣхнется.
 Ухватилъ обѣими ручками—
 Все-то съ мѣста она не сворѣхнется.
 Принимался всею силою великою,
 Припадалъ бѣлой грудью богатырскою
 Къ этой малой сумочкѣ переметной,

Захватилъ всею силою великою—
 Во сырѹ землю угрязнулъ по колѣночки,
 По бѣду лицу не слѣзы—кровь течеть.
 Уходилоь сердце молодецкое,
 Только малый духъ подпустить успѣлъ
 Подъ ту малую сумочку переметную,
 Говорить самъ таковѣ слова:

„—Не вздымалъ такой ноши я отъ роду!
 Много силы во мнѣ, а не подѣ силу.
 Чтѣ во сумочкѣ твоей понакладано?
 Кто ты самъ есть, удалый добрый мѣлодецъ,
 Какъ зовутъ тебя именемъ, отечествомъ?—
 „Отвѣчаетъ удалый добрый мѣлодецъ:
 „—Въ моей малой сумочкѣ переметной
 Вся земная тяга понагружена,
 А я самъ—Микула Селяниновичъ“.

* *
 *

На скамью кладеть Добрынюшка гусѣлышки,
 Говорить самъ таковѣ слова:

„Гдѣ угрязнулъ Святогоръ въ сырѹ землю,
 Тутъ, какъ бають, онъ и встать не могъ,
 Тутъ былѣ ему и представленіе:
 Наказалъ Господь за похвальбу великую!“

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:

„А неправильно же бають такъ.
 Ко Святымъ Горамъ онъ поворотъ держаль,
 И поннѣ на Святыхъ Горахъ живетъ,
 Да не смѣеть долу опуцатися,
 Развѣзжаетъ лишъ по щѣлейкамъ по каменнымъ“.

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Гой ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Кто же правъ изъ нихъ, кто облыгаетъ насъ:
 Старый ли Бермята сынъ Васильевичъ
 Или молодой Добрынюшка?
 Не пошлешь ли ты кого къ Святымъ Горамъ
 Правду-истину извѣдати,
 Святогора попровѣдати?
 Ужъ пошли-ка перваго богатыря,

Старого удѣла Илью Муромца:

Туть они, какъ Богъ положить на душу,
Либо силушки другъ у друга отвѣдаютъ,
Либо же крестами побратаются“.

Какъ вскочилъ туть старый на рѣзвѣ ноги,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ околннихъ,
Воспрогѣворилъ да таковѣ слова:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Вѣрно слово молвилъ младъ Алешенька:
Соизволь мнѣ съѣздить ко Святымъ Горамъ;
Не довлѣетъ сильному богатырю
На покоѣ дома жить, животь кормить“.

Отвѣчаетъ батюшка Владиміръ князь:

„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичь!
Поѣзжай же ко Святымъ Горамъ,
Да бери себѣ въ товарищи любимые
Изъ всѣхъ богатырей здѣсь самолучшаго“.

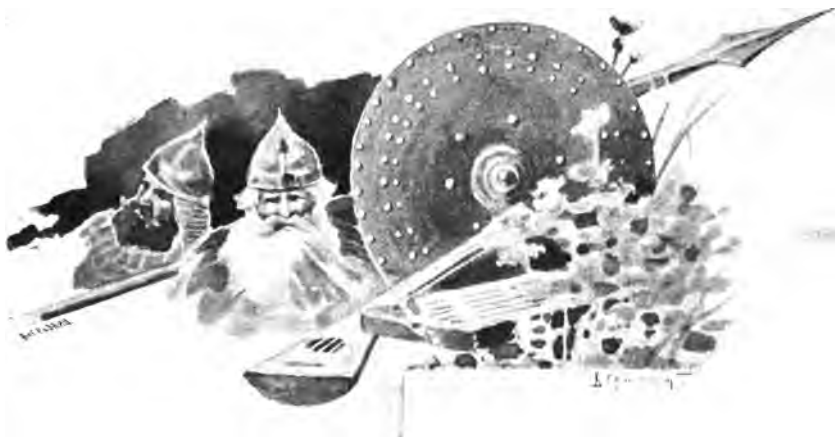
Говорить туть старый Илья Муромецъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Возставай-ка на рѣзвѣ ноги,
Снаряжайся-ка во путь-дороженьку,
Поѣзжай со мною во товарищахъ:
На лугахъ на тѣхъ на Леванидовыхъ,
У креста того у Леванидова,
Мы съ тобою побратаемся,
Золочеными крестами помѣняемся,
Да отъ рѣзтани, два братица названнихъ,
Учинимъ поѣздку богатырскую“.

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„По пути-то только, братцы, не забыть бы вамъ
Понавѣдаться къ попамъ соборнымъ,
Заказать впередъ двѣ службы свадебны,
Чтобы послѣ дѣло не замѣшкалось,
Какъ съ чиста поля вернетесь съ поленицами,
Со Микуличнами ко злату вѣнцу“.

Ничего на рѣчь ту старый не отвѣтствовалъ,
Выходилъ съ Добрынею изъ гридни вонь.
Съ пирю всѣ домой туть убираются.
Тѣмъ и пирь, и старина кончаются.

БЫЛИНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична.

Какъ не солнышко надъ градомъ Кіевомъ
Восходило выше облака ходячаго,
Не Днѣпра-рѣка изъ береговъ крутыхъ
Выступала, разливалась—
Выходили-выступали старъ и младъ
Посмотрѣть на ту поѣздку богатырскую:
Снаряжались въ поле, собирались
Два моугчихъ русскіихъ богатыря:
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ
Да матѣрый, старый Илья Муромецъ.
Что ясенъ соколъ удалъ Добрынюшка:
Погубиль-побиль онъ змѣище Горынчище;
Илья Муромецъ того удалѣе:
Погубиль-побиль онъ Соловья разбойника;
А и нѣтъ обоемъ равныхъ на сушѣ,
Нѣтъ обоемъ супротивниковъ и на морѣ.
Какъ подъѣхали къ лугамъ ко Леванидовымъ,
Ко тому кресту ко Леванидову,
На коняхъ тутъ трѣ раза обнялися,
Трѣ раза поцѣловалися,
Золочеными крестами побратѣлися,

Стали звать другъ дружку братьями крестовыми.

И поѣхали могучіе богатыри,
 Два крестовыхъ братца да названныхъ,
 По чисту полю дорожкой пробойною;
 Ѣздить вмѣстѣ по чисту полю,
 Ѣздить черезъ горушки высокія,
 Ѣздить черезъ рѣчушки глубокія,
 Ѣздить по лѣсамъ непроходимымъ;
 День проѣздили, другой и третій день,
 А и нѣтъ имъ супротивника въ чистомъ полѣ,
 Нѣтъ поборника по берегамъ крутымъ,
 Нѣтъ повольника да во темныхъ лѣсахъ.

Наѣзжаютъ тутъ они бродучій слѣдъ,
 Ископытъ да лошадиную:

Взя земля изрыта, проворочена,
 Полны рытвины-колодцы ключевой воды.

Говоритъ Добрыня старій Илья Муромецъ:

„Молодой ты братецъ мой Добрынюшка!
 Видно, ископытъ-то богатырская.

Да охота хоть съ богатыремъ посяѣхаться,
 Не охота въ сторону сворачивать:
 Путь мой все впередъ лежитъ, къ Святымъ Горамъ.
 Поѣзжай-ка ты одинъ вослѣдъ богатырю,
 А во Кіевѣ ужѣ со тобою свидимся“.

Распростились богатыри, разъѣхались:
 Старый ѣдетъ далѣ ко Святымъ Горамъ,
 Младъ Добрыня—ископытю лошадиною.
 Ѣдетъ день Добрынюшка, другой и третій день,
 Нагоняетъ во чистомъ полѣ богатыря.

А сидитъ богатырь на добромъ конѣ,
 А сидитъ еще да въ платьяхъ женскихъ.
 Говоритъ себѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„То вѣдь не богатырь на конѣ сидитъ,
 А сидитъ дѣвица, либо женщина,—
 Поленица, знать, удалая!“

Разъѣзжается Добрыня на богатыря;
 Какъ ударилъ палицей булатною
 Поленицу въ буйну голову—
 Усидѣла поленица, не сворохнется,
 И назадъ-то на Добрыню не оглянется.

На конѣ своемъ Добрыня приужахнется,
 Отъѣзжаетъ прочь Добрыня отъ богатыря.
 А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сырой дубъ,
 Сырой дубъ въ объемъ во человѣческой.
 Наѣзжалъ Добрынюшка на сырой дубъ,
 Испытати силу богатырскую;
 Какъ ударилъ палицей во сырой дубъ—
 Расщепилъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
 Самъ проговорилъ да таковы слова:

„Видно, сила у Добрынюшки попрежнему,
 Видно, смѣлость у Добрыни не попрежнему“.
 Возвращается Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Нагоняетъ поленицу онъ удалую;

Какъ ударилъ поленицу въ буйну голову—
 Усидѣла поленица, не сворохнется,
 И назадъ-то на Добрыню не оглянется.
 На конѣ своемъ Добрыня приужахнется,
 Отъѣзжаетъ прочь отъ поленицы отъ удалыя:

„Смѣлость у Добрынюшки попрежнему!
 Видно, сила у Добрыни не попрежнему!

А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сырой дубъ,
 Сырой дубъ да въ два объема человѣческихъ.
 Наѣзжалъ опять Добрынюшка на сырой дубъ,
 Какъ ударилъ палицей во сырой дубъ—
 Расщепилъ весь сырой дубъ по ластиньямъ:

„Видно, сила у Добрынюшки попрежнему,
 Видно, смѣлость у Добрыни не попрежнему“.

Разгонялъ Добрынюшка добра коня,
 Наѣзжалъ на поленицу въ третій разъ,
 Да ударилъ поленицу въ буйну голову.
 На конѣ тутъ поленица сворохнулася,
 На Добрыню поленица оглянулася,
 Говоритъ сама да таковы слова:

„Я-то думала, комарики покусывають,
 Ань то русскіе богатыри пощелкивають!“

Ихватила за желты кудри Добрынюшку,
 Сдѣрнула Добрынюшку съ коня долой,
 И спустила во глубокъ мѣшокъ во кожаный.
 Какъ повезъ ихъ было ея добрый конь
 По раздольицу да по чисту полю,

Говорить ей добрый конь, провѣщился:

„Ай же ты, хозяйюшка любимая,
Молода Настасья дочь Микулична!
Не могу везти я двухъ богатырей:
Силой-то богатырь супротивъ тебя,
Смѣлостью богатырь да вдвоёмъ тебя“.

Вынимала тутъ Настасья дочь Микулична
Изъ мѣшка изъ кожанца богатыря,
Говорить сама да таковы слова:

„Если старъ богатырь—голову срублю,
Если младъ богатырь—во полонь возьму,
Если мнѣ въ любовь придетъ—замужъ пойду,
Не прилюбится—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю богатыря въ овсяный блинъ“.

Какъ взглянула на младѣ Добрынюшку,
Прилюбился ей Добрынюшка, понравился:

„Здравствуй, душенька, молоденькій Добрынюшка!“

Говорилъ на то Добрыня, спрашивалъ:

„Ай же, поленица ты удалая!
Ты почему узнала молода Добрынюшку?
Самъ тебя не знаю, не видалъ досель“.

„А бывала я во стольномъ Кіевѣ,
Тамъ видала молода Добрынюшку,
А Добрынѣ нѣгдѣ увидать меня.
Дочка я Микулы Селянинова,
Молода Настасья дочь Микулична,
А поѣхала во чисто поле поляковать,
Поискать себѣ да супротивничка.
Какъ возьмешь меня, Добрыня, во замужество,
Сдѣлаешь со мною заповѣдь великую—
Отпущу тебя, Добрыня, я во живности;
Не возьмешь меня—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ!“

„Ахъ ты, молода Настасья дочь Микулична!
Ты спусти меня, Добрыню, да во живности,
Сдѣлаю съ тобой я заповѣдь великую
И приму съ тобой да по злату вѣнцу“.

Сдѣлали тутъ заповѣдь великую,
И поѣхали ко стольну граду Кіеву.
Какъ пріѣхали во стольный Кіевъ градъ,

Биль челомъ Добрыня рѣдной матушкѣ,
Той честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ.
Выпросилъ прощеньце-благословеньце,
Заводилъ почестень пиръ на всѣхъ богатырей,
На своихъ на братицевъ названыхъ,
Не позвалъ на пиръ лишъ братца мѣньшаго,
Пересмѣшника Алешеньку Поповича,
Принималъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ съ Настасьей вѣкъ коротати.
Туть ли имъ и счастье и вѣнецъ,
И старинушкѣ моей конецъ.

БЫЛНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Святогоръ. (52)

Ой ты гой еси, лихой охотничекъ,
Старый богатырь Ильюша Муромецъ!
Полевалъ онъ, старый, во чистомъ полъ,
Люта звѣря на копье ловиль,
Соболѣй-куницъ да на низокъ низаль.

Подъѣзжаетъ старый ко Святымъ Горамъ,
Въѣхаль старый на Святѣ Горы,
Услыхаль тутъ превеликій шумъ:
Всколыбалась мать сыра земля,
Запатались темны лѣсушки,
Замутились быстры рѣченьки,
Выливались изъ береговъ крутыхъ.
Видеть старый: на добромъ конѣ
Ѣдетъ шагомъ богатырь-гора,
Ростомъ выше дерева стоячаго,
Головою въ небо упирается,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Что за чудо?—говоритъ Илья:—
Богатырь да на конѣ заснулъ?
Могъ бы выспаться и во бѣломъ шатрѣ.
Знать, не русскій богатырь-то, а невѣрный есть“.

Разгорѣлось у Ильюши ретивѣ сердце,
И наганивалъ коня онъ со чиста поля,
Со чиста поля да во первой наконъ,
Палицей ударилъ крѣпко-накрѣпко
По плечамъ могучимъ богатыря,

Думаль, что богатыря съ конемъ убилъ.
 Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
 Ёдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Что за чудо?—говоритъ Илья:—
 Какъ доселѣ отъ руки Ильюшиной
 На конѣ никто да усидѣть не могъ.
 Дай-ка, поразѣдусь во второй законъ“.

И наганиваль коня онъ со чиста поля,
 Со чиста поля, да во второй законъ,
 Палицей ударилъ крѣпко-накрѣпко
 По плечамъ могучимъ богатыря,
 Думаль, что богатыря съ конемъ убилъ.
 Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
 Ёдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Видно, худо все еще его ударилъ я!
 Дай-ка, поразѣдусь во третій законъ“.
 И наганиваль коня онъ во третій законъ,
 Палицей ударилъ крѣпко-накрѣпко,
 Крѣпко-накрѣпко да плотно-наплотно
 По плечамъ могучимъ богатыря.
 Пробудился тутъ богатырь ото крѣпка сна,
 Самъ прогдворилъ да таковы слова:

„Дѣ-больна кусаютъ мухи русскія“.

Взялъ, расправилъ руку богатырскую,
 Захватилъ удаля русскаго богатыря,
 Положилъ съ конемъ въ глубокъ карманъ,
 И поѣхалъ самъ путемъ-дороженькой.
 Двое суточекъ ихъ возить добрый конь,
 А на третьи у коня у богатырскаго
 Стали рѣзвы ножки подгибаться,
 Сталь могучій конь да спотыкаться,
 По колѣна во сырѹ землю угрызывать.
 Бралъ богатырь плеточку шелковую,
 Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Самъ коню да приговариваль:

„Ай ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
 Ты чего идешь да спотыкаешься?
 Аль невзгоду надо мною вѣдаешь?“

Отвѣчаетъ добрый, богатырскій конь,
 Человѣчьимъ голосомъ провѣщилъся:

„Какъ же мнѣ не спотыкаться?

Все возилъ я одного богатыря,
А теперь вожу ужъ третьи суточки
Двухъ могучихъ сильныхъ богатырей,
Третьяго—коня да богатырскаго“.

Вынималъ Илью богатырь изъ кармана вонъ
Со конемъ со богатырскимъ,
Сталъ Илью выпрашивать, вывѣдывать:

„Кто ты есть такой, удалый добрый молодецъ?“

Говорить ему удалый добрый молодецъ:

„Я—богатырь святорусскій съ стольна Кіева,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А поѣхалъ посмотрѣть, узнать
Святогора славнаго богатыря.

Не сѣзжаетъ онъ на матушку сырѹ землю,
Не является къ намъ русскимъ богатырямъ“.

„Ай же ты, удалый, старый Илья Муромецъ!
Самъ вѣдь Святогоръ-богатырь предъ тобою есть.
Я сѣзжалъ бы къ вамъ на матушку сырѹ землю,
Да не носитьъ мать сырѹ земля меня,
Не дано мнѣ ѣздить на святую Русь,
Ѣздить можно мнѣ лишь по горамъ высокимъ
Да по щелейкамъ по толстымъ.

Мы съ тобой поѣздимъ-ка по щелейкамъ,
Мы поѣздимъ-ка да по Святымъ Горамъ.
По крестовому по брѣтовству я большій братъ,
Будешь ты, Илья, мнѣ меньшій братъ“.

Тутъ они крестами помѣнялися,
Братьями крестовыми назвалися,
Стали вмѣстѣ разѣзжать по щелейкамъ,
Разѣзжать-гулять да по Святымъ Горамъ.
И наѣхали они на чудо-чудное,
Чудо-чудное, да диво-дивное:

Осередь пути великій гробъ стоитъ,
Краснымъ золотомъ обложенъ весь, повѣложенъ,
А на крышкѣ подпись да подписана:

„На кого состроенъ сей великій гробъ,
На того онъ и поладится“.

Говорить богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Ты ложись-ка первый во великій гробъ:

Не поладится ли на тебя, Илью?“

Опускался старый со добра коня

И ложился во великій гробъ:

Не по немъ—широкъ и дологъ былъ великій гробъ.

Говорить богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Не твое тутъ мѣсто, не тебѣ и спать.

Дай-ка я прилягу: не по мнѣ ли онъ?“

Опускался самъ богатырь со добра коня

И ложился во великій гробъ:

Какъ по немъ состроенъ былъ великій гробъ.

Говорить богатырь таковы слова:

„На меня состроенъ сей великій гробъ;

Хорошо здѣсь во гробу-то жить!

Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Ты возьми-ка да закрой меня

Тою крышкою дубовою, гробовою“.

Отвѣчаетъ братцу Ильѣ Муромецъ:

„Не закрою я тебя, мой большій братъ,

Тою крышкою дубовою гробовою.

Шутку шутишь ты не малую:

Во живыхъ собрался хоронить себя“.

Какъ беретъ тутъ самъ богатырь, накрывается

Тою крышкою дубовою, гробовою—

А та крышечка изволомъ Божиимъ

Сораслась со гробомъ во одно мѣсто.

И воззвалъ изъ гроба Святогоръ къ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Какъ ни бьюся, какъ ни силюся,

Не могу я крышки надъ собой поднять!

Ты берись-ка за тѣ доски за дубовыя,

Открывай-ка по одной доскѣ“.

Брался старый за тѣ доски за дубовыя,

Оторвать не можетъ никакой доски:

„Ты послушай-ка, мой большій братъ,

Не могу открыть я никакой доски“.

„Такъ бери-ка ты мой славный, богатырскій мечъ,

Разруби-ка крышку острымъ мечомъ“.

Брался старый за тотъ славный Святогоровъ мечъ,

Сталь рубить по крышкѣ по гробовой, | А куда ударить богатырскій мечъ—
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются, | Тамъ желѣзный обручъ ставится.

Со сырой земли не могъ меча поднять.

„Ты послушай-ка, мой большій братъ,
Не могу меча я и съ земли поднять“.

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Наклонись ко крышкѣ ко гробовой,
Припади ко малой щёлочкѣ:

Дуну на тебя я духомъ богатырскимъ“.

Наклонился онъ ко крышкѣ ко гробовой,
Припадалъ ко малой щёлочкѣ:

Дунуль Святогоръ на стараго

Тѣмъ могучимъ духомъ богатырскимъ,

И почувялъ старый, какъ въ немъ силушки

Втрое противъ прежняго прибавилось;

Приподнялъ съ земли онъ богатырскій мечъ,

Сталь рубить по крышкѣ по гробовой,

Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются,

А куда ударить богатырскій мечъ—

Тамъ желѣзный обручъ ставится.

Возывалъ богатырь Святогоръ опять:

„Душно, душно мнѣ, мой меньшій братъ!

Ты руби-ка вдоль по крышкѣ по гробовой“.

Рубить старый вдоль по крышкѣ по гробовой,

Отъ ударовъ искры сыплются,

А куда ударить богатырскій мечъ—

Тамъ желѣзный обручъ ставится.

„Задыхаюсь я, мой меньшій братъ!

Наклонись ко крышкѣ ко гробовой,

Припади ко малой щёлочкѣ:

Дуну на тебя всѣмъ духомъ богатырскимъ,

Передамъ тебѣ всю силу богатырскую“.

Отвѣчаетъ братцу Ильи Муромецъ:

„Будетъ силушки съ меня, мой большій братъ.

Передашь ты мнѣ всю силу богатырскую—

И меня носить не станетъ мать сыра земля“.

Говоритъ богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,

Что послѣдняго наказа не послушался:

Мертвымъ духомъ бы я на тебя дохнулъ,

Мертвымъ самъ бы ты у гроба легъ.

А теперь прощай, мой меньшій братъ!

Видно, тутъ мнѣ Богъ и смерть судиль.
 Богатырскій мечъ возьми себѣ,
 А добра коня оставь хозяину,
 Привяжи ко гробу богатырскому:
 Никому не сладить съ нимъ, опричь меня“.

И прошли изъ ясныхъ очушекъ
 Слѣзы у него горячія,
 И сложили онъ руки богатырскія
 На бѣлы груди на богатырскія,
 И принялъ себѣ онъ смерть великую,
 И пошелъ изъ гроба мертвый духъ.
 Тутъ простился старый со богатыремъ,
 Святогорова добра коня
 Привязалъ ко гробу богатырскому,
 Опоясалъ славный Святогоровъ мечъ (53)
 И поѣхалъ во раздольице чисто поле.
 Тутъ ли Святогору и славу поють.

БЫЛИНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Идолище.

Не тычинушка въ чистѣмъ полѣ шатается—
На добромъ конѣ несется-подвигается
Матерой, удалый добрый молодець,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичь,
Ищетъ—не отыщеть супротивничка;
А идетъ навстрѣчу добру молодцу
Старая калика перехожая;
Не идетъ каличище—шатается,
Костылемъ-клюкою подпирается,
Подъ каликой мать-земля да подгибается.
Волосомъ бѣла калика, бородой сѣда,
Гуня на каличищѣ во тридцать пудъ,
Шляпа на каличищѣ во девять пудъ,
А клюка горбатая въ косу сажень,
Вѣсомъ-то сама во сорокъ пудъ.
Увидаль Илья великое каличище,
Разгорѣлось сердце богатырское,
Напущался на калику онъ съ чиста поля
Поотвѣдать силы богатырскія.

Говорить ему калика перехожая:

„А не честь же, не хвала богатырю
Напущаться на калику перехожую.
Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Не узналъ ты, видно, старое каличище?
Я вѣдь сильное, могучее Иваннице:
Въ Муромѣ учились вмѣстѣ грамотъ“.

Говорить каликѣ Илья Муромецъ:

„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
Ты отколъ идешь, куда бредешь,
Свой каличій путь куда держишь?“

„Я иду отъ стольнаго отъ Кіева,
А бреду на Ерусѡлимъ градъ,
Господу ли Богу помолитися,
Во Ердани ли во рѣченькѣ купатися,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушитися,
Ко Господнему ко гробу приложитися.

„Ты скажи-ка мнѣ, могучее Иванище,
Все ль у насъ во Кіевѣ по-старому,
Все ль у насъ во стольномъ попрежнему?“

„Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Какъ во Кіевѣ-то не по-старому,
Какъ во стольномъ-то не попрежнему:
Какъ наѣхало Идѡлице великое
Со своею силушкой поганю, (54)
Кіевъ градъ на много верстъ обставило,
А у князя солнышка Владиміра
Не случилось дома сильныхъ богатырей:
Во чисто поле разѣхались поляковать;
Были двое лишь: Алеша сынъ Леонтьевичъ
Да еще молоденькій Добрынюшка—
Хоть и смѣлъ Алешка, не удалъ вѣдь онъ:
Не посмѣлъ Алешка ѣхать во чисто поле
Супротивъ той силушки поганя,
Супротивъ Идѡлица великаго; (55)
А Добрыня—какъ вернулся со чиста поля
Съ поленицею Настасьєю Микуличной,
Да какъ принялъ съ нею по злату вѣнцу—
Ничего онъ на бѣломъ свѣтѣ не вѣдаетъ,
Съ молодой женою вѣкъ корѣтаетъ.
Какъ же тутъ не убояться князю солнышку?
Выходилъ онъ ко Идѡлицу великому,
Выходилъ со низкими поклонами,
Со подарочками драгоцѣнными,
Звалъ къ себѣ въ палаты бѣлокаменны,
Хлѣбца-соли у себя покушати
Да калачиковъ крупитчатыхъ порушати.

И зашло Идолище великое
 Въ княженецкія палаты бѣлокаменны
 И садилось за столы дубовые,
 Ко княгинѣ ко Апраксіи лицомъ сидитъ,
 Къ самому ко князю солнышку хребтомъ сидитъ,
 По быку по цѣлому да выти ѣсть,
 По котлу по цѣлому да пива пьетъ.
 Самъ сидитъ, надъ княземъ похваляется:
 — Какъ святыя образа-то всѣ покóлоты,
 Во черной грязи да всѣ потоптаны,
 Во церквахъ во Божьихъ кóни кормятся...—“

„Что же ты, могучее Иванище,
 Не очистилъ града Кіева,
 Не убилъ поганого Идолища?“

„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
 Вѣкъ такого вора я не видываль,
 Слыхомъ про такого вора да не слыхиваль:
 Въ долину двѣ сажени печатныхъ,
 Въ ширину сажень печатная;
 Межь глазами пядя мѣрная,
 Межь ноздрями каленá стрѣла,
 Головище что лоханище,
 А глазища что пивныя чашища.
 Устрашился я Идолища великаго,
 Не посмѣлъ идти я на поганое“.

„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
 Силы у тебя, есть въ два меня,
 Смѣлости-удачи нѣтъ и въ поль-меня.
 Разболакивай-ка гуню стариковскую,
 Разувай-ка лапотки-обтопточки,
 Подавай-ка шляпоньку пуховую,
 Ключку-волжанку горбатую во сорокъ пудъ;
 Сокручусь каликой перехожею:
 Не узнало бы Идолище поганое
 Добра мóлодца да Илью Муромца“.

Пораздумалось могучее Иванище,
 Пораздумалось да порасплакалось:

„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
 Какъ не ты просилъ бы платицевъ каличиныхъ,
 Да не отдалъ бы я платицевъ каличиныхъ:

Вплетенò въ мои во лапотки-обтопточки
 По драгòму камню самоцвѣтному,
 Да не для-радї красы-басы убожества,
 Ради темныхъ ноченокъ осеннихъ;
 Съ чести не отдать тебѣ — ты нѣ съ чести возьмешь,
 Нѣ съ чести возьмешь, еще и бокъ набьешь“.

Разболакивалъ онъ гуню стариковскую,
 Разувалъ онъ лапотки-обтопточки,
 Скидывалъ онъ шляпоньку пуховую,
 Ключку-волжанку горбатую въ землю воткнулъ—
 И ушла клюка до самой до коковочки.
 Сокрутился Илья Муромецъ каликою,
 Говорить самъ таковы слова:

„Надѣвай-ка на себя, Иванище,
 Платице мое ты богатырское,
 Обувай-ка башмачки мои сафьянные,
 Да садись-ка на коня на богатырскаго.
 На улòвномъ на мѣстечкѣ обождешь меня.
 Какъ раздѣлаюсь съ поганымъ—отыщу тебя“.
 И сажалъ его онъ на добра коня,
 Во двѣнадцать во сѣдлышекъ засѣдывалъ,
 Во двѣнадцать во подпужковъ да подтягивалъ.
 Какъ поѣхалъ по чисту полю Иванище,
 Безъ ума несется на конѣ, безъ памяти,
 Радъ бы выпасть изъ сѣдла—да нѣ можно.
 А Илья со матушки сырой земли
 Ключку-волжанку горбатую повѣднулъ,
 Сталъ съ горы да на гору поскакивать,
 Сталъ съ холма да на холмъ перепрыдывать.
 Скоро скажется, да тихо сдѣтается...
 Приходилъ Илья во стольный Кіевъ градъ,
 Подходилъ къ палатамъ княженецкимъ,
 Становился подъ окошечко косяцато,
 Закричалъ да зычнымъ голосомъ:

„Ужъ ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Сотвори-ка ты каликѣ перехожеей
 Милостыню золоту гривну
 Для-радї Христа Царя небеснаго,
 Ради пресвятыя Богородицы!“

Отъ того ли да отъ крику богатырскаго

Бѣлокаменны палаты запаталися,
 Изъ оконницъ стеклышки посыпались,
 На столахъ напитки расплескалися,
 За столомъ князья да бояре припадали,
 У Идѣлица сердечко приужахнулось;
 Бросилось поганое по плѣчь въ окно,
 Говорить само князѣ Владиміру:

„Голосастые калики на Руси у васъ!
 Позови-ка ты калику во высѣкъ терѣмъ“.

Выходилъ Владиміръ на крыльцо переднее,
 Говорилъ каликѣ перехожеей:

„Ай же ты, калика перехожая,
 Перехожая сума ты перемѣтная!
 Ты поди-ка во высѣкъ терѣмъ“.

Проходилъ калика во высѣкъ терѣмъ,
 На крыльцо зашелъ—крыльцо заскрипнуло,
 По мостамъ идетъ—мосты погнулися,
 Заходилъ во гридню во столовую,
 Клялъ тутъ крестъ да по-писаному,
 Вель поклонны по-учѣному,
 Князя со княгинеею поздравствовалъ,
 Одному Идѣлицу челомъ не билъ.
 Говорить Идѣлице поганое:

„Ай же ты, калика перехожая,
 Перехожая сума ты перемѣтная!
 Ты по платьицамъ идешь хоть старчищемъ,
 По походочкѣ ты добрый молодець:
 По шагамъ твоимъ весь терѣмъ ходунѣмъ ходить.
 Ты коей земли, старикъ, коей орды?“

„Я, старикъ, изъ славнаго изъ Мурома,
 А хожу каликой по святой Руси“.

„Если ты изъ славнаго изъ Мурома,
 Если ходишь по святой Руси,
 То видалъ и Илью Муромца богатыря.
 Ну, каковъ собой, великъ ли ростомъ онъ?“
 Говорить калика перехожая:

„Не огромный богатырь нашъ Илья Муромецъ;
 Хошь узнать его, такъ на меня гляди:
 Ладятся у насъ съ нимъ платья цвѣтныя,
 Возрастомъ да волосомъ онъ ровня мнѣ“.

„А помногу ль ѣсть вашъ Илья Муромецъ,
А помногу ль пьеть онъ зеленà вина?“

„Ѣсть и пьеть Илья во славу Божию,
Съѣсть калачикъ—по другомъ душа горить,
Скушаетъ другой—и сытъ съ того.
Выпьеть чарку—по другой душа горить,
Скушаетъ другую—и доволенъ съ той“.

„Что же онъ за богатырь такой!
Былъ бы здѣсь вашъ Илья Муромецъ,
На ладонь бы посадилъ его, другой прижалъ,
Межъ ладонями мокро бы лишь повѣжалось;
Взялъ бы да и дунулъ во чисто поле!
Я какъ стану хлѣба-выти ѣсть—
Съѣмъ по три печй печеныхъ,
Да во щажъ схлебаю по быку по русскому,
Закушу лебѣдушкою бѣлою;
Пить какъ стану зеленà вина—
Выпью духомъ три ведра да мѣрныхъ“.

Говорить калика переходя:

„И у князя нашего Владиміра
Было старое кобѣлище-обѣдище,
Много ѣло—только треснуло,
Было старое корѣвище-обжорище,
Много пило—только лопнуло.
Тоже будетъ и тебѣ, поганому“.
Таковò слово ему за гнѣвъ пало,
Со стола схватило нѣжище-кинжалище
Да бросаетъ во калику переходя,
Во матѣраго Илью во Муромца.
Былъ же тутъ Илья на ножки пѣвертокъ,
Скоро онъ отъ ножика отскакивалъ,
Клюшкой ножикъ отъ себя отваживалъ,
Пролетѣло мимо нѣжище-кинжалище,
Угодило въ дверь дубовую;
Выскочила дверь да съ ободвериной,
Улетѣла во чисто поле,
Тамъ двѣнадцать ли татаровой поганныхъ
Замертво убила, остальныхъ поранила.
Проклинають тутъ татаровья Идѣлище:
„Будь ты трое прѣклято, поганое!“

А Илья стоит да усмѣхается:

„Мнѣ родитель-батюшка наказываль:
Ты скорѣй долги свои уплачивай,
Лучше во другой тебѣ повѣрять, дитяtko“.

Какъ захватить шляпу стариковскую,
Да махнуть въ Идѡлище великое—
Попадалъ ему во буйну голову,
Повалилося поганое, захамкало.

Говорить Ильюша таковѣ слова:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити палаты княженецкія,
Выведу его я на крылѣчко“.

Бралъ Идѡлище онъ за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
Выводилъ съ палатъ да на крылѣчко,
Говорилъ самъ таковѣ слова:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавати крылечко княженецкое,
Выведу его я на широкій дворъ“.

Выводилъ его онъ на широкій дворъ:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавати да княженецкій дворъ,
Выведу его я во чисто поле“.

Выводилъ его онъ во чисто поле,
Захватилъ поганаго тутъ за ноги,
Началь имъ по силушкѣ помахивать,
Самъ, помахивая, приговаривать:

„Сторонитесь, люди православные!
Не попасть бы вамъ подъ махи подъ татарскіе,
Какъ оружье-то мнѣ, братцы, по плечу пришло“.

Бьетъ поганыхъ онъ, охаживаетъ трѣ часа,
Не оставитъ окаянныхъ и на сѣмена.
Вынималъ тутъ славный Святогоровъ мечъ,
Пѡ плечъ голову срубилъ Идѡлищу. (86)

Подходилъ Владиміръ, низко кланялся:

„Гой ты, батюшка нашъ, старый Илья Муромецъ!
Чѣмъ тебя пожаловать, учествовать,
Что очистилъ отъ невѣрныхъ Кіевъ градъ,
Что избавилъ насъ отъ полѡна великаго?“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Что мнѣ надобно, каликѣ переходжеей?
 На приходѣ гостя не учествовалъ,
 На походѣ гостя не учествуешь“.

Подходилъ тутъ и Алешенька Поповичъ младъ,
 Говорилъ Ильѣ да таковыя слова:

„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
 У кого ты отнялъ богатырскій мечъ?
 Гдѣ набрался силы, чтобъ съ земли поднять?“

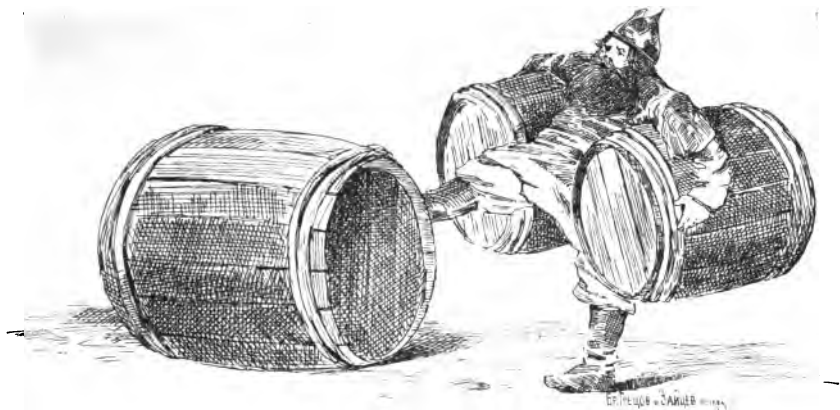
Разказалъ Илья, какъ Святогоръ, кончаючись,
 Завѣщалъ ему свой богатырскій мечъ,
 Какъ могучимъ духомъ на него дохнулъ,
 Какъ съ того въ немъ силы втрое прѣбыло,
 И приподнялъ онъ съ земли великій мечъ.
 Поклонился и Алешенька тутъ старому.

„Исполать тебѣ, могучему богатырю!
 Ты прости-ка мнѣ, забудь тѣ рѣчи глупыя!
 Ты прими-ка и меня теперъ, Алешеньку,
 Во свои во братья во крестовые!“

Принялъ старый смѣлаго Алешеньку
 Во свои во братья во крестовые,
 Самъ назадъ во чисто поле ворочался
 Къ сильному, могучему Иванищу.
 На Иванищѣ-то платьѣ попритаскано,
 Попритаскано да попритѣрзано
 Отъ добра коня отъ богатырскаго.
 Снялъ Илья Иванище съ добра коня,
 Разболакиваетъ гуню стариковскую,
 Разуваетъ лапотки-обтопточки,
 Надѣваетъ платьѣ богатырское,
 Самъ садится на добра коня,
 Со каличищемъ Иванищемъ прощается:

„А теперъ прощай, могучее Иванище!
 Впредь, смотри, ты больше такъ не дѣлай-ка,
 Выручай крещёныхъ отъ поганыихъ“.

Только и живѣ было Идѣлище,
 Только и бралѣ-то Кіевъ градъ,
 А вся честь и слава Ильѣ Муромцу.

БЫЛИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ ⁽³⁷⁾.

Вѣдять старый во чистомъ полѣ,
Вѣдять старый много времени.
Цвѣтно платье у него поистаскалося,
Золотѣ казна поиздержалася.
Говорить себѣ Илейко таковѣ слово:

„Побываль-то я теперь во всѣхъ литвахъ,
Побываль теперь во всѣхъ ордахъ,
Не бываль давно въ одномъ во Кіевѣ;
Я поѣду-ка во Кіевъ, попровѣдаю,
Что такое дѣется во Кіевѣ?“

Пріѣзжалъ Илейко въ стольный Кіевъ градъ;
У Владиміра у князя пиръ навѣселѣ,
За столомъ сидитъ до тридцати боярченковъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей.
Входитъ старый въ гридню княженецкую,
Ставится у ободверины,
Крестъ кладеть да по-писаному,
И поклонъ ведеть да по-учѣному,
Князю солнышку съ княгинею въ особину:

„Здравствуешь, Владиміръ стольно-кіевскій!
Поишь, кормишь ли заѣзжихъ добрыхъ мѣлодцевъ?
Я къ тебѣ служить заѣхаль вѣрой-правдою.
Не боюсь татаръ я въ полѣ тысячи,
Не боюсь и другой тысячи,

Не пойду въ побѣгъ отъ третьей тысячи;
 Да не надобно во помощь мнѣ
 Тридцати воронъ со воронятами“.

Не узналъ его Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ты отколь, удалый, родомъ-племенемъ?
 Именемъ какъ величать тебя,
 Отцомъ-батюшкою чествовать?“

„Я—Никита Заолѣшанинъ!“

„Ай же ты, Никита Заолѣшанинъ!
 Ты садись-ка съ нами хлѣба кушати;
 Есть еще мѣстечко тамъ, на нижнемъ концѣ,
 Ты садись-ка тамъ по край стола, по край скамьи:
 Всѣ другіе мѣстечки у меня позаняты“.

Повели Илейку слуги подъ руки,
 Повели ко нижню кончку,
 Усадили тамъ по край стола, по край скамьи.
 Говорить Илейко таковѣ слово:

„Ужъ ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
 Самъ ты, князь, сидишь съ воронами,
 А меня ты садишь съ воронятами!“

Какъ хотѣлъ тутъ онъ поладиться, поправиться—
 Поломалъ кругомъ скамьи дубовыя,
 Погнулъ сваи всѣ желѣзныя,
 Поприжалъ гостей всѣхъ во большій уголь.

А Владиміру то дѣло не слюбилось:
 Возставалъ онъ на рѣзвыя ноги,
 Потемнѣлъ самъ, что осенняя ночь,
 Да вскричалъ, взревѣлъ, что лютый звѣрь:

„Что же ты, Никита Заолѣшанинъ,
 Помѣшалъ мнѣ всѣ мѣста ученья,
 Погнулъ сваи всѣ желѣзныя:
 У меня вѣдь промежъ каждого богатыря
 Сваи были кладены желѣзныя,
 Чтобъ они въ пиру да напивалися,
 Напивалися да не столкалися.“

Ай вы, русскіе могучіе богатыри!
 Слыхано ли, чтобы васъ, богатырей,
 Кто назвалъ воронами да воронятами?
 Выходите-ка вы, трое самолучшіе,

Вы берите-ка Никиту подъ руки,
 Выкиньте изъ гридни вонъ на улицу!“
 Выходили самолучшихъ три богатыря,
 Начали Никитушку подѣргивать,
 Пѣчали Никитушку поталкивать;
 А Никитушка стоитъ—не шѣтнется,
 На головушкѣ колпакъ не трѣхнется:

„Коли хочешь, князь Владиміръ, позабавиться,
 Подавай еще мнѣ трехъ богатырей!“

Выходили три другихъ богатыря,
 Начали Никитушку подѣргивать,
 Пѣчали Никитушку поталкивать;
 А Никитушка стоитъ—не шѣтнется,
 На головушкѣ колпакъ не трѣхнется:

„Коли хочешь, князь, потѣшиться,
 Посылай еще хоть трехъ богатырей!“

Выходили трети три богатыря—
 Ничего съ Никитой не подѣлали.

Говорить Никита таковѣ слово:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Знать, тебѣ охота попотѣшиться?“

Ты теперь изволь-ка на меня глядѣть:
 Глядячи, пройдетъ охота тѣшиться“.

Сталь тутъ самъ Никита тѣшиться,
 Сталь богатырей поталкивать,
 Учалъ сильныхъ, могучихъ попинывать:
 Всѣ богатыри по гриднѣ пораспѣзались,
 Ни одинъ на ноженъки не можетъ встать.

Выходилъ изъ гридни вонъ Никитушка,
 Дверьми хлопнулъ—вышибъ ободверины,
 Воротами хлопнулъ—вонъ верёюшки,
 А точёныя перильца пріосѣпались.
 Князь Владиміръ за печь позадвинулся,
 Соболиной шубкой призакинулся:

„Ой, тихонько, братцы, не ворѣхнетесь:
 Не услышаль бы Никита Заолѣшанинъ!
 Какъ услышитъ онъ—ворѣтится, убьетъ насъ всѣхъ,
 Не оставитъ стараго, ни малаго,
 Не оставитъ мнѣ, Владиміру, на сѣмена“.

А Илейко, какъ повышелъ на широкій дворъ,

Тугой лукъ разрывчатый натягиваль,
Каленую стрѣлочку накладываль,
Самъ стрѣлѣ да приговариваль:

„Ты лети-ка, стрѣлка, къ кровлямъ златоверхіимъ,
Поснимай-ка золочѣны маковки!“

Пали наземь золочѣны маковки,
Закричалъ Илья да во всю голову:

„Гой вы, голи, гóлюшки кабацкіе,
Доброхоты княженецкіе!

Собирайтесь-ка на княженецкій дворъ,
Обирайте золочѣны маковки,
Да несите во царевъ кабакъ,
Пейте зеленá вина тамъ дóсыта“.

Прибѣгали гóлюшки кабацкіе,
Доброхоты эти княженецкіе,
Обирали золочѣны маковки:

„Ай же ты, нашъ батюшка, отецъ родной!“

Шли съ Илейкой во царевъ кабакъ,
Пропивали золочѣны маковки,
Пропивали съ нимъ да заоднѣшенько.
А и стали тутъ сумлѣться:

„Что-то будетъ намъ отъ князя солнышка,
Что-то отъ Владиміра достанется:
Пропиваемъ мы его всѣ маковки!“

Говоритъ Илья имъ таковы слова:

„Пейте, голи вы мои, да не сумлѣйтесь:
Я заўтра буду въ Кіевѣ князёмъ княжить,
А вы, голи, будете надъ всѣми набольши!“

Стали пить, не стали болѣе сумлѣться,
Стали Господа молить за добра мóлодца.

А на томъ пиру на княженецкомъ
Доносили солнышку Владиміру:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Какъ Никитушка-то Заолѣшанинъ
Со твоихъ со кровель златоверхіихъ
Золочѣны маковки повѣстрѣляль,
Созваль всѣхъ гóлей кабацкіихъ,
Прошлль съ ними золочѣны маковки“.

Какъ сидѣль при томъ пиру-бесѣдушкѣ
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,

Говорить Добрынюшка Владиміру:

„Князь ты нашъ Владиміръ, красно солнышко!

То вѣдь не Никита Заолѣшанинъ,

То мой братъ крестовый Илья Муромецъ“.

Сталь тутъ князь Владиміръ думу думати

Со боярченками именитыми,

Со богатырями сильными, могучими,

Какъ ему съ Ильей да помириться:

„Думайте-ка, братцы, думу-думушку,

Думайте-ка, братцы, думу крѣпкую,

Думайте-ка думу, не продумайте:

Ужъ кого бы намъ да за Ильей послать,

Во почѣстенъ пиръ Илью позвать?

Самому-то мнѣ пойти не хочется,

А Апраксию послать—къ лицу нейдѣтъ“.

Стали всѣ тутъ думу думати:

„Ужъ кого бы намъ послать Илью позвать?

А пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:

Вѣдь они съ Илейкой братица крестовые,

Братица крестовые, названые,

И его Илья, бывало, слушаетъ“.

Шель Владиміръ по столовой горенкѣ,

Становился супротивъ Добрынюшки,

Говорить Добрынѣ таковы слова:

„Ты, молоденькій Добрыня! ужъ сходи-ка ты

Къ старому Ильѣ ко Муромцу,

Бей челомъ Илейкѣ, низко кланяйся,

Поклонися до половъ кирпичныхъ,

Что до самой матушки сырѣи земли,

Говори Илейкѣ таковы слова:

— Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь

Со княгиней стольной со Апраксией,

Какъ послалъ просить тебя да на почѣстенъ пиръ;

Не узналъ тебя онъ, добра молодца,

Потому садилъ за столъ на нижнемъ конечкѣ;

А теперь онъ просить со усердіемъ,

Со усердіемъ, со радостью великою,

Не велѣлъ на старо гнѣваться“.

И пошелъ молоденькій Добрынюшка,

Улицей идетъ, а самъ-то думаетъ:

„Не по смерть ли я иду по скорую?
 Да коли мнѣ не послушать князя солнышка,
 Мнѣ отъ князя солнышка не сдѣбровать!“

И идетъ онъ во царевъ кабакъ,
 И приходитъ во царевъ кабакъ;
 А сидитъ тутъ старый Илья Муромецъ,
 Съ гѣлями сидитъ, пьетъ-прохлаждается.
 И не знаетъ онъ, отколь къ Ильѣ зайти:

„Спереди зайти, такъ хорошо ль прилюбится?
 Такъ ужъ лучше же сзайди зайду“.

Какъ зашелъ сзайди Добрыня, захватилъ Илью,
 Захватилъ за плечи за могучія,
 Говоритъ самъ таковы слова:

„Ай же ты, крестовый братецъ мой,
 Мой названный братецъ, старый Илья Муромецъ!
 Ты сдержки-ка руки бѣлыя,
 Ты скрѣпки-ка ретивѣ сердце;
 Вѣдь пословъ-то ни кують, ни вѣшаютъ.
 А и кладена у насъ съ тобою заповѣдь,
 Заповѣдь не малая, великая:
 Меньшему-то брату слушать бѣльшаго,
 Бѣльшему-то брату мѣньшаго,
 Да стоять обоимъ дружка-за-дружка.
 Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
 Со княгиней стольной со Апраксией:
 Не узналъ тебя онъ, добра мѣлодца,
 Потому садилъ за столъ на нижнемъ конечкѣ;
 А теперь тебя онъ проситъ во почѣстенъ пиръ
 Со усердіемъ, со радостью великою,
 Не велѣлъ тебѣ на старо гнѣваться“.

Обернѣтся тутъ Илейко, самъ проговоритъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты счастливъ тѣмъ, что сзайди зашелъ:
 Кабы ты, Добрыня, спереди зашелъ,
 Только бы съ тебя, Добрыня, пепель сталъ!
 А теперь тебя не трону, братецъ мой:
 Вѣдь закона-то нельзя перѣступить.
 Ты поиди, скажи-ка князю солнышку:
 Пусть-ка для меня, для мѣлодца,
 Разошлетъ указы строгіе

По всему по городу по Кіеву
 Да еще по городу Чернигову,
 Чтобы были на трое на суточекъ
 Всѣ царёвы кабаки отворены,
 Чтобы весь народъ пилъ зеленѣ вино;
 Кто не хочеть зеленѣ вина,
 Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
 Кто не хочеть пива пьянаго,
 Тотъ бы пилъ сладкихъ медовъ:
 Чтобы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ;
 А и пусть-ка для меня, для мѣлодца,
 Заведеть онъ столованьице—почѣстенъ пирь.
 А коли не сдѣлаеть по-мѣму,
 То ему, Владиміру, княжить до утрія“.

Какъ бѣжалъ Добрыня скоро-на-скоро
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Передалъ ему Ильинъ наказъ;
 Какъ тутъ князь Владиміръ скоро-наскоро
 Разослалъ указы строгіе
 По всему по городу по Кіеву
 Да еще по городу Чернигову,
 Чтобы были на трое на суточекъ
 Всѣ царёвы кабаки отворены,
 Чтобы весь народъ пилъ зеленѣ вино,
 Пилъ бездѣнно да безошлинно,
 Всѣ бы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.
 Самъ заводить столованьице—почѣстенъ пирь,
 Забираеть всѣхъ князей да бояровъ,
 Всѣхъ могучихъ русскихъ богатырей,
 А и полениць удалыхъ.
 А во кабакахъ никто не пьеть, не кушаетъ,
 Всѣ идутъ ко князю ко Владиміру,—
 Не для хлѣба-соли, не для золотой казны:
 Посмотрѣть идутъ на добра мѣлодца,
 На того на стара Илью Муромца;
 Всѣ на княженецкій дворъ собираются,
 Всѣ тихонько въ гридню пробираются.

Какъ приходитъ тутъ и старый Илья Муромецъ,

Съ голями приходитъ со кабацкими,
 Какъ идетъ во гридню свѣтлую,
 Крестить очи по-писаному
 И ведетъ поклоны по учёному,
 Бьетъ челомъ на всѣ четыре стороны,
 Князю со княгинею въ особину.
 Скоро всталъ Владимірь на рѣзвѣ ноги,
 Скоро бралъ Илью да за бѣлы руки,
 Цѣловаль да во уста сахарныя,
 Говорилъ самъ таковы слова:

„Гой еси ты, старый Илья Муромецъ!
 Хоть твое мѣстечко было да пониже всѣхъ,
 Такъ теперъ твое мѣстечко да повыше всѣхъ!
 Гой вы, слуги мои, слуги вѣрныя!
 Проводите стараго на мѣсто бѣльшее!“

Не садился онъ на мѣсто бѣльшее—
 Сѣлъ на мѣсто на среднее,
 Рядомъ посадилъ голѣй кабацкихъ,
 Говорилъ самъ таковы слова:

„Ай же ты, Владимірь стольно-кіевскій!
 Знать, кого послать меня позвать!
 Кабы не Добрынюшка, названный братецъ мой,
 Никого бы не послушалъ здѣсь.
 А было намѣренье наряжено:
 Тугой лукъ разрывчатый натягивать,
 Да стрѣлять сюда, во гридню свѣтлую,
 Да убить тебя, князя Владиміра,
 Со княгинею стольной со Апраксіей.
 Да на сей разъ Богъ тебя проститъ
 За твою вину да за великую!“

Понесли гостямъ тутъ яствшекъ сахарныхъ,
 Понесли напитокковъ медвяныхъ,
 Подносили каждому по чарочкѣ;
 Говорить Илья Владиміру:

„Ай ты, князь Владимірь стольно-кіевскій!
 Тѣмъ ли ты моихъ гостей уподчуешь,
 Тѣмъ ли ты моихъ гостей учествуешь—
 Чарочками да голѣй кабацкихъ?“

А Владиміру то слово не слюбилоса,
 Говорить Ильѣ да таковы слова:

„У меня во погребахъ глубокихъ
 Есть про всѣхъ васъ зеленѣ вино,
 Есть про каждого по бочкѣ-сороковчкѣ;
 Коли здѣсь не хватить на гостей твоихъ,
 Сами спустятся во погреба глубокіе“.

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кїевскій!
 Такъ ли у тебя гостей да подчуютъ,
 Такъ ли добрыхъ мѣлодцевъ да чествуютъ,
 Чтобы сами шли за яствами, за питьями?
 Знать, мнѣ быть сегодня за хозяина!“

Какъ повскочить старій на рѣзвѣ ноги,
 Погребовъ у слугъ не спрашиваль,
 Къ погребамъ ключей не требоваль,
 Прямо шель ко погребамъ глубокимъ,
 Двери и колоды вонъ выпинываль,
 Безъ ключей замочки отщѣлкиваль,
 Входитъ самъ во погреба глубокіе.
 Какъ беретъ тутъ бочку да подъ пазуху,
 Какъ беретъ другую подъ другую пазуху,
 Третью сороковую ногѣй катить,
 Выкатилъ на княженецкїй дворъ,
 Закричалъ самъ во всю голову:

„Гой вы, голи, гѣлюшки кабацкіе!
 Выходите-ка на княженецкїй дворъ,
 Напою я всѣхъ васъ зеленѣмъ виномъ“.

Сходитъ самъ опять во погреба глубокіе.
 Не стерпѣлъ Владиміръ, больно поразгнѣвался,
 Закричалъ да зычнымъ голосомъ:

„Гой вы, слуги, слуги вѣрныи!
 Вы бѣгите-ка скорѣмъ-скоро,
 Скоро-наскоро да поскорѣшенько,
 Заложите въ погребахъ мнѣ мѣлодца,
 Позадѣрните чугуною рѣшѣточкой,
 Завалите дубьемъ-кѣлодьемъ со всѣхъ сторонъ,
 Призасыпьте желтыми песочками,
 Поморите смертію голодною!“

Побѣжали тѣ скорѣмъ-скоро,
 Скоро-наскоро да поскорѣшенько,
 Заложили въ погребахъ Илью,
 Позадѣрнули чугуною рѣшѣточкой,

Навалили дубья-кѣлодыя со всѣхъ сторонъ,
 Да засыпали песками желтыми.
 Какъ другимъ богатырямъ то за бѣдѣ пало,
 Возставали съ пира не докушавши,
 Выходили на широкой дворъ,
 Всѣ садились на добрыхъ коней,
 Всѣ развѣхались во чисто поле,
 Во раздольице широкое:

„А не будемъ же мы больше жить во Кіевѣ,
 А не будемъ же служить князю Владиміру!“

Такъ-то въ тѣ пору у князя у Владиміра
 Не осталось во Кіевѣ богатырей.

БЫЛИНА СЕМНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Калинъ царь (58).

Ой ты, мать сыра земля, поразступися-ка!
Небеса вы синія, раздайтеся!
Темны тучи, воедино не скопляйтеся!
Богатырской силушкѣ тошнѣхонько,
Горе лютое со старымъ приключилося:
Поразгнѣвался на стараго Владиміръ князь,
Приказалъ его своимъ вѣрнымъ слугамъ
Заложить во погребяхъ глубокихъ,
Позадѣрнути чугуною рѣшѣточкой,
Завалити дубьемъ-кѣлодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпати песками желтыми,
Поморити смертію голодную.
Да была у князя дочка молодѣшенька,
Дочка молодѣшенька была, малѣшенька,
Видитъ: посадилъ Владиміръ князь
Стараго во погреба на смерть голодную;
А онъ могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви Божія,
Могъ бы поберечь ей князя-батюшку,
Могъ бы поберечь ей и княгиню-матушку.
И брала ко погребамъ глубокимъ
Во-потай она ключи у матушки,

Подкопать велѣла копи тайныя,
 Носить старому уѣдушки сахарныя,
 Ставить старому напитокки медовыя.
 А Владиміръ князь про то не вѣдаетъ.

Подсылалъ тутъ Калинъ царь Калиновичъ
 На святую Русь татаровой поганыихъ:

„Ай же вы, мои татаровья поганые!
 Поѣзжайте-ка вы на святую Русь,
 Ко тому ко славному ко Киеву,
 Посмотрите, попровѣдайте,
 Что-то дѣется на матушкѣ святой Руси“.

И поѣхали татаровья поганые
 На святую Русь, ко славну Киеву,
 И пріѣхали во стольный Киевъ градъ.
 Посмотрѣли отъ далей поганые
 На Владимира на князя солнышко,
 И поѣхали назадъ къ царю-татарину.
 Сталь ихъ Калинъ царь выпрашивать:

„Гдѣ же вы, ребята, были-побыли,
 Что же вы, ребята, видѣли?“

Говорять ему татаровья поганые:

„Были-побыли мы на святой Руси,
 Побыли во славномъ Киевѣ,
 Видѣли во Киевѣ чуднымъ чудно,
 Видѣли во Киевѣ дивнымъ дивно:
 Какъ со матушки со церкви Божіей
 Шла душа-дѣвица красная,
 Книгу на рукахъ несла, евангелъе,
 Сколько ни читала, вдвое слезно плакала“.

Говорить имъ Калинъ царь Калиновичъ:

„Ай вы, глупые мои татаровья!
 Шла то не душа-дѣвица красная,
 Шла то мать да пресвятая Богородица,
 Книгу на рукахъ несла, евангелъе:
 Видѣла надъ Киевомъ невзгодушку,
 Оттого и слезно плакала“.

Не волна на морѣ расходилася,
 Не синѣ море да всколыбалося—
 Взволновался Калинъ царь Калиновичъ,
 Воспымалъ собака да на Киевъ градъ.

Ай, собака ты, злодѣй да Калинъ царь!
 Думаешь онъ думушку недобрую
 И совѣтуешь совѣты нехорошіе:
 Хочетъ разорить онъ стольный Кіевъ градъ,
 Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
 Церкви Божія на дымъ пустить,
 Князю солнышку да голову срубить,
 Со княгиней стольной со Апраксіей.
 Собираетъ силы съ сорока земель,
 Съ сорока земель да съ сорока царей,
 Съ каждымъ силы по сту тысячей,
 А съ самимъ собакой силушка несчетная.
 Собирается собака ровно трѣ года,
 На четвертый во походъ пошелъ:
 Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
 Становился съ силой у быстра Днѣпра,
 Приказалъ всей силушкѣ великоей
 Во одно мѣсто снести по камешку—
 Выросла гора превеличѣюща.
 Чтò подъ силой мать сыра земля не погнется,
 Подъ поганой не разступится?
 Отъ того отъ пару отъ конинаго
 Инъ померкло красно солнышко,
 Ни луча не взвидѣть свѣту бѣлаго;
 Отъ того отъ духа отъ татарскаго
 Нè можно крещѣнымъ живымъ быть.
 Какъ разставилъ силу по чисту полю,
 Самъ сходилъ собака со добра коня,
 Скоро сѣлъ на свой ременчатъ стулъ,
 Ярлыки писалъ да скорописчаты,
 Не чернилами писалъ, а краснымъ золотомъ,
 Ярлыки да запечатывалъ;
 Выбиралъ татарина получше всѣхъ:
 Мѣрою татаринъ трехъ сажень,
 Голова на немъ съ пивной котель,
 Промежъ плечъ татаринъ во косу сажень.
 Подавалъ ему онъ грамоту посыльную,
 Посылалъ его во Кіевъ градъ, наказывалъ:
 „Ай же ты, любезный мой посланничекъ!
 Знаешь говорить ты да по-русскому,

Про себя мычать да по-татарскому?
 Ты бери-ка грамоту посыльную,
 Ты садись-ка на добра коня,
 Поѣзжай-ка да во славный Кіевъ градъ,
 Ко тому ко князю солнышку на широкъ дворъ,
 Станови добра коня середь двора,
 Не привязывай коня и не приказывай,
 Проходи прямёхонько да не съ упадкою
 Въ грядни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
 Отворяй въ палаты двери на-пятау,
 Не снимай и шапки со головушки,
 Богу русскому не кланяйся,
 Князю солнышку челомъ не бей,
 Полагай лишь ярлыки на злотъ столъ,
 Пословечно выговаривай:

— Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
 Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы руки,
 Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
 Каждое словечко въ нихъ высматривай.—
 Безъ поклона повернись тутъ да поди съ палатъ,
 На коня садись да поѣзжай назадъ,
 Во свою во силушку великую“.

И поѣхалъ тотъ посланничекъ во Кіевъ градъ,
 Дѣлалъ дѣло повелѣное:
 Заѣзжалъ на широкъ княженецкій дворъ,
 Становилъ добра коня середь двора,
 Не привязывалъ коня и не приказывалъ,
 Проходилъ прямёхонько да не съ упадкою
 Въ грядни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
 Отворялъ въ палаты двери на-пятау,
 Не снималъ и шапки со головушки,
 Не молился Спасу образу,
 Князю солнышку челомъ не билъ,
 Бросилъ только ярлыки на злотъ столъ,
 Пословечно выговаривалъ:

„Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
 Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы руки,
 Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
 Каждое словечко да высматривай“.

Безъ поклона повернулся да съ палатъ пошелъ,

На коня садился да поѣхалъ вонъ,
Во свою во силушку великую.

Какъ вставалъ тутъ солнышко Владимірь князь
Со большаго мѣста княженецкаго,
Бралъ тѣ ярлыки да скорописчаты,
Распечатывалъ ихъ скоро да развертывалъ,
Каждое словечко да высматривалъ.
А во тѣхъ во ярлыкахъ написано,
Чтобы по всему по славну Кіеву
Онъ съ Божьихъ церквей чудны кресты повѣснявалъ,
Во церквахъ бы сдѣлалъ стойла лошадиныя,—
Было бѣ гдѣ стоять добрымъ конямъ татарскимъ;
По всему бы да по славну Кіеву
Улицы широкія повѣпахалъ,
Богатырскіе дворы повѣчистилъ,
Поумылъ палаты бѣлокаменны,—
Было бѣ гдѣ стоять великой рати-силушкѣ;
По всему бы да по славну Кіеву,
По всѣмъ улицамъ широкимъ,
По всѣмъ малымъ переулочкамъ,
Понаставилъ бочку къ бочкѣ близко-по-близку,
Сладкихъ все, хмельныхъ напитокочковъ,—
Было бѣ у чего стоять собакѣ Калину
Со его великой ратью-силушкой.
Видитъ тутъ Владимірь стольно-кіевскій:
Дѣло-то великое, не малое;
Посмотрѣлъ въ окошечко косящато:
Какъ стоитъ у батюшки быстра Днѣпра
Калинъ царь со всею силушкой невѣрною,
А той силы на чистомъ полѣ
Будто лѣсу мелкаго шумящаго,
Не видать ни краюшка, ни бережка;
А знаменье въ на чистомъ полѣ
Будто лѣсу крупнаго жароваго.
Устрашился солнышко Владимірь князь,
Закручинился да запечалился,
Ниже плечъ повѣсилъ буйну голову,
Съ ясныхъ очушекъ роняетъ слезы горькія,
Шёлковымъ платочкомъ утирается,
Говоритъ самъ таковы слова:

„Ахъ ты гой еси, моя жена любезная,
 Ты княгинюшка моя Апраксія!
 Накатилась силушка невѣрная,
 Обступила стольный Кіевъ градъ.
 По грѣхамъ намъ вѣрно учинилося,
 Что богатыри изъ Кіева развѣхались:
 Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
 Постоять за Кіевъ градъ ужъ нѣкому.
 Разсердилъ я всѣхъ могучихъ богатырей,
 А удала стара Илью Муромца
 Засадилъ во погребѣ глубокіе,
 Заморилъ да смертію голодною:
 Постоялъ бы онъ одинъ за Кіевъ градъ,
 Постоялъ бы онъ за церкви Божія,
 Поберегъ бы онъ меня, Владиміра,
 Поберегъ бы и тебя, Апраксію.
 А теперъ намъ, видно, дѣлать нечего,
 На убѣгъ бѣжать изъ Кіева приходится“.

Какъ была тутъ дочка у Владиміра,
 Дочка молодѣшенька, малѣшенька,
 Говоритъ ему да такыя слова:

„Гой еси, родитель ты мой батюшка!
 Слышала я въ церкви, во писаніи,
 Что удалу стару Ильѣ Муромцу
 Смерть ни съ голоду, ни на бою не писана.
 Закричи-ка ты своимъ вѣрнымъ слугамъ,
 Чтобъ сходили къ погребамъ глубокимъ,
 Поразсыпали песочки желтые,
 Развалили дубье-колодье,
 Да раздѣрнули рѣшѣточку чугунную.
 Самъ бери-ка золотыя ключи,
 Отворяй-ка погребѣ глубокіе,
 Опускайся-ка ко стару Ильѣ Муромцу,
 Посмотри-ка, живъ ли онъ аль нѣтъ?“

Говоритъ ей батюшка Владиміръ князь:

„Ай же, дитятко мое ты неразумное!
 Ты сними-ка буйну голову,
 Приростеть-ли ко плечамъ она?
 Быть ли живу черезъ трѣ года
 Старому да Ильѣ Муромцу?“

Отвѣчаетъ дочка молодёшенька,
Дочка молодёшенька, малёшенька:

„Посылай-ка только, онъ тамъ живъ сидитъ“.

Выходилъ Владиміръ князь тутъ на краснѣ крыльцо,
Закричалъ вѣрнымъ слугамъ да громкимъ голосомъ:

„Гой еси, мои вы слуги вѣрные!

Вы сходите-ка ко погребамъ глубокимъ,
Поразсыпьте-ка песочки желтые,
Развалите дубье-кѣлодые,

Да раздѣрните рѣшѣточку чугунную,
Посмотрите, живъ ли Илья Муромецъ?“

И пошли они ко погребамъ глубокимъ,

Поразсыпали песочки желтые,

Развалили дубье-кѣлодые,

Да раздѣрнули рѣшѣточку чугунную,

Закричали громкимъ голосомъ:

„Гой еси, удалый добрый молодецъ,
Живъ ли ты аль нѣтъ, откликнися?“

Подаль голосъ имъ Ильюшенка.

Скоро бралъ Владиміръ князь тутъ золотыя ключи,
Отмыкаетъ погреба глубокіе—

А во погребахъ Илья живой сидитъ,

У Ильюши воскова свѣча горитъ,

Самъ читаетъ книгу онъ, евангеліе.

Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:

„Ужъ ты здравствуешь, удалый Илья Муромецъ!

Ты сидишь во погребахъ глубокіихъ,

А не вѣдаешь невзгодушки великія:

Вѣдъ нашъ Кіевъ градъ во полонѣ стоитъ,

Обошелъ вѣдъ насъ собака Калинъ царь

Со своею силушкой великою.

Разсердилъ я всѣхъ богатырей,

Поразѣхались они изъ Кіева,

Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,

Постоять за Кіевъ градъ ужъ нѣкому.

Ужъ постой-ка ты одинъ за Кіевъ градъ,

Постарайся-ка за вѣру христіанскую,

Хоть не для меня, князя Владиміра,

Хоть не для княгини для Апраксіи,

А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ“.

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Я ужь три года не видѣль свѣту бѣлаго—
Какъ простить мнѣ ту обиду кровную?“

„Да не для-ради меня, Владиміра,
И не для-ради моей Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“
Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвѣ ноги,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:

„Ай ты, бурушка, мой богатырскій конь!“

Выходилъ на бѣлый божій свѣтъ,
Шелъ въ конюшенку стоялую,
Выводилъ добра коня на широкъ дворъ,
Сталъ добра коня уздать, засѣдлывать:
Полагалъ на потнички да потнички,
Полагалъ на войлочки да войлочки,
На верѣхъ черкасское сѣдѣлышко;
Подпруги подтягивалъ шелкѡвеньки,
Втягивалъ шпилѣчики булатные,
Полагалъ стремяночки булатныя,
Пряжечки да красна золота—
Да не для красы-басы, не для угожества,
Для-радї укрѣпы богатырскїя;
Шѣлкѣ-то тянется, да нѣ рвется,
А булатъ-желѣзо гнется, не ломается,
Красно золото и мокнетъ, да не ржавѣеть.
Одѣвалъ тогда dospѣхи крѣпкіе,
Бралъ съ собою палицу булатную,
Во-другихъ копьѣ да долгомѣрное,
Въ-третьихъ тугой лукъ да каленї стрѣлы,
Бралъ еще шалыгу подорожную,
И сѣдился на добра коня,
Говоритъ самъ князю таковыя слова:

„Запирай-ка, князь, ворота крѣпко-накрѣпко,
Засыпай желтымъ пескомъ ихъ, сѣрымъ камешкомъ;
Я, Илья, поѣду во чисто поле
Созывать могучїихъ богатырей“.

Только видѣли Ильюшу сядучи,
А не видѣли его поѣдучи;
Отъ его копытъ отъ лошадиныхъ
Во чистомъ полѣ да куревѡ стоитъ,

Куревò стоить, да пылъ столбомъ валить.
 Выѣхаль онъ во чистò поле,
 Посмотрѣль на силушку поганую:
 Нагнано-то силы видимо-невидимо,
 Инъ не можетъ пропекать и красно солнышко
 Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
 Долгимъ весеннимъ денѣчикомъ
 Сѣру звѣрю силы не обрѣскати,
 Долгимъ межѣннымъ денѣчикомъ
 Черну вòрону да не обграйти,
 Долгимъ осеннимъ денѣчикомъ
 Сѣрой птицѣ да вокругъ не облетѣть.
 Какъ отъ пòкрику отъ человѣчьяго,
 Какъ отъ ржанья лошадиного
 Унываетъ сердце человѣческо (59).
 И поѣхаль старый Илья Муромецъ
 По раздолъницу чисту полю вкругъ силушки—
 Конца-краю силушкѣ не могъ наѣхати.
 И не смѣетъ старый напустить на силушку,
 Поднимается на гòру на высокую,
 Посмотрѣль на силушку поганую,
 Посмотрѣль на всѣ на три-четыре стороны—
 Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
 Со первой горы Илья спускается,
 На высокую другую поднимается,
 Посмотрѣль на всѣ на три-четыре стороны—
 Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
 Со другой горы Илья спускается,
 На высокую на третью поднимается,
 Посмотрѣль на всѣ на три-четыре стороны—
 Усмотрѣль подъ стороной восточной
 Во чистòмъ полѣ бѣлой шатерь,
 На бѣломъ шатрѣ злачѣна маковка,
 У бѣла шатра да кòни богатырскіе.
 Со горы высокой онъ спускается
 И поѣхаль по чисту полю,
 Приѣзжаетъ ко бѣлу шатру;
 Тамъ стоить двѣнадцать кòней богатырскихъ,
 Зоблять всѣ пшену да бѣлоярову,
 Все-то добры кòни русскіе,

Все его крестовыхъ братицевъ,
 Братицевъ крестовыхъ да названыхъ.
 Онъ вязалъ коня къ столбу точёному,
 Припушалъ его къ пшенѣ ко бѣлояровой,
 Самъ заходить во бѣлой шатеръ.
 Во бѣломъ шатрѣ двѣнадцать ли богатырей,
 Все богатырей-то святорусскихъ,
 Сѣли хлѣба-соли кушати,
 Поиграть во шашки-шахматы.
 Онъ глаза крестить да по-писаному,
 Онъ поклонъ ведеть да по-учёному,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Дядюшкѣ любимому въ особину:

„Хлѣбъ да соль, богатыри вы святорускіе,
 Братія моя крестовая, названая!
 Здравствуешь и ты, любимый дядюшка,
 Ты Самсонъ да сынъ Самойловичъ!“

Какъ увидѣли Илью богатыри,
 Повскочили скоро на рѣзвѣ ноги,
 Со Ильюшкой здоровкались:

„Ай же ты, удалый старый Илья Муромецъ!
 Говорили, ты у князя у Владиміра
 Посажёнъ во погреба глубокіе,
 Поморёнъ да смертію голодною,
 Анъ ты живъ поѣзживаешь во чистомъ полѣ?“

Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:

„Ужъ поди-ка ты, любимый мой племянничекъ,
 Съ нами хлѣба-соли да покушати“.

Говорить Илья имъ таковы слова:

„Гой же вы, могучіе богатыри,
 Гой ты, мой любезный дядюшка!
 Вы ѣдите, пьете, утѣшаетесь,
 Вы во всяки игры забавляетесь,
 А нашъ Кіевъ градъ во полонѣ стоитъ,
 Обступилъ нашъ Кіевъ градъ собака Калинъ царь
 Со своею силушкой великою,
 Хочетъ разорить собака стольный Кіевъ градъ,
 Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
 Церкви Божія на дымъ пустить,
 Князю солнышку да голову срубить

Со княгиней стольной со Апраксіей.
 Вы сѣдлайте-ка добрыхъ коней,
 Да садитесь на добрыхъ коней;
 Ужь поѣдемъ, братцы, Кіевъ градъ отстаивать,
 Не для князя для Владиміра
 Не для князевой княгинюшки Апраксіи,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:

„Ай же ты, любимый мой племянничекъ,
 Старый ты да Илья Муромецъ!
 Самъ я не поѣду во чисто поле
 Стольный Кіевъ градъ отстаивать
 И тебѣ не дамъ благословенія:
 Много у Владиміра князей да бояровъ,
 Кормитъ онъ ихъ, поить до и жалууетъ;
 Намъ же отъ него ждать нечего,
 Не могѣмъ мы на него смотрѣть,
 На его жену Апраксию,
 Дали въ томъ заклятіе великое“.

„Да не для-ради князя Владиміра
 И не для-ради жены его Апраксіи,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Не поѣхалъ съ нимъ любимый дядюшка,
 Не поѣхали могучіе богатыри.
 Видитъ онъ, что дѣло имъ не по-люби,
 Выходилъ одинъ да со бѣла шатра,
 Бралъ добра коня за поводъ шелкъовые,
 Отводилъ отъ той пшены отъ бѣлояровой,
 Самъ сажился на добра коня,
 И поѣхалъ по раздольицу чисту полю
 Ко татарской силушкѣ поганой.
 А раскинулася сила по чисту полю,
 Колыбается акъ синѣ море,
 Инъ сыра земля подъ силой подгибается.

Не ясѣнъ соколъ съ-подъ облакъ напускается
 На гусей, на лебедей, на малыхъ уточекъ—
 Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ
 Напускается на силу на татарскую:
 Заѣзжаетъ прямо во серѣдочку,
 Сталь татаровой конемъ топтать,

Сталь поганихъ копьемъ колоть,
 Подорожною шалыгою помахивать,
 Будто зелену траву косить:
 Гдѣ махнетъ—тамъ силы улица,
 Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ.
 Трое сутокъ бьетъ онъ силу не ѣдаючи,
 Не ѣдаючи да не пиваючи,
 Со добра коня да не слѣзаючи,
 Побилъ силушки ужъ безъ счету,
 А все будто силушки не убыло,
 Самъ Илья изъ силы выбился.
 Какъ вскричалъ тутъ Калинъ царь да громкимъ голосомъ:
 „Гой еси, удалый добрый молодецъ!
 Ты отсрочь-ка времени намъ трое сутокъ“.
 Отвѣчалъ ему удалый добрый молодецъ:
 „Не отсрочу вамъ я нисколѣшеньку“.
 „Ты отсрочь намъ хоть на сутки“.
 И отсрочилъ имъ Илья на сутки,
 Самъ поѣхалъ во чисто поле,
 Разставлялъ себѣ бѣлой шатерь
 И ложился опочивъ держать.
 Услыхалъ тутъ добрый конь невзгодушку,
 Разбудилъ Илью онъ рано поутру,
 Проязычился языкомъ человѣческимъ:
 „Ай же ты, любезный мой хозяюшко!
 Ночью мнѣ, добру коню, да мало спалося,
 Мало спалося да много видѣлось:
 Далъ собакъ Калину ты сутки времечка,
 А его татаровья поганые
 Подкопали три подкопа да глубокихъ,
 Опускали въ нихъ телѣги да ордынскія,
 Становили копыя мурзаецкія,
 Зарывали желтыми песочками.
 Станешь ѣдить ты да по чисту полю,
 Станешь бить да силушку великую,
 Упаду я во первой подкопъ—
 Изъ подкопа самъ повыскочу
 И тебя, Ильюшеньку, повынесу;
 Упаду я во другой подкопъ—
 Изъ подкопа самъ повыскочу

И тебя, Ильюшеньку, повynesу;
 Упаду я во третій подкопъ—
 Изъ подкопа самъ повыскочу
 А тебя, Ильюшу, ужъ не вынесу“.

Какъ Ильѣ то дѣло не слюбилося,
 Какъ беретъ онъ плетку во бѣлыя руки,
 Бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
 Говоритъ коню да таковыя слова:

Ай же ты, собачище измѣнное!
 „Я холю, кормлю-пою тебя,
 А ты хочешь покидать меня
 Во подкопахъ во глубокихъ!“

И направилъ онъ коня да во первѣй подкопъ—
 Добрый конь его оттолъ повыскочилъ
 И Ильюшеньку съ собой повытащилъ;
 И упалъ онъ во другой подкопъ—
 Добрый конь его оттолъ повыскочилъ
 И Ильюшеньку съ собой повытащилъ;
 И упалъ онъ во третій подкопъ—
 Добрый конь съ подкопа хотъ повыскочилъ,
 Самого Ильюшу ужъ не вытащилъ:
 Соскользнулъ Ильюша со добра коня
 И остался во подкопъ во глубокомъ.
 Приходили тутъ татаровья поганые,
 Захватить хотять добра коня;
 Не сдается конь имъ во бѣлыя руки,
 Убѣжалъ далѣко во чисто поле.
 Приходили тутъ татаровья поганые,
 Подняли съ подкопа Илью Муромца,
 И сковали Ильѣ ножки рѣзвья,
 И связали Ильѣ ручки бѣлыя.

Говорятъ одни татаровья:

„Поведемъ-ка мы его на смертну казнь,
 Отрубить ему да буйну голову“.

Говорятъ ины татаровья:

„Не отрубимъ-ка ему мы буйной головы,
 А сведемъ къ собакѣ царю Калину:
 Чтò захочетъ, тò надъ нимъ и сдѣлаетъ“.

Повели Ильюшу по чисту полю,
 Приводили ко палаткѣ полотняной,

Привели къ собакѣ царю Калину,
 Становили супротивъ его,
 Говорили сами таковыя слова:

„Гой еси, собака ты, нашъ Калинъ царь!
 Захватили мы удала добра молодца
 Во подкопахъ во глубокихъ,
 Привели къ тебѣ, собакѣ царю Калину:
 Чтò захочешь, то надъ нимъ и сдѣлаешь“.

Говорить Ильѣ собака Калинъ царь:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
 Напустилъ щенокъ да на большихъ собакъ!
 Гдѣ тебѣ съ татаровьями справиться?
 Сядь-ка ты со мной да за единый столъ,
 Ъшь-ка яствухекъ моихъ сахарныхъ,
 Пей-ка питьицевъ моихъ медвяныхъ,
 Одѣвай мою одежду драгоцѣнную,
 Золоту казну держи по надобью;
 Не служи-ка ты князю Владиміру,
 А служи-ка мнѣ, собакѣ царю Калину“.

Говорить ему на то въ отвѣтъ Ильѣ:

„Мнѣ не сѣсть съ тобой да за единый столъ,
 Мнѣ не ѣсть твоихъ да яствухекъ сахарныхъ,
 Мнѣ не пить твоихъ да питьицевъ медвяныхъ,
 Не носить твоей одежды драгоцѣнныя,
 Не издерживать твоей да золотой казны,
 Не служить тебѣ, собакѣ царю Калину;
 Постою еще за стольный Кіевъ градъ,
 Постою за церкви за Господнія,
 Постою за вдовъ, сиротъ да бѣдныхъ людюшекъ!“

Говорить ему собака Калинъ царь:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
 У меня, собаки, есть двѣ дочери,
 Ты посватайся-ка на любой изъ нихъ,
 Я люблю за тебя замужъ отдамъ“.

Говорить Ильѣ да не съ упадкою:

„Ай же ты, собака Калинъ царь!
 Не случилось со мною сабли острья,
 На твоей бы шеѣ я посватался“.

Какъ на то собака поразсѣрдился,
 Приказаль вести Ильюшу во чисто поле,

Отрубить ему да буйну голову.
 Повели Ильюшу во чисто поле,
 Вывели Ильюшу во раздольице,
 Засвисталъ Ильюша богатырскимъ посвистомъ.
 Не тропой бѣжить тутъ, не дорожкой,
 Выбѣгаетъ съ поля его добрый конь,
 На боку несетъ черкасское сѣдлышко,
 По копытамъ бьетъ булатно стремечко.
 Замахалъ Илья коня, кричитъ коню:
 „Стой-постой-ка ты, мой добрый богатырскій конь!
 Ты унесъ меня отъ двухъ смертей,
 Унеси теперь отъ третей!“
 Подбѣжалъ къ Ильюшѣ его добрый конь,
 Захватилъ зубами пѣтуши шелковья,
 Оборвалъ всѣ пѣтуши шелковья,
 Ручки бѣлыя освободилъ Ильѣ;
 Захватилъ зубами кандалы желѣзныя,
 Оборвалъ всѣ кандалы желѣзныя,
 Ножки рѣзвыя освободилъ Ильѣ.
 Какъ вскочилъ Илья тутъ на добра коня,
 Выбѣжалъ да во чисто поле,
 Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,
 Стрѣлочку калѣную накладывалъ,
 Самъ стрѣлъ да приговаривалъ:
 „Ты пади, стрѣла, не на воду, не на землю,
 Ты пади не въ темный лѣсъ, не во чисто поле,—
 Ты лети, стрѣла, да во бѣлой шатеръ,
 Проломи да крышу на бѣломъ шатрѣ,
 Попади, стрѣла, да на бѣлы груди
 Къ моему ко дядюшкѣ любимому,
 Проскользани ему да по бѣлой груди,
 Сдѣлай только маленькую сцапину,
 Маленькую сцапинку да невеликую.
 Спать онъ во бѣломъ шатрѣ да прохлажается,
 Надъ племянничкомъ невзгодушки не вѣдаетъ“.
 И спустилъ онъ стрѣлочку калѣную;
 Какъ просвистнетъ стрѣлочка калѣная—
 Полетѣла прямо во бѣлой шатеръ,
 Сняла крышу со бѣла шатра,
 Пала дядюшкѣ на бѣлу грудь,

На бѣлой груди да во злачѣнный крестъ,
 Проскользнула по бѣлой груди,
 Сцапинку дала да по бѣлой груди,
 Маленькую сцапинку да невеликую.
 Какъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ
 Воспрянулъ отъ сна отъ безпробуднаго,
 Пораскинулъ очи ясныя:
 Снята крыша со бѣла шатра,
 Проскользнула стрѣлка по бѣлой груди,
 Сцапинку дала да не великую.
 Скоро всталъ онъ на рѣзвыя ноги,
 Говорить да такоуя слова:

„Гой вы, славные, могучіе богатыри!
 Пробуждайтесь-ка отъ сна отъ крѣпкаго,
 Снаряжайте-ка своихъ добрыхъ коней!
 Да садитесь на добрыхъ коней!
 Мы тутъ спимъ да прохлажаемся,
 А не вѣдаемъ невзгоды надъ Ильюшенькой,
 Надъ моимъ племянничкомъ любимымъ:
 Прилетѣлъ мнѣ отъ него подарочекъ
 Нелюбимый да непрошенный:
 Долетѣла стрѣлочка калѣная,
 Сняла крышу со бѣла шатра,
 Сцапинку дала мнѣ по бѣлой груди,
 Маленькую сцапинку да невеликую:
 Погодился мнѣ, Самсону, крестъ на воротѣ,
 Крестъ на воротѣ шести пудовъ;
 Не было бѣ креста на воротѣ,
 Оторвала бы мнѣ буйну голову“.
 Возставали на рѣзвыя ноги богатыри,
 Выходили со шатра долой,
 Начали сѣдлатъ добрыхъ коней,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали:
 Стала мать-сыра земля продрагивать.
 Смотрить тутъ удалый Илья Муромецъ
 Со горы высокой въ широкѣ поле:
 Не туманъ во полѣ поднимается—
 Ёдетъ тамъ одиннадцать богатырей,
 Впереди двѣнадцатый—Самсонъ Самойловичъ.
 И окликнулъ Илья Муромецъ богатырей:

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и живовать собака—не изорвется!“

Только то словечко вымолвить—
Оторвалась голова татарская....

„Гой вы, братія моя названая,
 Дядюшка любимый мой Самсонъ Самойловичъ!
 Поѣзжайте-ка правдой рукой,
 Самъ поѣду я лѣвдой рукой,
 Не упустимъ силы мы съ чиста поля,
 Съ двухъ сторонушекъ порубимъ до одинаго“.

Заѣзжали тутъ богатыри правдой рукой,
 Заѣзжалъ онъ самъ лѣвдой рукой,
 Разгорѣлися сердца ихъ богатырскія,
 Расходились жилы богатырскія,
 Стали бить-рубить они татаровей,
 Стали прижимать ихъ съ двухъ сторонушекъ.

О тѣла поганья, татарскія
 Иступились сабли острия,
 Расщепились копыя долгомѣрныя,
 Изломались палицы тяжелыя.
 Захватилъ Илья тутъ за ноги татарина,
 Сталъ кругомъ татаринომъ помахать:
 Гдѣ махнетъ—тамъ улицы татаровей,
 Отмахнется—съ переулками,
 Самъ татарину да приговариваль:

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
 А и жиловать собака—не издрвется!“

Только то словечко вымолвилъ—
 Оторвалась голова татарская,
 Угодила голова по силѣ вдоль,
 Бьетъ и ломить ихъ, въ конецъ губить:
 Достальные на побѣгъ пошли,
 Сами говорить да заклинаются:

„А не дай намъ Богъ видать русскіхъ людей!
 Неужтѣ всѣ таковы во Кіевѣ,
 Что одинъ да побилъ всѣхъ татаровей?“

А собака сударь Калинъ царь
 Спитъ въ своей палаткѣ полотняной,
 На кроваткѣ дорогъ рыбій зубъ,
 Да подъ одѣяльцемъ соболинымъ,
 Спитъ, собака, прохлажается,
 Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
 Какъ наѣхалъ тутъ къ палаткѣ Илья Муромецъ,
 Ухватилъ собаку за желтыя кудри,

Выдернулъ съ кровати рыбій зубъ,
 Выдернулъ съ кармана плеть шелковую,
 Началъ бить его, собаку, чествовать,
 Самъ ему да приговаривать:

„Вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
 Со Божьихъ церквей чуднѣ кресты,
 Во церквахъ да стойла лошадиныя!
 Вотъ тебѣ распаханныя улицы,
 Вычищенные двory да богатырскіе,
 Поумытыя палаты бѣлокаменны
 Вотъ тебѣ хмельные, сладкіе напитки
 Со твоею силушкой великою!
 А теперь поѣдемъ-ка во стольный Кіевъ градъ
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.

И повезъ Илья собаку царя Калина
 Въ Кіевъ градъ ко князю ко Владиміру
 И привелъ его въ палату бѣлокаменну
 Передъ ласковаго князя солнышка.
 А Владиміръ князь встрѣчалъ богатырей,
 Принималъ со честью-почестью,
 Билъ челомъ съ усердемъ всѣмъ богатырямъ,
 Ильѣ Муромцу изъ всѣхъ въ особину:

„Благодарствуйте, могучіе богатыри,
 Благодарствуешь ты, старый Илья Муромецъ,
 Что избавили насъ отъ бѣды великія,
 Отъ напасти отъ напрасныя!
 Будьте вы впередъ за Кіевъ обстоятели,
 Ото всѣхъ сторонъ оберегатели,
 Какъ за то я васъ пожалую,
 Какъ пожалую васъ златомъ-сѣребромъ,
 Какъ пожалую васъ платьемъ цвѣтнымъ;
 Или надо города вамъ съ пригородками,
 Или надо сѣла вамъ съ присѣлками,
 Или надо вамъ деревни со крестьянами?“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Ничего мнѣ, старому, не надобно“.

Какъ тутъ всѣхъ другихъ богатырей
 Солнышко Владиміръ жалуеъ:
 Какъ даетъ имъ города да съ пригородками,
 Какъ даетъ имъ сѣла да съ присѣлками,

Какъ даетъ имъ золоту казну безсчетную,
 Какъ даетъ имъ платья цвѣтныя,
 Обѣщаетъ при себѣ ихъ во чести держать.
 И велить онъ всѣ царѣвы кабаки раскрыть,
 Чтобы весь народъ пилъ зеленѣ вино;
 Кто не хочеть зеленѣ вина,
 Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
 Кто не хочеть пива пьянаго,
 Тотъ бы пилъ медѣвъ стоялыныхъ (**)—
 Чтобы всѣ да веселилися.

И заводить онъ великъ почѣстенъ пирь
 На своихъ князей, на бѣяровъ
 Да на всѣхъ могучихъ богатырей;
 И беретъ онъ за бѣлы руки
 Ту собаку царя Калина,
 Садить также за столы дубовые,
 Кормить яствушкой сахарною,
 Пѣить питьицемъ медвянымъ;
 А собака бѣеть челомъ ему:

„Ай же ты, Владиміръ князь да стольно-кїевскїй!
 Не сруби-ка ты мнѣ буйной гѣловы!
 Напишу съ тобой я записи великія,
 Буду я платить отъ вѣка до вѣку
 Дани-выходы тебѣ, князю Владиміру“.

Скоро тутъ домой онъ убирается,
 Убирается, собака, не съ прибытками,
 Не съ прибытками, а со убытками,
 Со убытками, со страмотою вѣчною.

Тутъ ему, собакѣ, и славу поють.

* *
 *

Что ни лучше богатыри—во Кїевѣ,
 Золотѣ казна—во Черниговѣ.
 Колокольный звонъ—во Новѣ-городѣ,
 Темны лѣсушки—Смоленскіе,
 Горы-долы—Сорочинскіе,
 А чисты поля—ко Ерусалиму.
 Здуинай-най-най!
 Болѣ пѣть впередъ не знай.

БЫЛИНА
ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Чурила Пленковичъ.

Бласлови-ка, хозяинъ, бласлови, государь,
Старину намъ сказать стародавнюю,
Хорошо сказать, да лучше слушати,
Про младѣго Чурилу сына Плѣнковича! (61)

* *
*

Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Да у ласкова князя у Владиміра
Заводился хорошъ да почѣстенъ пиръ
На многіхъ князей да на бѣяровъ,
На всѣхъ русскіихъ могучіихъ богатырей
Да на всѣхъ на поленицъ удалыихъ.
Дологъ день идетъ ко вечеру,
А почѣстенъ пиръ идетъ ко веселу.
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Самъ государь распотѣшился,
Выходилъ на крылѣчко на перѣное,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Какъ изъ дѣлеча-далѣча поля чистаго
Тутъ толпа мужичковъ появилась,
Все-то мужички-рыболовщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробѣваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,

Бьютъ челомъ, жалобу творять:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,

Дай на Чурилу сына Плёнковича.

Ѣздили мы по рѣкамъ-озерамъ,

На твое на счастье княженецкое

Ни единой рыбки изловить не могли.

Появились люди невѣдомые,

Шёлковы нѣводы замѣтывали,

Камешки у сѣтокъ-то серебряные,

Поплавочки на сѣткахъ позолоченые:

Бѣлую рыбицу повѣспугали,

Щукъ, карасей повѣловили,

Мелкую рыбицу повѣдавили.

Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,

Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,

Намъ отъ васъ нѣту жалованья.

Жены, дѣти наши осиротѣли,

По міру пошли скитатися,

Насъ самихъ избили-изранили.

Скажутся-называются

Все они дружиною Чуриловою“.

Та толпа со двора не сошла,

Новая съ поля появилась,

Все мужички-птицеловщички,

А и всѣ-то избиты-изранены,

Булавами головы пробиваны,

Кушаками буйныя завязаны;

Кланяются князю, поклоняются,

Бьютъ челомъ, жалобу творять:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,

Дай на Чурилу сына Плёнковича.

Ѣздили мы по тихимъ заводамъ,

На твое на счастье княженецкое

Ни единой птички не вѣсмотрѣли.

Появились люди невѣдомые,

Всѣхъ ясныхъ соколовъ повѣхватали,

Всѣхъ гусей-лебедей повѣловили,

Всѣхъ сѣрыхъ утушекъ повѣстрѣляли.

Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
 Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
 Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 Жены, дѣти наши осиротѣли,
 Пò міру пошли скитатися,
 Насъ самихъ избили-изранили.
 Скажутся-называются
 Все они дружиною Чуриловою“.

Та толпа со двора не сошла,
 Новая съ поля появилась,
 Все мужички-звѣроловщички,
 А и всѣ-то избиты-изранены,
 Булавами головы пробиваны,
 Кушаками буйныя завязаны;
 Кланяются князю, поклоняются,
 Бьютъ челомъ, жалобу творять:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
 Дай, государь, намъ праведный судъ,
 Дай на Чурилу сына Плѣнковича.
 Вѣздили мы по темнымъ лѣсамъ,
 На твоёмъ государевомъ на займищѣ
 На твое на счастье княженецкое
 Никакого звѣря не наѣживали.
 Появились люди невѣдомые,
 Шёлковы тѣнета протягивали,
 Кунку да лиску повѣловили,
 Чѣрнаго соболя повыдавили,
 Туровъ, оленей повыстрѣляли.
 Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
 Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
 Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 Жены, дѣти наши осиротѣли,
 Пò міру пошли скитатися,
 Насъ самихъ избили-изранили.
 Скажутся-называются
 Все они дружиною Чуриловою“.

Воспрогворить ласковый Владиміръ князь:

„Гой вы, князья мои да бояре,
 Сильные, могучіе богатыри!
 Кто это Чурила есть таковъ?

Какъ не знаю я Чуриловой посѣлицы,
 Какъ не знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ“.

Выступалъ изъ-за столовъ окольныхъ
 Старый Бермята сынъ Васильевичъ:

„Я, государь-свѣтъ, Владиміръ князь,
 Знаю Чурилову посѣлицу,
 Знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ.
 Какъ не здѣсь живетъ Чурила, не во Кіевѣ,
 Какъ живетъ онъ да пониже Мала Кіевца.
 Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
 Около двора булатный тынъ,
 Вѣрхи на тѣчинкахъ точёные,
 Каждая съ маковкой-жемчужинкой;
 Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
 Надъ воротами иконъ до семидесяти;
 Среди двора теремъ стоятъ,
 Теремъ стоятъ златоверховатые;
 Первыя ворота—вальящетыя,
 Среднія ворота—стекольчатыя,
 Третьи ворота—рѣшетчатыя“.

Скоро тутъ Владиміръ князь съ княгинею
 Въ путь поднимается, поѣздку чинить:
 Хочетъ на Чуриловъ на дворъ поглядѣть.
 Взялъ съ собой, чтобы путь показать,
 Старога Бермяту Васильевича,
 Взялъ всѣхъ князей своихъ да бѣяровъ,
 Взялъ еще любимаго подручника
 Старога удала Илью Муромца,
 Съ нимъ младѣ Добрынюшка Никитича;
 Всѣхъ собралось ихъ пятьсотъ человекъ,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 Ко Чурилову двору за Малый Кіевецъ.
 Подъѣзжаетъ князь ко Чурилову двору,
 Говорить, головой покачиваетъ:

„А и право же такъ, не пролгали мнѣ“.

Какъ изо тѣхъ изъ теремовъ высокихъ
 Выходилъ тутъ старъ матѣрь человекъ;
 Шуба-то на старомъ соболиная,
 Подъ дорогимъ зелѣнымъ стѣметомъ,
 Петельки на шубѣ семи шелковъ,

Пуговки все вальящетыя,
 Литый вальякъ-то красна золота.
 Отворяетъ князю со княгинею
 Первыя ворота вальящетыя,
 Князьямъ-боярамъ—среднія стекольчатыя,
 Малымъ людямъ—третьи рѣшетчатыя,
 Самъ говоритъ таковыя слова:

„Здравствуешь, князь со княгинею!

А пожалуй-ка ты къ намъ во высокъ терёмъ
 Хлѣба да соли покушати,
 Бѣлаго лебедя порушати“.

Говоритъ ему ласковый Владиміръ князь:

„Ай же ты, старъ матѣрь человекъ!
 Какъ не знаю тебѣ, старому, я имени,
 Какъ не знаю тебѣ, старому, отечества“.

Говоритъ ему старъ матѣрь человекъ:

„А я Плѣнко, гость Сурожанинъ, (62)
 А и есть вѣдь я Чуриловъ батюшка“.

И пошелъ Владиміръ во высокъ терёмъ,
 Ходитъ по терему—дивуется,
 Хорошо тамъ все изукрашено:
 Поль-середа одного серебра,
 Печки-то все муравленія,
 Подики у печекъ серебряныя,
 На стѣны сукна навѣваны,
 На сукна стѣкла набѣваны,
 А потолокъ красна золота,
 Вся луна небесная повѣведена:
 Солнце на небѣ—солнце и въ теремѣ,
 Мѣсяць на небѣ—мѣсяць и въ теремѣ,
 Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремѣ.
 Подъ небу звѣздочка покатится—
 Въ теремѣ звѣздочки посыплются;
 Все по небесному въ теремѣ,
 А и всякая краса несказаная.

Сѣли за столы за убраные,
 Пьютъ всѣ, ѣдятъ, потѣшаются,
 Столъ у нихъ идетъ о полу-столѣ,
 Пиръ у нихъ идетъ о полу-пиру;
 День на дворѣ вечеряется,

Красное солнце закатаётся;
 Всѣ-то ужъ они безъ памяти сидятъ,
 Солнышко князь свѣтель-радошень,
 Вскрыль немножечко окошечко,
 Зрѣль-смотрѣль въ поле чистое.
 Какъ изъ дѣлеча-далѣча поля чистаго
 Тутъ толпа молодцовъ появилась,
 Молодцовъ-то болѣе тысячи;
 Кони подъ ними одношерстные,
 Узды на коняхъ одномѣдныя,
 Сѣдла на нихъ шиты золотомъ;
 Сами молодцы то одноличные,
 Платье-то на нихъ скурлатъ-сукна,
 Всѣ подпоясаны истѣченками,
 Шапки на всѣхъ черны мурманки,
 Черны мурманки-золоты вершки;
 А на ножкахъ сапожки-зелѣнь сафьянь,
 Носы-то шиломъ, пяты востры,
 Кругъ носѣвъ-носовъ хотъ яйцомъ прокати,
 Подъ пяту-пятю воробей пролети,
 Воробей пролети, перепархивай.
 Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горять,
 Кони подъ ними какъ соколы летять.
 Среди всѣхъ ѣдетъ купавъ молодець,
 Купавъ молодець да краше всѣхъ:
 Кудри у мѣлодца дугой золотой,
 Шея у мѣлодца какъ бѣлый снѣгъ,
 Личико у мѣлодца какъ маковъ цвѣтъ,
 Очи какъ у ясна сокола,
 Брови какъ у чѣрна соболя;
 Впередъ его скороходы бѣгутъ,
 Передъ нимъ отъ солнца подсолничекъ несутъ,
 Чтобы не запекло ему бѣла лица;
 Самъ онъ ѣдетъ на трехъ лошадахъ,
 Съ лошади на лошадь перескакиваетъ,
 Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
 Шапочки у мѣлодцевъ подхватываетъ,
 На головушки мѣлодцамъ подкладываетъ.
 Какъ Владиміръ князь тутъ исполшался,
 Говоритъ старику да таковѣ слова:

„Ай же ты, Плёнчище Сурожанинь!
Чья эта сила появилась?

То не царь ли какой со своей ордой
На меня, Владиміра, идетъ войной,
Во полонъ меня взять собирается?“

Усмѣхается Плёнчище Сурожанинь:

„Не пужайся, государь, не полошайся!
То не царь со ордой идетъ войной,
То съ дружиной ѣдетъ сынишко мой,
Молодой Чурилушка Плёнковичъ“.

Выходилъ тутъ Плёнчище Сурожанинь
На то заднее крылѣчко на перѣное,
Говоритъ Чурилѣ таковы слова:

„Ай же ты, сынокъ мой Чурилченко!
Есть у тебя любимый гость,
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій:
Чѣмъ будешь гостя ты подчивати,
Чѣмъ будешь гостя ты жаловати?“

Бралъ тутъ Чурила золотыя ключи,
Заходилъ Чурила во глубокъ погребъ,
Отмыкаль Чурила кованыя ларцы,
Бралъ оттуда шубу соболиную,
Дорогого соболя заморскаго,
И подъ дорогимъ заморскимъ стѣметомъ—
Подаритъ имъ солнышка Владиміра;
Бралъ еще камѣчку хрущатую—
Подаритъ княгиню Апраксию;
Бралъ куницъ, лисицъ, бѣлыхъ зайцевъ—
Подаритъ князей да бѣяровъ;
Бралъ несмѣтно золотой казны—
Подаритъ дружину княженецкую.

Принималъ Владиміръ князь подарочекъ,
Самъ говоритъ таковы слова:

„Ай же ты, Чурилушка сынъ Плёнковичъ:
Много на тебя было просителей,
Болѣе того да челомъ-бѣтчиковъ,
А теперь того больше благодателей,
И не дамъ я теперь суда на тебя.
Не довлѣетъ тебѣ жить за Кіевцемъ,
А довлѣетъ тебѣ жить во Кіевѣ.“

Ужь пойдѣ-ка ко мнѣ ты въ стольники,
Въ стольники ко мнѣ да въ чашники!“

Кто отъ бѣды откупается—

А Чурила на бѣду нарывається:
Онъ идетъ ко князю въ стольники,
Въ стольники идетъ да въ чашники.

Какъ прѣѣхали ужѣ во Кіевъ градъ,
Свѣтъ-государь Владиміръ князь
На хорошаго новаго стольника
Заводилъ хорошъ да почѣстенъ пиръ.
Молодой Чурила сынъ Плѣнковичъ
Ходитъ да ставитъ дубовы столы,
Жѣлтыми кудрями потряхиваетъ—
Жѣлтые кудри разсыпаются,
Что скаченъ жемчугъ раскатается.
Рушала княгиня Апраксія
Бѣлое мясо лебединое—
Заглядѣлась на Чурилу сына Плѣнковича,
Бѣлу ручушку себѣ порѣзала,
Со стыда подъ стѣлъ руку свѣсила,
Говоритъ сама таковыя слова:

„Свѣтъ-государь мой, Владиміръ князь!
А не быть бы Чурилушкѣ въ стольникахъ,
А не быть бы Чурилушкѣ въ чашникахъ:
На красу на Чурилову глядячи,
На его на кудѣрышки жѣлтые,
На его на перстни золочѣные,
Бѣлу руку я себѣ порѣзала
Помѣшался разумъ во буйной головѣ,
Помутился свѣтъ въ ясныхъ очушкахъ“.

Говоритъ княгинѣ Владиміръ князь:

„Богъ тебя суди, что въ любовь мнѣ пришла,
Кабы ты, княгиня, не въ любовь мнѣ пришла,
По плечъ бы тебѣ голову срубилъ.
Ай же ты, Чурила сынъ Плѣнковичъ!
А не быть же тебѣ у насъ въ стольникахъ,
А не быть же тебѣ у насъ въ чашникахъ:
Быть тебѣ во ласковыхъ зазывателяхъ,
Зазывать мнѣ гостей во почѣстенъ пиръ“.

Того дѣла Чурила не пятится,

Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
 А поутру встаетъ ранѣхонько,
 Умывается водушкой бѣлѣхонько,
 Одѣвается самъ хорошохонько.
 Какъ не бѣлый тутъ заюшка проскакиваетъ,
 Не мелкіе слѣдѣчки промѣтываетъ—
 Чурила изъ сапожковъ-зелень сафьянъ
 Серебряны гвоздѣчки выраниваетъ;
 Ребятки по слѣдѣчкамъ прохаживаютъ,
 Серебряны гвоздѣчки нахаживаютъ.
 Ходитъ Чурилушка по Кіеву,
 Улицами ходитъ, переулками,
 Князей зазываетъ со княгинями,
 Бѣяровъ скликаетъ со боярынями,
 Жѣлтыми кудрями самъ потряхиваетъ—
 Жѣлтые кудри рассыпаются,
 Что скаченъ жемчугъ раскатается.
 Заглядѣлися всѣ люди на Чурилушку:
 Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
 Гдѣ молѣдушки глядятъ—оконницы звенять,
 А старья старухи костыли грызутъ,
 Все гляючи на молода Чурилушку.
 Съ той поры Чурилу въ старинахъ поемъ,
 Вѣкъ будемъ пѣть его и до вѣку.

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
Гдѣ молодушки глядятъ—оконницы звенять,

А старья старухи костыли грызутъ,
Все глядючи на молода Чурилушку.

БЫЛИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Дюкъ Степановичъ. (63)

Какъ во той во Индіи богатоей
Да во той во Галичи проклятоей
Не ковыль-трава по вѣтру колыхається,
Да не бѣлая березка погибается—
Сынъ со рѣдной матушкой прощается,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Со честной вдовой Мамельфой Тимоѣевной,
Понизѣшенько ей поклоняется,
Жѣлтыми кудрями до сырѣй земли:

„Свѣтъ мой, государыня родитель-матушка,
Ты честна вдова, Мамельфа Тимоѣевна!
Дай-ка мнѣ прощаньице-благословеньице
Съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.
У меня во всѣхъ градахъ побывано,
Всѣхъ князей да перевидано,
Всѣмъ княгинямъ да послужено—
Въ одномъ во градѣ Кіевѣ не бывано,
Одного князя Владиміра не видано,
Да одной его княгинюшкѣ не служено;
А вѣдь скажутъ: Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ“.

Отвѣчаетъ Дюку рѣдна матушка,
Рѣдна матушка Мамельфа Тимоѣевна:

„Свѣтъ мой, чадочко мое любимое,
Молодой бояринъ Дюкушка Степановичъ!
Нѣтъ тебѣ прощеньица-благословеньица
Съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.“

Не бывать тебѣ во градѣ Кіевѣ,
 Не видать тебѣ князя Владиміра,
 Не служить тебѣ его княгинюшкѣ:
 Вѣдь до славнаго до града Кіева
 Три стойтъ заставушки великіихъ:
 Первая заставушка—горушки толкучія,
 А другá застава—птицы поклевучія,
 Третья застава—змѣи поѣдучія.
 Тутъ тебѣ ли, Дюку, не проѣхати,
 Молодому живу нѣ бывать“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай же ты, моя родитель-матушка!

Ты меня тѣмъ не угрожайвай.

Дашь прощаньице—поѣду я,

А не дашь прощенья—все поѣду я“.

„Ай же, дитятко мое ты милое,

Молодой ты Дюкушка Степановичъ!

Богъ тебя проститъ, Господь помилуетъ.

Уродилося ты, дитятко, заносливо,

Уродилося заносливо, захвастливо:

Ты расхвастаешься животйшками,

Животйшками сиротскими, вдовинными;

А во Кіевѣ-то люди все лукавые,

Изведуть тебя вѣдь не за денежку“.

Какъ пошелъ тутъ Дюкъ Степановичъ

На свою конюшню на стоялюю,

Изо ста добрыхъ коней, изъ тысячи

Выбираль жеребчика неѣзжена,

Мала бурушку-кавурушку косматаго.

Шорсточка у бурушки-то трѣхъ пядей,

Грива у кавурушки-то трехъ локтей,

Краснымъ золотомъ повѣта, изукрашена,

Хвостъ до самой до сырѣй земли,

Застилаеть, заметаеть слѣды конскіе.

Выводилъ бурка бояринъ на широкій дворъ,

Да каталь-валяль его въ росѣ вечерней, ⁽⁶⁴⁾

Расчесаль гребенкой-дорогъ рыбіи зубъ,

Наложилъ попону пестрадиную,

Въ три ли стрѣчки стрѣчену да точену:

Первая строка-то чиста сѣребра,

Средняя строка-то красна золота,
Третія строка-то скатна жемчугу.
Да не тѣмъ попона дорога была,
Что въ три строки стрѣчена да тѣчена,
Тѣмъ попона дорога была,
Что ладами всякими выплѣтана,
Да и тѣмъ еще ли дорога была—
Вплѣтано въ нее по камню яхонту,
По драгѣму камню самоцвѣтному:
Отъ камней лучи пекутъ да солннопѣчны,
Чтобы днемъ и ночью видно было ѣхати.
Полагалъ еще бояринъ подсѣдельники,
Клалъ снарядное сѣдельшко черкасское,
Уздицу и поводѣ съ нацвѣтами;
Подпрягалъ двѣнадцать подпруговъ семи шелковъ,
Подтянулъ еще тринадцату продольную—
Да не для-радѣ красы-басы угожества,
Для-радѣ укрѣпы богатырскія;
Втягивалъ въ нихъ пряжечки серебряны,
Вдергивалъ въ нихъ иглы золочѣныя,
Торокѣ великія подвязывалъ,
Нагружалъ въ нихъ золотой казны,
Золотой казны да платья цвѣтнаго;
Подводилъ коня къ крыльцу перѣному,
Что къ крыльцу перѣному, къ столбу точѣному,
Что къ столбу точѣному, къ колечку золочѣному,
Отошелъ самъ отъ коня—дивуется:

„Али добрый конь ты, али лютый звѣрь—
Изъ-подъ славнаго наряда не увидѣти“.

Видѣли еще, какъ на коня вскочилъ,
А не видѣли поѣздки молодецкія,
Только въ полѣ кудельба стоитъ—
Конь стрѣлой подъ Дюкомъ въ перелѣтъ летить.
Ко первой заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ горушкамъ толкучимъ:
Горы вмѣстѣ стѣлкнулись-растолкнулись,
Не поспѣли снова стѣлкнуться—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ.
Маленькій косматенькій провѣртывалъ.
Ко другой заставушкѣ прискакивалъ,

Ко тѣмъ птицамъ поклевучимъ:
 Не успѣли птицы крыльицевъ расправити—
 Бурушка-кавурушка проскакиваль,
 Маленькій косматенькій провѣртываль.
 Къ третьей ко заставушкѣ прискакиваль,
 Ко тѣмъ змѣямъ поѣдучимъ:
 Не успѣли змѣи хоботовъ расправити—
 Бурушка-кавурушка проскакиваль,
 Маленькій косматенькій провѣртываль.
 Съ холма на холмъ, съ горы на гору,
 Рѣки да озѣра перескакиваль,
 Широкой раздолья промежъ ногъ спускаль,
 Въ славный Кіевъ градъ прискакиваль.

Проѣзжаетъ Дюкъ тутъ на широкой дворъ
 Къ ласковому солнышку Владиміру,
 Привязаль коня къ столбу, точёному,
 Ко колечку золочёному,
 Заходилъ въ палаты бѣлокаменны,
 Приходилъ во гридню во столовую,
 А сидитъ тутъ молода Апраксія,
 Стольная княгиня княженецкая,
 Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Здравствуешь ты, портомойница!“

Какъ то слово ей не показалось;

Говоритъ княгиня стольная Апраксія:

„Что ты, деревенщина-засельщина,

Рѣчи говоришь мнѣ неумильныя,

Стольную княгиню княженецкую

Называешь портомойницей!“

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Головой качаетъ, самъ отвѣтъ держитъ:

„Гой еси ты, молода княгинюшка!

За то слово на меня ты не прогнѣвайся:

Какъ у насъ во Индіи богатой

Да во той во Галичи проклятой,

У моей у рѣдной матушки,

Въ экомъ платьѣ ходятъ портомойницы.

А и гдѣ же самъ Владиміръ стольно-кіевскій,

Бить челомъ бы солнышку да поклониться?“

„Онъ ушелъ во церковь во соборную,

Господу ли Богу помолитися,
 Ко Господнему кресту ли приложитися“.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Выходилъ на улицу широкую,
 Прямо шелъ во церковь во соборную;
 Крестъ кладеть тутъ по-писаному,
 И поклонъ ведеть да по-ученому,
 Желтыми кудрями до сырой земли,
 Да не столько Господу молился онъ,
 Да не столько образамъ клонился онъ,
 Сколько съ ноженъки на ноженку поступливалъ,
 Съ плечика на плечико поглядывалъ,
 Самъ губами-то почамкивалъ;
 На Владиміра ли ваглянетъ князя солнышка—
 Покачаетъ лишь головушкой,
 На князей, на бояровъ оглянется—
 Поведеть плечомъ лишь да рукой махнетъ.

А стояли около Владиміра:
 По праву руку Добрынюшка Никитичъ младъ,
 По лѣву руку Чурилушка сынъ Плёнковичъ.

Отошла обѣдня воскресенская,
 Сталъ Владиміръ князь боярина выпрашивать:
 „Ты отколь, скажи, удалый добрый молодець?
 Ты коей земли, коей орды?
 Какъ тебя, скажи, назвать по имени,
 Величати по отечеству?“

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Ай же ты, Владиміръ стольно-кѣвскій!

Я изъ той изъ Индіи богатая
 Да изъ той изъ Галичи проклятая,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ“.

„А давно ли ты, бояринъ, къ намъ повиѣхалъ?“
 „Дома я стоялъ заутреньку,

А во Кіевъ градъ поспѣлъ къ обѣденькѣ“.

Говорить Чурилушка сынъ Плёнковичъ:
 „Гой еси ты, нашъ Владиміръ князь!

Во глазахъ мужикъ вѣдь подлыгается,
 Во глазахъ, собака, насмѣхается!

Повороты у него не Дюковы,
 Поговорушка не Дюкова,

А должонъ онъ быть холопина боярская,
 Князя, знать, убиль, либо боярина,
 Платья цвѣтныя содраль съ него:
 У обѣдни Богу не молился онъ,
 Все вокругъ посматриваль, поглядываль,
 Все свою одѣженьку оглядываль:
 Видно, цвѣтныхъ платьевъ вѣкъ не нашиваль“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ честї, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Въ вашей церкви во соборной
 Просто-запросто да пусто-запусто,
 Противъ нашей и десятой доли нѣтъ;
 Платья у тебя, у князя солнышка,
 У твоихъ князей да бѣяровъ,
 Какъ у насъ у самыхъ бѣдныхъ“.

Зазываль тутъ молода боярина

Князь Владиміръ на почѣстень пиръ,
 Выходили вмѣстѣ съ церкви Божіей
 Да пошли по городу по Кіеву.
 Какъ тутъ пали дождички великіе,
 Сдѣлались улички да грязныя.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Шель да на сапожки все поглядываль.
 Говорить Чурилушка сынъ Плѣнковичъ:

„И доподлинно холопина боярская,
 Деревенщина да пустохвастина:
 На свои сапожки не насмотрится,
 Вѣдь такихъ сапожекъ, знать, не держиваль“.
 Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ честї, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Настланы мостѣчки кирпичныя,
 Сыпаны песочки рудожелтыя,
 Да положены порученьки каліиновы;
 Какъ тутъ пали дождички великіе,
 Измочилися песочки рудожелтыя—
 Призабрызгаль я сапожки-то зелѣнь сафьянъ.“

У моей у рѣдной матушки
 Стланы все мосточки дубовые,
 Поверху—сукѣнца одинцѣвья,
 Да положены порученьки серебряны—
 Какъ пойдешь по тѣмъ мосточикамъ дубовымъ
 Да о тѣ порученьки серебряны,
 Тутъ сапожки, идя, только чистятся,
 Рудожелтой грязью не забрызжаются“.

Пріѣзжали ко воротамъ княженецкіимъ;
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Головой качаль, самъ приговариваль:

„Сказывали, Кіевъ градъ въ честѣ, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 У моей у рѣдной матушки
 Надъ ворѣтами иконъ-то будетъ семьдесятъ,
 Да и всѣ иконы въ золотѣ,
 А у васъ здѣсь и десятка нѣтъ!“

Заѣзжали на широкій княженецкій дворъ,
 Ко столбу стоитъ привязанъ Дюковъ добрый конь.
 Головой качаетъ Дюкъ Степановичъ:

„Сказывали, Кіевъ градъ въ честѣ, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:

У моей у рѣдной матушки
 На дворѣ стоятъ столбы серебряны;
 Въ нихъ продѣрнуты колечки чиста золота,
 Поразставлена сыта медвяная,
 Понасыпана пшена да бѣлоярова—
 Есть добрымъ конямъ что пить да кушати.
 А у васъ здѣсь брошено овсиска зблага.

Ай же ты, мой бурушка-кавурушка!
 Ты помрешь здѣсь, бѣдный конь мой, съ голоду:
 Во своемъ во городѣ во Галичѣ
 Ты не кушалъ и пшены-то бѣлояровой!“

Заходили во палаты бѣлокаменны,
 Проводили гостя въ гридню свѣтлую,
 Становили столики дубовые,
 Накрывали скатерти шелковья,
 Становили яствица сахарныя,
 Разводили питьица медовья,
 Да садили гостя во большѣ мѣсто,

Во большо мѣсто, да во большомъ углу,
 Почитали гостя за гостя.
 За столомъ сидятъ всѣ, пьютъ да кушаютъ,
 Пьютъ да кушаютъ, а сами слушаютъ.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 За столомъ сидитъ, въ окно глядитъ,
 Все качаетъ лишь головушкой;
 Со стола крупитчатый калачъ возьметъ,
 Верхнюю корочку повырѣжетъ, на столъ кладетъ,
 Мякишекъ-серѣдку скушаетъ,
 Нижню корочку подъ столъ мечётъ.
 Увидалъ то солнышко Владиміръ князь:

„Что же ты, бояринъ, чванишься?
 Верхню корочку на столъ кладѣшь,
 Нижню корочку подъ столъ мечѣшь?“

Отвѣчаетъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Какъ у васъ все бочки-то дубовыя,
 Понабѣваны обручики еловые,
 Дѣланы мѣшалочки сосновыя—
 Тутъ у васъ и калачи мѣсятъ;
 Какъ у васъ все печки-то кирпичныя,
 Топятся дровцами да еловыми,
 Дѣланы помялушки сосновыя—
 Тутъ у васъ и калачи пекутъ:
 Оттого у васъ и калачи крупитчаты
 Пахнутъ на ту глинушку дожжовую
 Да на то помялушко сосновое.
 У моей родитель-матушки
 Дѣланы все бочечки серебряны,
 Понабѣваны обручики злачѣнные,
 Да положены все мѣды сладкіе;
 Дѣланы мѣшалочки дубовыя—
 Тутъ у ней и калачи мѣсятъ!
 Печечки-то все у ней муравлены,
 Топятся дровцами да дубовыми,
 Дѣланы помялушки шелковыя;
 Какъ помочать во росу медовую,

Пометаютъ печечки муравлены,
 Подстилаютъ бѣлою бумагою—
 Тутъ у ней и калачи пекутъ:
 Какъ калачикъ съѣшь—другого хочется,
 Другой съѣшь—по третьему душа горитъ,
 Третій съѣшь—четвертый вонъ съ ума нейдетъ“.

Наливали тутъ хмѣльныхъ напитокочковъ,
 Подносили гостю зеленà вина;
 Бралъ онъ чару во бѣлы руки,
 Подносилъ къ устамъ сахарнымъ—
 Не понравился боярину напитокчекъ,
 Половину вылилъ за окошечко,
 Половину за спину повыплескалъ
 Черезъ золотъ стулъ по славной горенкѣ,
 Говорить самъ князю таковы слова:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Какъ у васъ во Кіевѣ да не по нашему:
 Дѣланы все бочки-то дубовыя,
 Понабѣваны обрѹчки еловые,
 Зеленò вино туда положено,
 Въ погреба да на землю опущено,
 Тамъ винцо у васъ и призадохнется:
 Горько ваше зеленò вино,
 Пахнетъ зѣтхолью великою,
 А и въ ротъ его не можно взять.
 У моей сударыни у матушки
 Дѣланы все бочечки серебряны
 Понабѣваны обрѹчки злачѣныя,
 Пиво сладкое, стоялое положено,
 Въ погребахъ глубокихъ повѣшано
 На цѣпочкахъ на серебряныхъ,
 Да по трубамъ подземельнымъ
 Буйны вѣтры понавѣдены:
 Какъ повѣютъ вѣтры со чистà поля—
 Воздухи пойдуть по погребамъ,
 На цѣпочкахъ бочки закачаются,
 Загогочуть будто лебеди,
 Будто лебеди на тихихъ заводяхъ,
 Въ бочкахъ пиво всколыбается,
 А и вѣкъ не затыкается.

Чару выпьешь—губоньки слипаются,
 Другу выпьешь—третьей хочется,
 Третью выпьешь—по четвертой ли душа горить“.

Какъ тутъ младъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ
 По столовой гриднѣ запохаживаль,
 Таковы слова да проговариваль:

„Что же ты, холопина боярская,
 Порасхвастался имѣніемъ-богачествомъ,
 Порасхвастался уѣдами да питьями?
 Мы ударимъ-ка съ тобою о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ.
 На три года времени проѣхати
 На своихъ на коняхъ богатырскихъ—
 Каждый день бы кони были смѣнные,
 Разношерстные все кони, перемѣнные,
 Чтобы въ три года такой и масти не было;
 На три времени выщипливать—
 Каждый день бы платья были смѣнные,
 Цвѣтные все платья, перемѣнные,
 Снова-наново на всѣ на три года,
 Чтобы въ три года такого цвѣту не было“.

Говорить Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ!
 Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
 Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
 Кладовыя у тебя полнѣмъ-полно
 Всякою одежицей покладены,
 У меня же все одежица дорожная,
 У меня все платица завозныя“.

И ударили они тутъ о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ;
 По Чурилѣ сынъ Плёнковъ
 Цѣлымъ градомъ Кіевомъ ручаются,
 Поручился самъ Владиміръ князь съ княгинею;
 А по Дюкъ нѣтъ порѣкушки,
 Набиралась только голь кабацкая,
 Голь кабацкая до тысячи,
 Больше все по Дюкушкѣ ручаются.
 Закручинился бояринъ, запечалился,
 Запечалился, повѣсилъ буйну голову,

Ясны очи утопилъ въ кирпичатъ полъ,
 Поскорёшенько садится на червлёный стулъ,
 Пишетъ письма скорописчаты
 Ко своей ко рѣдной матушкѣ:

„Ай же, свѣтъ, моя ты рѣдна матушка!
 Ты повыручь-ка меня съ неволюшки,
 Съ-подъ того заклада съ-подъ тяжелаго:
 Ты пошли-ка мнѣ одежицы снарядныя,
 Чтобъ хватило на три года времени,
 Каждый день бы платья были смѣнныя,
 Цвѣтныя все платья, перемѣнныя,
 Снова-наново на всѣ на три года,
 Чтобы въ три года такого цвѣту не было“.

Выходилъ бояринъ на широкій дворъ,
 Приходилъ къ добру коню ко богатырскому,
 Полагаетъ письма подъ сѣдлышко,
 Отпускаетъ мала бурушку-кавурушку:

„Побѣгай-ка ты, мой добрый богатырскій конь,
 Да во славную во Индію богатую,
 Да во славный нашъ во Галичъ градъ,
 Забѣгай-ка тамъ на мой широкій дворъ,
 Ко своимъ ко конюхамъ любимымъ“.

Побѣжалъ тутъ Дюковъ добрый богатырскій конь,
 Да по славному раздольицу чисту полю,
 Побѣжалъ во Индію богатую,
 Прибѣгалъ во славный Галичъ градъ
 Да на Дюковъ на широкій дворъ,
 Заржалъ громкимъ лошадинымъ ясакомъ.
 Услыхали конюхи любимые,
 Усмотрѣли бурушку-кавурушку,
 Приходили къ Дюковой ко матушкѣ,
 Ко честной вдовѣ Мамельфѣ Тимошеевнѣ,
 Приходили сами низко поклонялися:

„Ты честна Мамельфа Тимошеевна!
 Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкій дворъ“.
 Поглядѣла во косяцато окошечко,
 Увидала бурушку-кавурушку,
 Залилася горючымъ слезымъ старушенька:

„Видно, чадочко мое роженое
 Положило буйную головушку

Да на матушкѣ на славной на святой Руси“.

Выходила на широкій дворъ,
 Брала бурушку за поводѣ шелкѣвнѣ,
 Приказала бурушку разсѣдлывать;
 Да какъ стали бурушку разсѣдлывать,
 Увидала письма подѣ сѣдѣлышкомъ,
 Скоро письма распечатала,
 Посмотрѣла, что въ нихъ принаписано,
 Вразодалась старая, что живѣ любимій сынъ,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Говорить сама да таковѣ слова:

„Знать, заносливо роженое, захвастливо,
 Оттого оно тамъ и захвачено!
 Ай вы, конюхи мои любимые!
 Вы кормите-ка коня мнѣ скоро-наскоро,
 Скоро-наскоро да сыто-насыто“.

Отвели коня въ конюшеньку стоялюю,
 Понасыпали пшены да бѣлояровой,
 Поразставили сытѣ медвяныя.
 А честна вдова Мамельфа Тимошеевна
 Скоро шла въ палаты бѣлокаменны,
 Скоро брала золоты ключи,
 Созывала всѣхъ служанокъ вѣрныхъ,
 Брала перецѣнниковъ, расцѣнниковъ,
 Оцѣняли тутъ одежду драгоцѣнную,
 Чтобъ хватило на три года времени,
 Каждый день бы платя были смѣняныя,
 Снова-наново да что ни есть-то лучшія,
 Укладали въ сумы перемѣтныя,
 Отпускали бурушку во столичный Кіевъ градъ.

Какъ пошелъ буркѣ тутъ по чисту полю,
 Прибѣгаетъ въ Кіевъ градъ, на княженецкій дворъ,
 Заржалъ громкимъ лошадинымъ йсакомъ.
 Услыхалъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Знать, пришелъ мой бурушка косматенькій!“

Выходилъ ко бурушкѣ-кавурушкѣ,
 Распечаталъ сумы перемѣтныя,
 Вынималъ одежи драгоцѣнныя.

Сталъ одежицы съ Чурилой тутъ понашивать,
 На добромъ конѣ съ Чурилой да поѣзживать.

Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
 Цѣлымъ стадомъ въ поле лошадей погналь,
 А бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Поутру пораньше самъ повѣстанеть,
 Въ поле бурушку косматаго повыведеть,
 Перекатываетъ во росѣ во утренней,
 На буркѣ-то шереть и перемѣнится.

Вѣдять, щапять годъ они, другой ли годъ,
 Вотъ проѣздили, прощѣнили всѣ три года,
 Да приходитъ, братцы, имъ послѣдній день,
 А и надо имъ идти во церковь Божію,
 Ко заутренкѣ ко воскресенской.

Божій колоколь ранѣшенько гудомъ гудить,
 Въ церковь Божію народъ валомъ валить.

Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
 Всѣхъ впередъ проходитъ надуваучись,
 Длинными полами раздуваучись,
 Да прихлопывая шапкой-мурманкой;
 Ставится на правомъ крылосѣ.

За Чурилой входитъ Дюкъ Степановичъ,
 Входитъ потихонько, смиренонько,
 Ставится на лѣвомъ крылосѣ,
 Всю заутренку стоитъ прямонько,
 Да поклоны лишь кладетъ частонько,

Солнышко Владиміръ стольно-кѣвскій
 Поглянулъ на праву руку, на Чурилушку:
 На Чурилушкѣ одежица снарядная:
 На головкѣ шапка-мурманка-золотой вершокъ,
 На ногахъ сапоженьки-зеленъ сафьянъ,
 Пряжечки серебряны, шпеньки злачѣны;
 На плечахъ могучихъ кунья шубонька,
 Что одна ли строчка чиста сѣребра,
 А другая строчка красна золота,
 Петельки прошиваны шелковья,
 Пуговики положены злачѣныя;
 Да во тѣхъ во петелькахъ шелковныхъ
 Вплѣтано по красной по дѣвушкѣ,
 А во тѣхъ во пуговкахъ злачѣнныхъ
 Влѣвано по доброму по мѣлодцу:
 Какъ застѣгнутся, такъ и обѣймутся,

Поразстѣгнутся—и поцѣлуются.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій.

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Прозакладалъ все имѣніе-богачество

Молоду Чурилѣ сыну Плёнкову!“

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:

„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!

Ты на лѣву руку посмотри теперь:

Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ

Прозакладался боярину“.

Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій

Посмотрѣлъ на лѣву руку, на боярина:

На головкѣ шапочка со рожками,

На рожкахъ по камешку по самоцвѣтному,

Спереди введенъ свѣтѣль мѣсяцъ,

По косицамъ—звѣзды частыя,

А шеломъ на шапочкѣ какъ жаръ горить;

Ноженьки во лапотцахъ семи шелковъ,

Въ пяты вставлено по золотому гвѣздичку,

Въ нѣсы вплѣтано по дорогомому яхонту:

Днемъ идти въ нихъ—что по красну солнышку,

Темной ночью—что по свѣтлу мѣсяцу;

На плечахъ могучихъ шуба черныхъ соболей,

Черныхъ соболей заморскіихъ,

Подъ зеленымъ рытымъ бархатомъ,

А во петелькахъ шелковыхъ вплѣтаны

Все-то Божьи птичущки пѣвучія,

А во пуговкахъ злачёныхъ вливаны

Все-то люты змѣи, звѣрюшки рыкучіе:

Сталь онъ плѣточкой по петелькамъ поваживать—

Вдругъ запѣли птичущки пѣвучія,

Затянули пѣсенъки небесныя,

Удивленье весь честной народъ взяло;

Сталь онъ плѣточкой по пуговкамъ похаживать,

Сталь онъ пуговку о пуговку позванивать—

Закричали звѣрюшки рыкучіе,

Люты змѣи съ пуговики плывуть ко пуговкѣ,

Зашипѣли во всю голову,—

Всѣ ужахнулись, во поваль попадали,

А ины—какъ пали ъземъ, такъ и ъбмерли

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:
 „Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Поуйми-ка ты звѣрей рыкучіихъ,
 Призакличь-ка змѣвъ лютыхъ,
 Ты оставь людей мнѣ хоть на сѣмена.
 Ай ты, молодой Чурила Плѣнковичъ!
 Мы пробйли денегъ сорокъ тысячей:
 Перещѣпилъ вѣдь тебя бояринъ-то,
 Нѣту у тебя такихъ великихъ хитростей!“

А бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Только принялъ отъ Чурилы тридцать тысячей,
 Тутъ же роздалъ всѣ на зеленѣ вино
 Поручателямъ своимъ—голямъ кабацкіимъ.
 Ополдхался Чурилушка до смѣртушки,
 Шапку-мурманку свою во клочья рветъ,
 Осерчавшись, говоритъ боярину:

„Гой ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Эта похвальба не похвальба у насъ.
 Мы ударимъ-ка съ тобою объ иной закладъ—
 Не о сотняхъ, не о тысячахъ—
 Мы ударимъ о своихъ о буйныхъ гѣловахъ:
 Переѣхать чрезъ Пучай-рѣку,
 А Пучай-рѣка-то на два пѣприща;
 Кто тутъ изъ двоихъ добрѣе выступить,
 Тотъ другому пусть и голову рубить“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Молодой Чурилушка ты Плѣнковичъ!
 Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
 Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
 Вѣкъ стоитъ твой богатырскій конь
 У своихъ у конюховъ любимыхъ;
 У меня же жеребятупшко дорожное,
 У меня лошадка призаѣхана“.

И ударили они тутъ о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о буйныхъ гѣловахъ,
 А на завтрашній имъ день сѣѣзжатися.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Скоро шель въ конюшеньку стоялую
 Къ своему коню ко богатырскому,
 Паль коню въ копытце, самъ расплакался:

„Ай же ты, мой бурушка косматенькій!
 Ты не знаешь про мою невзгодушку,
 Бьемся мы съ Чурилой о великъ закладъ—
 О своихъ о буйныхъ гѣловахъ:
 Если ты не перескочишь чрезъ Пучай-рѣку,
 Онъ мнѣ рубить буйну голову,
 А Пучай-рѣка-то на два поприща“.

И спровѣщилъ добрый богатырскій конь,
 Воспрогѣворилъ язѣкомъ челоувѣческимъ:

„Ты не плачь, любезный мой хозяюшко,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Бейся о великъ закладъ—о буйной головѣ.
 У Чурилушки-то конь—мой меньшій братъ,
 У Ильи у Муромца ли конь—мой большій братъ,
 У него есть трое крылышковъ подкожныхъ,
 У меня есть двое крылышковъ подкожныхъ,
 У Чурилова коня у богатырскаго
 Есть одни лишь крылышки подкожныя.
 Подойдетъ пора мнѣ времечко,
 Такъ не уступлю и брату большему,
 А меньшому брату нѣча взять съ меня“.

Какъ садился поуטרѣ онъ на добра коня,
 Приѣзжалъ ко славной ко Пучай-рѣкѣ,
 Много тутъ богатырей съѣзжалоса,
 Много люду собиралоса
 Посмотрѣтъ замашки богатырскія.
 Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
 Выводилъ съ конюшенъ тридцать жеребцовъ,
 Выбиралъ изъ тридцати да самолучшаго,
 Приѣзжалъ ко славной ко Пучай-рѣкѣ,
 Говорить самъ таковѣ слова:

„Поѣзжай-ка напередъ ты, Дюкъ Степановичъ:
 Мнѣ не долго будетъ за тобой поспѣтъ“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Поѣзжай ты напередъ, Чурила Плёнковичъ:
 Похвальба твоя сегодня напередъ зашла“.
 Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
 Отъѣзжалъ скорѣнько во чистѣ поле,
 Да изъ далеча-далеча изъ чиста поля
 Поразганивалъ да поразъѣзживалъ,

Проскочить хотѣлъ черезъ славную Пучай-рѣку
 Со добрымъ конемъ со богатырскимъ
 На полу-рѣки да приогрѣшился,
 На полу-рѣки съ конемъ и плаваешь.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Не разганивалъ и не разѣзживалъ,
 Со крутого бережка коня приправливалъ,
 Проскочилъ скорѣнько черезъ Пучай-рѣку,
 Да того скорѣе поворотъ держалъ,
 О полу-рѣки къ водѣ припадывалъ,
 За кудѣрышки Чурилушку захватывалъ,
 Изъ воды съ конемъ Чурилушку вытаскивалъ,
 Приволокъ ко ножкамъ княженецкимъ,
 Говорилъ самъ князю таковыя слова:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кѣвскій!
 Кто изъ насъ добрѣе-то повыступилъ?
 Намъ которому съ Чурилой голову рубить?“

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай ты, молодець бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не руби-ка ты Чурилѣ буйной головы.
 За его за ложное за хвастанье,
 Ты оставь-ка намъ Чурилку хоть для памяти“.

Стали со слезами тутъ боярина
 О Чурилушкѣ умаливать-упрашивать
 Кѣвскія красны дѣвушки,
 Молодые молодущечки,
 Съ ними старыя старушечки.

Подѣзжалъ и старый Илья Муромецъ:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не руби-ка ты Чурилѣ буйной головы,
 Не хвала, не честь въ томъ молодецкая:
 Съ нимъ не знаютъ могучіе богатыри,
 Знаются съ нимъ только бабы въ Кіевѣ“.

Говорить Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, пустохвастишка боярская!
 Княземъ стольно-кѣвскимъ упрошенный,
 Кѣвскими бабами уплаканный!
 Ты не ѣди-ка ужъ съ нами во чисто поле,
 Ты живи-ка между бабами во Кіевѣ,
 А и вѣкъ живи тамъ съ ними по вѣку!“

Былъ же тутъ Алешенька Поповскій сынъ,
Говорить Алешенька Владиміру:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Выбирай-ка писчиковъ-обцѣнщиковъ,
Посылай во Индію богатую,
Да во ту во Галичъ во проклятую,
Описать все Дюково богатство,
Обцѣнить безсчѣтну золоту казну:
Такъ ли онъ своимъ поселемъ хвастаетъ,
Такъ ли у него во домъ дѣется?“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„А кого же писчикомъ-обцѣнщикомъ
Я пошлю во Дюково поселище?“

Говорить Алешенька Поповскій сынъ:

„Ты пошли-ка, князь, меня, Алешеньку“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Ты не посылай Алешеньки Поповича:

Роду онъ, Алешенька, поповскаго,

А поповски очи завидушія,

А поповски руки загребушія—

Какъ увидить много злата-сѣребра,

Злату-сѣребру Алеша позавидуетъ,

Не вернѣтся больше въ стольный Кіевъ градъ,

Тамъ и сложить буйную головушку.

Ты пошли-ка стара Илью Муромца,

Молода Добрынюшку Никитича,

Въ-третьихъ Михайла Пѣтыка Иванова,

Трехъ могучихъ русскіихъ богатырей;

Дай съ собой бумага да чернилъ на трѣ года—

Да не вѣкъ же имъ тамъ животы обцѣнживать:

Не какіе наши животы—сиротскіе“.

И послали стара Илью Муромца,

Молода Добрынюшку Никитича,

Да Михайла Пѣтыка Иванова,

Трехъ могучихъ русскіихъ богатырей,

Во ту Индію богатую,

Во ту Галичъ во проклятую

Дюковыхъ животовъ обцѣнживать.

Отправлялись три могучіе богатыря,

Во пути корѣтали три мѣсяца,
 Ъхали раздольцемъ чистѣмъ полемъ,
 Да подѣхали подѣ Индію богатую,
 Поднялись на горушку высокую,
 Увидали славный Галичъ градъ,
 Сами говорятъ промежь собой:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ-
 Вѣсточку послалъ, звать, къ рѣдной матушкѣ,
 Чтобъ зажгла свой славный Галичъ градъ,
 Да нельзя бы намъ было общѣнивать
 Животѣшенекъ сиротскихъ:
 Галичъ градъ-то вѣдь огнемъ горитъ“.

Какъ поближе къ Галичу подѣхали:
 Кровельки на всѣхъ домахъ да золочѣныя,
 Маковки на всѣхъ церквахъ да самоцвѣтныя,
 Отдали-то будто жаръ горять.
 Заѣзжали въ славный Галичъ градъ,
 Подѣзжали ко высѣку терему:
 Не видали теремѣвъ такихъ на семъ свѣтѣ.
 Заходили во высѣкъ терѣмъ:
 Всѣ ступеньки-то серебряныя,
 Всѣ грядѣчки-то орлѣныя,
 Всѣ орлѣныя да золочѣныя;
 Въ стѣны вложены камѣнья драгоцѣнныя:
 Видно мѣлодца лицомъ въ нихъ, станомъ, возрастомъ;
 Половицы все стекляныя,
 Подѣ поломъ течеть вода студѣная,
 А въ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя;
 Какъ которая плеснѣтъ хвостомъ,
 Половица звякнеть, будто нѣдтреснеть,
 Инъ ступать по половицѣ бѣязно.
 Какъ прошли въ палаты, во первѣй покой,
 Увидали стару-матерѣ жену,
 Мало шѣлку, вся во чистомъ сѣребрѣ.
 Господу ли Богу помолилися,
 На всѣ стороны низѣнько поклонилися:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!
 Сынъ тебѣ плеть челомъ-бѣтьице,
 Понизкѣ велѣлъ поклонъ поставити“.

Отвѣчаетъ стара-матерѣ жена:

„Здравствуйте и вы, удалы добры мѡлодцы!
 Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть рукомойница,
 Полагаю Дюку воду въ рукомойничекъ“.

Проходили мѡлодцы во другой покой,
 Увидали стару-матеру жену,
 Мало шёлку, вся во скатномъ золотѣ.
 Господу ли Богу помолилися,
 На четыре на сторонки поклонилися:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка“.

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть судомойница“.

Проходили далѣй добры мѡлодцы,
 Увидали стару-матеру жену,
 Мало шёлку, вся во скатномъ жемчугѣ.
 Бьютъ челомъ ей, поклоняются:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова калачница“.

Проходили во покой четвертый мѡлодцы,
 Увидали стару-матеру жену,
 Мало шёлку, вся въ камёняхъ самоцвѣтныхъ.
 До земли челомъ бьютъ, поклоняются:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть стольница.

Вы спины-то даромъ не ломайте-ка,
 Понапрасну шеи не сгибайте-ка,
 Женъ, какъ я, не мало въ нашемъ городѣ,
 Всѣмъ, небось, вамъ не накланяться.
 Дюкова-то матушка ушла къ обѣденькѣ;
 Вы ступайте-ка во церковь во соборную,
 Да смотрите, всякому не кланяйтесь.
 Какъ пройдутъ впередъ лопатники,
 За лопатниками вслѣдъ метельники,
 За метельниками вслѣдъ постельники,
 Тутъ пойдетъ со церкви Божіей
 И честна вдова Мамельфа Тимоѡеевна“.

Скоро шли они ко церкви ко соборной,
 Становились у дверей церковныхъ.

Вотъ пошелъ народъ съ обѣденьки,
 Кто въ шелку идетъ, кто въ сѣребрѣ, кто въ золотѣ,
 Кто идетъ въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ.
 Выходили тутъ лопатники,
 Разгребали путь-дороженьку;
 Выходили вслѣдъ метельники,
 Засыпали путь песочкомъ жѣлтымъ;
 За метельниками шли постельники,
 Стлали по пути мосточки дубовые,
 Поверху—суконца одинцовья,
 Полагали вдоль порученьки серебряны.
 Какъ ведутъ тутъ стару-матеру старушеньку
 Тридцать дѣвицъ со дѣвицей подъ руки,
 Надъ старушенькой несутъ подсолнечникъ,
 Чтобъ ее не запекало красно солнышко,
 На нее не капали бы росы утренни;
 Платье на старушенькѣ надѣто цвѣтное,
 Вся подвѣдена на немъ луна небесная:
 Какъ отъ красна солнца, свѣтла мѣсяца,
 По всему по Галичу лучи пекутъ,
 Часты мелки звѣзды рассыпаются.
 Подходили къ ней, низенько поклонялися!

„Здравствуешь же, Дюкова ты матушка!
 Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-бѣтыце,
 Понизку велѣлъ поклонъ поставить“ .

„Здравствуйте и вы, удалы добры мѣлодцы!
 Вы пойдите-ка со мною во высѣкъ терѣмъ,
 Хлѣба-соли у меня покушати,
 Бѣлыя лебѣдушки порушати“ .

„Государыня Мамельфа Тимошеевна!
 Мы прѣѣхали вѣдь не тебя смотрѣть,
 А твое житье-богачество описывать:
 Призахвастался твой сынъ богачествомъ“ .

„Ай же, славные вы писчики-обцѣнщики!
 Не какіе животы у насъ—сиротскіе,
 Животы вдовинные, бобыльскіе,
 А не долго же вамъ животы описывать“ .

Шли богатыри за нею во высѣкъ терѣмъ;
 Пѣить, кормить ихъ да много чествуетъ.
 Какъ калачъ сѣдять—другого хочется,

Какъ другой съѣдятъ—по третьему душа горить,
 Третій ли съѣдятъ—четвертый вонь съ ума нейдетъ.
 Чару выпьютъ—губоньки слипаются,
 Другу выпьютъ—третьей хочется,
 Третью выпьютъ—по четвертой ли душа горить.
 Наѣдались до полу-сыта,
 Напивались до полу-пьяна.

Тутъ честна вдова Мамельфа Тимоеевна
 Повела ихъ посмотрѣть свое посѣльице,
 Самоѣ-то подѣ руки ведутъ служаночки;
 Привела въ конюшеньки стоялыя:
 Не могли жеребчиковъ перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 Да не знали и цѣны имъ дать:
 Въ чѣлкѣ, въ гривѣ, во хвостѣ у каждаго
 Вплѣтано по камню самоцвѣтному.
 Привела во клѣтку во сѣдельную:
 Не могли сѣдлышекъ перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 А и каждое сѣдло-то во пятьсотъ рублей.
 Привела во клѣтку во платѣную:
 Не могли тутъ платицеви перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 Всѣ-то дѣланы изъ шёлку да изъ бархату,
 Поусажены камнями драгоцѣнными.
 Завела во погребъ сорока сажонъ:
 Не могли тутъ бочечекъ перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 Да полны всѣ злата-серебра,
 Злата-серебра да все недѣржана.
 Вывела ихъ на широкій дворъ,
 А течетъ тутъ рѣчка золочѣная—
 Не могли той рѣчкѣ-то и смѣты дать.
 Пораздумались богатыри, спрогворятъ:
 „Ваяли мы бумага да чернилъ на три года,
 Да какъ здѣсь намъ животы описывать,
 Здѣсь же вѣкъ намъ свой скорѣтати“.
 Говоритъ имъ старая старушенька,
 Та честна вдова Мамельфа Тимоеевна:
 „Ай же, славные вы писчики-обцѣнщики!

Вы скажите солнышку Владиміру:
 На бумагу пусть продасть весь Кіевъ градъ,
 На чернила пусть продасть Черниговъ градъ,
 Да тогда прїѣдетъ животовъ описывать“.

Отправлялися они назадъ во Кіевъ градъ,
 Во пути корѣтали три мѣсяца,
 Прїѣзжали въ стольный Кіевъ градъ,
 Приходили къ солнышку Владиміру.
 Спрашиваетъ ихъ Владиміръ князь:

„Гой еси вы, писчики-обцѣнщики,
 А и вѣрно ли похвасталь Дюкъ Степановичъ,
 Великій ль у Дюка животы сиротскіе?“

Отвѣчаютъ князю писчики-обцѣнщики,
 Русскіе могучіе богатыри:

„Ой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 Великій у Дюка животы сиротскіе:
 Кабы стали ихъ обцѣнживать, описывать,
 Тамъ бы и свой вѣкъ скорѣтали.

Да наказывала Дюкова намъ матушка:
 На бумагу-то продать весь Кіевъ градъ,
 На чернила-то продать Черниговъ градъ,
 Да тогда прїѣхать животовъ описывать“.

Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 За твою за похвальбу великую
 Ты торгуй-ка въ нашемъ градѣ Кіевѣ,
 Вѣкъ торгуй у насъ безошлинно“.

Съ тѣхъ-то поръ про Дюка старину скажутъ,
 Синему-то морю да на тишину,
 А вамъ, добрымъ людемъ, да на послушанье.

БЫЛИНА ДВАДЦАТАЯ.

Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ.

Какъ стоять во стольномъ городѣ во Кіевѣ
Княжецецкія палаты бѣлокаменны.
Не отъ вѣтричка палаты зашаталися,
Не отъ вихоря палаты отворялися—
Заходилъ туда Добрынюшка Никитичъ младъ,
Съ нимъ товарищи—князья да бѣяре,
Русскіе могучіе богатыри,
Въ пѣль-сыта ли всѣ тутъ наѣдалися,
Въ пѣль-пьяна ли всѣ тутъ напивалися,
Во хмелю всѣ порасхвасталися:
Умный хвастаетъ отцомъ да матерью,
Неразумный—золотой казной,
А Добрыня—молодой женой.
Какъ надъ тѣмъ всѣ усмѣхнулися,
Другъ на друга оглянулися,
Межь собой разговоръ вели:

„Чѣмъ-то молодой Добрыня хвастаетъ!
Не ясѣнь соколъ съ теплѣ гнѣзда солѣтываль,
Не бѣлой кречѣтъ съ теплѣ гнѣзда сопѣрхиваль—
Возстаетъ самъ батюшка Владиміръ князь
Съ своего большого мѣста княжецецкаго:

„Ай же вы, мои князья да бѣяре,
Русскіе могучіе богатыри!
Всѣ вы, добры мѣлодцы, расхвасталися;

Мнѣ-то, князю вашему, чѣмъ будетъ хвастати?
 Какъ ужь дѣлече-далече во чистомъ полѣ.
 Какъ летаетъ тамъ Невѣжа чернымъ ворономъ, (65)
 Пишетъ мнѣ Невѣжа со угрозою,
 Кличетъ-выкликаетъ поединщика,
 Супротивъ себя да супротивника.
 Ужъ кого бы мнѣ послать съ Невѣжей ратиться,
 Очищать дороги прямоѣзжія,
 Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
 За меня, за князя за Владиміра,
 За мою княгиню за Апраксию,
 За сиротъ, за вдовъ да за безсчастныхъ женъ?“

Всѣ богатыри за столикомъ утихнули,
 Приутихнули да приумолкнули,
 Другъ за друга затулялися:
 Большіе туляются за средніхъ,
 Средніе хоронятся за меньшихъ,
 А отъ меньшихъ-то и отвѣту нѣтъ.
 Какъ встаетъ изъ-за стола съ-за задняго
 Первый богатырь да стольно-киевскій,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
 Говоритъ да таковыя слова:

„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
 Самъ-то я недавно изъ дороженьки,
 На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
 Никогда Невѣжа не казалъ мнѣ глазъ.
 Не видалъ я и собачки во чистомъ полѣ,
 Увидалъ бы—подстрѣлилъ бы изъ туга лука.
 А теперъ пошли-ка ты съ Невѣжей ратиться,
 Очищать дороги прямоѣзжія,
 Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
 Молода Добрынюшку Никитича:
 Будетъ онъ защитой славну Киеву,
 Обороной будетъ нашей крѣпости“ .

И накинули ту служебку-работушку
 На того Добрынюшку Никитича.
 Выпиваль Добрыня чару зеленѣ вина,
 Скороталь почестень пирь, пошелъ съ пирѣ домой,
 Невесель пришель домой, нерѣдошень.

Какъ не бѣлая березка къ землѣ клонится,

Не зелёные листочки разстилаются—
Сынъ ко матушкѣ ко рѣдной приклоняется:

„Государыня моя ты, рѣдна матушка,
Пречестнѣя вдова Афимья Александровна!
Ты на что меня несчастнаго спорѣдила,
Безталаннаго на что меня отрѣдила?
Спорѣдила бы меня родитель-матушка,
Малымъ, катучимъ бѣлымъ камешкомъ,
Обвертѣла бы во тонко бѣлое полѣтнице,
Отнесла бы ко глубокому синю морю,
Опустила бы въ синѣ море на само дно—
И лежалъ бы тамъ я съ вѣку до вѣку,
Буйны вѣтрушки бы на меня не вѣяли,
Добры людюшки бы про меня не баяли.
Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по святой Руси,
Я не билъ бы безповинныхъ душъ,
Не слизилъ бы я отцовъ да матерей,
Не вдовилъ бы молодыхъ я женъ,
Не сирѣталъ бы я малыхъ дѣтушекъ!
А теперь мнѣ ѣхать во чисто поле,
Съ чернымъ ворономъ-Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ“.

„Ахъ ты, свѣтъ мой, чадошко любимое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Кабы знала я да надъ тобой невзгодушку,
Кабы вѣдала безврѣменье великое,
То не такъ бы я тебя спорѣдила:
Я тебя спорѣдила бы, чадошко,
Силушкой во Святогора во богатыря,
Участью-таланомъ въ Илью Муромца, (66)
Смѣлостью въ Алешу во Поповича,
Молодецкою посадкою, поѣздкою
Во Михайла Пѣтыка Иванова,
Выступкой, походочкой цеплѣивою
Во младѣ Чурилу сына Плѣнкова,
Всѣмъ житьемъ-бытьемъ, имѣніемъ-богачествомъ
Во боярина во Дюка во Степанова,
Красотой во Солнышко Владиміра;
Да ужъ, видно, зарѣдилось, чадошко

Во несчастную звѣзду, во безталанную;
Изо всѣхъ статей тебя, Добрынюшку,
Только вѣжествомъ Господь пожаловаль“.

„Ахъ ты, свѣтъ моя да рѣдна матушка!
Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
Да навѣки нерушимое“.

Одѣвается Добрыня, снаряжается,
Въ торокѣ кладетъ онъ каленны стрѣлы,
Золоту казну да платье цвѣтное,
Обряжаетъ своего добра коня, (67)
Самъ садится на добра коня;

А честна вдова Аѳимья Александровна
Провожаетъ сына, кличемъ кликаеть:

„Ай же ты, любимая невѣстущка,
Молода Настасьюшка Микулична!
Ты чего сидишь во теремѣ въ златѣмъ верху?
Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
Закатается вѣдь красно солнышко
За выскы горушки, за темны лѣсушки,
Отъѣзжаетъ вѣдь Добрыня съ широка двора.
Ты сойди-ка на широкой дворъ скорѣшенько,
Разспроси его да хорошенечко:
Онъ далече ль ѣдетъ, куда путь держить?
Скоро ль ждаты себя да поджидать велить?
Скоро ли велить въ окошечко посматривать?“

Какъ сошла тутъ на широкой дворъ скорѣшенько
Молода Настасья дочь Микулична,
Да въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Да въ однихъ тонкыхъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Какъ зашла Добрынѣ со бѣла лица,
Припадала къ стремечку булатному,
Стала спрашивать его, вывѣдывать:

„Ай же, свѣтъ ты мой, любимая державушка,
Миленькой Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты далече ль ѣдешь, куда путь держишь?
Скоро ль ждаты себя да поджидать велишь?
Скоро ли велишь въ окошечко посматривать?“

Говорить въ отвѣтъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же ты, моя любимая семеюшка,
Молода Настасьюшка Микулична,

Ужь какъ стала у меня ты спрашивать,
 Стану я теперь тебѣ и сказывать:
 Ожидай Добрыню съ поля трѣ года,
 Трѣ года проживешь—другіе три пожди,
 Какъ исполнятся тому всѣ шесть годовъ,
 И Добрыня твой не возворотится—
 Поминай тогда Добрынюшку убитаго,
 А тебѣ, Настасѣ, воля вольная:
 Хоть вдовой живи тутъ, хоть замужъ поди,
 Хоть поди за князя, за боярина,
 За богатыря, за гостя за торговаго
 Или за простого за крестьянина,—
 Не ходи ты только за единаго—
 За того за бабьяго насмѣшника,
 За судейскаго за перелестника,
 За Алешеньку Поповича:
 Онъ, собака, мнѣ названный братъ,
 А названный братъ вѣдь паче рѣднаго“.

Только видѣли Добрыню сидючи,
 А не видѣли Добрынюшки поѣдучи.
 Не дорожкой онъ поѣхаль, не воротами,—
 Черезъ стѣну онъ махнулъ да городѣвую,
 Мимо башеньки да наугольныя;
 Съ горушки на горушку поскакиваль,
 Съ холмика на холмикъ перепрядываль,
 Рѣки да озѣра перескакиваль,
 Широки раздолѣя промежь ногъ спускаль.
 А гдѣ падали копытца лошадиныя,
 Тамъ колодцы становились да глубокиѣ,
 Что глубокиѣ колодцы да кипячіе. (68)

Какъ не сѣрныя двѣ уточки сплывалися,
 Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися—
 Какъ садилася въ одно мѣсто свекровушка
 Со своей со молодой невѣстущкой,
 Плакали, слезами обливалися,
 Молода Добрыни дожидалися.

А денѣчекъ за денѣчкомъ будто дождь дождить,
 А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть,
 А годѣчекъ за годѣчкомъ какъ сокѣль летить.
 И приходитъ тому времени ужъ трѣ года—

Не бывалъ Добрыня со чиста поля.
 А денёчекъ за денёчкомъ будто дождь дождить,
 А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть,
 А годочекъ за годочкомъ какъ соколъ летить.
 И проходить тому времени всѣ шесть годовъ—
 Отъ Добрынюшки ни вѣсти нѣтъ, ни повѣсти.

Какъ привозить тутъ Алешенька Леонтьевичъ
 Невеселую имъ вѣсточку, нерадостну:

Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ,
 Головой лежитъ во часть ракивовъ кустъ,
 Рѣзвыми ногами во ковыль-траву,
 Ручки, ножки у Добрыни пораскиданы,
 Буйная головка поразломана,
 Очи ясныя повыклевали вдроны,
 А сквозь желтые кудѣрышки
 Проростаеъ травушка шелковая,
 Разцвѣтають цвѣтики лазуревы.

Какъ надъ тѣмъ Добрынюшкина матушка
 Жалобнѣхонько да порасплакалась;
 А къ Добрынюшкиной молодой женѣ
 Стали запохаживать, засватывать
 Сватомъ самъ Владиміръ солнышко,
 Свахою сама княгинюшка Апраксія,
 Добрыми словами уговаривать:

„Ай же ты, Настасья дочь Микулична!
 Ужь тебѣ ли жить да молодой вдовой,
 Молодой свой вѣкъ одной корѣтати?
 Ты поди замужъ хоть за богатыря,
 Хоть за смѣлаго Алешеньку Поповича!“

Не дается на слова Настасьюшка,
 Свата дарить новенькой шириночкой,
 Свахоньку другой шириночкой,
 Смѣлаго Алешу каленѣй стрѣлой,
 И сама такой отвѣтъ держать:

„Выполнила мужнюю я заповѣдь:
 Прождала Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ,
 Вынолю и женскую я заповѣдь:
 Буду ждать другіе шесть годовъ.
 Какъ исполнятся тому двѣнадцать лѣтъ,
 Да не будетъ мужа со чиста поля,

Все еще поспѣю я замужъ пойти*.

И прошли тому другіе шесть годовъ—
 Не бывалъ Добрыня со чиста поля.
 Пріѣзжалъ опять Алешенька Леонтьевичъ
 Съ невеселой вѣсточкой, нерадостной:
 Что побить Добрыня во чистомъ полѣ,
 А и косточки-то порастасканы.
 Сталъ опять Владиміръ князь съ княгинею
 Къ молодой Настасьюшкѣ похаживать,
 Подговаривать Настасью да посватывать.
 Пораздумалась Настасья, поразмыслилась:

„Выполнила мужнюю я заповѣдь,
 Выполнила и свою-то заповѣдь,
 Не видать ужъ мнѣ моей державушки,
 Нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитича“.

И пошла Настасья дочь Микулична
 За того Алешу за Поповича.

Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ по третій день,
 А сегодня имъ идти ко церкви Божіей,
 Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
 Въ ту пору въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
 Пречестна вдова Афимья Александровна
 Подъ окошечко садилась подъ косяцато,
 Плакала старушенька да съ причетью:

„Ахъ, тому ли ужъ двѣнадцать лѣтъ назадъ
 Закатилось наше красно солнышко;
 Закатается теперь и младъ свѣтѣль мѣсяць!“

Какъ изъ далеча-далеча изъ чиста поля
 Не порѣша бѣлаго снѣжку повыпала,
 По тому бѣлу снѣжку-порошенькѣ
 Что не бѣлый заюшка проскакиваль—
 Наѣзжаетъ съ поля, въ перегонъ гонить
 Добрый мѣлодецъ, дѣтинушка залѣшанинь;
 Платыца на немъ не цвѣтныя—звѣриныя,
 Конь подъ нимъ косматый, будто лютый звѣрь.
 Ѣдетъ не дорожкой, не ворѣтами,
 Ѣдетъ черезъ стѣну городѣвую,
 Мимо башни наугольныя,
 Прямо ко придворью ко вдовиному;
 Пнулъ столбы лохматымъ чоботомъ—

Столбики задрогли, пошатнулись,
 Ворота широко распахнулись.
 Онъ коня пускаетъ непривязана,
 Самъ идетъ въ палаты бездокладочно,
 Крестъ кладетъ да по-писаному,
 И поклонъ ведетъ да по-учёному,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Пречестной вдовѣ старушенькѣ въ особину:
 „Ай, честна вдова Афимья Александровна,
 Государыня, Добрынюшкина матушка!
 Твоему Добрынѣ я названный братъ,
 Отъ Добрыни я тебѣ поклонъ привезъ.
 Во чистомъ полѣ вчера съ нимъ поразѣхались:
 Онъ поѣхалъ ко Царю-граду,
 На прощанье мнѣ велѣлъ, наказывалъ:
 Какъ случить мнѣ Богъ побыть во Кіевѣ,
 Разспросилъ бы про его про родну матушку
 Да про молодую Настасью дочь Микуличну,
 Про его любимую семейшку“ .

Говорить въ отвѣтъ Добрынюшкина матушка:

„Ай же ты, дѣтинушка залѣшанинъ!
 Не тебѣ бы надо мною надсмѣхаться.
 Какъ привезъ Добрынюшкинъ названный братъ,
 Молодой Алешенька Леонтьевичъ
 Невеселую намъ вѣсточку, нерадостну:
 Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ.
 Какъ слезила я тутъ очи ясныя,
 Какъ скорбила тутъ лицо да бѣлое,
 Тяжелѣшенько по сынѣ плакала.
 А Добрынюшкина молода жена,
 Молода Настасья дочь Микулична
 За того за брата мужнина
 За Алешку за Поповича замужъ пошла.
 Сватомъ-то былъ самъ Владиміръ князь,
 Свахою сама княгиня да Апраксія.
 Какъ идетъ у нихъ ужъ пиръ по третій день,
 А сегодня принимать имъ по золоту вѣнцу“ .

Говорить дѣтинушка залѣшанинъ:

„Да еще ли мнѣ велѣлъ, наказывалъ
 Мой названный братъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

Какъ его Настасьюшка замужъ пойдётъ,
 Мнѣ сходить на ту на свадебку веселую,
 А тебѣ сходить во погребѣ глубокіе,
 Принести гусѣлышки ярѣвчаты,
 На койхъ онъ самъ, Добрынюшка, поигрываль;
 Принести еще одѣжу скоморошную:
 Что на поженъки сапоженъки-зелѣнь сафьянъ,
 Что на плечи шубоньку да соболиную,
 На головку шалочку пушистую,
 Что пушистую, ушистую, завѣсисту;
 Въ рученьку дубинку сорока пудовъ,
 Чтобъ на свадьбѣ насъ не обидѣли“.

„Ой, ты, деревенщина-засельщина!
 Было бѣ живо мое красно солнышко,
 Нѣ дало бѣ тебѣ, невѣжѣ, надсмѣхатися;
 А теперь не стало красна солнышка—
 Не къ чему мнѣ гусли скоморошныя,
 Не къ чему мнѣ платя скоморошныя,
 Не къ чему дубинка скоморошная“.

И брала она скорѣнько золоты ключи,
 Отмыкала погребѣ глубокіе,
 Приносила гусли скоморошныя,
 Приносила платя скоморошныя,
 Подавала деревенщинѣ-засельщинѣ;
 Самъ онъ бралъ дубину сорока пудовъ,
 Накрутился скорой, смѣлой скоморошиной
 И пошелъ на тотъ почѣстенъ пиръ, на свадьбу.

Какъ стоятъ тутъ приворотники, придверники,
 Не хотятъ впускать удѣла скоморошину.
 Отъ воротъ онъ приворотниковъ отпихиваль,
 Отъ дверей придверниковъ отталкиваль,
 Смѣло проходилъ въ палаты княжецецкія.
 Вслѣдъ идутъ тѣ приворотники, придверники,
 Князю солнышку велику жалобу творять:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 Какъ пришелъ удѣла скоморошина,
 У воротъ не спрашиваль онъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашиваль придверниковъ,
 Всѣхъ разбилъ насъ, взашей прочь отталкиваль,
 Смѣло проходилъ въ палаты княжецецкія“.

„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
 Ты зачѣмъ не спрашивалъ да приворотниковъ,
 Ты зачѣмъ не спрашивалъ придверниковъ,
 А разбилъ ихъ, взáшей прочь отталкивалъ,
 Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія?“

Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
 Скоморошина рѣчей не слушаетъ:

- „Здравствуй, солнышко Владиміръ князь,
 Со своимъ со княземъ новобрачнымъ,
 Со своей княгиней новобрачною!
 • А скажи-ка, сударь, укажи-ка намъ,
 Гдѣ-то наше мѣсто скоморошное?“

Отвѣчаетъ съ сердцемъ солнышко Владиміръ князь:

„Ваше мѣсто скоморошное
 Что на печкѣ на муравленой, на запечкѣ!“
 Скоморошина тѣмъ мѣстомъ не побрѣзгивалъ,
 По край печеньки садился да муравленой,
 Положилъ гусѣлышки ярѣвчаты
 На свои колѣна молодецкія,
 Учаль-почаль струночки налаживать,
 Учаль да по струночкамъ похаживать,
 Самъ подъ струнки голосомъ поваживать:
 Сыгрыши выигрывалъ хорѣшеньки
 Что отъ Кіева да до Царя-града,
 Наигрышь все бралъ изъ Кіева,
 Всѣхъ пойменно отъ стараго до малаго.
 На пиру кругомъ всѣ пріумолкнули,
 За столомъ кругомъ всѣ позаслушались,
 Сами говорятъ промежъ себя:

„А не быть же то уда́лой скоморошинѣ,
 Быть какому ни есть добру мѣлодцу,
 Святорусскому могучему богатырю!“

Говоритъ княгиня новобрачная,
 Молода Настасья дочь Микулична:

„Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
 Прежній мужъ мой, молодой Добрынюшка.“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
 За твою игру да за веселую
 Опускайся-ка теперь ты съ печки-запечка,

Да садись-ка съ нами за дубовый столъ.
 Дамъ тебѣ три мѣста я по выбору:
 Перво мѣсто—хоть подлѣ меня,
 Друго мѣсто—супротивъ меня,
 Третье мѣсто—куда самъ захошь,
 Куда самъ захошь, пожалуешь“.

Не садился скоморошина подлѣ князя,
 Не садился онъ супротивъ князя,
 Сѣлъ онъ супротивъ княгини новобрачныхъ,
 Супротивъ Настасьюшки Микуличны.

Говорить удала скоморошина:

„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 А благослови-ка ты меня теперъ
 Чару зеленà вина налить,
 Поднести, кому я самъ задумаю,
 Кому самъ задумаю, пожалую“.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, удала скоморошина!
 Какъ дана тебѣ у насъ поволька вольная,
 Что задумаешь, то и твори теперъ“.

Наливалъ удала скоморошина
 Полну чару зеленà вина,
 Опущалъ во чару свой злачѣнъ перстень,
 Подносилъ княгинѣ новобрачной:

„Ай же ты, молоденька княгинюшка!
 А испей-ка ты отъ насъ да зеленà вина“.

Молода Настасья дочь Микулична
 Брала чару во бѣлы ручки,
 Подносила ко устамъ сахарнымъ.

Говорить удала скоморошина:

„Хошь видать добра—такъ допивай до дна,
 Не допьешь до дна—такъ не видать добра“.

Молода Настасья дочь Микулична
 Выпивала чарочку до донышка:
 Ко устамъ ея сахарнымъ
 Прикатился тотъ злачѣнъ перстень,
 И узнала въ немъ она перстень, коимъ
 Въ церкви Божіей съ Добрыней обручалася;
 Поклонилась князю, говорить сама:

„Ахъ ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!

„Гм прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,

Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замужъ пошла.“

Анѣ не тотъ мой мужъ вѣдь, что возлѣ меня,
Тотъ мой мужъ, что супротивъ меня“.

Выходила вонъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
Пала мужу ко рѣзвѣмъ ногамъ:

„Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась
За Алешку за Поповича замужъ пошла.
Не охотою берутъ меня, не честію,
Силою берутъ меня, неволею“.

Говорить Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Не дивуюсь разуму я женскому:
Волосъ бабій дологъ, умъ-то коротокъ;
Я дивуюсь братцу своему названому:
Отъ жива мужа жену беретъ;
Я въ другихъ дивуюсь князю солнышку
Со княгинею его Апраксіей:
Я за нихъ съ Невѣжей въ полѣ ратился,
Всѣ очистилъ имъ дороги прямоѣзжія,
На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
А они мою жену законную
Отъ жива мужа другому сватають“.

Князю со княгиней ко стѣду пришло:
Утопили очи во кирпичатъ полѣ.

А Алешенька Леонтьевичъ

Паль Добрынѣ ко рѣзвѣмъ ногамъ:

„Ты прости, прости меня, названный братецъ мой,
Что сядилъ я къ твоей ко молодой женѣ,
Ко Настасѣ дочери Микуличнѣ!“

„Ай же ты, названный братецъ мой,

Молодой Алешенька Леонтьевичъ!

Какъ во той винѣ тебя Господь простить,

Во другой винѣ я не прощу тебя:

Ты зачѣмъ привезъ имъ со чиста поля

Невеселу вѣсточку, нерадостну:

Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ?

Ты слезилъ мою родитель-матушку,

Ты скорбилъ лицо ей бѣлое,

Тяжелѣшенько она по сынѣ плакала.

Этой-то вины мнѣ не простить тебѣ!“

Ухватилъ онъ тутъ Алешку за желтыя кудри,
 Держить за желтыя кудри одной рукой,
 Во другой рукѣ гусѣлышки ярѡвчаты:
 Сталь по гриднѣ по столовой съ нимъ похаживать,
 За желтыя кудри его поваживать,
 Звонкими гусѣлышками да охаживать.
 Сталь Алешенька Леонтьевичъ поохивать,
 Да отъ буханья не слышно было оханья.

Быль въ пиру-бесѣдѣ старый Илья Муромецъ,
 Бралъ Добрыню онъ за плечи за могучія,
 Говорить да таковыя слова:

„Не убей-ка за напраслину богатыря;
 Хоть онъ силою не силенъ, да напѣскомъ смѣль“.

Отпустилъ Добрыня брата тутъ со бѣлыхъ рукъ,
 Бралъ за праву ручку молодѡ жену,
 Цѣловаль въ уста сахарныя,
 Да повель въ свои палаты бѣлокаменны.
 Смотрить та честна вдова старушенька:
 Какъ не зоренька румяная порѡзсвѣла,
 Какъ не звѣзды частыя разсыпались—
 Какъ свѣтѣль мѣсяць во горенкѣ порѡзсвѣтилъ.
 Красно солнышко во горенкѣ порѡспекло.

А Алешенька у князя на честномъ пиру
 По край лавочки садился, самъ поохиваль,
 Самъ поохиваль да приговариваль:

„Всякій-то на свѣтѣ женится,
 Да не всякому женитьба удаётся-то:
 Удалась женитьба лишь Добрынюшкѣ
 Да еще тому Ставрѡ Годинову“.

Только-то Алеша и женатъ бываль,
 Только-то Алеша и съ женой живаль!

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Михайло Пóтыкъ.

Какъ не ясны соколы съ чиста поля
Во одно мѣсто слеталися—
Какъ всѣ русскіе могучіе богатыри
Во одно мѣсто съѣзжались—
Къ князю солнышку да на почѣстенъ пирь.
На пиру всѣ ѣли, наѣдались,
На честномъ всѣ пили, напивались,
А и всѣ другъ передъ другомъ порасхвастались.
Порасхвастался и солнышко Владимірь князь:

„У меня, у князя у Владиміра,
Есть три славныхъ могучихъ богатыря:
Есть матѣрый, старый Илья Муромецъ,
Есть Добрынюшка Никитичъ младъ,
Есть Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. (69)
Ѣздили всѣ трое за синѣ море,
Покорили языкъ невѣрные,
Прибавляли мнѣ земельки святорусскія;
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Настрѣлялъ еще дорóгой къ моему столу
Гусей-лебедей да малыхъ уточекъ.
Гой еси, Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
Сослужи-ка во другой мнѣ эту службу,
Съѣзди-ка опять ко морю синему
Да ко тёплымъ, тихимъ заводамъ,

Настрѣляй-ка бѣлыхъ гусей-лебедей,
Перелѣтныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ
Къ моему обѣду княженицкому:
Дѣ-любѣ я молодца пожалую“.

Тутъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
Не допивши пива, зеленѣ вина,
Богу молится да съ гридни вошь идетъ.
Скоро молодець садился на добра кося:
Только видѣли, какъ за ворѣта виѣхалъ—
Во чистѣмъ полѣ лишь пылъ столбомъ.

А и будетъ онъ у моря синяго,
На его на счастье на великое
Привалила птица ко крутому берегу:
Настрѣлялъ онъ бѣлыхъ гусей-лебедей,
Перелѣтныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ.
Хочетъ ѣхать ужъ отъ моря синяго,
Посмотрѣть еще на тихія на заводи—
Увидаль: плыветъ колода бѣлодубова,
На колодѣ—бѣлая лебѣдушка.
Черезъ пѣрышко лебѣдушка вся злота,
А головка краснымъ золотомъ увѣвана,
Скатнымъ жемчугомъ поизнасажена.

Вынимаетъ Пѣтыкъ изъ налушна тугой лукъ,
Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
Тугой лукъ беретъ во ручку лѣвую,
Калену стрѣлу беретъ во правую,
Налагаетъ на тетивочку шелковую,
Тугой лукъ потягиваетъ за ухо,
Калену стрѣлу до семи четвертей;
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли роги у туга лука,
Чуть было—и спустить калену стрѣлу...

Какъ провѣщится тутъ лебедь бѣлая
Проязычится язѣкомъ человѣческимъ:

„Душечка Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
Не стрѣляй меня ты, бѣлой лебеди,
Я не ѣсть вѣдь лебедь бѣлая,
А я есть вѣдь красна дѣвица,
Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣвна, (70)
Королевична Подѣлянка.

Не убей-ка ты меня Поддьянки,
А возьми-ка ты меня въ замужество“.

Поднималась тутъ отъ моря синяго
На своихъ на крыльяхъ лебединыхъ,
Вылетала на крутой берёгъ лебедушкой
Обернулася душою красной дѣвицей.
Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ воткнетъ копье въ сырѹ землю,
Привязалъ коня да за острѹ копье,
Подошелъ ко красной дѣвицѣ,
Бралъ ее за ручки бѣлыя,
За тѣ перстни золочѣные,
Цѣловать хотѣлъ въ уста сахарныя.
Говорить Михайлѣ красна дѣвица,
Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣвна:

„Ай, Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
Не цѣлуй-ка ты меня да красной дѣвицы:
У меня уста поганыя,
Я вѣдь роду есть невѣрнаго,
Я невѣрнаго есть роду, некрещѣная.
Какъ свезешь меня во стольный Кіевъ градъ,
Приведешь во вѣрушку крещѣную,
Въ церкви Божьей мы съ тобою повѣнчаемся,
Да тогда съ тобой и нацѣлуемся“.

Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Бралъ ее за ручушки за бѣлыя,
За тѣ перстни золочѣные,
Посадилъ къ себѣ да на добра коня,
Да повезъ во стольный Кіевъ градъ.

А и будетъ онъ во стольномъ Кіевѣ,
Приѣзжалъ на княженецкій дворъ,
Подъѣзжалъ къ крылечку красному,
Соскочилъ скорѣнько со добра коня,
Проходилъ во GRIDню свѣтлую,
Помолился Спасу образу,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ на три-четыре стороны:

„Здравствуешь ты, ласковый Владиміръ князь!
Сослужилъ тебѣ я служебку,
Настрѣлялъ тебѣ я гусей-лебедей,

Перелётныхъ малыхъ уточекъ;
Самъ себѣ добыль обручницу,
Лебедь бѣлую Авдотью Лиходѣвну“.

„Ай, Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
Чѣмъ тебя мнѣ наскоро пожаловать?
Городами ли со пригородками,
Али селами да со присѣлками?“

„Мнѣ не надо городовъ со пригородками,
Мнѣ и сель не надо со присѣлками,
Дай-ка только мнѣ повѣлечку великую
По царѣвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ“. (71)

Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Далъ ему поволечку великую
По царѣвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.

А и только лишь во церкви во соборной
Ко вечернѣ въ колоколъ ударили,
Молодой Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
Съ бѣлой лебедью Авдотьею Лиходѣвной
Заходили въ матушку во церковь Божию,
Служебку вечернюю отслушали.

Тутъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
Низко клѣнится попамъ соборнымъ,
Чтобы дали обрученье съ красной дѣвицей;
А попы-то тому дѣлу радошны,
Скоро дѣвицу крестили да молитвили,
Имя дали Марья Лебедь Бѣлая,
Обрученье дали ей съ Михайлушкой,
А и тутъ же повѣнчали ихъ.

Молодые Богу помолилися,
Ко святымъ иконамъ приложилися,
Клади вмѣстѣ заповѣдь великую:
Кто изъ нихъ да напередъ помретъ,
То другому съ нимъ во гробъ живому лечь,
Во сырѹ землю идти да на три мѣсяца. (72)

Выходили съ матушки со церкви Божіей,
 Шли по славну городу по Кіеву,
 Шли въ свои палаты бѣлокаменны,
 Стали жить да быть, семью сводить.

Да не много же у нихъ житья было,
 У Михайла Пѣтыка Иванова
 Съ молодой женою Марьей Лиходѣвной,
 Всего навсего да полтора года.
 Сталь Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 По царѣвымъ кабакамъ ходить,
 Пить вино по кабакамъ безденежно,
 Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
 Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.

Захотѣла Марья Лебедь Бѣлая
 Поискать надъ мужемъ мудрости:
 Съ вечера ли расхворалася,
 Ко полуночи ли разболѣлася,
 А ко утру и преставилася.
 Прибѣгаетъ ко Михайлѣ во царѣвъ кабакъ (73)
 Братъ названный молодой Добрынюшка,
 Говорить ему да таковы слова:

„Ай, Михайло Пѣтыкъ, братъ названный мой!
 Ты здѣсь пьешь да прохлажаешься,
 А твоя вѣдь молодѣ жена
 Марья Лебедь Бѣлая преставилася“.

Какъ вскочилъ Михайло на рѣзвѣ ноги,
 Закричалъ Михайло во всю голову:

„Гой еси вы, братица мои названные,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
 А и ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Вы пойдите-ка ко брату ко названому
 Пораздумать думу крѣпкую.
 Надо мнѣ исполнить заповѣдь великую,
 Надо въ гробъ живому лечь съ покойницей,
 Во сырѣ землю идти да на три мѣсяца.
 Стрѣйте-ка домѣвище великое,
 Чтобы можно было стоя стать,
 Можно было бы и сидя сѣсть,
 А при времечкѣ и лёжа лечь.
 Да кладите-ка хлѣба-соли со водицею,

Чтобъ запасу было на три мѣсяца“.

Скоро эти братьица названы
 Строили домовище великое,
 Чтобы можно было стоя стать,
 Можно было бы и сидя сѣсть,
 А при времечкѣ и лёжа лечь.
 Самъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Шелъ скорѣмъ-скорѣ ко кузницамъ,
 Приказалъ ковать клещи желѣзныя,
 Трое прутьевъ да желѣзныхъ,
 Трое прутьевъ да оловянныхъ
 Да еще ли трое мѣдныхъ.
 Шелъ тогда къ попамъ соборнымъ,
 Вѣсть подать, что молода жена преставилась.
 Приказали тутъ попы соборные
 Тѣло мертвое ко церкви на саняхъ привезть, (74)
 На церковной паперти поставити.
 Стали-зачали копать могилушку,
 Выкопали пребольшую, преглубоую,
 Глубиной да шириной до двадцати сажень.
 Собиралися попы да дьяконы
 Со всѣмъ причетомъ церковнымъ,
 Погребали тѣло Марьино
 Опускали со домовищемъ великимъ
 Въ ту могилу преглубоую.
 Опускался во сырѣ землю за тѣломъ мертвымъ
 И Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Бралъ съ собой клещи желѣзныя,
 Трое прутьевъ да желѣзныхъ,
 Трое прутьевъ оловянныхъ,
 Да еще ли трое мѣдныхъ.
 А тѣ братьица названы
 Клади хлѣба-соли со водицею,
 Чтобъ запасу было на три мѣсяца,
 Клади свѣчи воску яраго да ладану;
 Набивали обручи желѣзные
 На домовище великое,
 Желтыми песками позасыпали,
 Надъ могилой деревянный крестъ поставили,
 Только мѣсто для верѣвочки оставили,

А была верёвочка привязана
 Ко тому ко колоколу ко соборному.

И сидитъ Михайло Потъкъ сынъ Ивановичъ,
 Съ полудня сидитъ въ могилѣ до полуночи;
 Ради страху ли добывъ огня,
 Зажигаетъ свѣчи воску яраго.
 Какъ приходитъ время полуночное,
 Подплыла змѣя да подземельная:
 Разъ лизнётъ домовище—надлизнала,
 Обручи желѣзные полопались;
 Во другой лизнётъ—пролизнула,
 Рядъ дубова тѣсу сдѣрнула;
 Въ третій разъ лизнётъ—во гробъ плыветъ.
 Увидала тутъ Михайла съ молодой женой,
 Ввеселилась, варадовалась:

„А и буду же я ныче сытая,
 Сытая я буду, неголодная:
 Есть одно ли тѣло мертвое,
 А другое ли живое человѣческо“.

Да Михайлушко на то не робокъ былъ:
 Вынималъ клещи желѣзные,
 Захватилъ въ клещи змѣю проклятую,
 Зачалъ сѣчь злодѣйку прутьями желѣзными,
 Расхлысталъ всѣ прутья да желѣзные;
 Принимается за прутья оловянные,
 Расхлысталъ и прутья оловянные;
 Принимается за прутья мѣдные...
 Поклонилася ему змѣя, взмолилася:

„Ай же ты, Михайло Потъкъ сынъ Ивановичъ!
 Не сѣки меня, змѣю, ты на умертвіе,
 А спусти меня, змѣю, ко морю синему,
 Дамъ тебѣ я заповѣдь великую:
 Принести тебѣ живой воды,
 Оживить тебѣ жену-красавицу,
 Молодую Марью Лебедь Бѣлую“.

Говоритъ Михайло Потъкъ сынъ Ивановичъ:
 „Ай же ты, змѣя лукавая!
 Ты отдай-ка мнѣ въ залогъ змѣёнышей“.

Отдала ему змѣя въ залогъ змѣёнышей,
 Поплыла сама подземельемъ ко морю синему,

Принесла ему живой воды.
 Какъ возьмётъ за шейку онъ змѣёныша,
 Ступитъ ножкою на хвостъ змѣёнышу—
 Пораздёрнулъ на-двое змѣёныша;
 Какъ приложить во одно мѣсто по старому,
 Разъ брызнётъ—и сросся онъ по старому,
 Во другой брызнётъ—зашевелился онъ,
 Въ третій разъ брызнётъ—поплылъ изъ гроба вонъ.
 Молодую Марью Лебедь Бѣлую
 Разъ брызнётъ—въ ней кровь зайграла,
 Во другой брызнётъ—зашевелилася,
 Въ третій разъ брызнётъ—повѣстала,
 Проглаголила да таковы слова:

„Фу-фу-фу, а долго же проспала я!“

Говоритъ Михайло Пётыхъ сынъ Ивановичь:

„Безъ меня бы ты и вѣкъ спала.“

За верёвочку ударилъ въ колоколь—

Услыхалъ соборный трапезникъ,
 Побѣждалъ къ могилѣ Марьиной—
 Анъ ко колоколу ко соборному
 Изъ земли верёвочка торгается.
 Какъ вскричалъ Михайло во всю голову—
 Мать-сыра земля заколыбалася,
 Теремки задрогли, зашатались,
 Весь народъ во Кіевѣ ужахнулся,
 Собирается къ могилѣ да дивуется:

„Что за диво подъ землею дѣется?“

Закричали разомъ всѣ покойнички!“

Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ

Молоду Добрынюшкѣ Никитичу:

„Видно же, то братецъ нашъ названный есть;

Во сырой землѣ не долго пожилося:

Душно, знать, въ могилѣ съ тѣломъ мертвымъ,

И кричитъ онъ богатырскимъ голосомъ“.

Стали разрывать могилу скоро-наскоро,

Опускали лѣстницы великія;

Возстаетъ на бѣлый свѣтъ Михайлушко,

Молоду жену самъ за рукавъ ведетъ,

Съ братцами названными цѣлуется.

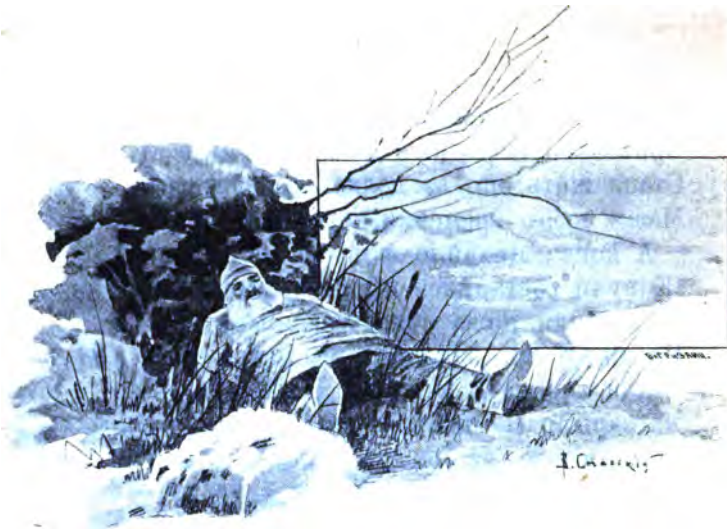
Объявили тутъ понамъ соборнымъ;

Поновили молодыхъ святой водой, (7⁵)
Приказали жить имъ да по старому;
Стали жить они да долго здравствовать,
Межь собою времечко корѣтати. (7⁶)

А когда Михайло живучи состарѣлся,
Живучи состарѣлся да и преставился,
Вспомнили тогда попы соборные
Прежнюю ихъ заповѣдь великую,
Стали хоронить Михайла Пѣтыка,
Да зарыли съ нимъ живую во сырѹ землю
И жену его—ту Лебедь Бѣлую,
Молодую Марью Лиходѣвну.

Съ этихъ поръ имъ стала память вѣчная.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Илья Муромецъ и Сокольникъ.

Кто бы намъ сказалъ еще про старое,
Что про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

* * *

Какъ стояла во чистомъ полѣ подь Кіевомъ,
За пятнадцать мѣрныхъ верстъ отъ города,
Крѣпкая застава богатырская,
Святорусскихъ двѣнадцать ли богатырей:
Во-первыхъ—удалый старый Илья Муромецъ,
Во-вторыхъ—Добрынюшка Никитичъ младъ,
Во-третьихъ—Алешенька Поповскій сынъ,
Во-четвертыхъ—Гришенька Боярскій сынъ,
Въ-пятыхъ—Васька Долгополюстый, ⁽⁷⁷⁾
Во-шестыхъ—семь молодыхъ братовъ Сбродовичей,
Да еще ли мужики Залѣшане.
Простояли во чистомъ полѣ по трѣ года,
Ничего въ чистомъ полѣ не видѣли:
Мимо ихъ никто пѣхотой не прохаживалъ,

На добромъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
Птица чернѣй воронѣ не пролѣтывалъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ.

Третій годъ ли на проходѣ сталъ,
А четвертый ходить по науличью.
Пораздѣрнули богатыри бѣлой шатеръ,
Стали во шатрѣ да опочивъ держать,
Спали дологъ день до вечера,
Ночку тѣмную да до бѣла свѣта.
На зарѣ на ранней зорюшкѣ,
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго,
Налетала на шатеръ тутъ птица вѣщая,
Птица вѣщая да чернѣй вранъ,
Жалобнѣшенько прокаркала.
Пробудился старѣй Илья Муромецъ,
Будить молода Добрынюшка Никитича:

„Ай ты, братецъ мой, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Возставай-ка на рѣзвѣ ноги.

Что надъ нашимъ надъ шатромъ подѣлалось?

Налетала на шатеръ вѣдь птица вѣщая,
Птица вѣщая да чернѣй вранъ,
Жалобнѣшенько прокаркала;
Видно, сказывала вѣсточку нерадостну.
Выходи-ка со бѣла шатра,

Погляди-ка по дорогѣ прямоѣзжей:

Не проѣхала ли поленица тутъ,
Не подходитъ ли подъ коней лютѣй звѣрь?

Повскочилъ Добрыня на рѣзвѣ ноги,

Выбѣгаетъ скоро со бѣла шатра;
Смотритъ по дорогѣ прямоѣзжей—
Увидаль середь дороги ископытъ,
Ископытъ великую—во поль-печи.

Сталъ онъ ископытъ досматривать;
Ископытъ—могуча богатырская.
Прибѣгалъ назадъ онъ во бѣлой шатеръ,
Говоритъ да таковы слова:

„Гой еси вы, братыца мои, товарищи!

Пробуждайтесь-ка отъ крѣпка сна!

Что мы на заставушкѣ устояли?

Что мы на заставушкѣ углѣдѣли?

Богатырь могучій вѣдь проѣхаль мимо насъ!“

Возставали тутъ товарищи отъ крѣпка сна,
Собирались во побѣдный кругъ,
Стали думать думу крѣпкую:
Ужъ кому-то ѣхать за богатыремъ,
Разспросить объ имени, объ отчинѣ,
Силы у богатыря отвѣдати?
Выходилъ удалый старый Илья Муромецъ,
Говорилъ да таковыя слова:

„Не послать ли мужиковъ Залѣшаньевъ?
Мужики Залѣшанѣ—бѣда дремать,
Анъ продремлютъ во чистомъ полѣ богатыря.
Не послать ли семь братьевъ Сбродовичей?
Все ребято-то молдѣньки—бѣда зѣвать,
Прозѣваютъ во чистомъ полѣ богатыря.
Не послать ли Ваську Долгополага?
Пѣлы-то у Васьки длинныя:
На ходу въ полахъ онъ заплетается,
На бою въ полахъ онъ замѣшается—
Потеряетъ даромъ буйну голову.
Не послать ли Гришеньку Боярскаго?
Рода онъ боярскаго, хвастливаго:
На бою на дракѣ призахвастнется—
Даромъ же положить буйну голову.
Не послать ли хѣтъ Алешеньку Поповича?
Нраву онъ захлыщева, зарывчата:
Изорветъ онъ силу до богатыря—
Погинѣтъ Алеша по напрасному.
Ужъ пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
Знаетъ со богатыремъ онъ сѣхаться,
Знаетъ онъ богатырю и честь отдать“.

Посылали тутъ Добрынюшку Никитича.
Скоро онъ, Добрынюшка, коня сѣдлалъ,
Скоро онъ садился на добра коня,
Скоро выѣзжалъ да во чистѣ поле.
Посмотрѣлъ изъ кулака изъ молодецкаго: (78)
Видитъ на полѣ чернизину;
Ѣдетъ прямо на чернизину,
Догоняетъ въ полѣ добра мѣлодца.
Хороша управа молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе:

Конь подъ мѡлодцемъ какъ лютый звѣрь,
 Скоки скачетъ по цѣлѡй верстѣ,
 Слѣдъ вымѣтываетъ да во полъ-печи,
 Изъ рта-то у коня огѡнь пышетъ,
 Изъ ноздрей-то искры сыплются,
 Изъ ушей-то дымъ кудравъ встаетъ.
 А шеломъ на мѡлодцѣ какъ жаръ горить,
 На конѣ уздечка какъ лучи пекутъ,
 Отъ стремянъ какъ звѣзды сыплются,
 Отъ сѣдла какъ ясная заря встаетъ,
 Ясная заря да утрення.
 Съ лѣва стремени борзой выжлецъ бѣжитъ,
 На правѡмъ плечѣ ясѣнь соколъ сидитъ,
 По одной рукѣ ли соловей летитъ,
 По другой ли жавролѣночекъ,
 Перелѣтываютъ съ руки на руку,
 Перенѡшиваютъ свисты съ уха на ухо,
 Улецаютъ, спотѣшиваютъ добра мѡлодца.
 Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ да тѣшится,
 Шуточки пошучиваетъ молодецкія:
 Боевую палицу беретъ одной рукой,
 Какъ перомъ играетъ лебединымъ,
 Вверхъ кидаетъ палицу подъ облако,
 На лету подхватываетъ на бѣлыя руки,
 Не допускиваетъ до сырой земли.

Увидаль Добрыня добра мѡлодца,
 Добра мѡлодца окликнулъ звонкимъ голосомъ:

„Ай же ты, прѣзжій добрый молодецъ!
 А зачѣмъ ты на заставу не заѣзживаль,
 А зачѣмъ ты у богатырей не спрашиваль,
 Набольшему Ильѣ Муромцу челомъ не билъ,
 Грошей подорожныхъ въ казну не клалъ
 На всю младшую на братію наборную?“

Какъ услышалъ добрый мѡлодецъ богатыря,
 Поворачиваль къ богатырю добра коня,
 Напуцался на младѡ Добрынюшку,
 Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
 Отъ того отъ реву молодецкаго
 Всколыбалася сырѡ земля,
 Выливалася изъ рѣкъ вода,
 Добрый конь Добрынинъ ошарѡшился,

Самъ Добрыня на конѣ устрѣшился,
 Богу Господу возмѣлился,
 Мати пресвятыя Богородицѣ:

„Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!“

Подъ Добрыней конь посправился.
 Скоро ко заставѣ поворотъ держаль.
 Приѣзжалъ Добрыня ко товарищамъ,
 Говорилъ товарищамъ, рассказывалъ:

„Какъ нагналъ я въ полѣ добра мѣлодца,
 Сталъ его вывѣдывать, выпрашивать,
 Тутъ коня ко мнѣ онъ поворачивалъ,
 Напушался на меня, Добрынюшку,
 Заревѣлъ самъ, будто лютой звѣрь:
 Всколыбалася сырѣ земля,
 Выливалася изъ рѣкъ вода,
 Добрый конь мой ошарѣшился,
 Самъ я на конѣ устрѣшился,
 Богу Господу возмѣлился:

— „Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!—

Подо мною конь посправился,
 Скоро ко заставѣ поворотъ держаль“.

Говорить Добрыня старый Илья Муромецъ:

„Коли ты уѣхалъ отъ богатыря,
 Намъ тебя въ товарищи не надобно!
 Поѣзжай-ка ты назадъ во Кіевъ градъ,
 Къ молодой женѣ, ко старой матери.
 Ай вы, братица мои крестовые!
 Кто изъ васъ изъ всѣхъ удалѣе,
 У кого конь порыскучѣе,
 За невѣдомымъ богатыремъ поѣхати,
 Разпросить его объ имени, объ отчинѣ,
 Если русскій богатырь—то побрататься съ нимъ,
 А невѣрный—поразвѣдаться?“

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Я, Алеша, братцы, поудалѣи всѣхъ,
 У меня конь порыскучѣе“.

Скоро сѣлъ Алеша на добра коня,
 Скоро ѣдетъ во чисто поле,
 Догоняетъ въ полѣ добра мѣлодца,
 Окликиваетъ мѣлодца да во всю голову:

„Ты постой, постой, проѣзжая дѣтинушка!

Богатырь ли святорусскій ты,
 Али деревенщина засельщина?
 Можетъ, ты коня укралъ аль мужика убилъ,
 А сюда заѣхалъ — квастаешь,
 Чужимъ именемъ, нахвальщикъ, называешься?"

Какъ нахвальщику тутъ за бѣду стало,
 За великую досаду показалось.
 Поворачивалъ коня онъ, какъ люта звѣря,
 На Алешу на Поповича,
 Бралъ Алешу за бѣлыя руки,
 Снялъ Алешу со добра коня,
 Вынулъ шелепугу подорожную,
 Шелепугою стегалъ его,
 На добра коня садилъ опять,
 Самъ Алешѣ приговаривалъ:

„Ай же ты, шишира деревенская!
 Ужъ тебѣ ли ѣздить во чистомъ полѣ,
 Во чистомъ полѣ да на добромъ конѣ?
 Жилъ бы ты въ деревнѣ, деревенщина,
 Пасъ бы ты въ деревнѣ гусей-лебедей,
 Сѣрнихъ, пернатыхъ утушекъ“.

Ѣдетъ пьянъ Алешенька, шатается,
 Ко лукъ сѣдельной приклоняется.
 Увидалъ Алешу Илья Муромецъ:

„Говорилъ тебѣ, Алеша, я, наказывалъ:
 Ты не пей, Алеша, зеленá вина,
 Ты не кушай сладкихъ кушаньевъ“.

Отвѣчаетъ младъ Алеша Ильѣ Муромцу:
 „Радъ бы я не пити зеленá вина,
 Радъ бы я не кушать сладкихъ кушаньевъ:
 Напоилъ меня нахвальщикъ до-пьяна,
 Накормилъ меня онъ до-сыта
 Тою шелепугою подорожною“.

Говорить тутъ старый Илья Муромецъ:
 „Ужъ ты старость, старость богатырская!
 Малое-то большимъ замѣняется,
 Большему-то некому замѣнитися.
 Видно, кромѣ старика, ужъ ѣхать некому!
 Ай вы, братица мои крестовые!
 Поѣзжайте-ка раздольцемъ чистымъ полемъ,
 Заѣзжайте-ка на гору на высокую,

Посмотрите-ка на драку богатырскую:
 Будеть надо мною безвременнице—
 Поспѣвайте, братица, на выручку“.

И выходитъ старый со бѣла шатра,
 Обряжаетъ бурушку добра коня,
 Обряжаетъ скоро-на-скоро,
 Скоро-на-скоро да крѣпко-на-крѣпко;
 И садится на добра коня,
 Выѣзжаетъ во чисто поле,
 Нагоняетъ добра мѣлодца нахвальщика.
 А нахвальщикъ ѣдетъ на добромъ конѣ,
 Потѣшается утѣхой молодецкою:
 Мечетъ острое копьѣ въ поднебесьѣ,
 Говоритъ самъ, похваляется:

„Какъ легко вертѣтъ мнѣ острымъ копьемъ,
 Такъ же будетъ мнѣ вертѣтъ Ильею Муромцемъ!“

Подъѣзжалъ къ нему Ильюша со бѣла лица,
 Становилъ его да супротивъ себя,
 Говоритъ ему да таковы слова:

„Гой еси ты, добрый мѣлодецъ!
 Чтѣ ты рано похваляешься?

Не улѣвя птицы, теребишь ее,
 Не сваривши птицы, Богу молишься? (79)
 Поразѣдемся-ка со чиста поля
 На своихъ на коняхъ богатырскихъ,
 Приударимъ-ка во палицы булатныя,
 Силушки другъ у друга отвѣдаемъ“.

Какъ борзаго выжлеца тутъ добрый мѣлодецъ
 Ото стремени отвязываль,
 Самъ ли выжлецу наказываль:

„Ужъ ты бѣгай-ка, выжлецъ, да по темнымъ лѣсамъ,
 Самъ корми-ка свою буйну голову:
 Какъ ужъ мнѣ не до тебя пришло“.

Ясна сокола съ плеча сопускаваль:
 Самъ ли соколу наказываль:

„Ты лети-ка, соколъ, на синѣ море,
 Самъ корми-ка свою буйну голову:
 Какъ ужъ мнѣ не до тебя пришло“.

Не двѣ грозны тучушки затучились.
 Не двѣ горы вмѣстѣ содвигались—
 Два могучихъ богатыря сѣзжались

„Какъ легко вертѣть мнѣ острыймъ копьемъ,
Такъ же будетъ мнѣ вертѣть Ильєю Муромцемъ!“

На своихъ на кѣняхъ богатырскихъ.
 Въ первый разъ они сразилися,
 Приударили во палицы булатныя,
 Били другъ друга да по бѣлымъ грудямъ,
 Били другъ друга да не жалѣючи,
 А со всею силой богатырскою—
 Палицы во кольцахъ попригнулися,
 Отломилися по маковкамъ.
 У богатырей доспѣхи были крѣпкіе,
 Другъ друга они не сшибли со добрыхъ коней,
 Другъ друга не пѣбили, не ранили,
 Ни котораго мѣстечка не кровавили.
 Становили кѣней богатырскихъ,
 Говорили сами промеждѹ собой:

„Какъ намъ силушки другъ ѹ друга отвѣдати?
 Поразѣдемся-ка со чиста поля
 На своихъ на кѣняхъ богатырскихъ,
 Приударимъ-ка во копя мурземецкія,
 Тутъ другъ ѹ друга мы силушки отвѣдаемъ“.

Поразѣхалися на добрыхъ коняхъ,
 Во другой сѣвзжались, сразилися,
 Приударили во копя мурземецкія,
 Били другъ друга да не жалѣючи,
 Не жалѣючи да по бѣлымъ грудямъ—
 Копья въ чивьяхъ поломалися,
 Другъ друга они не ранили.
 Только оба изъ сѣдѣлъ попадали. (80)
 Становились скоро на рѣзвѣ ноги,
 Говорили сами промеждѹ собой:

„Какъ еще намъ силушки отвѣдати?
 Будемъ биться плотнымъ боемъ-рукопашкою,
 Тутъ другъ ѹ друга мы силушки отвѣдаемъ.“

Разошлись, разбѣжались,
 Захватились плотнымъ боемъ-рукопашкою,
 Другъ съ другомъ ломалися, водилися,
 Съ вечера водились до полуночи,
 Со полуночи водились до бѣла свѣта,
 По колѣна въ землю приобмялися.
 У Ильи-то права ножка окатилася,
 Лѣва ножка подломилася;

Подхватилъ его нахвальщикъ со коса бѣдра;
 Опустилъ на матушку-сырѹ землю,
 И ступилъ ему на бѣлу грудь;
 Бралъ тогда рогатину звѣриную,
 Заносилъ да руку правую,
 Заносилъ да выше головы,
 Опустить хотѣлъ да ниже поясу...
 На бою-то смерть Ильѣ не писана,
 Застоялась во плечѣ рука у молодца,
 Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
 Сталъ нахвальщикъ надъ Ильею издѣваться:

„Ай ты, старая базага, ты сѣдатый пѣсь!
 Ужъ тебѣ ли ѣздить во чистомъ полѣ,
 Во чистомъ полѣ да на добромъ конѣ!
 Развѣ нѣ кѣмъ старичинѣ замѣнитися?
 Ты поставилъ бы келѣйку по дороженькѣ,
 Собиралъ бы во келейкѣ по полущечкѣ;
 Тѣмъ бы старичина и животь питаль,
 Тутъ бы старичина и животь кончалъ.“

Какъ лежитъ Ильюша подъ богатыремъ,
 Говорить самъ таковы слова:

„А не ладно же былò написано:

— Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,—

А теперъ лежитъ Ильюша подъ богатыремъ.“

Разгорѣлось сердце богатырское,
 Раскипѣлась кровь да молодецкая,
 Лѣжа силы у Ильюши втрое прибыло;
 Что не сѣрая утица востопрщитися—
 На землѣ Ильюша поворѣтится,
 Замахнется правой ручушкой,
 Да ударить во черны груди ⁽⁸¹⁾ нахвальщика—
 Мечетъ мѡлодца подъ вышину небесную,
 Выше дерева стоячаго,
 Ниже облака ходячаго.
 Свѣта бѣлаго не взвидѣлъ мѡлодецъ,
 И летить назадъ онъ ко сырой землѣ.
 На лету его Ильѣ подхватываль
 На свои на руки богатырскія,
 Клалъ на матушку-сырѹ землю,
 Самъ ему садился на черны груди,

Бралъ въ бѣлы руки булатный ножъ,
 Заносилъ да ручку правую,
 Заносилъ да выше головы,
 Опустить хотѣлъ да ниже поясу...
 Какъ, по Божьему тутъ по велѣнью,
 Застоялась во плечѣ рука Ильюшина,
 Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
 Сталь онъ молодца допрашивать,
 Сталь онъ молодца вывѣдывать:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
 Ты скажись, скажись-ка, не утай себя,
 Ты коей земли, коей орды,
 Коего отца, да коей матушки?
 Какъ тебя да именемъ зовуть,
 Величаютъ по отечеству?

А нахвальщикъ подъ Ильей лежитъ,—
 Хоть мозги въ головкѣ потрясаются,
 Видъ со ясныхъ очушекъ теряется,
 И рѣчисть языкъ мѣшается,—
 Самъ Ильѣ такой отвѣтъ держитъ:

„Ай ты, старая базага, ты сѣдатый пѣсь!
 Какъ сидѣлъ бы у тебя я на бѣлой груди,
 Какъ держалъ бы во рукѣ булатный ножъ,
 Не спросилъ бы у тебя я роду-племени,
 Не спросилъ бы у тебя отца и матери,
 А пласталь бы только бѣлу грудь тебѣ,
 Доставалъ бы сердце да со печенью“.

Во другой ли разъ его Илья допрашивалъ,
 Въ третій разъ его Илья вывѣдывалъ,
 Не дождался отъ нахвальщика отвѣта онъ,
 Заносилъ опять булатный ножъ,
 Заносилъ да выше головы,
 Опустить хотѣлъ да ниже поясу. . .
 Видитъ молодецъ—конецъ пришелъ ему,
 Не утаился, сказался Ильѣ Муромцу:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
 Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ!
 Я такой земли, такой орды:
 Отъ того отъ славнаго Латырь-моря,
 Отъ того отъ камня да отъ латыря,

Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки, (82)
А по имени зовуть Сокольничкомъ.“ (83)

Какъ тутъ старый Илья Муромецъ
Скоро сходить со грудѣ его,
Какъ беретъ его за ручки бѣлыя,
Какъ беретъ за перстни золочѣнные,
Какъ взымаеъ со сырой земли,
Какъ становить на рѣзвѣ ножки,
На рѣзвѣ ножки да супротивъ себя,
Какъ цѣлуеъ во уста сахарныя,
Называетъ крестничкомъ (84) любимымъ,
Самъ-то плачетъ, старый, глядячи на крестничка:
„Здравствуешъ ты, мой любимый крестничекъ!

Вѣдиль я чистѣмъ полемъ поляковать,
Повстрѣчался съ поленицею удаюю,
Съ тою бабою великою Латыгоркой,
Да какъ съѣхались на поединочкѣ,
Я побилъ ее на поединочкѣ,
Повинилась мнѣ Латыгорка, возмѣлилась,
Стала звать во кумовья къ себѣ,
И крестилъ я ей тебя, Сокольничка.
Какъ поѣдешъ ты ко матушкѣ родимоей,
Ко моей кумѣ любимоей,
Отвези ей отъ Ильи поклоны низкіе.
А теперъ намъ полно биться-ратиться,
Послѣ бою-драки богатырскія
Будемъ отдыхъ-опочивъ держать.“

И прилегъ Ильюша во чистѣмъ полѣ,
На бугрѣ высокѣмъ, раскатистѣмъ,
Послѣ бою-драки опочивъ держать.
И заснулъ Ильюша богатырскимъ сномъ,
Богатырскимъ сномъ да на двѣнадцать дѣнь.
А нахвальщикъ, младъ Сокольникъ порааздумался:

„Какъ поѣхалъ я отъ рѣдной матушки,
Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки,
Говорила мнѣ, наказывала рѣдная:
—Ты попомни, чадо милое:
Какъ поѣдешъ во чистѣ поле поляковать,
Бейся во чистѣмъ полѣ со всякими,
Да не бейся ты со старыми,

Да не бейся со угрюмыми,
 Да не бейся съ невесёлыми:
 Примешь скорую ты смерть отъ стараго.—
 Ай ты, свѣтъ моя да рѣдна матушка!
 Какъ побилъ тебя старикъ на поединочкѣ,
 Самого за то предамъ я смерти скороей“.

Брать Сокольникъ рогатину звѣриную,
 Билъ Илью рогатиною по бѣлой груди;
 Спитъ Илья, не пробуждается
 Отъ того удара богатырскаго.
 Надъ Ильюшей добрый конь стоитъ,
 Ржетъ надъ нимъ да во всю голову,
 Бьетъ копытомъ во сырѹ землю—
 Спитъ Илья, не пробуждается
 Отъ того отъ ржанья-топота.
 Былъ же у Ильюши крестъ на вѣротѣ,
 Чуденъ крестъ во полтора пуда:
 Погодился чуденъ крестъ Ильѣ,
 Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,
 Вскинулъ вкругъ себя да ясны очушки—
 А надъ нимъ стоитъ Сокольникъ,
 Бьетъ его рогатиной по бѣлой груди.
 Разгорѣлось сердце богатырское,
 Раскипѣлась кровь да молодецкая:
 Воспрянулъ Ильюша на рѣзавѣ ноги,
 За желты кудри схватилъ Сокольникъ,
 Опустилъ на мать-сырѹ землю,
 Наступилъ ему на ножку правую,
 Дернулъ мѣлодца за ножку лѣвую—
 На двое ли мѣлодца порѣзорвалъ,
 Раскидалъ кусочки по чистѹ полю—
 Что одну ли половинку да сѣрѣмъ волкамъ,
 А другую половинку чернымъ вѣронамъ,
 Самъ проговоришь да таковы слова:
 „Было чадочко единое—крестное,
 Да самимъ же чадѣ смерти предано!“
 Только-то Сокольникъ славы поють,
 А Ильюшѣ слава не минуется,
 Вѣкъ поють да по вѣку Ильюшеньку.

Три поѣздочки Ильи Муромца.

Намъ не дорого пиво пьяное,
Намъ не дорого зеленѣ вино,
Дорога намъ бесѣдушка смиренная:
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое да про бывалое,
Про стараго Илью про Муромца.

* * *

Ѣздилъ старый по чисту полю,
Ото младости Ѣздилъ до старости,
Ото старости до гробовой доски.
Да хорошъ былъ у стараго добрый конь,
Его маленькій бурушка косматенькій:
Хвостъ у батюшки-бурушки былъ трѣхъ сажень,
Грива трѣхъ локтей, а шерсть трѣхъ пядей.
Онъ у рѣкъ перевозу не спрашиваль,
Однимъ скокомъ онъ ихъ перескакиваль,
Широкой раздолья перерыскиваль,
Да отъ смерти стараго унашиваль.

Какъ не пыль дорогой запылилася,
Не туманъ да съ моря подымается,
Не бѣлы снѣжки въ полѣ забѣлѣлися—
Какъ погѣливаетъ старый во чистомъ полѣ,
Забѣлѣлася его буйная головушка

Со частой, съдой, мелкой бородушкой,
 Затуманился подъ нимъ его добрый конь,
 Запылилась за нимъ сила добрая.
 Подъѣзжаетъ старый къ тремъ дороженькамъ,
 Къ тремъ дороженькамъ да перекрѣсточкамъ,
 И лежитъ на перекрѣсточкахъ горючь камень,
 А на камешкѣ подпись подписана:
 „Во дорожку ту ѣхать—богату быть,
 Во другую ѣхать—женату быть,
 А во третью ѣхать—убиту быть“.

Дивовался старый, головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Рूसи ни ѣживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!
 Ёхать развѣ во дорожку, гдѣ богату быть?
 Да на что мнѣ, старому, богатство?
 Нѣтъ у стараго семьи любимыя,
 Молодой жены, малыхъ дѣтушекъ,
 Да и нѣкому держать золотой казны,
 А и нѣкому держать платья цвѣтнаго.
 Ёхать развѣ во дорожку, гдѣ женату быть?
 Да на что мнѣ, старому, жениться?
 Мнѣ жениться—не нажитися,
 Молодую взять—чужа корысть,
 А старуху взять—на печи лежать,
 На печи лежать, киселѣмъ кормить.
 Ужъ поѣду-ка во дорожку, гдѣ убиту быть,
 Гдѣ убиту быть да замѣчену,
 Со душою тѣлу быть разлѣчену.
 Пожилъ добрый молодець на сѣмъ свѣтѣ,
 Походилъ, погулялъ во чистомъ полѣ,
 И застала его старость глубокая,
 Во чистомъ полѣ застала чернымъ ворономъ,
 Съла молодцу на буйну голову,
 А и прѣ смерти головушка шатается.
 Только смерть мнѣ на бою-то не написана!“

И поѣхаль онъ въ дорожку, гдѣ убиту быть.
 Какъ отъѣхаль старый за три поприща,
 Какъ заѣхаль старый во темны лѣса,
 Наѣзжаетъ на станицу станичниковъ.

А по-русски назвать такъ разбойниковъ,
 Не много, не мало—сорокъ тысячей.
 Увидали стараго разбойники,
 Кругомъ его, стараго, облѣвили.
 Хотятъ его, стараго, ограбити,
 Хотятъ его, стараго, съ коня стащить,
 Хотятъ добра мѣлодца убить-погубить,
 Тѣло бѣлое со душой разлучить.
 А старикъ на конѣ головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:
 „Ой вы гой еси, братцы станичники,
 Гой еси, подорожники-разбойники!
 Вамъ убить меня, стараго, нѣ за что,
 Да пограбить у стараго нѣчего:
 Не случилось у меня съ собой казны;
 Есть наличныхъ только три тысячи,
 Еще крестъ на груди въ цѣлу тысячу,
 Кунья шубонька во пятьсотъ рублей,
 Соболиная шапочка во три сотеньки,
 Да еще рукавички въ одну сотеньку.
 Коню доброму цѣны я не вѣдаю:
 На базаръ я его не вываживаль,
 И никто ему цѣнъ не окладываль;
 Только вотъ узда во пятьсотъ рублей,
 Да чаркаское сѣдельце во двѣ тысячи;
 Потому сѣдельце дорого,
 Что орлено перьемъ орлинымъ—
 Не того орла, чтò по морямъ леталь,
 А того орла, чтò по горамъ леталь!
 Какъ ударился орель о горѣчь камень,
 Обломаль себѣ перья орлиныя;
 Проѣзжали купцы изъ-за синя моря,
 Обирали перья орлиныя;
 Привозили старому во подарочекъ.
 А попона на конѣ семи шелковъ,
 Въ три строкѣ ли стрѣчена-тѣчена:
 Какъ одна-то строчка злата-серебра,
 А другая строчка чиста золота,
 Еще третья строчка желтой мѣди.
 А во гривушку вплѣтанъ скаченъ жемчугъ,

Межь ушами камѣнье понасажено,
 Драгоцѣнное камѣнье самоцвѣтное,
 Да не дль-ради красоты молодецкя,
 Дль-ради осеннихъ темныхъ ноченекъ:
 Ходить батюшка-бурушка во чистомъ полѣ,
 А отъ батюшки-бурушки лучи текутъ
 За три вѣрсты, какъ отъ свѣтла мѣсяца“.

Закричалъ тутъ атаманъ разбойничій,
 Кликнулъ кличъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:

„Какъ ужъ, старый чортъ, сѣдатый волкъ,
 Еще много сталь съ нами разговаривать!
 Гой, ребятушки, тати-станичники!
 Гой, вы, братцы мои, плуты-разбойники!
 Принимайтесь-ка за дѣло ратное,
 Да срубите-ка вы старому буйну голову!“

Говорить имъ старый Илья Муромцевъ:
 „А вы дайте-ка мнѣ, старому, управиться,
 Послѣ сами мнѣ будете кланяться“.

Вынималъ изъ налушна онъ тугой лукъ,
 Вынималъ изъ колчана калену стрѣлу,
 На тугомъ лукѣ тетивку натягивалъ:
 Каленую стрѣлу накладывалъ:

„Ой вы гой еси, добры мѡлодцы!
 Въ васъ стрѣлять ли, аль во сѣрой дубъ?“

Онъ стрѣляетъ не по станичкамамъ,
 Онъ стрѣляетъ во сыръ кряковистый дубъ;
 А и спѣла тетивка у туга лука,
 Угодила стрѣлка въ кряковистый дубъ,
 Изломала его въ черенья ножѣвье.
 Отъ того ли отъ грому богатырскаго
 Всѣ станичники съ коней попадали,
 Испужалися, врозь разбѣжалися,
 На ножи-было сами наметались:

„Гой еси ты, старъ матѣрь человѣкъ!
 Ты оставь-ка насъ хоть на сѣмена!
 Ты бери съ насъ всего, сколько надобно,
 Ты бери съ насъ золоту казну,
 Ты бери съ насъ платье цвѣтное,
 Ты бери и нашихъ добрыхъ коней!“

Усмѣхается старъ матѣрь человѣкъ:

„Кабы братъ вашу золоту казну,
 За мной рыли бы ямы глубокія;
 Кабы братъ мнѣ ваше платье цвѣтное,
 За мной были бы горы высокія;
 Кабы братъ мнѣ вашихъ добрыхъ коней,
 За мной гнали бы табуны великіе“.

Говорятъ ему станичники-разбойники:

„Одно красное солнце на бѣлѣмъ свѣтѣ,
 Одинъ сильный богатырь Илья Муромецъ!
 Ужъ поди-ка ты къ намъ во товарищи,
 Будешь намъ ты большимъ атаманушкой“.

„Ой вы, братцы, станичники-разбойники!
 Не пойду я къ вамъ во товарищи.
 Не охота мнѣ съ вами овецъ пасти.
 Расходитесь-ка вы по своимъ мѣстамъ,
 По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ,
 Къ отцамъ-матерямъ, къ молодымъ женамъ,
 Къ молодымъ женамъ, ко глупымъ дѣтушкамъ,
 Будетъ вамъ стоять при дороженькѣ,
 Проливати кровь христіанскую“.

Скоро старый назадъ тутъ ворочался,
 Приѣзжалъ ко горючему камешку,
 Подпись старую на немъ захѣриваль,
 Подпись новую на немъ подписываль,

„А и ложно была надпись подписана;
 Во дороженьку ѣздилъ — убитъ не бываль“.

Пораздумался старый, прогдворилъ:

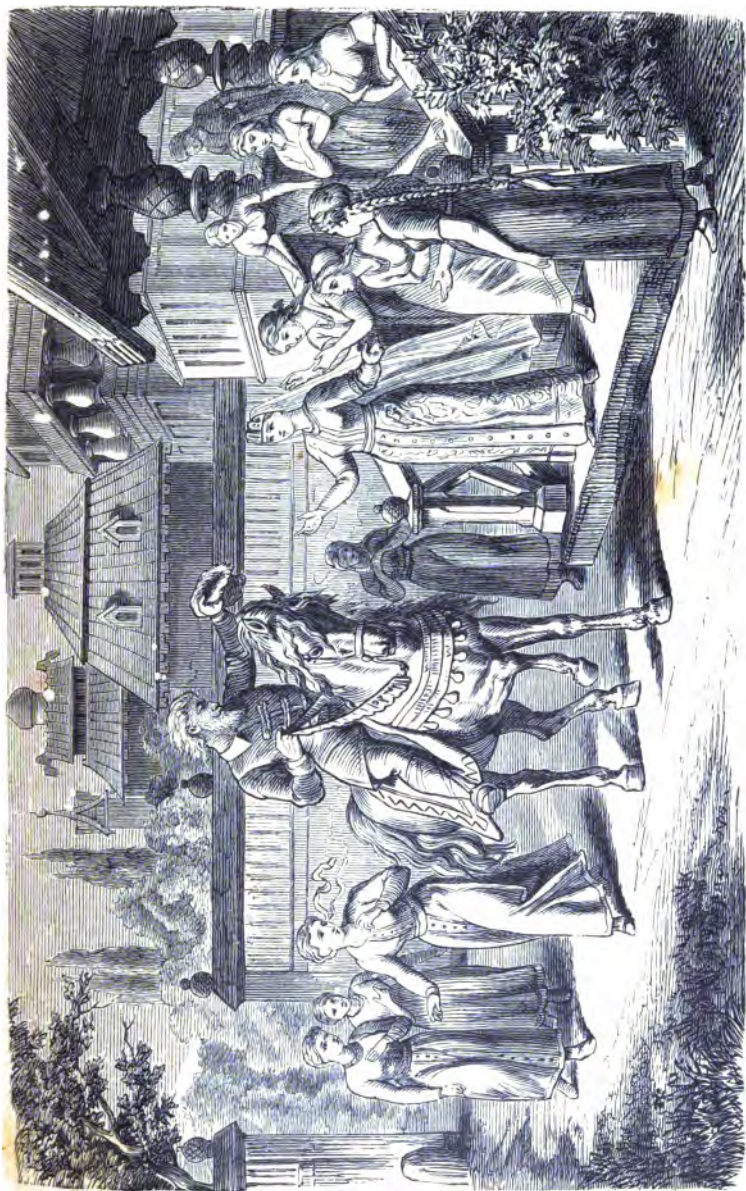
„А поѣду-ка теперъ, гдѣ женату быть“.

Какъ отѣхаль старый за три поприща,
 Наѣзжалъ теремъ златоверхіе.
 Выбѣгали двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ;
 Посреди ихъ королевна-душечка;
 На ней платье-то драгоцѣнное,
 Драгоцѣнное платье — самоцвѣтное —
 На полушечку мѣста рублемъ не купить.

Говоритъ королевна-душечка:

„Ты удаленькій, дородный храбрый молодець!
 Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высокъ теремъ,
 Напою-накормлю хлѣбомъ-солю“.

Какъ сходилъ тутъ старый со добра коня,

Говорить королевна-дущечка:
"Ты, удаленький, дородный храбрый молодецъ!

Ты пожалуй-ка ко мнѣ во выськъ терѣмъ,
Напою-накормлю хлѣбомъ-солью."

Оставлялъ коня неприкована,
 Неприкована да непривязана;
 А прекрасная королевна-душечка
 Брала стараго за ручки бѣлыя,
 Цѣловала во уста сахарныя,
 Проводила во высѣкъ терѣмъ,
 Садила за дубовый столъ,
 Стлала скатерти браныя, шелковныя,
 Приносила яствшки сахарныя,
 Приносила напитокчи медовыя,
 И поила-кормила добра мѣлодца,
 Добру мѣлодцу низко кланялася.
 Ъсть и пьетъ старикъ, прохлаждается,
 Весь ли дологъ день и до вечера.
 Вышелъ тутъ изъ-за стола дубоваго,
 Говорить самъ таковы слова:

„Ай ты, душечка красная дѣвушка!
 А и гдѣ у васъ ложни теплыя,
 Гдѣ у васъ кровати тесовыя,
 Гдѣ перины мягкія, пуховыя?
 Мнѣ на старость старику бы опочинуться“.

Привела его въ ложни теплыя,
 Ко кровати ко тесовой.
 У кровати старый головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!
 Знать, кроватка-то подложная“.

Какъ возьметъ королевну за бѣлыя ручки;
 Шибанетъ ко стѣнкѣ кирпичной,
 Отвернулась кроватка подложная,
 Увалилась королевна во глубокъ погрѣбъ.
 Говорить старикъ таковыя слова:

„Гой еси вы слуги безыменные!
 Покажите-ка мнѣ ходъ во глубокъ погрѣбъ“.

Показали ему ходъ во глубокъ погрѣбъ,
 Старику ключей не надобно:
 Онъ перстами замки отдѣргиваль,
 Онъ ногами двери вонъ вышйбываль,
 Выпущаль сорокъ царей-царевичей,

Съ ними сорокъ королей-королевичей,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Говорить самъ таковыя слова:

„Ай, глупыя же вы, цари-царевичи,
Ай, глупыя вы, короли-королевичи,
Ай, глупыя вы, могучіе богатыри!
Вы сдаетесь на прелесть на женскую.
Поѣзжайте-ка всё по своимъ землямъ,
По своимъ землямъ да по своимъ ордамъ,
Ко своимъ женамъ, ко малымъ дѣтушкамъ“.

Какъ тутъ всё они съединилися,
Старику до земли поклонилися:

„А спасибо жъ тебѣ, старъ матѣрь человекъ,
Что насъ выпустилъ съ неволи великія“.

Вышла тутъ и королевна-душечка,
До земли тоже била челомъ ему:

„Ахъ ты, кумъ мой любезный, Илья Муромецъ!
Не узналъ ты меня, видно, Латѣгорки?“
Говорить въ отвѣтъ Илья Муромецъ:

„Ай ты, лютая баба-Латѣгорка!

А почто же ты кума любезнаго
Безъ вины хотѣла схоронить живёмъ?“

„А почто же ты самъ, мой любезный кумъ,
Смерти предалъ младаго Сокольникча,
Мое чадочко милое единое?“

„А почто же онъ, младъ Сокольникчѣкъ,
Нападалъ на крестнаго батюшку,
Нападалъ на соннаго, безоружнаго?
Знать, 'отъ вашего роду отъ проклятаго
Не видать покою людямъ, доколь
Не останется одинъ лишь пепель съ васъ!“
Бралъ тутъ старый ее за бѣлыя ручки,
Выводилъ ее старый на широкій дворъ,
Привязалъ къ тремъ жеребчикамъ неѣзжанымъ—
Куда руки, куда ноги раздѣрнули,
Растащили ее по чисту полю.
Роздалъ тутъ все имѣнье-богачество
Добрымъ млодцамъ, могучимъ богатырямъ,
Терема златоверхіе огню предалъ,
Самъ ко камешку поворотъ держалъ,

Подпись старую на немъ захѣриваль,
 Подпись новую на немъ подписываль:
 „А и ложно была подпись подписана:
 Во дороженьку ѣздиль—убить не былъ,
 Во другую ѣздиль—женать не бываль“.

Пораздумался старый, прогдворилъ:

„Ужь поѣду-ка теперь, гдѣ богату быть“.

Какъ отѣхаль старый за три поприща,
 Наѣзжаетъ на превеликъ камень,
 Превеликъ камень въ тридевяносто пудъ,
 А на камнѣ подпись подписана:
 „Кому камень подѣ силу вывалить,
 Да подѣ камнемъ плиту чугунную,
 Тотъ найдетъ подѣ плитой глубокъ погрѣбъ,
 А во погрѣбѣ—богачество несмѣтное“.

Какъ у камня старый головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!

Опускался старый со добра коня,
 Подпадалъ подѣ камень могучимъ плечомъ,
 За три поприща камень выкатываль,
 Да плиту чугунную выпинываль—
 Отворился ему глубокъ погрѣбъ,
 А насыпанъ погрѣбъ злата-сѣребра,
 А насыпанъ весь да скатна жемчугу,
 Браль тутъ старый мису чиста сѣребра,
 Браль другую красна золота,
 Браль и третью скатна жемчугу,
 На коня садился, поворотъ держаль,
 Приѣзжалъ во славный во Кіевъ градъ
 И воздвигнулъ три церкви соборныя:
 Перву церковь—Спасу Пречистому,
 Другу церковь—Николѣ Можайскому,
 Третью церковь—Георгію Храброму,
 Заводилъ тутъ пѣнье церковное,
 Устанавливалъ звоны колокольные:
 „Чье имѣнье, за того, пускай, идетъ!“
 Остальное злато-сѣребро, скачѣнъ жемчугъ
 Раздавалъ по нищей по братіи,

Раздавалъ по сиротамъ безпріютнымъ;
 Самъ къ горячему камешку ворочался,
 Подпись старую на немъ захѣривалъ,
 Подпись новую на немъ подписывалъ:
 „А и ложно была подпись подписана:
 Во дороженьку ѣздить—убить не бывалъ,
 Во другую ѣздить—женать не бывалъ,
 И во третью ѣздить—богатъ не бывалъ“. (85)

Тутъ-то старому во вѣкъ слава-честь пошла.
 А и наша старина-то до конца дошла.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ перевелись богатыри на святой Руси. (86)

Какъ на славной было, братцы, на Сафать-рѣкѣ, (87)
Не здорово, братцы, учинилося,
Помутилась славная Сафать-рѣка,
Помѣшался славный богатырскій кругъ:
Что не стало бѣльшаго богатыря,
Старого удала Ильи Муромца!
Ужъ вы, братцы, вы, товарищи!
Убирайте-ка вы лёгки струженьки
Дорогимъ суконцемъ багрецовымъ,
Увивайте-ка весельчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ,
Увивайте-ка укрюченьки
Цареградскимъ крупнымъ жемчугомъ:
Чтобы по ночамъ онѣ не бѣркали,
Чтобъ не подавали ясака
Ко тѣмъ злымъ людемъ—татаровьямъ.

* *
*

На закатъ было красна солнышка,
Выѣзжали на Сафать-рѣку
Семь удалыхъ русскіихъ богатырей,
Семь могучихъ братьицевъ названыхъ:
Выѣзжалъ Горденко Блудовичъ,
Выѣзжалъ Василій Казиміровичъ,

Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ, ⁽⁸⁸⁾
 Выѣзжалъ Самсонъ Самойловичъ, ⁽⁸⁹⁾
 Выѣзжалъ Алешенька Поповичъ младъ,
 Выѣзжалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Выѣзжалъ и матерой Илья,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.

Пораскинулось предъ ними поле чистое,
 А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
 Старый дубъ стоитъ, кряковистый,
 У того ли дуба три дороги сходятся:
 Ужъ какъ первая дорога къ Нову-городу,
 А вторая-то дорога къ стольну Кіеву,
 А что третія дорога ко синю морю,
 Ко синю морю далѣкому;
 Та ли третія дорога прямоѣзжая,
 Прямоѣзжая дорога, прямопутная—
 Залегла дорога ровно тридцать лѣтъ,
 Ровно тридцать лѣтъ и трѣ года.
 Становились на распути богатыри,
 Разбивали свой бѣлой шатеръ,
 Отпускали коней погулять въ чистомъ полѣ:
 Ходятъ кони по шелковой муравѣ-травѣ,
 Да пощипываютъ зелену траву,
 Да побрякиваютъ золотой уздой;
 А въ бѣломъ шатрѣ богатыри
 Долгу ночку сномъ корѣтають.

На восходѣ было красна солнышка,
 Возставалъ всѣхъ раньше Илья Муромецъ,
 Выходилъ да на Сафать-рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,
 Помолился чудну образу;
 Видитъ тутъ: черезъ Сафать-рѣку
 Переходитъ силушка невѣрная!
 Добру мѣлодцу той силы не объѣхати,
 Сѣру волку не обрыскати,
 Черну ворону не облетѣть.
 И кричитъ Ильюша зычнымъ голосомъ:
 „Ой, ужъ гдѣ же вы, могучіе богатыри,
 Вы, удалы братица названы!“

Какъ сбѣгалися на зовъ его богатыри,
 Какъ садились на добрыхъ коней,
 Какъ бросалися на силушку невѣрную,
 Стали силушку колоть-рубить,
 Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
 Сколько топчуть кѣни добрые:
 Бились съ силой ровнѣ три часа,
 Изрубили силу до одинаго.

Стали мѣлодцы тутъ похвалятися:

„Какъ у насъ, могучихъ богатырей,
 Плечи молодецкія не намахалися,
 Кони добрые не уходилися,
 И мечи булатные не притупилися!“

И воздѣворить Алешенька Поповичъ младъ: (90)

„Подавай намъ силу хоть небесную:
 Мы и съ тою силой, братцы, справимся!“

Только молвилъ слово неразумное,
 Появились двое супротивниковъ,
 Крикнули имъ громкимъ голосомъ:

„А давайте-ка вы съ нами бой держать!
 Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро“.

Не узнали супротивниковъ богатыри,
 Разгорѣлся на слова ихъ младъ Алешенька,
 Разгонялъ коня ретиваго,
 Налетѣлъ на супротивниковъ,
 Разрубаеъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало четверо—и живы всѣ.

Налетѣлъ на нихъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Разрубаеъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало восьмеро—и живы всѣ.

Налетаеъ старый Илья Муромецъ,
 Разрубаеъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.

Бросились на силу всѣ богатыри,
 Стали силушку колоть-рубить—
 А та сила все растеъ-растеъ,
 На богатырей боёмъ идеть.

Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
 Сколько топчуть кѣни добрые—
 А та сила все растеъ-растеъ,

На богатырей боёмъ идетъ.
 Билися три дня и три часа,
 Намахались ихъ плечи молодецкія,
 Уходилися ихъ кони добрые,
 Притупились ихъ мечи булатные—
 А та сила все растеть-растетъ,
 На богатырей боёмъ идетъ.
 Испугались могучіе богатыри,
 Побѣжали къ каменнымъ горамъ,
 Ко пещерушкамъ ко тѣмнымъ;
 Первый только побѣжалъ къ горѣ,
 Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
 Другой только побѣжалъ къ горѣ,
 Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
 Третій только побѣжалъ къ горѣ,
 Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ.
 Съ тѣхъ-то поръ могучіе богатыри
 И перевелися на святой Руси!

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Молодость Василя Буслава. ⁽⁹¹⁾

Какъ во славномъ, во Великомъ Новѣ-городѣ
Жилъ Буслай да девяносто лѣтъ,
Девяносто лѣтъ да зуба въ рту нѣтъ.
Со Опсковомъ онъ не вздориваль,
Съ Новымъ-городомъ не спариваль,
Съ мужиками со новгородскими ⁽⁹²⁾
Поперекъ словечка не говариваль: ⁽⁹³⁾
Живучй Буслай состарился,
А состарившись преставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставалоя его житьѣ-бытьѣ,
Все имѣніе-богачество,
Оставалась матерà вдова,
Матерà Мамельфа Тимоѣевна,
Оставалось чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молодой Василю сынъ Буслаевичъ.
Будеть Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матерà вдова Мамельфа Тимоѣевна,
Обучать его во грамотѣ—
Грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила Васиньку перомъ писать—

И письмо ему въ наукъ пошло;
Отдавала пѣнію учить церковному—
Пѣніе ему въ наукъ пошло.

А и нѣтъ такихъ пѣвцовъ у насъ
Въ цѣломъ славномъ Новѣ-городѣ,
Супротивъ Василя Буслаева!

Какъ пошелъ тутъ Васинька по городу,
Сталъ по улочкамъ съ ребятами побалывать,
Шуточки нелегкія пошучивать:

За руку ли дѣрнетъ—ручку выдернетъ;
За ногу ли хватить—ножку выломить,
Въ голову ударить—голова съ плеча.

Приходили мужики новгородскіе
Къ матерѣй вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
Приносили жалобу великую
На того Василя на Буслаева:

„Ай, честна вдова Мамельфа Тимоѣевна
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молода Васильюшку Буслаева:
Съ нашими со малыми ребятками
Шуточки онъ шутить не хорошія,
Побиваетъ смертію напрасною;
Не наполнить будетъ намъ ребятушекъ.
Не уймешь Васильюшки Буслаева—
Будемъ унимать всѣмъ Новымъ-городомъ,
Сгонимъ Ваську внизъ подъ Волхово,
Сбросимъ Ваську прямо въ Волхово“.

Дождалася чада милаго
Матеря вдова Мамельфа Тимоѣевна,
Стала мѣлодца журить-бранить,
Не журить-бранить—на умъ учить:

„Чадо ты мое, дитя любимое,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
А и что же ты по городу уродствуешь?
Жиль Буслай да девяносто лѣтъ,
А ни съ кѣмъ до смерти не перечился,
Въ твои годы не имѣлъ и ста рублей,
А имѣлъ дружину, добрую, хоробрую;
У тебя же нѣтъ ни братій, ни дружинушки:
Долго ли обидѣтъ добра мѣлодца?“

Прйбраль бы себѣ дружинушку—
Было бы съ кѣмъ попротивиться“.

За тѣ рѣчи Васька принимается:

„Я тебя-де, матушка, послушаю“.

Самъ садился на ременчатъ стуль,
Ярлыки писалъ да скорописчаты:

„Кому хочется до-сыта ѣсть и пить,
Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
На широкой дворъ да на почѣстенъ пиръ“.

Ярлыки привязывалъ ко стрѣлочкамъ,
Стрѣлочки стрѣлялъ по Нову-городу,
Самъ наваривалъ да пива пьянаго,
Самъ накуривалъ да зеленѣ вина.
Разставлялъ чаны середь двора,
Опускалъ въ нихъ чару—полтора ведра,
Чарочкѣ да приговаривалъ:

„Кто подниметъ чару единой рукой,
Выпьетъ чару на единый духъ,
Будетъ тотъ Василью милый другъ,
Будетъ милый другъ, названный братъ.“

Какъ пошли тутъ люди грамотны
Со той церкви со соборныя,
Стали стрѣлочки нахаживать,
Ярлыки на стрѣлочкахъ прочитывать:

„Жалуеуть-зовеуть Василій на почѣстенъ пиръ“.

Собиралися увалами,
Что увалами да перевалами,
Всѣ идутъ и старые и малые,
Всѣ валять къ Василью на широкой дворъ.

Увидалъ Василій изъ окна ребятъ,
Говоритъ себѣ да таковы слова:

„Не наполнить будетъ пива пьянаго,
Не насытитъ зеленѣ вина“.

Бралъ червлённый вязъ въ двѣнадцать пудъ,
Соходилъ къ ребятамъ со красна крыльца,
Говорилъ ребятамъ таковы слова:

„Кто подниметъ чару единой рукой,
Выпьетъ чару на единый духъ,
Да истерпитъ мой червлённый вязъ,
Мой червлённый вязъ во буйну голову,—
Тотъ поклонъ поставитъ да и въ домъ взойдетъ,

Будеть милый другъ мнѣ и названый братъ“.

Какъ тутъ бѣльшій тѣлится за средняго,
Средній тѣлится за меньшаго,
А отъ меньшаго-то и отвѣта нѣтъ;
Вонъ идутъ и старые и малые,
Сами говорятъ промежь себя:

„Не упито будетъ, не уѣдено,
А на вѣкъ увѣчы нажито“.

Какъ бѣжить навстрѣчу Костя Новотѣржанинъ,
Опрошаетъ на бѣгу ребятъ:

„Были ли у Васьки на честномъ пиру?
Каково у Васьки ѹпили,
Каково у Васьки ѹѣли?“

„Мы не ѹпили, ни ѹѣли,
Мы на вѣкъ увѣчы нажили.

Самъ куда бѣжишь, куда спѣшишь?“

Не даетъ отвѣта Костя Новотѣржанинъ,
Онъ одно бѣжить, одно спѣшить:
Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкій дворъ,
Размахнулъ на чанѣ зеленѣ вино,
Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
Воздымаетъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Поскорѣхонько и во второй-то разъ,
Воздымаетъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Поскорѣхонько и въ третій разъ...

Только поднялъ чару зеленѣ вина—
Подскочилъ къ нему Василій, сталь опробовать,
Билъ червлѣнымъ вязомъ въ буйну голову:
Устоялъ дѣтина—не ворѣхнется,
Синь кафтанъ на плѣчахъ не колѣхнется,
Жѣлты кудри на головушкѣ не трѣхнутся,
Полна чарочка въ рукахъ не всплещется:

„Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,
Окатилъ мнѣ ретивѣ сердце,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову—
Ужъ ты дашь ли мнѣ опохмѣлится?“

Бралъ его Василій за бѣлыя руки,
Цѣловалъ въ уста сахарныя,
Проводилъ во гѣрницу столовую:

„Будь же ты мнѣ, Костя, милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названный братъ“:
 И садилъ его онъ за дубовый столъ,
 За дубовый столъ да во большой уголь,
 И кормиль-поиль его онъ до-сыта.

Въ тѣ поры было, въ то времячко,
 Увидали мужики новгородскіе,
 Что бѣжить навстрѣчу имъ Потаня Хроменькій,
 Говорятъ Потанѣ таковы слова:

„Не ходи, Потаня, на почѣстенъ пиръ!“

Не даетъ отвѣта имъ Потанюшка,
 Онъ одно бѣжить, одно спѣшить:
 Правой ножкой-то припадываетъ,
 Лѣвой ножкой-то прихрамываетъ,
 Изъ-подъ рученьки присматриваетъ,
 Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкій дворъ,
 Размахнулъ на чанѣ зеленѣ вино,
 Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
 Воздымаетъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ чару на единый духъ;
 Поскорѣхонько и во второй-то разъ,
 Воздымаетъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ чару на единый духъ;
 Поскорѣхонько и въ третій разъ...
 Подскочилъ къ нему Василій, сталъ опробовать,
 Билъ червлѣннымъ вязомъ по хромымъ ногамъ:
 Устоялъ дѣтина—не ворѣхнется,
 Синь кафтанъ на плечахъ не колѣхнется,
 Жѣлты кудри на головушкѣ не трѣхнутся,
 Полна чарочка въ рукахъ не всплещется,
 Говоритъ дѣтина Васинькѣ Буслаеву:

„Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,
 Взвеселилъ мнѣ буйну голову—
 Дай-ка ты мнѣ хоть опохмѣлитися!“

Бралъ его Василій за праву руку,
 Цѣловалъ въ уста сахарныя,
 Проводилъ во горницу столовую:

„Будь же ты, Потанюшка, мнѣ милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названный братъ!“

Посадилъ его онъ за дубовый столъ,

Учалъ его подчивать да чествовать.

Мало время позамѣшкавши,
 Прибѣгалъ на дворъ Ома горбатенькій, (94)
 Размахнулъ на чанъ зеленѣ вино,
 Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
 Воздымаетъ чару единойъ рукой,
 Выпиваетъ чару на единый духъ.
 Не сошелъ ужъ Васька со красна крыльца,
 Бить не сталъ червлѣнымъ вязомъ Омушку,
 Прямо звалъ во горенку столовую:

„Будь ты, Омушка, мнѣ милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названый братъ!“
 И прибралъ себѣ онъ тридцать мѣлодцевъ,
 Тридцать мѣлодцевъ да безъ единого,
 Надо всѣми самъ тридцатымъ сталъ,
 Заводилъ на всѣхъ почѣстенъ пиръ,
 Говорилъ имъ таковыя слова:

„Гой, моя дружина добрая, хорѣбная!
 Въ Новѣ-городѣ бояться намъ ужъ нѣкого!“
 И пошелъ тутъ слухъ по Нову-городу,
 Что прибралъ себѣ Василій тридцать братьицевъ,
 Тридцать мѣлодцевъ да безъ единого,
 Что живутъ они съ нимъ всѣ безъ выходу,
 Пьютъ-ѣдятъ съ нимъ съ одного стола,
 Цвѣтно платьѣ носятъ съ одного плеча.
 Вволновались мужики новгородскіе,
 Собирались въ терема тайницкіе,
 Соходились во большой совѣтъ,
 Стали думать думу крѣпкую.
 Какъ возстанетъ съ мѣста чуденъ старецъ тутъ,
 Какъ выходитъ на средину горницы,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Самъ поглаживаетъ сѣду бороду,
 Ударяетъ трижды объ полъ посохомъ,
 Начинаетъ слово мудрое:

„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
 Вѣдомо вамъ неудало дѣтище,
 Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ:
 Отъ его нелегкихъ шуточекъ
 Нашъ Великій-Новгородъ уже порѣже сталъ.

А теперь прибралъ себѣ онъ тридцать братицевъ,
 Тридцать мѳлодцевъ да безъ единаго;
 Не задумалъ бы онъ зло на нашу голову,
 Не замыслилъ бы прибрать подъ руки крѣпкія?
 Гой вы, мужики новгородскіе!
 Созовите, братцы, пирь на цѣлый мѣръ;
 Хоть не станемъ звать Василія—
 Не утерпите, самъ на пирь придетъ.
 Поднесемъ ему тогда братину зеленѣ вина:
 Коль не будетъ пить—инѣ мыслить зло на насъ;
 Будетъ пить—такъ во хмелю промолвится“.

Поднимались всѣ тутъ съ мѣстъ своихъ,
 Поклонялись старцу всѣ до поясу,
 Говорили во едину рѣчь:

„Какъ придумалъ чуденъ старецъ, такъ и быть тому“.

На зарѣ было на утренней,
 На восходѣ красна солнышка,
 Подымались мужики новгородскіе,
 Насбирали хлѣба да двѣнадцать мѣръ,
 Накурили зеленѣ вина,
 Наварили пива пьянаго;
 Становили тутъ столы дубовые,
 Разстилали скатерти да бранья,
 Разставляли явства да сахарныя,
 Приносили вѣдра зеленѣ вина,
 Зеленѣ вина да пива пьянаго,
 Созывали на почѣстенъ пирь весь Новгородъ,
 Одного Василія не пѳзвали.

Какъ прослышалъ тутъ Васильюшка
 Про канунъ варѣнъ, про пива ячныя
 У тѣхъ мужиковъ новгородскихъ,—
 Самъ пошелъ на пирь съ дружиною,
 Проходилъ во мѣсто бѳльшее,
 Пораздвинулъ мужиковъ новгородскихъ,
 И садился во большѳй уголъ
 Со своей дружиною хорѳброю.

Говорять тутъ мужики новгородскіе:

„Званому-то гостю хлѣбъ да соль,
 А незваному и мѣста нѣтъ“.

Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:

„Званому-то много мѣста надобно,
Много мѣста и большая честь,
А незваному—какъ Богъ пришлетъ“.

И пустились мужики на хитрости:
Наливаютъ во братины зеленà вина,
Приговариваютъ сами, усмѣхаючись:

„Кто дружить Велику Нову-городу—
Пей свою братину дѡ-суха“.

Возстаетъ Василій, поклоняется,
Принимаетъ онъ братину во бѣлы ручки,
Выпиваетъ единѣмъ духомъ,
Единѣмъ духомъ да дѡ-суха.

Заиграла въ немъ хмѣлинушка,
Закипѣла кровь да молодецкая,
И возгворилъ Василій таковы рѣчи:

„Глухие вы, неразумные,

Мужики новгородскіе!

Быть за мной вѣдь, за Васильемъ, Нову-городу,

Братъ мнѣ даточныя пошрины со всей земли,

Съ лову заячья и гоголинаго,

Братъ съ гостей заѣзжихъ мытныя,

А вамъ, мужикамъ, лежать у ногъ моихъ!“

Нелюбы такія рѣчи показались

Мужикамъ новгородскимъ,

Закричали во единѡ слово:

„Младъ еще ты, неудало дѣтище!

Не бывать же за тобою Нову-городу,

Да не честь тебѣ теперъ и жить у насъ,

А и нѣтъ здѣсь про тебя земли.

На утро иди изъ Нова-города;

Не пойдешь—инъ выгонимъ не съ честію,

Потеряешь буйну голову!“

Отъ такого слова пуще прежняго

Разгоралось сердце молодецкое,

Распалылась буйная головушка:

„Гой еси вы, мужики новгородскіе!

Бьюсь я съ вами о великъ закладъ:

Напускаюсь биться-драться на весь Новгородъ

Со своей дружиною хорѡброю:

Коль меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ—

Я плачѹ вамъ дани-выходы по смерть свою;
 Буде же я васъ побью и вы мнѣ покоритесь—
 Вамъ платить мнѣ дани дѣ-вѣку“.

Сдѣлали они тутъ работъице,
 Работъице великое,
 Написали записи поручныя:
 За утро идти на Волховъ мость,
 Соходиться на побоище на смертное,
 Приходилъ Василій къ рѣдной матушкѣ,
 Къ матерѣ вдовѣ Мамельфѣ Тимоеевнѣ,
 Сталь разсказывать ей, похвалятися:

„Какъ ударился я не о малъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ и не тысячѣ,
 О своей ударился о буйной гѣловѣ:
 За утро мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ“.

Матерѣ вдова Мамельфа Тимоеевна
 Какъ услышала—заплакала,
 Ухватила сына за бѣлыя руки,
 Отводила въ погреба глубокіе,
 Чтобы хмѣль ему-де выпати,¹
 Затворяла самого дверьми желѣзными,
 Позащѣлкнула замками крѣпкими,
 Позадвинула рогатками булатными.
 Спать Василій—не прохватится,
 Не прохватится и не пробудится.

За утро братаны: Костя Новоторжанинъ
 Со Потаней Хроменькимъ, Ѳомой Горбатенькимъ
 Ото сна встають ранѣшенько,
 Умываются бѣлѣшенько,
 На востокъ братаны Богу молятся,
 Биться со всѣмъ Новымъ-городомъ сряжаются.

Какъ не полы воды вешнія
 По лугамъ тутъ разливаются—
 Какъ идетъ-валить по улицѣ Рогатицѣ
 Сила та новгородская;
 Какъ не бѣлы гуси-лебеди
 Съ Ильмень-озера да поднимаются—
 Какъ собирается на Волховъ мость
 Супротивъ Василья цѣлый Новгородъ.
 Не спросясь Василья, не дождавшися,

Бросились братаны въ страшный смертный бой.
 Часть ужъ бьются съ Новымъ городомъ—
 Не подходитъ къ нимъ Василій сынъ Буслаевичъ;
 И другой-то бьются съ Новымъ-городомъ—
 Не видать Василя Буслаева;
 Третій бьются съ Новымъ-городомъ—
 А Василя все въ явѣ нѣтъ ⁽⁹⁵⁾.

И попятили дружинишку Васильеву
 Мужики новгородскіе,
 Сами говорятъ да таковыя слова:

„Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?
 Измѣнилъ онъ вамъ, своей дружинишкѣ,
 Продалъ за дешево васъ, своихъ товарищей.
 Три часа вы бьетесь за Василя,
 Всѣ головки-то у васъ шалыгами прощѣлканы,
 Руки всѣ платками перевязаны,
 Ноги кушаками переверчены,
 А его, Василя, и въ явѣ нѣтъ.
 Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?“

А была у матушки Васильевой,
 У честной вдовы Мамельфы Тимоеевны,
 Дѣвушка малѣшенька-чернѣшенька,
 Вѣрная служаночка черनावушка,
 Шла она на рѣчку Волховъ по воду,
 Шла съ ведѣрками дубовыми,
 Съ коромысельцемъ кленовымъ;
 Увидала то побоище кровавое,
 Увидала — слезно всплакала.

А и взмолятся къ ней добрыя молодцы:

„Гой еси ты, дѣвушка-черनावушка?
 Ты не выдай насъ у дѣла ратнаго,
 У того у часу смертнаго:
 Позови Василя къ намъ на выручку“.

Побѣжала дѣвушка-черनावушка,
 Побѣжала скоро-на-скоро,
 Растеряла и ведѣрки-то дубовыя,
 Побросала коромысельце кленовое, ⁽⁹⁶⁾
 Прибѣжала къ погребамъ глубокимъ,
 Индо дѣвка запыхалася,
 Закричала во всю голову:

„Спишь ли ты, Василій, или такъ лежишь?
Знать, не слышишь шума-грома въ Новѣ-городѣ?
У твоей дружины у хоробрѣя
Всѣ головки ужъ шалыгами прощёлканы,
Руки всѣ платками перевязаны,
Ноги кушаками переверчены:
Одолѣли мужики новгородскіе“.

Ото сна Василій пробуждается,
Чоботы надёрнулъ на босѹ ногу,
Шубу ли накиннулъ на одно плечо,
А колпакъ надвинулъ на одно ухо;
Поналѣгъ на ободверины укладныя—
Съ одного удара двери высадилъ,
Разметалъ рогатины булатныя,
Выскочилъ самъ на широкій дворъ.
Не попалась Васькѣ палица желѣзная,
Что попалась ему ось телѣжная;
Побѣжалъ съ осищемъ онъ по Нову-городу,
По тѣмъ улицамъ широкимъ:

„Гой, моя дружинишка хоробрѣя!
Продаль-то не я васъ, добрый мѣлодецъ,
Продала васъ моя матушка родимая.
Вы садитесь-ка теперь на лавочку,
Я за всѣхъ васъ, братцы, поработаю.
Поразстроньтесъ только, пораздвиньтеся,
Чтобы васъ мнѣ не убить замѣсто ново-горожанъ“.

Заходило тутъ осище да телѣжное
По той силѣ по новгородскойей:
Гдѣ махнетъ—тамъ будетъ улочка,
Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ;
Положило мужиковъ увалами,
Положило перевалами,
Понабило, что погодою.
Видятъ мужики тутъ, что бѣда пришла,
Что бѣда пришла имъ неминучая,—
Побѣжали скоро-на-скоро
Въ монастырь тотъ во Кириловскій,
Насыпали чашу красна золота,
Насыпали и другую чиста сѣребра,
Насыпали третью скатна жемчугу,

Подносили старчищу Ондронищу, (87)
Тому крестному отцу Васильеву:

„Гой еси ты, старчище Ондронище!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молода Василия Буслаева,
Ты оставь насъ хоть на сѣмена“.

Какъ тутъ старчище Ондронище
Навалилъ на плечи на могучія
Монастырскій мѣдннй колоколь,
Не величикъ колоколь—во девяносто пудъ,
Да идетъ на рѣчку Волховъ, на тотъ Волховъ мость,
Колокольнымъ языкомъ самъ подпирается,
Инь калиновъ мость да подгибается.
Поровнялся съ сыномъ крестнымъ.
Съ молодымъ Василиемъ Буслаевымъ!
Окликаеть громкимъ голосомъ:

„Стой-постой, мой милый крестничекъ,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
Смолода, глуздырь ты, не запархивай,
Малолѣтнее дитя ты, не заскакивай,
Прямоѣзжей дорожки не заваливай.
Съ Волхова воды тебѣ не выпити,
Въ Ново-городѣ людей не выбити;
Будутъ мѣлодцы и супротивъ тебя,
Да стоимъ мы, мѣлодцы, не хвастаемъ“ (88)

Говорилъ въ отвѣтъ Васильюшка Буслаевичъ:

„Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай ты, старчище Ондронище!
Знать, несеть тебя лиха судьба твоя
На меня, на мила крестничка.
Вѣдь у насъ-то дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся.
Не даль я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,
Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ!“ (89)
Какъ ударить тутъ Василій въ колоколь
Тѣмъ осищемъ да телѣжнымъ—
Загудѣла красна мѣдь, потрескалась,
А могучій старчище Ондронище
Присядаетъ ко сырой землѣ,

— Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай ты старичье Ондрониче!

Знать, несеть тебя лиха судьба твоя
На меня, на мила крестничка.

Не подасть уже и голоса.

Заглянулъ Василій внизъ подь колоколь,
А у стараго во лбу и глазъ ужъ вѣку нѣтъ. (109)

Какъ завидѣли Василья добры мѡлодцы,
Та его дружинушка хорѡбрая,
У соколикѡвъ у ясныхъ крылья ѡтросли,
У молодчиковъ у добрыхъ думы прибыло.
А и сталъ ихъ выручать Васильюшка,
Сталъ справляться съ силою по своему,
Гонить силу во чисто поле,
Пригоняетъ силу ко быстрой рѣкѣ,
Не даетъ ей развернутися.

Приуныли мужики новгородскіе,
Буйны головы повѣсили.
Посылаютъ посланцевъ во Новгородъ,
Ко той матушкѣ Васильевой,
Къ матерѡй вдовѣ Мамельфѣ Тимошеевнѣ,
Со подарками великими:

„Государыня, Васильева ты матушка,
Матерѡ вдова Мамельфа Тимошеевна!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною,
Ты оставь насъ хоть на сѣмена,
А и рады мы платить тебѣ
Всякій годъ да по три тысячи,
А и будемъ мы носить тебѣ
Всякій годъ со хлѣбника по хлѣбику,
Со колачника да по калачику,
Съ молодицы повѣнечное,
Со дѣвицы повалешное,
Да со всѣхъ людей ремесленныхъ,
Опричь лишь поповъ и дьяконовъ.“

Покидалася старушка, пометалася —
Анъ нельзя пройти по улицѣ:
Полтеи по улицѣ валяются
Мужиковъ новгородскихъхъ.
Прибѣжала старая къ Василю,
Наскочила сзади на Василя,
Пала мѡлодцу на могучй плечи.

„Гой еси ты, мое чадо милое,

Молодой Васильюшка Буслаевич!
 Уходи-тко свои плечушки могучія,
 Украти сердечушко ретивое,
 И оставь народу хоть на сѣмена.“

Опускалъ Василій руки ко сырѣй землѣ,
 Выпадала ось телѣжная изъ бѣлыхъ рукъ,
 Говорилъ Василій таковыя слова:

„Ай ты, свѣтъ мой, государыня да матушка!
 Хорошо ты, матушка, удумала,
 Что скочила на плечи сзадѣ меня.
 Второпяхъ-то да въ озорности,
 Не спустилъ бы и тебѣ я, рѣдной матушкѣ,
 И тебя убилъ бы нѣ за что,
 Вмѣсто мужика новгородскаго.

А теперъ тебя послушаю:
 Слушать рѣдную самъ Богъ велить.“

Взялъ ее онъ тутъ за ручки бѣлыя
 И повелъ домой, въ свои палаты бѣлокаменны.

Такъ-то йзбыли отъ смерти отъ напрасныя
 Мужики новгородскіе;
 Сами со Васильемъ помирился,
 Помирился и покорилися.

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Смерть Василя Буслаева.

Какъ подь славнымъ, подь Великимъ новымъ-городомъ,
Да по славному по озеру по Ильмену,
Плаваеть-поплаваеть сѣрь селезѣнь,
Какъ бы ярый гоголь да понѣриваеть—
Плаваеть-поплаваеть червлѣнь корабль
Молода Василя Буслаева,
Молода Василья со дружиною,
Со дружиною его хорѣбрю,
Тридцать да удалыхъ мѣлодцевъ. (101)
Костя Новотѣржанинъ корму держить,
Маленькій Потаня на носу стоить,
Рядомъ съ нимъ Ѡма благоуродливый;
Самъ Васильюшка по кораблю похаживаеть,
Таковѣ слова да поговѣриваеть:
„Свѣтъ, моя дружинушка хорѣбрая,
Тридцать добрыхъ мѣлодцевъ да безъ единого!
Старѣте-ка корабликъ поперѣкъ Ильменѣ,
Приставайте, мѣлодцы, ко Нову-городу.“
А и къ берегу тычкѣми притыкались,
Пометали сходни на крутой бережокъ;
Приходиль Василій къ своему двору,
А за нимъ идетъ дружинушка хорѣбрая;

Только караульщикова оставили.

Приходилъ Василій къ своему двору,
Къ государынѣ своей ко матушкѣ,
Къ матерой вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
Вьюномъ около старушки увивается,
Просить дать родительско благословеніе:

„Свѣтъ, моя ты государыня да матушка,
Матера вдова Мамельфа Тимоѣевна!
Дай ты мнѣ родительское благословеніе:
Молодецко сердце пожадѣлося,
Пожадѣлось сердце, разгорѣлося,
Даль себѣ я заповѣдь великую
Съѣздить со дружиною хоробрю
На ту матушку Ердань-рѣку,
Ко тому ко граду Ерусалиму,
Той святой святинѣ помолитися,
Ко Господню гробу приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ да искупатися,
На Фаворь-горѣ (102) да осушитися:
Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
Прибилъ много мужиковъ новгородскихъ!“

Отвѣчаетъ матера вдова,
Матера вдова Мамельфа Тимоѣевна:

„Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ!
Коли ты пойдешь на дѣло доброе—
Дамъ тебѣ родительско благословеніе;
Коли же, дитя, ты на разбой пойдешь—
Нѣтъ тебѣ благословенія,

А и не носи Василія сыра земля!“

Камень отъ огня да разгорается,
И булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распушается;
И даетъ она Василью въ дальній путь
Много-множество запасовъ хлѣбныхъ,
И даетъ оружье долгомѣрное:

„Береги-де буйну голову свою!“
Скоро молодцы собираются,
Съ матерой вдовой прощаются;
Оснастили свой червлѣнъ корабль,

Подымали тонки паруса камчатные,
 И поѣхали ко граду Ерусалиму.
 И погодѣ не сдержатъ ужъ молодцовъ:
 Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летить.

Ѣдутъ день они, другой и третій день,
 Ѣдутъ и недѣлю и другую-то;
 Въ встрѣчу имъ тутъ гости-корабельщики:
 „Здравствуй ты, Василій сынъ Буслаевичъ:
 Со дружиною хоробрю!

Погулять, знатъ, братцы, поизволили?“
 Отвѣчаетъ имъ Василій сынъ Буслаевичъ:

„Гой еси вы, гости-корабельщики:
 Наше ли гулянье неохотное:
 Съ молоду-то много бито, граблено,
 Такъ подь старость спасти душу надобно.

А скажите-ка вы, мѣлодцы:
 Намъ прямымъ путемъ далѣко ли
 Ко святому граду Ерусалиму?“

Отвѣчаютъ гости-корабельщики:
 „А и гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ!
 Вамъ прямымъ путемъ во Ерусалимъ градъ
 Будетъ ѣхать ровно семь недѣль,
 А окольною дорогою полтора года.
 Да стоитъ на славномъ морѣ на Каспійскомъ,
 На томъ островѣ Куминскомъ, (108)
 Крѣпкая застава молодецкая,
 Стары атаманы все разбойничьи,
 Что не много и не мало ихъ—три тысячи:
 Грабятъ, топятъ бусы-галеры,
 Разбиваютъ корабли червлѣные.“

Говоритъ Василій да сынъ Буслаевичъ:
 „А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
 А и вѣрую я въ свой червлѣный вязъ:
 Ужъ бѣгите-ка, ребята, вы прямымъ путемъ.“

Побѣжали по морю Каспійскому,
 Набѣжали ту заставу корабельную,
 Старыхъ атамановъ тѣхъ разбойничьихъ;
 А на пристани ихъ до ста человекъ стоитъ.
 Приставали мѣлодцы къ крутѣ берегу,
 Пометали сходни на крутой бережокъ,

Соскочилъ Василій на крутой бережокъ,
 Самъ червлѣнымъ вязомъ подпирается.
 Караульщики, удалы добры мѡлодцы,
 Испужалися, не дожидалися,
 Побѣжали съ пристани со корабельныя
 Къ атаманамъ тѣмъ разбойничьимъ.
 Атаманы слушають—не надивуются,
 Сами говорятъ да таковыя слова:

„Тридцать лѣтъ на острову стоимъ,
 А такого страха вѣкъ не видѣли!
 Это-де идетъ Василій сынъ Буслаевичъ:
 Знать-де по полеткѣ соколиной,
 Видѣтъ по поступкѣ молодецкой!“

Пошагалъ Василій со дружиною
 Къ атаманамъ ко разбойничьимъ;
 Стали съ ними во единый кругъ.
 На всѣ стороны Василій поклоняется,
 Говорить самъ таковыя слова:

„Здравствуйте, разбойнички удалые!
 А скажите-ка вы мнѣ прямой-то путь
 Ко святому граду Ерусѡлиму.“

Говорять разбойнички удалые:

„Гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ,
 Со своей дружиною хоробрѡю!
 Милости васъ просимъ за единый столъ,
 За единый столъ хлѣбъ-сѡли кушати!“

Въ тѣ поры Василій не ослушался:
 Къ нимъ садился за единый столъ.
 Наливали ему чару зеленѡ вина,
 Зеленѡ вина во полтора ведра.
 Принималъ Василій единой рукой,
 Выпивалъ чару единымъ духомъ.
 Атаманы смотрятъ да дивуются:
 Сами-то и по полу-ведру не могутъ пить.
 Хлѣбъ-сѡли Василій пооткушавши,
 Собирается на свой червлѣнъ корабль;
 Атаманы же несутъ ему свои подарочки:
 Перву мису чиста сѣребра,
 Другу мису красна золота,
 Третью мису скатна жемчугу.

Благодарствоваль за то Василій, кланялся,
 Самъ просиль еще съ собою провожатаго,
 Не отказывали тутъ ему и въ томъ,
 Дали провожатаго до Ерусѡлима,
 Сами поклонялися, прощалися.
 Собрался Василій на червлёнъ корабль
 Со своей дружиною хорѡброу,
 Подымали тонки паруса камчатные,
 Побѣжали по морю Каспійскому.

Будуть молодцы у матушки Фаворъ-горы,
 Приставали ко крутому берегу.
 Походилъ Василій на Фаворъ-гору,
 А за нимъ летить дружиноушка хорѡбрая.
 Поднялся до полу-горы—
 На пути сухая голова лежитъ,
 Голова сухая, человѣчья кость. ⁽¹⁰⁴⁾

Говорить Василій сынъ Буслаевичъ:

„Ты провѣщись, голова ты человѣческа:

Будешь ли ты кость мошенница,
 Али кость ты подорожница?
 Будешь ли ты кость татарская,
 Али же ты кость христьянская?“

Чоботомъ тутъ кость подхватываль,
 Прочь съ дороги голову попинываль—
 Улетѣла голова въ подоблачье,
 Пала голова да на сырѹ землю,
 Говорить сама, провѣщится:

„Ай же ты, Василій сынъ Буслаевичъ!

Я вѣдь кость-то не мошенница,
 Я вѣдь кость не подорожница,
 Я вѣдь кость и не татарская,
 А была я кость христьянская.
 Не тебѣ меня бы и попинывать,
 Не тебѣ меня побрасывать.
 Самъ я молодець тебя не хуже былъ,
 Да умѣю, молодець, валятися.
 А и гдѣ теперь сухая голова лежитъ,
 Тамъ же и Василію кататися,
 И Васильевой головушкѣ валятися.“

Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ

Плюнулъ только, да и прочь пошелъ:

„Али врагъ-де говорить въ тебѣ,
Али говорить нечистый духъ!“
Соходилъ съ Ѡаворъ-горы на поль-пути,
Ѳдетъ со дружиною во Ерусѡлимъ градъ.
Пріѡзжалъ во Ерусѡлимъ градъ,
Заходилъ во церковь во соборную;
Отслужилъ обѣдню тутъ за здравье матушки
И за самого себя, Василія,
Отслужилъ обѣдню съ панихидою
По своемъ по рѡдномъ батюшкѣ,
По всему по роду-племени;
На другой день отслужилъ обѣдни со молебнами
Про удалыхъ-добрыхъ мѡлодцевъ,
Чтѡ имъ съ молоду-то бито, граблено;
И дарилъ поповъ и дьяконовъ,
Одѣлялъ всѣхъ старцевъ богорадныхъ
Золотой казною, не считаючи.

Походилъ тогда съ дружиною
Во Ердань-рѣкѣ купатися.
Вся-то братія купается въ рубашечкахъ,
А Василій окунается нагимъ тѣломъ.
Проходила женщина да престарѣлая,
Говорила таковѣ слова:

„Ай, Василій сынъ Буслаевичъ!
Чтѡ купаешься нагимъ тѣломъ въ Ердань-рѣкѣ?
Вѣдь нагимъ тѣломъ крестился самъ Исусъ Христось!
А и потерять вамъ, добры мѡлодцы,
Братца бѡльшаго, Василія Буслева!“

Говорять въ отвѣтъ ей добры мѡлодцы:

„А невѣруеть Василій нашъ ни въ сонъ, ни въ чохъ“.

Самому Василью стосковалось тутъ;
Говорить дружинущкѣ хорѡброей;
„Гой еси, моя дружинущка хорѡбрая!
Были мы намедни на Ѡаворъ-горѣ,
Уходя-то съ костью разбранилися,
Разбранилися съ костью, не простилися.
Ужъ заѣдемъ-ка на матушку Ѡаворъ-гору
Попроститься съ костью, помиритися.“

Сѣли на червлѣнъ корабль, поѣхали;

Заѣзжали на Фаворъ-гору.

А и гдѣ лежала человѣчья кость,
Увидали камень превеликій тутъ,
Превеликій бѣль-горючь камень:
Въ долину сажень печатная,
Въ вышину три сажени печатныя,
Поперекъ же только топоромъ подать,
А на самомъ камцѣ подпись да подписана:

„Кто у камня станеть тѣшиться,
Тѣшится да забавлятися,
Камень вдоль да перескакивать—
Тому буйну голову сломить“.

Разгорѣлось сердце молодецкое,
Говорить Василій сынъ Буслаевичъ:

„Ужъ давайте-ка вы, братцы, тѣшиться,
Тѣшиться да забавлятися:

Вы скачите поперекъ камнѣ,
Поперекъ камнѣ да на передъ лицомъ,
Самъ я вдоль скачу назадъ лицомъ“.

Какъ тутъ вся дружинушка хоробрая
Стала тѣшиться и забавлятися,
Поперекъ камнѣ скакать со ратовьемъ.
Самъ Василій разбѣжался, вдоль камнѣ скочилъ,
Вдоль камнѣ скочилъ назадъ лицомъ—
И задѣлъ за камень чоботомъ сафьяннымъ,
О сырѣ землю головушкой ударился,
А и тутъ же ли кончатся сталь.
Умирая, братіи наказываль:

„Вы скажите, братцы, рѣдной матушкѣ,
Что сосватался Василій на Фаворъ-горѣ,
Что женился на томъ бѣль-горючемъ камешкѣ“.

Только вымолвилъ, да и преставился.
Какъ тутъ братія, дружинушка хоробрая,
Выкопали яму на полу-горѣ,
Опустили мѣлодца во мать сырѣ землю,
Ставили надъ мѣлодцемъ животворящій крестъ,
Сами соходили на червлѣнъ корабль,
Подымали тонки парусы камчатные,
Побѣжали къ Нову-городу,
Къ рѣдной матушкѣ Васильевой.

Какъ встрѣчаетъ ихъ тутъ рѣдна матушка:
 „А и гдѣ же, мѡлодцы, вашъ большій братъ,
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ?“

„А сосватался Василій на Фаворъ-горѣ,
 А женился на томъ бѣль-горючемъ камешкѣ“.

Тутъ-то его матушка расплакалась,
 Собрала свое имѣніе-богачество,
 Роздала все по Божьимъ церквамъ,
 По Божьимъ церквамъ да по монастырямъ.

Съ тѣхъ-то поръ Василю славу поютъ,
 И во вѣкъ та слава не минуется.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Садко дѣлается богатымъ гостемъ.

Какъ во славномъ Новѣ-городѣ
Былъ Садко, веселый молодецъ;
Не имѣлъ онъ золотой казны,
А имѣлъ лишь гуселки яровчаты;
По пирамъ ходилъ-игралъ Садко,
Спотѣшалъ купцовъ, людей посадскихъ. (105)
Какъ тутъ надъ Садкомъ случилось,
Цѣлый день ужъ не зовутъ Садка да на почѣстенъ пирь,
Не зовутъ другой да на почѣстенъ пирь,
Не зовутъ и третій на почѣстенъ пирь.
Какъ потомъ Садку соскучилось,
И пошелъ Садко ко Ильмень-озеру,
И садился да на бѣль-горѣчъ камень,
Сталъ играть во гуселки яровчаты,
Да игралъ съ утра до вечера.

Какъ тутъ въ озерѣ волна сходилася,
Какъ вода пескомъ да замутилася,
Одолѣлъ Садка великій страхъ:
Выходилъ со озера Поддонный Царь, (106)
Говорилъ самъ таковы слова:

„Благодарствую тебя, веселый молодецъ,
Что спотѣшилъ насъ во озерѣ:
У меня вѣдь столованье да почѣстенъ пирь,
Всѣхъ развеселилъ ты мнѣ гостей любезныхъ.

Чѣмъ тебя, не знаю, жаловать:
 Аль безсчетной золотой казной?
 Ты ступай-ка, молодець, во свой во Новгородъ
 И ударься о великъ закладъ
 Со кушцами со новгородскими:
 Заложимъ имъ свою буйну голову,
 Съ нихъ же выржай въ ряду Гостиноемъ
 Лавочки товара краснаго:
 Что де рыба есть во Ильмень-озерѣ,
 Рыба чудная да золотѣ перья.
 Какъ ударишь о великъ закладъ,
 Поклонися башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,
 Чтобы дали те три невода
 Съ тѣми со людьми работными,
 Неводы замѣтывай во озерѣ:
 Будеть надъ тобою милость Божія“.

Какъ пошелъ Садкò отъ Ильмень-озера,
 Какъ пришелъ во свой во Новгородъ,
 Позвали Садка тутъ на почѣстенъ пиръ
 Ко богатому купцу новгородскому.
 Стали мòлодца поднаивать,
 Стали мòлодцу поднашивать;
 Заигралъ Садкò во гуселки яровчаты,
 Самъ передъ гостями порасхвастался:
 „Ай же вы, купцы новгородскіе!
 Знаю чудо-чудное я въ Ильмень-озерѣ,
 Знаю рыбу—золотѣ перья“.

Позаспорились купцы новгородскіе:
 „А не можетъ быть во Ильмень-озерѣ
 Экой рыбы чуда-чуднаго,
 Чуда-чуднаго да золотѣ перья!“
 „Ай же вы, купцы новгородскіе!
 Будемъ биться о великъ закладъ:
 Заложу я свою буйну голову—
 Болѣ заложить мнѣ нечего“.

Говорять купцы новгородскіе:
 „Мы заложимъ во ряду гостиноемъ
 Три купца да по три лавочки,
 По три лавочки товара краснаго“.
 Походилъ тутъ скоро мòлодець

Къ башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,
Приходилъ къ нимъ, низко кланялся,
Говорилъ самъ таково слово:

„Гой еси вы, башлыки новгородскіе!
Дайте-ка вы мнѣ три невода
Съ тѣми со людьми работными,
Рыбы половить въ Ильмень-озерѣ:
Я васъ, мѣлодцы, за то поблагодарствую!“

Не отказывали башлыки Садку,
Сами шли да со людьми работными.
Выѣзжали мѣлодцы во Ильмень-озеро,
Да закинули три невода во озеро:
Первый неводъ къ берегу пришелъ—
Въ немъ была все рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая.
И другой-то неводъ къ берегу пришелъ—
Середь мелкой бѣлой рыбки
Въ немъ была и рыба красная.

А и третій неводъ къ берегу пришелъ—
Въ немъ была одна ужъ рыба красная,
Рыба красная въ три четверти.

И перевозились мѣлодцы
Съ рыбой ловленою на гостинный дворъ,
Кладили рыбу во три погреба,
Запирали каждый погребъ на-крѣпко,
Караулы къ каждому приставили.
Благодарствоваль тутъ башлыковъ Садко:
Отдалъ за труды имъ сто рублей.

Самъ пошелъ да по двору гостиному,
Созываль купцовъ новгородскихъ:

„Ай же вы, купцы новгородскіе!
Вы ступайте-ка да поглядите-ка:
Наловилъ я рыбы чуда-чуднаго,
Чуда-чуднаго да золоты перья“.

А и въ первый погребъ какъ заглянеть онъ,—
Двери-то насилу отперлись:
Гдѣ лежала рыба мелкая,
Все-то стали деньги дробныя.
Во другой-то погребъ какъ заглянеть онъ:
Гдѣ была, средь мелкой рыбы, рыба красная,

Середь мелкихъ дробныхъ денежекъ
 Очутились червонцы красные.
 Въ третій погребъ какъ заглянетъ онъ:
 Гдѣ одна была лишь рыба красная,
 Все лежать червонцы красные.

Говорятъ купцы новгородскіе:

„А вѣдь правду говорилъ Садко,
 Наловилъ онъ рыбы чуда-чуднаго,
 Чуда-чуднаго да золотѣ перья.
 Дѣлать-то намъ, братцы, видно нечего“.

Отдали ему купцы новгородскіе
 По три лавочки товара краснаго.
 Записался тутъ Садко въ купцы новгородскіе,
 Сталъ и самъ теперь купецъ, богатый гость;
 Зачалъ торговать тепѣречко
 Въ своемъ во Новѣ-городѣ,
 Зачалъ ѣздить, торговать по всѣмъ мѣстамъ,
 По всѣмъ прочимъ горадамъ по дальнимъ,
 Получать сталъ барыши великіе.
 А и взялъ себѣ тутъ молодую жену,
 Выстроилъ палаты бѣлокаменны,
 Все въ палатухахъ устроилъ по-небесному:
 На небѣ ли красно солнышко—
 И въ палатахъ красно солнышко;
 На небѣ ли младъ свѣтѣль мѣсяць—
 И въ палатахъ младъ свѣтѣль мѣсяць;
 На небѣ ли звѣзды частыя—
 И въ палатахъ звѣзды частыя;
 Всѣмъ Садко свои палатухи
 Изукрасилъ по-небесному.

Заводилъ Садко купецъ, богатый гость,
 Столованье тутъ, почѣстенъ пиръ
 На купцовъ на всѣхъ новгородскихъ
 Да на тѣхъ людей посадскихъ,
 Настоятелей новгородскихъ:
 На того Луку Зиновьева,
 На другого—на Ому Назарьева. (107)
 Какъ теперь-то на честномъ пиру
 Дѣ-сыта всѣ наѣдались,
 Дѣ-пьяна всѣ напивались,

Похвальбами похвалялися:

Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,

Иной—силою-удачею великою,

Иной—славнымъ отечествомъ,

А иной—удальнымъ молодечествомъ,

Умный хвастаетъ отцомъ да матушкой,

А безумный—молодой женой.

И Садко съ хмѣлѣмъ захвастался:

„А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!

Иной хвастаетъ у васъ былицею,

А иной и небылицею;

Чѣмъ-то будетъ мнѣ, Садку, теперъ похвастати?

У меня ли золотà казна не тѣщится,

У меня ли цвѣтно платье не держится,

У меня дружинушка хорѣбра не мѣняется.

Коли будетъ чѣмъ Садку похвастати,

Такъ безсчетной золотой казной:

Припасите мнѣ товаровъ въ Новѣ-городѣ

На три дня и въ три уповода;

И худые-то товары всѣ и добрые

Выкуплю въ три дня и въ три уповода,

Не оставлю вамъ товаровъ ни на денежку,

Ни на малую полушечку;

А коли товаровъ всѣхъ не выкуплю,

Заплачу я вамъ казны сто тысячей.“

Какъ тутъ люди да посадскіе,

Настоятели новгородскіе

За тѣ рѣчи принималися,

Сдѣлали имъ записи великія.

Скоро всѣ тутъ съ пиру развѣзжались,

Со честнаго разбиралися

По своимъ домамъ да по своимъ мѣстамъ.

А Садко купецъ, богатый гость,

На другой день всталъ ранѣмъ-рано,

Разбудилъ свою дружинушку хорѣбрую,

Дѣлюби давалъ имъ золотой казны,

Да спускалъ по улицамъ торговымъ

Всякіе товары въ Новѣ-городѣ

Закупать цѣной повольною;

Самъ шелъ во гостиный рядъ,

Выкупаль цѣной повольною
 Всѣ товары, и худые-то и добрые,
 Не оставилъ вѣдь товару ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ,
 Что во имя ли Стефана Архидьякона,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашивалъ,
 Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
 Царски двери вызолачивалъ.
 По другой день ходитъ онъ по Нову-городу:
 А товару вдвое противъ прежняго
 Принавезено да принаполнено
 На великую на славу Нова-города.
 Выкупилъ товары онъ и по другой-то день,
 И худые всѣ и добрые,
 Не оставилъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ
 Что во имя Софіи Премудрыя,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашивалъ,
 Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
 Царски двери вызолачивилъ.
 Ходитъ онъ по Нову-городу на третій день:
 А товару втрое противъ прежняго
 Принавезено да принаполнено:
 Подоспѣли, зная, товары-то заморскіе
 На великую на славу Нова-города. (109)
 Выкупилъ Садкѣ товары въ половину дня,
 И худые-то и добрые,
 Не оставилъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку,
 Много у Садкѣ еще казны осталось;
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ
 Что во имя Николая да Можайскаго,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,

Всѣ честныя иконы изукрашиваль,
 Чистымъ жемчугомъ усаживаль,
 Царски двери вызолачиваль.

А и ходить по четвертый дѣнь Садко
 По всему по Нову-городу,
 Цѣлый день ходилъ до вечера:
 Не нашель товаровъ въ Новѣ-городѣ
 Ни на денежку, на малую полупешчку.
 Заходилъ Садко во тѣмный рядъ:
 Черепаны тутъ стоять, гнилы горшки,
 Все гнилы горшки одни да битые.
 Усмѣхається на то Садко,
 Выкупаєтъ и гнилы горшки,
 Говоритъ самъ таковѣ слово:

„Пригодятся черепки—дѣтямъ играть,
 Поминать Садка, гостя богатаго!
 Что богатъ не я, Садко, а Новгородъ
 Всякими товарами заморскими:
 Черепанами, горшками битыми!“

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Садко въ поддонномъ царствѣ.

Какъ по морю, морю синему
Тридцать чёрныхъ ⁽¹⁰⁹⁾ кораблей плывутъ,
А одинъ корабль-то передомъ летитъ,
Передомъ летитъ, что бѣль кречётъ—
Самого Садка, гостя богатаго.
Какъ сходилась тутъ погода сильная.
Всѣ-то корабли что соколы летятъ,
А Садковъ корабль-то становится стальъ,
Застоялся середѣ моря.
И волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ—
А корабль ни съ мѣста на синёмъ морѣ:
Воскричитъ Садко тутъ громкимъ голосомъ:
„Ай же, дружки-братья, корабельщики! ⁽¹¹⁰⁾
Вы берите-ка щупы желѣзные,
Щупайте-ка во синёмъ морѣ:
Нѣтъ ли тамъ людѣ подводныя,
Нѣтъ ли отмели песочныя?“
Они щупали въ синёмъ морѣ;
Не нашли людѣ подводныя,
Не нашли и отмели песочныя.
Воскричитъ Садко купецъ, богатый гость:
„Эй вы, дружки-братья, корабельщики!
Вы спускайте въ море мѣртвыя якоря,
Становитесь всѣ по поряди.“
Опускали въ море мѣртвыя якоря,

Становились всё по-поряди,
Собирались на одинъ корабль.

И возговорить Садко купецъ:

„Ай вы, дружки-братья, корабельщики!
Я, Садко, теперь вѣдь знаю-вѣдаю:
Бѣгаемъ мы по морю двѣнадцать лѣтъ,
А тому Царю Поддонному
Не платили дани-пошлины,
Никогда ему вѣдь во синѣ море
Не опускавали хлѣбъ-солѣ:
Вѣрно,—пошлины съ насъ требуетъ!
Вы возьмите-ка, мечите во синѣ море
Бочку-сороковку чиста сѣребра.“

Брали бочку-сороковку чиста сѣребра
И метали во синѣ море.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ,
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„Видно, мало пошлины Царю Поддонному.
Вы возьмите-ка, мечите во синѣ море
Другу бочку—красна злота.“

Брали и метали во синѣ море
Другу бочку—красна злота.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„Знаеть, и этой дани мало во синѣ море,
Вы берите третью бочку—скатна жемчугу
И кидайте во синѣ море“.

Брали третью бочку—скатна жемчугу
И кидали во синѣ море.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„Ай вы, дружки-братья, корабельщики!
Знаеть, не дани Царь Поддонный требуетъ:
Требуетъ онъ голову да челоуѣческу.“

Не бранилъ ли кто изъ васъ отца да матери,
 Да не клялся ли кто родомъ — племенемъ?
 Ужь вы рѣжьте жеребья поволжаны;
 Всякъ пишись на жеребьѣ пойменно,
 И бросайте во синѣ море:
 Чьи тутъ жеребья да поверху плывутъ,
 Тѣхъ ли душеньки знать правыя;
 А чьи жеребья ко дну пойдутъ,
 Тѣмъ идти къ Царю Поддонному.“ (111)

И забрасывали жеребья поволжаны,
 Самъ Садко закинулъ хмелево перо:
 Всѣ-то жеребья ли по верху плывутъ,
 Какъ бы яры гоголи по заводямъ;
 Одинъ только жеребій ключомъ ко дну—
 Хмѣлево перо Садка богатаго.

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

„Это, братцы, жеребья неправильны!
 Рѣжьте жеребья веллянные,
 Да которые ко дну пойдутъ,
 То ли душеньки, знать, правыя.“

Самъ закидывалъ булатный жеребій,
 Синяго булату да заморскаго,
 Вѣсомъ жеребій во десять пудъ.
 Всѣ-то жеребья ключомъ ко дну,
 Одинъ только поверху плыветъ—
 Жеребій булатный самого Садка.

И возгдворить Садко, богатый гость:

„Знать, бѣда пришла мнѣ неминучая:
 Самому Садку идти къ Царю Поддонному!
 Ужь вы, дружки-братья, корабельщики,
 Принесите-ка мнѣ шубу соболину.“

Скоро тутъ онъ снаряжается:

И беретъ онъ гуселки яровчаты
 Съ золотыми струнками звончатými, (112)
 И прощается съ дружиною хоробрю,
 И прощается съ бѣлымъ свѣтомъ,
 Отвезти еще велить поклонъ
 Молодой женѣ во Новъ-городѣ.
 И спущали сходеньку серебряну,
 Что серебряну подъ краснымъ золотомъ;

Походилъ Садко, спускался на синё море,
 Самъ садился на дощечку на дубовую.
 Понесло Садка да по синю морю.
 А его дружинушка хоробрая
 Принимала сходеньку серебряну,
 Что серебряну подь краснымъ золотомъ.
 Побѣждалъ корабликъ по синю морю;
 Всѣ-то корабли что соколѣ летять,
 А одинъ корабль-то передомъ бѣжить,
 Передомъ бѣжить какъ бѣлъ кречётъ—
 Самого Садка, гостя богатаго.

Въ тѣ порѣ молитвами великими
 Самого Садка, гостя богатаго,
 Подымалася погода тихая,
 И заснулъ Садко глубокимъ сномъ.
 Коротко ли было, долго ли,
 Просыпается Садко, дивуется:
 Очутился во синёмъ морѣ, на самомъ днѣ;
 Передъ нимъ палаты бѣлокаменны,
 А сквозь воду свѣтитъ красно солнышко.

Заходилъ Садко въ палаты бѣлокаменны;
 А сидитъ тамъ самъ Поддонный царь
 Со своей царицею Поддонною,
 Межь собою перетѣкиваютъ, споруютъ.

Бьетъ челомъ Садко царю съ царицею,
 Говоритъ самъ таковы слова:

„Ай ты, батюшка Поддонный царь!
 А зачѣмъ меня сюда ты требовалъ?“

Говоритъ ему Поддонный царь:

„А зачѣмъ тебя сюда я требовалъ:
 Ты скажи по правдѣ, не утай себя,
 Что у васъ тамъ, на Руси, дороже есть?“

У меня съ царицей разговоръ идетъ:
 Я-то спорю, что дороже красно золото,
 А царица, что желѣзо де булатное“.

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

„Ай ты, батюшка Поддонный царь!
 Я скажу по правдѣ вамъ, не утаю себя:
 Красно золото у насъ, на Руси, дорого,
 Да булатное желѣзо не дешевле есть;

Вѣдь безъ красна золота-то сколько можно жить,
 Безъ желѣза же булатнаго жить нѣ можно,
 Нѣ можно жить никакому званію“.

Говорить царица да Поддонная:

„А не даромъ же я спорила,
 Что желѣзо-то булатное дороже есть!“

Не слюбились тѣ слова царю Поддонному;
 Какъ вскочилъ онъ на рѣзвы ноги,
 Скоро схватить саблю острую,
 Чуть было—и отсѣчетъ ей буйну голову...
 Поскорѣ ли того Садко

Бралъ свои гусѣлышки звончатя,
 Да ударилъ по тѣмъ струнамъ золочѣннымъ—
 Опускались руки у царя Поддоннаго,
 Выпадала на полъ сабля острая,
 А и самъ-то распотѣшился,
 Сталъ Поддонный царь скакать-плясать
 По палатѣ бѣлокаменной,
 Шубой машеть и полами бьетъ,
 Бьетъ полами по бѣлымъ стѣнамъ.
 Проигралъ Садко да ровно три часа.

Какъ тутъ тронуло въ плечо его во правое,
 Обернулся за себя Садко:

Позади стоитъ царица да Поддонная, ⁽¹¹³⁾

Говорить ему да таковы слова:

„Какъ ужъ полно те играть, Садку,
 Рви ты свои струны золочѣныя
 И сломай свои гусѣлышки звончатя:
 Тебѣ кажется, что скачеть по палатамъ царь,
 А онъ скачеть по крутымъ кряжамъ,
 По крутымъ кряжамъ, по берегамъ;
 Распотѣшился Поддонный царь—
 А синѣ море восколебалось,
 Быстры рѣки разливались,
 Тонуть-гинуть бусы-корабли,
 А и многи души безповинныя“.

Изорвалъ Садко тутъ струны золочѣныя
 И сломалъ гусѣлышки звончатя.
 Пересталъ Поддонный царь скакать-плясать:
 Улеглося море синее,

„Распугъшился Поддонный Царь—
А синѣ море восколебалось...”

Тонуть-гннуть бусы-корабли,
А и многи души безповинныя.”

И утихли рѣки быстрыя.

Говоритъ Садкѣ Поддонный царь:

„Распотѣшилъ ты мнѣ душу; молодецъ,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову!

Чѣмъ бы мнѣ тебя поблагодарствовать?

Не угодно ли жениться те въ синѣмъ морѣ

Что на душечкѣ на красной дѣвушкѣ?“

Говоритъ Садкѣ купецъ, богатый гость:

„Надо мною волюшка твоя въ синѣмъ морѣ“.

И пошелъ Поддонный царь по красныхъ дѣвушекъ.

Говоритъ Садкѣ царица да Поддонная:

„Ай же ты, Садкѣ купецъ, богатый гость!

Какъ начнешь тебя женить Поддонный царь,

Приведеть онъ триста красныхъ дѣвушекъ,

Чтобы выбралъ ты княгинюшку по разуму,—

Перво триста стадо пропусти, смотри,

Не бери себѣ княгинюшки;

И другое триста стадо пропусти, смотри,

Не бери себѣ княгинюшки.

А какъ третье триста стадо пропускать зачнешь—

На концѣ идетъ, увидишь, дѣвица,

Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ: (114)

Ту проси себѣ въ княгинюшки.

Да смотри, когда поженишься,

Не цѣлуй, не обнимай ее.

Быть тебѣ тогда вѣдь на святой Руси,

Увидать тогда и бѣлый свѣтъ,

Увидать и солнце красное“.

Приводилъ царь триста красныхъ дѣвушекъ,

Приглашалъ Садкѣ, купца богатаго,

Выбирать себѣ княгинюшку по разуму.

Перво триста стадо пропустилъ Садкѣ:

„Нѣтъ де мнѣ княгинюшки по разуму“.

И другое триста стадо пропустилъ Садкѣ:

„Нѣтъ и въ этомъ стадѣ мнѣ княгинюшки“.

Какъ тутъ третье триста стадо пропускать зачалъ—

Увидаль въ концѣ остатномъ дѣвицу,

Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ.

Бралъ ее себѣ въ княгинюшки по разуму:

„Ай ты, батюшка Поддонный царь!

Эта мнѣ дѣвица полюбилася“.

Не отказывалъ ему Поддонный царь,
Отдавалъ ему дѣвицу во княгинюшки;
Заводилъ по нихъ почѣстенъ пирь,
Столованьице на весь поддонный міръ.
Не забылъ Садкѣ наказа строгаго:
Не обнялъ онъ, не поцѣловалъ жены,
А какъ послѣ пиру заспалъ въ крѣпкой сонъ,
Свои рученьки еще къ груди прижалъ...

Поутру проснулся ото сна Садкѣ—
Увидалъ тутъ бѣлый Божій свѣтъ,
Увидалъ и солнце красное.
Самъ лежить-то онъ подъ Новымъ-городомъ,
На крутомъ кряжу у Волхъ-рѣки,
Только лѣвою-то ногою во быстрой рѣкѣ,
А жены поддонной и во слыху нѣтъ.

И вскочилъ Садкѣ тутъ, испужался онъ,
Оглянулся на родной свой Новгородъ:
Свою церковь, свой приходъ узналъ,
Николая да Можайскаго,
Осѣнилъ себя крестомъ своимъ.
И глядитъ Садкѣ по Волхъ-рѣкѣ:
Отъ того отъ озера отъ Ильмена
Да по славной матушкѣ по Волхъ-рѣкѣ,
Тридцать черныхъ кораблей бѣгутъ,
А одинъ корабль-то передѣмъ летить,
Передѣмъ летить, что бѣлъ кречѣтъ—
Самого Садкѣ, гостя богатаго.

Какъ увидѣла дружинишка хоробрая,
Что стоитъ Садкѣ да на крутомъ кряжу,
Счудовалася дружина, сдивовалася:

„Поминали мы Садкѣ въ синѣмъ морѣ,
А Садкѣ встрѣчаетъ насъ со Волхъ-рѣки,
Очутился впереди насъ въ Новѣ-городѣ“.

Становили корабли на пристани,
Пометали сходни на крутой берѣгъ,
Выходили на крутой берѣгъ.

И здоровкался Садкѣ съ дружиною:

„Здравствуйте вы, дружки-братья, корабельщики!“
И повелъ въ свои палаты бѣлокаменны.

Взрадовалася тутъ молода жена
И брала Садка за ручки бѣлыя,
Цѣловала во уста сахарныя,
Говорила таковыя слова:

„Ай же ты, любимая семеюшка!
Полно тебѣ ѣздить по синѣ морю,
Тосковать мое ретивое сердечушко
По твоей по буйной по головушкѣ:
Много есть у насъ имѣньица-богачества,
И растеть у насъ вѣдь мало дѣтище“.

А и сталъ Садко тутъ съ кораблей своихъ
Выгружать свое имѣньице,
Сталъ выкатывать несчетну золоту казну—
Во три дни не выгрузилъ, не выкаталъ.
И не сталъ Садко ужъ ѣздить на синѣ море,
Поживать сталъ въ Новѣ-городѣ.

Да теперь тому всему славу поютъ.

БЫЛИНЫ

МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ И ПЕТРОВСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Взятіе Казани Грознымъ царемъ.

О хъ вы, гости, гости званые,
Гости званы, гости браные!
Ужъ сказати ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку—
Про царевъ походъ на славный на Казань-городъ?

* * *

Какъ онъ, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Скоплялъ силушку да ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Сокопивши силу, воевать пошелъ
Подъ то славно царство подь Казанское.
Не дошедши до Казани города,
Становился батюшка нашъ въ зеленѣхъ лугахъ,
Въ зеленѣхъ лугахъ во заповѣдныхъ;
Подводил подкопы подь Булатъ-рѣку,
Подводил и подь Казанку подь рѣку,
Бочечки дубовыя закатывалъ
Съ лютымъ зельемъ—чернымъ порохомъ,
Затеплялъ на бочкахъ свѣчи воску яраго.

А татарки по стѣнѣ похаживаютъ,
Грознаго царя подразниваютъ:

„Какъ не взять тебѣ Казань-городъ ни во сто лѣтъ,
Какъ ни во сто лѣтъ и не во тысячу!“

Воспалилося сердечко государево,
Утопилъ онъ очи во сырѹ землю:

„подавай мнѣ пушкарей сюда,
 Пушкарей-подкопщиковъ и зажигальщиков!“
 Приздумались пушкарчики, молчать-стоять;
 Только выбрался молоденькій пушкарчикъ:
 „Не вели меня, царь-батюшка, казнить-вѣшать,
 Прикажи мнѣ слово молвити:
 На вѣтру-то свѣчи скоро топятся,
 Во глухомъ же мѣстѣ долго теплятся...“

Не успѣлъ пушкарчикъ слово вымолвить—
 Догорѣли свѣчи воску яраго,
 Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,
 Раскидало-разметало стѣну каменну,
 Побросало въ рѣку всѣхъ татаришекъ.

Привозрадовался тутъ царь-батюшка,
 Приказалъ всѣхъ пушкарей дарить,
 Всѣмъ пушкарчикамъ по пятьдесятъ рублей,
 Одному тому пушкарчику пятьсотъ рублей,
 Одному ему пятьсотъ за слово смѣлое,
 Да за правду его добрую. ⁽¹¹⁵⁾

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Оговоръ царевича передъ Грознымъ. (116).

Прикажи намъ, Боже, старину сказать,
Старину сказать да стародавнюю,
Стародавнюю старинушку, бывалую,
Про того царя про Грознаго,
Про Ивана да Васильевича.

* * *

Когда въ небѣ возсіяло красно солнышко,
Становилася звѣзда восточная,
Когда зачиналась каменная Москва,
Тогда воцарился Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
У того царя Ивана да Васильевича
Во палатушкахъ во бѣлокаменныхъ,
На столахъ на бѣлодубовыхъ
Скатерти раздстланы да бранныя,
Яствушки поставлены сахарныя.
Во большомъ углу сидитъ самъ Грозный царь,
А вокругъ сидятъ его князья да бдяре,
Пьютъ они да хлѣба кушаютъ,
Бѣла лебеда да рушаютъ,
Во полу-пиру да порасхвастались:
Сильный хвалится своею силою,
А богатый—золотой казной.

Государь-царь распотѣшился,
 Выходилъ изъ-за стола съ-за бѣлодубова,
 По палатушкамъ похаживаль,
 Во краснѣ окно поглядываль,
 Черны кудри частымъ гребешкомъ расчѣсываль,
 Самъ возгѣворилъ да таковыя слова:

„Ой вы, глупые бояре, неразумные!
 Чѣмъ вы хвалитесь, перехвалаетесь?
 Силушка-то къ вамъ отъ Господа,
 А богатство отъ меня пришло.
 Ужъ какъ мнѣ-то можно похвалиться:
 Вынесъ я порфиру изъ Царя-града,
 Взялъ Казань-городъ и славну Астрахань,
 Вывелъ я туманъ изъ-за синя моря,
 Вывелъ я измѣнушку изъ Нова-города,
 Вывелъ и изд-Пскова, изъ каменной Москвы!“

Говорить Малюта сынъ Скурлатовичъ:

„Ахъ ты гой еси, нашъ родный батюшка,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 Вывелъ ты измѣнушку изъ Нова-города,
 Вывелъ ты измѣну и изд-Пскова,
 Да не вывести тебѣ ее изъ каменной Москвы:
 Можетъ быть, измѣна за столомъ сидить,
 За столомъ сидить да во глаза глядить,
 Ъсть и пьеть съ тобою съ одного блюда,
 Цвѣтно платьѣ носить съ одного плеча.“

За то слово царь спохватится,

На царевича ⁽¹¹⁷⁾ самъ злобно озирается:

„А скажи, скажи-ка, въ чемъ измѣна есть?“

Говорить злодѣй Малюта сынъ Скурлатовичъ:

„Гдѣ съ тобой мы улицею ѣхали,
 Грѣшничковъ все били-вѣшали,
 А гдѣ ѣхаль улицей измѣнщикъ твой,
 Грѣшныхъ онъ не билъ, а миловаль.
 Ерлычки давалъ имъ потаенные,
 Да велѣлъ виновнымъ укрыватися“.

Какъ воскликнетъ тутъ, возгаркнетъ Грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

„У меня ль не стало грозныхъ палачей моихъ?“

Всѣ князья-бояре испужалися,
 Изъ палаты разбѣжались.

Соходились палачи десятками,
Соходилися и сотнями.

„Гой еси вы, грозны палачи мои!
Сослужите-ка мнѣ службу вѣрную,
Службу вѣрную и неизмѣнную:
Вы берите-ка царевича да за бѣлыя руки,
Распоясайте-ка съ него шелковѣй поясъ,
Скидывайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте платье черное, опальное,
Отведите самого далече во чисто поле,
За ворота Москворѣцкія,
На то озеро зыбучее,
На ту лужу на Поганую, ⁽¹¹⁸⁾
Ко той плахѣ бѣлодубовой,
Да снесите буйну голову!“

Палачи не знаютъ, какъ отвѣтъ держать:
Большіе за малыми хоронятся,
Малыхъ же за большими и не видать давно.

Выступаетъ тутъ Малюта сынъ Скурлатовичъ,
Говорить самъ таковыя слова:

„У меня ли не дрогнѣтъ рука
На роды на ваши царскіе!“

Взялъ царевича да за бѣлыя руки,
Распоясалъ съ него шелковѣй поясъ,
Скидываетъ платье цвѣтное,
Надѣваетъ платье черное, опальное,
И ведетъ его на озеро зыбучее,
На ту лужу Поганую, кровавую.

По снѣжмъ по новымъ, по косящатымъ,
Какъ не красно солнышко катилось по земли—
Проходила-то царица благовѣрная,
Молода Настасьюшка Романовна,
Къ своему ко братцу ко любезному,
Къ молоду Никитушкѣ Романычу: ⁽¹¹⁹⁾

„А и гой еси ты, милый братецъ мой,
Молодой Никита свѣтъ Романовичъ!
Спишь-лежишь ли, опочивъ держишь?
Аль тебѣ Никитѣ мало можется?
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Упадаетъ звѣзда поднебесная,

Угасаетъ свѣча воску яраго—
 Не становится у насъ млада царевича,
 Твоего любима крестничка!“ (120)

Много тутъ Никита не выспрашивалъ,
 Скоро пометался на широкій дворъ,
 Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:

„Эй вы, конюхи мои, приспѣшники!
 Вы ведите наскорѣ добра коня,
 Что несѣдлана, неўздана.“

Скоро конюхи металися,
 Подводили наскорѣ добра коня.
 Съѣлъ Никита на добра коня,
 Поскакалъ далече во чисто поле,
 За ворота Москворѣцкія,
 Шанкой машеть, головой трясеть,
 Во всю голову кричить-реветъ:

„Вы раздайтесь, люди добрые,
 Не убейтесь, православные:
 За мной дѣло государево!“

Настигаетъ палача онъ во полѹ-пути,
 Не дошелъ до озера кроваваго;
 По щекѣ его, злодѣя, бьетъ:

„Охъ, Малюта ты Скурлатовичъ, лютой палачъ!
 Не за свойскій кусъ ты принимаешься:
 Этимъ кусомъ ты подавишься,
 Этимъ пойлицемъ поперхнешься!“ (121)

Взялъ царевича тутъ за бѣлыя руки,
 Посадилъ съ собою на добра коня,
 И увезъ въ свое село боярское,
 Во боярское Романовское.
 По утру было ранымъ-ранѣхонько,
 Ото сна встаетъ царь Грозный—пробуждается,
 Сына милаго хватается,
 Млада-зелена царевича.

Вызнавъ дѣло, рвется-мечется;

„Ой вы, слуги мои вѣрные!
 Вы зачѣмъ меня не ўняли,
 Попустили дѣло окаянное?“

Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:

„Ой ты, батюшка нашъ, Грозный царь,

Охъ, Малого ты Скурлатовичъ, лглой палачъ!
Не за своей кузь ты принимаешься!

Этимъ кусомъ ты подавшисьъ,
Этимъ пощипцемъ поперхнешься!

Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
 Не посмѣли мы перечить те,
 Убоялись твою гнѣва скорого!“

Отдаетъ тутъ Грозный царь строгій приказъ
 По церквамъ служить молебны частые,
 Заводить печальны звонъ колокольные,
 Надѣвать всѣмъ платье черное,
 Собираться во большой соборъ,
 Служить панихиду по царевичѣ.

Вотъ ударили къ заутренѣ;
 У той церкви у соборныя
 Собиралися попы и дьяконы,
 Всѣ причетники церковныя,
 Отпѣвать любимаго царевича.

Вотъ идетъ и батюшка нашъ Грозный царь,
 На немъ платье черное нерадошно,
 Во правѣй рукѣ царскѣй костьюль;
 Богу молится и поклоняется,
 Самъ горячими слезами заливаётся.
 А Никита свѣтъ Романовичъ
 Нарядился въ платье цвѣтное,
 Взялъ съ собой млада царевича
 И поставилъ позади дверей,
 Позади дверей у права крылоса.. (122)
 Какъ на шурина тутъ опаляется
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Костьюлемъ пришилъ его въ праву ногу
 Къ половицѣ ко дубовой:

„Ай же ты, любезный шуринъ мой!
 Что въ глаза мнѣ насмѣхаешься,
 Надо мною наругаешься?
 Аль не свѣдался про горе царское,
 Про кручинушку несносную,
 Что звѣзда упала поднебесная,
 Что свѣча угасла воску яраго?
 У меня послѣ заутрени
 Всѣмъ боярамъ переборъ поидеть,
 А тебѣ ли, шуринъ, перва петелька!“

Говорить Никита свѣтъ Романовичъ:

„А я, батюшка-царь, все въ отлучкѣ былъ,

Все въ отлучкѣ за охотою,
 Ясна сокола поймалъ тебѣ,
 Что ни ести лучшаго и ближняго—
 Твоего ли сына рѣднаго“.

Поднебесная звѣзда тутъ высоко взошла,
 Свѣча воску яраго затѣплилась—
 Выходилъ царевичъ изъ-за крылоса,
 Подходилъ ко государю-батюшкѣ.
 Бралъ царевича тутъ за бѣлы руки
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Цѣловалъ его въ уста сахарныя,
 Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:

„Охъ ты гой еси, любезный шуринъ мой!
 Ужъ и какъ мнѣ тебя назвать теперь?
 Али дядюшкой, аль батюшкой?
 Али будешь ты мнѣ бѣльшій братъ?
 Обратилъ мое ты ретивѣ сердце,
 Взвеселилъ мою ты буйну голову,
 Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!
 Еще чѣмъ тебя пожаловать?
 Аль тебѣ за то полцарства дать,
 Аль безсчетной золотой казны?“

„Гой еси ты, царь Иванъ Васильевичъ!
 Ни полцарства мнѣ не надобно, ни золотой казны;
 Ты меня пожалуй грамотой Тарханною:
 Кто церквѣ ограбить, мужика убѣть,
 Кто жену у мужа со двора сведеть,
 Да уйдетъ въ село боярское
 Къ молоду Никитѣ ко Романовичу—
 Не было бъ ни взыску тамъ, ни выемки“. (123)

И пожаловалъ Никитѣ Грозный царь
 По той грамотѣ Тарханной
 Новое село боярское,
 Чтѣ теперь село Преображенское,
 Тѣмъ понинѣ ли слыветъ оно и дѣвѣку. (124)

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Ермакъ, покоритель Сибири. ⁽¹²⁵⁾

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собиралися казàки, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Гребенскіе и донскіе, и яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ ⁽¹²⁶⁾ Тимоѳеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ; ⁽¹²⁷⁾
Стали думать они думушку единую,
Со крѣпкà ума, со пòлна разума.
И возговоритъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ:
„Ужь какъ лѣто-то проходить, лѣто теплое,
А зима-то настаетъ холодная;
Еще гдѣ-то намъ, казàкамъ, зимовàть будетъ?
Некорыстна у насъ шутка вѣдь зашучена:
Какъ гуляли мы по морюшку по синему,
Какъ стояли на протокѣ да на Ахтубѣ,
Мы убили вѣдь посланничка персидскаго ⁽¹²⁸⁾
Со солдатами его да со матросами,
Животомъ его всѣмъ покорыстались:
Какъ-то будетъ намъ на то отвѣтствовать?

Намъ на Волгѣ жить—такъ все ворами слыть,
 На Яикъ идти—такъ переходъ великъ,
 Подъ Казань идти—тамъ Грозенъ царь стоитъ,
 Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ;
 У него тамъ силы много множество.
 Мнѣ ли, Ермаку, тамъ быть повѣшену,
 Вамъ ли, казакамъ, быть переловленнымъ
 Да по крѣпкимъ тюрьмамъ поразсоженнымъ.
 Мы уйдемте-ка въ Усолъе, ко тѣмъ Строгоновымъ,
 Ко тому Григорью ко Григорьевичу—
 Возьмемъ много свинцу-пороху, запасу хлѣбнаго.
 А какъ вскрыется весна-то красная,
 Мы тогда-то, братцы, во походъ пойдемъ,
 Да вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ“.

И ушли они въ Усолъе, ко тѣмъ Строгоновымъ,
 Взяли много свинцу-пороху, запасу хлѣбнаго
 И пошли по Чусовой рѣкѣ,
 Гдѣ бы зиму-зимовати имъ.
 И нашли они на Чусовой рѣкѣ
 Во крутомъ кряжу пещеру каменну;
 Опускалися въ пещеру, убиралися,
 Что немного и немало—триста мѣлодцевъ.
 Хорошо тутъ было зиму-зимовати имъ.

Какъ прошла зима холодная,
 Наставала весна красная,
 Говорить Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ:
 „Намъ пора ужъ, братцы, убиратися,
 Убиратися да во походъ идти,
 Ужъ вы дѣлайте-ка лодочки-коломенки,
 Забирайте кочетъ еловые,
 Накладайте вѣсельца сосновыя;
 Мы поѣдемъ, братцы, съ Божьей помощью,
 Мы пригрянемъ, братцы, вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
 Перейдемте, братцы, тѣ крутыя кряжи,
 Доберемся до того до царства басурманскаго,
 Завоюемъ царство то Сибирское,
 А царя Кучума во полѣнь возьмемъ—
 Тѣмъ вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ.
 Понадѣлали тутъ лодочекъ-коломенокъ,
 Вверхъ пригрянули по Чусовой рѣкѣ,

Во Серѣбряну вошли, до Жаровля дошли,
До той Баранченской переволоки,
Забрали тутъ лодочки-коломенки,
На себѣ тащили, да надсѣлися—
На пути ихъ и покинули.

Мало время позамѣшавши,
Увидали Баранчѹ-рѣку;
Понадѣлали ботѣ сосновые,
Сколотили лодочки-набойницы,
И поплыли внизъ по Баранчѣ-рѣкѣ,
Выплывали на Тагиль рѣку,
У Медвѣдя-камня становилися;
Жили тутъ съ весны до Троицы,
Промыслами рыбными кормилися.
Въ Троицу ли въ путь опять собиралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ,
Выплывали на Турѹ-рѣку,
По Турѣ-рѣкѣ поплыли въ Епанчу-рѣку,
И тутъ жили до Петрова дня.
Еще тутъ ли управлялися:
Понадѣлали людей соломенныхъ
И, нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было-то у Ермака дружины триста мѡлодцевъ,
А ужъ съ тѣми стало больше тысячи.

И поплыли по Тоболь-рѣкѣ.
И приплыли въ юрты Мѣденски;
Полонили тутъ князька татарскаго,
Дабы путь казалъ имъ по Тоболь рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ во Тобольскіихъ
Собирались во единый кругъ,
Стѣли думать думушку единую:
Какъ бы имъ приплыть къ той горѣ Тобольской?
Верхнимъ устьемъ самъ Ермакъ пошелъ,
Нижнимъ устьемъ ли Асташка сынъ Лаврентьевичъ.
Выплывалъ Асташка на Иртышъ-рѣку,
Подъ ту самую гору подъ Тобольскую.
Загорѣлся тутъ у нихъ великій бой
Со татарами со Котовскими.
Бьютъ татары въ нихъ съ той крутой горы,
Стрѣлы какъ бы частый дождь летать,

А казѣкамъ взять ихъ нѣ можно.
 Бились день съ утра до вечера;
 Прибили татаръ казѣки не малѣ число,
 А татары смотрятъ да дивуются,
 Каковы-то русски люди крѣпкіе,
 Что убить-то не одинаго не могутъ ихъ:
 Каленыхъ стрѣль въ нихъ какъ въ снопики⁽¹²⁹⁾ налѣплено,
 А казѣки всѣ живыи стоятъ.

Въ тѣ поры Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ
 Выходилъ лукою Соуксанскою
 Во рѣкѣ Сибирку, до устьѣ дошелъ,
 Полонилъ Кучумъ-царя татарскаго;
 Перваго князька-то полонѣненаго
 Отпустилъ къ татарамъ Котовскимъ,
 Чтобы въ дракѣ съ казаками помирился:
 „Ужъ де вашего царя въ полднѣ взяли
 Атаманомъ Ермакомъ да Тимоѣевымъ“.

То услышавши, татары сократились,
 И пошли къ нему, ко Ермаку, съ подарками,
 Понесли куницъ и соболей сибирскіихъ;
 Принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи,
 А на мѣсто ихъ Кучумъ-царя
 Собанѣка утвердилъ татарина.
 А и жилъ тамъ съ Покрова Ермакъ
 До Николина дня зимняго.
 Шилъ тутъ шубы соболинныя,
 Нахтармами вмѣстѣ, теплымъ мѣхомъ вверхъ;
 Шилъ и шапки куніи на тотъ же ладъ.

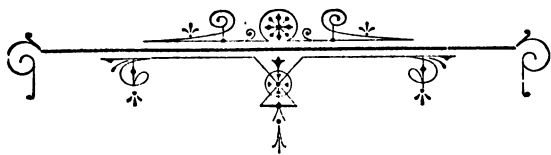
Поубравшись со своими со казѣками,
 Отѣзжалъ Ермакъ во каменнѣ Москву,
 Къ Грозному царю съ повинною.
 Слѣзъ съ коня тутъ и пѣшкомъ идетъ,
 Потихохоньку и почастѣхоньку,
 За собою всю силу ведетъ;
 Подходилъ къ палатамъ царскимъ,
 Ко тому крылечку красному.
 Было жъ то о самомъ о Христовомъ днѣ,
 Изволилъ царь идти съ заутрени.
 На колѣни палъ Ермакъ тутъ предъ Грознымъ царемъ,
 Говорилъ самъ таковыи слова:

„Ой ты гой еси, надёжа православный царь!
 Не веди меня казнити, веди рѣчь держать.
 Я пришелъ къ тебѣ, Ермакъ, съ повинною,
 Мы, казаки, вѣдь шаталися-моталися
 По чисту полю и по синю морю,
 По синю морю Хвалынскому,
 Разбивали бусы-корабли,
 Бусы-корабли все неорлѣные;
 Да годилось на протокѣ томѣ на Ахтубѣ
 Мимо насъ идти послу персидскому
 Со солдатами и со матросами,
 И хотѣли отъ казаковъ поживитися,
 И напали на казаковъ своей волею;
 Только имъ казаки спуску не дали.
 И посла персидскаго устукали
 Со солдатами его и со матросами.
 А теперича, надёжа православный царь,
 Приношу тебѣ повинную головушку,
 Съ головой въ гостинець—царство да Сибирское“.

И возгворить надёжа православный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

„Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ,
 Ты лихой казацкій атаманушка!
 За твою за службу вѣрную
 Я тебѣ прощаю всѣ вины твои,
 А и жалую тебѣ я славный тихій Донъ“ . (180)

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царевичъ Димитрій и Борисъ Годуновъ.

Что не вихрь крутить по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То орель летить по поднебесью;
Зорко смотреть онъ на Москву-рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея на зелёные,
На златой дворець стольна города.
Не люта змѣя воздывался—
Воздывался собака булатный ножъ;
Упаль ни на воду, ни на землю,
Упаль царевичу на бѣлу грудь,
Тому ли царевичу Димитрію:
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищѣ,
На Углищѣ на игрищѣ!
Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой
Коршунъ свиль гнѣздо съ коршунятами,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царить же, злодѣй, ровно семь годовъ.

Что не вихрь крутить по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То идетъ ли Божій гнѣвъ за святую Русь:
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

Гришка Отрепьевъ и Марина Мнишкенъ.

Ты, Боже мой, Боже, Спасъ милостивый,
Владыко царю Вседержителю!
За что на насъ, Господь Богъ, прогнѣвался,
Спустилъ на насъ великъ-тяжкій грѣхъ,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Вора Гришку-Разстрижку Отрепьева?
Назвался воръ-собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
Прельстилъ воръ-собака три земли:
Первого прельстилъ—короля въ Литвѣ,
Другаго прельстилъ—землю Польскую,
Третье—сильно царство Московское.

Не успѣлъ воръ-собака воцариться,
Похотѣлъ воръ-собака жениться:
Не у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ на Руси, въ каменнѣй Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятѣй Литвѣ,
У Юрья панѣ Стредомірскаго,
Меньшую дочь его душеньку,
Душеньку Маринку дочь Юрьевну.
На вешній праздникъ въ Миколинъ день
Въ четвергъ у Разстрижки свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.

Стали благовѣститъ ко заутренѣ
 У святого Михаила Архангела,
 Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
 Благовѣрные, благочестивые;
 Бояре идутъ ко заутренѣ,
 Ко святому Михайлу Архангелу,
 А Гришка-Разстрижка съ Маринкою
 Заводить законъ по-своему:
 Идетъ онъ во мыльню-баенку,
 Маринка—во умываленку;
 Бояре Богу молятся,
 А онъ во мыльнѣ моется,
 Маринка—во умываленкѣ;
 Бояре пошли отъ заутрени,
 А Гришка-Разстрижка со мыльни идетъ,
 Маринка—со чистой умываленки;
 На немъ тулупъ восемьсотъ рублей,
 На ней саянъ въ цѣлу тысячу.

Идетъ у Ивана Великаго,
 Вскричитъ тутъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня звонарики?
 Звоните въ наибольшій колоколь,
 Для-ради гостя дальняго,
 Гостя дальняго, тестя любимаго“.

Вскричитъ онъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня пушкаррики?
 Свезите снарядъ-пушки за городъ,
 За тѣ ли ворота Серпуховскія:
 Завтра у меня пиръ будетъ
 Для-ради тестя любимаго“.

Вышелъ на крылечко на заднее,
 Вскричитъ, взопитъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня повары,
 Мои батюшковы приспѣшнички?
 Варите ѣству скоромную,
 Варите другую—постную,
 Скоромну ѣству—гуси-лебеди,
 А постну ѣству—рыбу бѣлую:
 Завтра у меня пиръ будетъ

Для-ради тестя любимаго,
Про Юрья панѣ Стредомірскаго“.

Скромну ѣству самъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ;
Честнѣя иконы подъ себя стелеть,
А чудны кресты подъ пятѣ кладеть.

Въ тѣ поры бояре домышлялися,
И думные дѣяки догадалися,
Въ Боголюбовъ монастырь пометалися
Ко царицѣ Марѣ Матвѣевнѣ: ⁽¹³¹⁾

„Ай же ты, свѣтъ наша матушка,
Царица Марѣа Матвѣевна!
Прямой ли царь на царствѣ сидить,
Твое дитя порожденное,
Царевичъ Димитрій Ивановичъ?
Все-то дѣлаеть не по-царскому:
Скромну ѣству самъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ;
Честнѣя иконы подъ себя стелеть,
А чудны кресты подъ пятѣ кладеть“.

Царица Марѣа Матвѣевна
Заплакала горючѣмъ слезьми,
Сама говоритъ таковѣ рѣчи:

„Глупы вы бояре, недогадливы!
Вѣстимо Богу и всей землѣ,
Потеряно дитя мое любимое,
Царевичъ Димитрій Ивановичъ
На Угличѣ отъ боярѣ Годуновыхѣхъ.
Его мощи лежать въ каменной Москвѣ
У святого Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
Благовѣрные, благочестивые;
У того ли у Ивана Великаго
Завсегда звонять во царь-колоколь,
Соборны попы собираются,
Панихиды совершаютъ во праздники
За память младого царевича,
Царевича Димитрія Ивановича.
А это—Гришка Отрепьевъ сынъ,
Сидѣлъ въ тюрмѣ ровно тридцать лѣтъ,

Заростилъ себѣ крестъ во бѣлыя груди
 И назвался, собака, прямымъ царемъ,
 Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
 Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
 Приѣзжаетъ ко мнѣ со угрозою,
 Привозитъ нагодѣ саблю острую,
 Велитъ называть своимъ сыномъ,
 Княземъ Димитріемъ царевичемъ Углицкимъ“.

Какъ тутъ бояре догадалися,
 И думные дьяки домышлялися,
 Выбирали себѣ дьяка думнаго
 Того ли Петрушку Басманинова,
 Посылаютъ въ палаты во царскія,
 Велятъ говорить не съ упадкою:

„А ты помнишь ли, Гришка, памятуешь ли,
 вмѣстѣ грамотѣ съ тобой мы училися
 во томъ монастырѣ во Чудовѣ?
 Ты, Гришка, былъ чернымъ дьякономъ,
 А я былъ на крылосѣ псаломщикомъ?“

Какъ тутъ Гришка-Разстрижка Отрепьевъ сынъ
 Заглянулъ въ окно косящато:
 Обступила сила кругомъ вокругъ,
 Несмѣтная сила со копьями.
 Беретъ онъ книжку волшебную,
 Волхвуетъ Гришка Отрепьевъ сынъ,
 Думаетъ умомъ своимъ царскимъ:

„Подѣлаю крыльица дьявольски,
 Улечу теперъ я дьяволомъ.“

Не успѣлъ Гришка сдѣлать крыльицевъ—
 Навалила вся сила несмѣтная,
 Несмѣтная сила со копьями.
 Видитъ Гришка бѣду неминучую,
 Скоро скочить въ окошко косящато—
 Да о каменя убилъ до смерти.
 Только-то Гришка царемъ бывалъ,
 Только-то Гришка и царствовалъ.
 А та душенька Маринка дочь Юрьевна
 Обернулась изъ окошка сорокою—
 Только-то Маринку и видѣли.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

Смерть Стеньки Разина.

Вы, лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные!
Вы, кусты ль мои, кусточки, кусты частые!
Вы, станы ль мои, станочки, станы теплые!
Какъ и всѣ мои лѣсочки-то порублены,
Какъ и всѣ мои кусточки-то повыжжены,
Какъ и всѣ мои станочки поразборены,
Какъ и всѣ мои товарищи половлены,
По злодѣйкамъ крѣпкимъ тюрьмамъ поразсожены,
Рѣзвы ноженъки во кандалахъ заклѣпаны,
У воротъ стоятъ все грозны сторожи,
Грозны сторожи, все бравые солдатушки:
Никуда-то добрымъ молодцамъ нѣтъ выпуску,
Нѣтъ ни выпуску, ни ходу изъ крѣпкой тюрьмы.
Только я ли, добрый молодецъ, не пойманъ былъ,
По прозванью меня звали Стенька Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ вѣдь и не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ тутъ ко синю морю,
Ко синю морю да по Дунай-рѣкѣ,
У Дунай-рѣки ли перевозъ кричалъ:

„Отвезите-ка меня вы, добра молодецъ,
На ту сторону, на бѣлый камешекъ!“

Сталь на бѣломъ камешкѣ кончатися,
При кончивушкѣ ли сталь наказывать,

Сталь наказывать и выговаривать:

„Ахъ вы, милые да сотоварищи!
 Вы возьмите-ка свой тугой лукъ,
 Натяните калену стрѣлу,
 Прострѣлите мою бѣлу грудь!
 Схороните меня промежь трехъ дорогъ:
 Промежь Муромской, Владимірской и Кіевской.
 Въ праву руку дайте саблю острую,
 Въ лѣву руку—калену стрѣлу,
 Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
 Во ногахъ поставьте ворона коня.
 Кто ни идетъ, ни ѣдетъ мимо мѡлодца,
 Всякъ поклонится кресту, помолится:
 Что не воръ лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
 А лежитъ тутъ Стенька Разинъ сынъ!—“

Приходили сотоварищи,
 Помолились на чуденъ-дивенъ крестъ,
 Тому братцы сдивовѣлися,
 Стенькѣ Разину всѣ поклонялися:

„Ужъ ты встань-ка, сотоварищъ нашъ,
 Ты возьми-ка въ руки саблю острую,
 Въ лѣву руку калену стрѣлу,
 Ты ударь-ка буйной палицей
 По бедрамъ по нашимъ по широкимъ,
 Что не выручили со бѣла камня,
 Со бѣла камня да со Дунай рѣки,
 Со Дунай-рѣки широконой!“

Погрузили Стеньку Разина
 Сотоварищи тутъ во Дунай рѣку;
 Со Дунай рѣки ли на Амуръ пошли;
 У Амуръ рѣки крута гора,
 Что крута гора высокая;
 На горѣ той распрощалися,
 Всѣ другъ другу поклонялися:

„Ужъ мы, братцы, разойдемтесь-ка,
 Разойдемтесь по дикимъ мѣстамъ!“

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

А з о в ъ. ⁽¹³²⁾

О хъ вы, бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Еще съ вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлѣ свѣту солдаты во строю стоятъ,
Во строю стоятъ, да по ружью держатъ.

Какъ не золотая трубонька вострубила,
Не серебряна саповочка возыграла,
Какъ возговорить самъ батюшка нашъ православный царь:

„Ой вы гой еси, князья да бѣяре!
Вы придумайте мнѣ думу-думушку:
Еще какъ-то взять намъ Азовъ городъ?“

Промолчали князья-бѣяре,
Прослезился самъ нашъ батюшка.

„Ой вы гой еси, мои солдатушки!
Вы придумайте мнѣ думу крѣпкую:
Еще какъ-то взять намъ Азовъ городъ?“

Какъ не яры пчѣлѣшки шумять-гудять—
Какъ возговорять въ отвѣтъ солдатушки:

„Взять ли намъ, не взять ли—бѣлой грудю!“
На восходѣ было красна солнышка,
На закатѣ было свѣтла мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ шли

Подъ тотъ славный подъ Азовъ городъ,
 Подъ тѣ стѣны бѣлокаменны,
 Да подъ тѣ раскаты подъ высокіе.
 Не съ крутыхъ горъ камни покатилися—
 Покатилися со стѣнъ татаровья;
 Не бѣлы снѣги и въ полѣ забѣлилися—
 Забѣлилися груди басурманскія:
 Да не съ дождика ручьи вокругъ разливалися—
 Разливалася кровь поганая.

БЫЛНА ВОСЬМАЯ.

Плачь войска по Петрѣ. (133)

Ахъ ты, батюшка свѣтѣль мѣсяць!
Что ты свѣтишь не по-старому,
Не по-старому и не попржнему,
Не во всю землю святорусскую,
Что со вечера не до полѹночи,
Со полѹночи не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?

Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ;
Призобилъ онъ рѣзвы ноженъки
Что по самыя сапоженъки,
Бѣлы рученьки по самы кѣстыньки.
Стоячй, онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, что рѣка льется,
Возрыдаеть, что ключи шумять,
Самъ штыкомъ-то бьетъ объ мать сырѹ землю:
„Подымитесь, вѣтры буйныя,

Разнесите снѣги бѣлые,
Своротите бѣль-горѣчь камень!
Разступися, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнися, золотà парча!
Встань-проснися, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь!
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
Что на гвардію да на всю армію.
Всѣ полки ужь во строю стоятъ,
Всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
Капитаны передъ ротами,
Офицеры передъ взводами,
А и прапорщики подъ знамѣнами:
Дожидають они полковничка,
Что полковничка Преображенскаго,
Капитана бомбардирскаго“.

БЫЛИНЫ БЕЗЪИМЯННЫЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ. (121)

Отломилася вѣточка
Отъ кудряваго дѣревца,
Откатилось яблочко
Отъ садовой отъ яблоньки:
Отъѣзжалъ добрый мѡлодецъ
Отъ родимой отъ матери
Въ чужедальную сторону
За рѣку за Смородину.

Подъѣзжалъ добрый мѡлодецъ
Ко рѣкѣ ко Смородинѣ,
Понизенько ей кланялся,
Молвилъ ласковымъ голосомъ:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
Быстра рѣчка Смородинка!
Широкѡмъ то широкая,
Глубокѡмъ да глубокая!
Ты скажи-ка мнѣ, рѣченька,
Есть ли гдѣ на тебѣ, рѣкѣ,
Переброды кониные,
Переходы да частые?“

И провѣщится рѣченька,
Отвѣчаетъ Смородинка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:

„Гой еси, добрый мѡлодецъ!
Есть на мнѣ, на быстрой рѣкѣ,

Переброды конинны,
 Переходы да частые;
 Есть на мнѣ, на рѣкѣ, еще
 Два мосточка калиновыхъ,
 Да отселѣ-то далече,
 Далекò во чистомъ полѣ“.

И возгòворить молодець:

„Гой еси, мать быстра рѣка!

А и что же ты, рѣченька,
 Съ перевозу возьмешь съ меня?

Отвѣчаетъ быстра рѣка
 Душой красною дѣвицей:

„Я скажу тебѣ, молодець,
 Чтò беру съ перевозу съ васъ:
 Съ переброду конинаго—
 По сѣдельцу черкасскому,
 Съ переходу со чистаго—
 По коню по наступчату,
 Со мосточку со калинова—
 По удалому молодцу.
 Но тебя, добрый молодець,
 За слова твои ласковы,
 За поклоны за низкіе,
 Я и такъ, безъ всего пушу“.

Переѣхавши, молодець

Сталъ своимъ глупымъ разумомъ
 Предъ рѣкой похвалятися,
 Надъ рѣкой насмѣхатися:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
 Быстра рѣчка Смородинка!

А и какъ тебя славили,
 Говорили: быстра, грозна,
 Широкимъ-то широкая,
 Глубокимъ-то глубокая;
 Не пройти рѣку пѣшему,
 Не проѣхати конному.

А теперь рѣка славная
 Хуже всякаго озера—
 Чтò болото стоячее,
 Будто лужа дождѣвая“.

И кричить въ сугонь молодцу
 Быстра рѣчка Смородинка
 Человѣческимъ голосомъ,
 Душой красною дѣвицей:

„Воротись, добрый молодець,
 За меня, за быстрѹ рѣку,
 Позабылъ ты за мной, рѣкой,
 Двухъ надѣйныхъ товарищей:
 Позабылъ два остра ножа,
 Два ножа да булатные—
 На чужой сторонѣ тебѣ
 Оборона великая“.

Воротился тутъ молодець
 За ножами булатными—
 За рѣкѹ за Смородину
 Ни пройти, ни проѣхати.
 Не нашель добрый молодець
 Переброду конинаго,
 Переходу да частаго,
 Ни мосточку калинова,
 Заѣзжалъ прямо молодець
 Во глубокіе омуты.
 Какъ на перву ступень ступиль—
 Конь увязнулъ по череву,
 На другую ступень ступиль—
 По сѣдельце черкасское,
 А на третью ступень ступиль—
 Уже гривы не видѣти...

Утонулъ добрый молодець
 Во рѣкѣ въ Смородинѣ,
 Выплываль его добрый конь
 Ко крутому ко берегу,
 Прибѣгаль его добрый конь
 Ко родной его матери.
 Увидала родимая—
 Залилась горячѣмъ слезѣми,
 Шла къ рѣкѣ ко Смородинѣ,
 Говорила быстрѹи рѣкѣ:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
 Быстра рѣчка Смородинка!

Потопила ты сына мнѣ,
Мила сына, одинаго“.

И провѣщится рѣченька,
Отвѣчаетъ быстра рѣка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:

„Ай же ты, баба старая,
Стара баба, матѣрая!
Потопила не я его—
Похвальба молодецкая“.

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Татарскій полонъ. (135)

У колодеза у холоднаго,
Что у ключика у гремучаго,
Красна дѣвушка воду черпала.
Какъ наѣхали злы татаровья,
Полонили красну дѣвушку,
Полоня, ее замужъ выдѣли
За младого за татарченка.

И прошло тому ровно три года,
Полонили они старую женщину.
Не шумъ шумить, не громъ гремитъ—
Злой татарченокъ полонъ дѣлать:
Теща зятюшкѣ досталася.

Онъ привезъ ее на дикую степь,
На дикую степь къ молодой женѣ:
„Еще вотъ тебѣ, молодѣ жена,
Вѣковѣчная работница,
Нашимъ дѣткамъ нянька-мамушка.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Перво дѣло-то—кудельку прясть,
Друго дѣло-то—гусей пасти,
Третье дѣло-то—дитю качать“.

Стала дѣлать теща трѣ дѣла:
 Руками-то кудельку прясть,
 Глазами-то гусей пасти,
 Ногами-то дитю качать,
 Дитю качать, прибаюкивать:
 „Ты бай-баю, мое дитятко,
 Ты люлю-люлю, мое милое!
 Ужь какъ битъ тебя—мнѣ грѣхъ будетъ,
 Какъ бранить тебя—мнѣ жаль будетъ,
 А родней назвать—той вѣры нѣтъ.
 Ты по батюшкѣ—злой татарченкокъ,
 А по матушкѣ—милъ внучёночекъ“.

Какъ стучить-бренчить, по сѣнямъ бѣжить,
 По сѣнямъ бѣжить дочь рѣдная,
 Къ ней упала во рѣзвѣ ноги:

„Охъ ты, матушка сударыня!
 Что давно ты мнѣ не скажешься?
 Брось кудель-то прясть—дай спутаться;
 Брось гусей пасти—дай орламъ таскать;
 Брось дитю качать—дай наплакаться.
 Ты снимай-ка шубу кожуриную,
 Надѣвай-ка шубу соболиную;
 Ты бери себѣ золотой казны,
 Золотой казны сколько надобно.
 Ты ступай на конюшню мужнюю,
 Выбирай себѣ коня лучшаго,
 Поѣзжай назадъ на святую Русь,
 На святую Русь, на волю вольную“.

„Ты дитя ли мое, дитя милое!
 Не сниму я шубу кожуриную,
 Не возьму себѣ золотой казны,
 Не поѣду на святую Русь:
 Какъ связала съ тобой неволюшка—
 И во-вѣкъ я съ тобой не разстануся!“

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

О Горюшкѣ. (136)

Отчего ты, Горе, зародилося?

Зародилося ты, Горе, отъ сырой земли,
Изъ-подъ камешка да изъ-подъ сѣраго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова.
Во лаптишечки ты, Горе, пообулося,
Въ рогозйночки ты, Горе, понадѣлося,
Понадѣлося, лычинкой подпоясалось,—
Приставало Горе къ добру молодцу.

Видитъ молодець: отъ Гора дѣться некуда,—
Молодець отъ Гора во чистѸ поле,
Во чистѸ поле да сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ ужъ Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ и тенета несетъ,
Тенета несетъ шелковья:

„Ужъ ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодець!“
Видитъ молодець: отъ Гора дѣться некуда,—
Молодець отъ Гора во быстру рѣку,
Во быстру рѣку да рыбой-щукою.
А за нимъ ужъ Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ и неводѸ несетъ,
НеводѸ несетъ шелковья:

„Ужъ ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодець!“
Видитъ молодець: отъ Гора дѣться некуда,—

Молодецъ отъ горя во огнёвушку,
 Во огнёвушку да во постелюшку.
 А за нимъ ужъ Горé вслѣдь идетъ,
 Вслѣдь идетъ да во ногахъ сидитъ:

„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“

Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуда, —
 Молодецъ отъ Горя въ гробовы доски,
 Въ гробовы доски да во могилушку,
 Во могилушку да во сырѹ землю.
 А за нимъ ужъ Горé вслѣдь идетъ,
 Вслѣдь идетъ да со лопаткою,
 Со лопаткою да со телѣжкою:

„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“

Только добрый молодецъ и живъ бывальъ:
 Позарыло Горé во могилушку,
 Во могилушку, во мать сырѹ землю,
 Тутъ ли молодцу вѣдь и славу поють.

Молодецъ отъ Гора въ гробовы доски,   Во могилушку да во сыру землю.
 Въ гробовы доски да во могилушку,   А за нимъ ужъ Горе велѣдъ идетъ...

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ

„Ужь канъ палъ туманъ на сине море...“

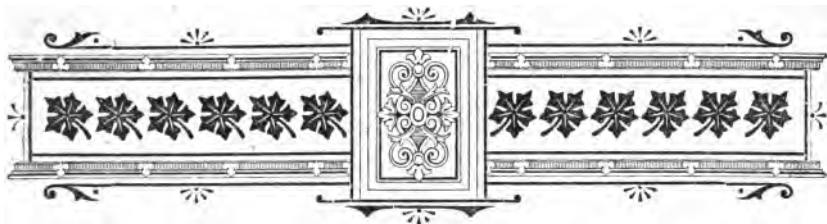
У жь какъ палъ туманъ на синѣ море,
А злодѣй-тоска въ ретивѣ сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Да не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистѣмъ полѣ—
Курятся огонѣчекъ малѣшенекъ.
Посланъ возлѣ огонѣчка шелковѣй коверъ,
А на коврикѣ лежитъ добрый мѣлодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертнѣю,
Унимаетъ мѣлодецку кровь горючую.
Подлѣ мѣлодца стоитъ его добрый конь;
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сырѣ землю,
Будто слово хочеть вымолвить хозяину:

„Ты вставай, вставай-ка, добрый мѣлодецъ!
Ты садись-ка на меня, своего слугу,
Отвезу я тебя на святую Русь,
Къ отцу-матери, къ роду-племени,
Къ роду племени, къ молодой ‘женѣ!“

Какъ вздохнетъ тутъ добрый мѣлодецъ—
Подымалась у удалаго крѣпка грудь,
Опустились у него руки бѣлыя,
Растворилась его рана смертнѣя,
Пролилась ручьемъ кровь горючая,
И промолвилъ добрый мѣлодецъ своему коню:

„Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
 Ты бѣги-ка, мой конь, на святую Русь,
 Отцу-матери скажи челобитьице,
 Роду-племени скажи по поклону всѣмъ,
 Молодой женѣ скажи волюшку:
 Что женился я на другой женѣ,
 Что за ней я взялъ поле чистое:
 Насъ сосватала сабля острая,
 Положила спать каленѣ стрѣла.
 Да еще ли одинъ скажи поклонъ:
 Малымъ дѣтушкамъ благословеньице.
 Мнѣ не столько жаль вѣдь роду-племени,
 И не столько жаль молодой жены,
 Сколько жаль моихъ малыхъ дѣтушекъ:
 Остались дѣтушки малѣшеньки,
 Малѣшеньки дѣтушки, глупѣшеньки,
 Натерпятся холода и голода!“

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ БЫЛИНАМЪ.

1. (Стран. 3). „Леванидовъ чудный крестъ“ есть крестъ, взятый Владиміромъ Святымъ изъ Корсуня (греческаго Херсонеса въ Крыму), послѣ принятія тамъ св. крещенія, и водруженный потомъ въ Кіевѣ на лугахъ, получившихъ отъ креста названіе „луговъ Леванидовыхъ“. Самый крестъ названъ Леванидовымъ, вѣроятно, по епископу Левонтію. У креста Леванидова обыкновенно „братаются“ богатыри, и отъ него же начинаются ихъ богатырскія поѣздки. Затѣмъ онъ оказывается вообще повсюду, гдѣ начинается какое-нибудь знаменательное дѣйствіе, какъ въ данномъ случаѣ—у истока Волги.

2. (Стран. 3). „Бѣлый горючій камень Латырь“ (отъ греческаго электронъ), „Латырь-камень“, бѣлый горючій камень“ или просто „горючій камень“ есть янтарь, который, обладая, по повѣрью народному, большими цѣлебными и вообще чародѣйными свойствами, служитъ, какъ крестъ Леванидовъ, но еще чаще его, мѣстомъ отправленія богатырей на разнаго рода подвиги, и лежитъ обыкновенно на перекресткахъ трехъ дорогъ. Балтійское море, побережье котораго особенно изобилуетъ янтаремъ, называется по немъ Латырь-моремъ:

„Ахъ, Латырь-море всѣмъ морямъ отецъ,
А Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ“.

(Изъ „Голубиной Книги“.)

Впрочемъ, янтарь, какъ показали недавнія раскопки, встрѣчается и около Кіева, на правомъ берегу Днѣпра, иногда кусками до двухъ фунтовъ вѣсомъ.

3. (Стран. 4). Слово „богатырь“ нѣкоторыми учеными производится отъ слова Богъ, въ виду того, что богатыри, по представленію народному,—существа съ высшими божественными качествами, полубоги. По мнѣнію другихъ, оно выработалось изъ древняго буйтуръ (прозвище, между прочимъ, князя Всеволода Святославича въ „Словѣ о полку Игоревѣ“), составленнаго изъ словъ буй (дикій) и туръ (зубрь, волъ). Полубогами-титанами по преимуще-

ству являются богатыри до-владимірской эпохи, такъ называемыя „старшіе“ богатыри—исполнскіе мнѣческіе представители прежней стихійной кочевой жизни, борющіеся не столько съ людьми, сколько съ непокорными силами природы, тогда какъ „младшіе“ богатыри, которые тѣломъ меньше и слабѣе старшихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣчнѣе ихъ, осѣдло группируясь около кіевскаго князя Владиміра, служатъ опозтизированными типами сложившейся русской общины. Главнѣйшіе изъ „старшихъ“ богатырей: Вольга Всеславъевичъ, Микула Селяниновичъ и Святогоръ; кромѣ нихъ, встрѣчаются въ былинахъ: Самсонъ (отъ ветхо-завѣтнаго Самсона „съ семью власами ангельскими на головѣ“) Самойловичъ, Суханъ или Сухманъ (суш-манъ, иссушаемый, изсыхающій) Домантъевичъ (христіанское Демѣнтьевичъ—передѣлка изъ первоначальнаго мнѣческаго Одишмантъевичъ), Полканъ (полуконь), Колыванъ (образъ котораго совершенно неопредѣленный) и проч. Принадлежность „старшихъ“ богатырей къ кореннымъ русскимъ героямъ поставлена новѣйшими изслѣдователями въ нѣкоторое сомнѣніе въ виду того, что въ побывальщинѣ объ „Аникѣ-воинѣ“, заимствованной, какъ надо полагать, изъ Византіи (см. прим. 52), упоминаются старшіе богатыри: Святогоръ, Самсонъ, Колыванъ; при чемъ два случая изъ жизни Святогора: о кольцѣ, которымъ этотъ богатырь хвалится притянуть небо къ землѣ и повернуть самую землю „краемъ вверхъ“, и о „сумочкѣ переметной“, въ которой вся „тяга земная“ (см. кіевскую былинку XII),—цѣликомъ вошли въ рассказъ и объ Аникѣ. Мы съ своей стороны полагали бы возможнымъ помирить новое мнѣніе съ прежнимъ. Въ болгарскомъ сказаніи о Маркѣ Кралевичѣ повторяются, съ нѣкоторой вариацией, тѣ же два случая. Постоянное мѣстопребываніе Святогора—Святія горы (вѣроятно Карпаты), откуда онъ не смѣетъ спуститься, такъ какъ его „не носить земля“, одинаково почти близко къ древнему Кіеву и къ Болгаріи, и Святогоръ могъ оказаться такимъ образомъ одновременно и русскимъ и болгарскимъ героемъ. Съ кіевскою же Русью его особенно сроднилъ коренной русской богатырь Илья Муромецъ, которому онъ, умирая, передалъ всю свою силу (см. кіевскую былинку XIV). Затѣмъ, по нашему мнѣнію, скорѣе въ сомнительную побывальщину объ Аникѣ-воинѣ перенесены ралодами сказанные два случая изъ жизни Святогора, чѣмъ наоборотъ. Прогнвъ „подлинности“ двухъ другихъ главныхъ „старшихъ“ богатырей, Вольги и Микулы, не было высказываемо сколько-нибудь серьезныхъ возраженій. Кстати, впрочемъ, небезынтереснымъ находимъ упомянуть, что возбуждалось и такое мнѣніе, не нашедшее однако отголоска, будто даже вся вообще наша былевая поэзія древне-кіевская и древне-новгородская есть не болѣе, какъ повтореніе разныхъ восточныхъ поэмъ и монголо-тюркскихъ и татарскихъ пѣсенъ.

4. (Стран. 4). „Поленицы“ или „поляницы“ (отъ полевать, поляковать) обыкновенно дочери „старшихъ“ богатырей (напр., Микулы Селяниновича),—амазонки древней Руси, дѣвцами

„полюють“ въ чистомъ полѣ и силою, ловкостью, удалью превосходятъ часто богатырей. Выйдя же замужъ, онѣ дѣлаются самыми преданными, любящими женами и только въ исключительныхъ случаяхъ проявляютъ еще свои богатырскія наклонности (какъ Василіса Микулічна). Рыская на конѣ за приключеніями, участвуя въ княжескихъ пиршествахъ, играя въ шашки-шахматы, даже сватаясь лично за богатырей, поленицы пользуются полною равноправностью съ мужчинами, которая такимъ образомъ народомъ нашимъ уже въ древности охотно предоставлялась женщинамъ, если она умѣла постоять за себя.

5. (Стран. 4). Добрыня Никитичъ, какъ показываетъ самое имя его, — олицетвореніе мягкосердія богатырскаго: при большой тѣлесной силѣ, онъ, безъ крайней необходимости, и мухи не обидитъ, но для защиты сиротъ, вдовъ и „безчастныхъ“ женъ, самъ домовитый семьянинъ, готовъ драться до послѣдней капли крови. Его кротость доходитъ иногда даже до робости (см. былинку объ Ильѣ Муромцѣ и Сокольникѣ). Сынъ боярина Никиты Романовича, онъ своимъ „вѣжествомъ“, „уговоромъ“, „смиреньяцемъ“ вполне оправдываетъ свое боярское происхождение, а ко всему этому, онъ и артистъ въ душѣ: мастеръ пѣть и играть на модномъ инструментѣ — гуслихъ. Нѣкоторыми рапсодами Добрыня называется племянникомъ князя Владиміра, т.-е. родственникомъ его, меньшимъ лѣтами. У Нестора же имя „Добрыня“ носитъ дядя Владиміра Святого, дававшій ему мудрые совѣты. Вѣчная юность красавца-боярина выражается краснорѣчиво въ его постоянномъ прозвищѣ „младъ“, которое, для усиленія, иногда даже удваивается: „молдой Добрынюшка Никитичъ младъ“.

6. (Стран. 5). Старшій багатырь Вольгѣ Всеславьевичъ — титанъ-охотникъ и воинъ, изучавшій, для порабоженія всей одушевленной природы (звѣрей, птицъ, рыбъ и людей), всѣ хитрости-мудрости, заключающіяся главнымъ образомъ въ оборотничествѣ, т.-е. въ способности принимать образъ разныхъ животныхъ. Имя его „Вольгѣ“ или „Волхъ“ происходитъ отъ одного корня съ словомъ волхвъ — кудесникъ, жрецъ, занимающійся волхвованіемъ. Отъ Волхва же производятъ названіе рѣки Волхова. Почти нѣтъ сомнѣнія, что въ полубога Вольгѣ былевымъ творчествомъ преображенъ историческій Олегъ, который, по славі въ свѣдѣнія, вѣдовства, и въ Несторовой Лѣтописи называется Вѣщимъ. Не безынтересно указать здѣсь на другого богатыря-оборотня — князя Игоря въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: совершая побѣгъ свой изъ земли половецкой, Игорь, чтобъ отвести глаза врагамъ, оборачивается попеременно то въ горностаю, то въ гоголя, то въ волка, то въ сокола. Отчество Вольгѣ „Всеславьевичъ“ или „Святославичъ“ заимствовано рапсодами отъ брата Владиміра Святого — Олега Святославича.

7. (Стран. 9). вмѣсто „индейскаго“ царя „Салтыка Ставрульевича“ и царицы его „Азвяковны“ (Узбековна), въ нѣкоторыхъ вариантахъ выступаютъ „турецкій“ царь „Турецъ-

Санталъ“ съ царницей „Пантоловой“. Походъ Волги съ его дружиной въ „индейское“ (или турецкое) царство есть, вѣроятно, набѣгъ Олега на Царь-градъ въ 906 году.

8. (Стран. 13). Ближайшіе приближенные князя Владиміра — „князья-бояре“ не играютъ въ былинахъ почти никакой роли, какъ въ драмѣ „лица безъ рѣчей“. Изъ дѣтей боярскихъ—„боярченковъ“—набирается придворный штатъ князя: „стольники“, „чашники“, „кравчіе“ и т. д., въ число которыхъ поступаютъ, впрочемъ, и богатыри, какъ, напр., Добрыня Никичичъ (по происхожденію своему бояринъ) и Чурила Плѣнковичъ. Изъ князей и бояръ въ былинахъ называются поименно только Блудъ (у Нестора подъ 980 годомъ), Чась, Путята (отецъ Забавы Путятичны, племянницы Владиміра) и Бермята Васильевичъ, иначе Пермята, Перминъ или Пермилъ (происхожденіемъ, вѣроятно, изъ Перми). Послѣдній съ прозвищемъ „старый“, служитъ князю, такъ сказать, ходячимъ архивомъ, дающимъ во всякое время необходимые справки о предметахъ, никому другому неизвѣстныхъ.

9. (Стран. 14). Всѣ чужія страны на востокъ отъ Кіева называются обыкновенно „ордами“, а на западъ „землями“ или „Литвами“. Въ ордахъ царствуютъ „цари“ съ „царевичами“ и „царевнами“, въ земляхъ и Литвахъ „короли“ съ „королевичами“ и „королевнами“ („королевичнами“).

10. (Стран. 14). Былевая Апраксія (Евпраксія) королевична есть, по всему вѣроятію, лѣтописная Рогнѣда, дочь половецкаго князя Рогволода, отказавшаяся сначала отъ замужества съ княземъ Владиміромъ, но вышедшая потомъ за него, по убіеніи отца ея Рогволода.

11. (Стран. 15). Дунай Ивановичъ относится нѣкоторыми къ числу „старшихъ“ богатырей (см. прим. 3), такъ какъ обратившись, умирая, въ старшую рѣку славянъ Дунай, онъ какъ бы возвращаетъ природѣ ея стихійную силу и самъ дѣлается олицетвореніемъ всѣхъ рѣкъ вообще, такъ что съ теченіемъ времени въ устахъ народа обратился даже въ нарицательное имя: „за рѣками за дунаями“. Прозвище „тихий“, принадлежащее рѣкѣ Дунаю у всѣхъ славянъ, присвоено въ былинахъ и богатырю Дунаю Ивановичу.

12. (Стр. 25). Въ нѣкоторыхъ пересказахъ этой былины, вмѣсто „Дуная Ивановича“ и Настасьи королевичны“, поставлены „Донъ Ивановичъ“ и Нѣпрѣ (Днѣпрѣ, Днѣпрѣ) королевична“.

13. (Стран. 30). Былина объ „Алешѣ Поповичѣ“ въ основныхъ своихъ чертахъ представляетъ много общаго съ былиною объ „Ильѣ Муромцѣ и Идблищѣ“: тамъ и здѣсь русскій богатырь, готовясь на бой съ чудовищемъ-врагомъ, маскируется каликой перехожею, чтобы не быть узнаннымъ; тамъ и здѣсь роковое столкновение вызывается обжорствомъ чудовища, при чемъ и самое глумленіе русскаго богатыря надъ „обжорищемъ“ выражается въ одномъ и томъ же наивно-остроумномъ сравненіи (съ собакой и коровой, „треснувшими“ отъ обжорства). Съ другой стороны, всѣ мелкія по-

дробности этихъ былинь и всѣ приемы каждаго изъ двухъ богатырей: лукаваго Алеши и прямодушно-грубаго Ильи, настолькоъ различны и соотвѣтствуютъ характерамъ того и другого, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ самостоятельности обоихъ разсказовъ. Остается принять, что въ нихъ описываются два отдѣльных, но весьма схожихъ событiя, бессознательно вылитыя народнымъ творчествомъ, по ихъ тождественности, въ одну и ту же поэтическую форму. Всѣ мнѣнія нашихъ ученыхъ сходятся на томъ, что въ убiенiи Ильею великаго и страшнаго Идолица слѣдуетъ видѣть уничтоженiе при Владимiрѣ идолопоклонства на Руси. Сравнивая, съ этой точки зрѣнiя, былину объ „Алешѣ Поповичѣ“ съ былиною объ „Ильѣ и Идѣлицѣ“, мы не могли не остановиться на мысли, что и въ первой изъ нихъ врагомъ русскаго богатыря является языческiй идолъ: первоначальныя попытки введенiя въ языческую Русь христіанства весьма естественно должны были исходить отъ христіанскаго духовенства, нашедшаго къ намъ доступъ еще при Св. Ольгѣ, принявшей христіанство; и вотъ миссія изверженiя идоловъ возлагается въ былевомъ эпосѣ прежде всего на богатыря изъ „богомольной стороны“—города Ростова, на сына стараго попа соборнаго (вѣроятно епископа) Леонтiя—Алешу Поповича. Первый бой его съ идоломъ происходитъ еще по пути къ стольному Кіеву, при чемъ, какъ бы для зачураниа себя отъ нечистой силы, онъ заимствуетъ у богомольнаго странника его посохъ и весь каличiй нарядъ. Преодоливъ врага посредствомъ уловки и отрубивъ ему голову, богатырь прiѣзжаетъ въ Кіевъ. Но здѣсь идолопоклонство еще въ силѣ, и только что пораженнаго идола торжественно воздвигаютъ вновь и чествуютъ обильными жертвами: онъ сѣдаетъ по цѣлой ковригѣ „монастырской“, проглатываетъ за разъ бѣлую лебедь, „охлѣстываетъ“ духомъ чары зелена вина въ полтора ведра. Алеша Поповичъ, насмѣявшись надъ чудовищемъ, вызываетъ его на новый бой: весь дворъ княжескiй, весь народъ и даже забѣзжіе купцы держатъ поруки за идола; одинъ владыка черниговскiй ручается за торжество христіанства. И въ этотъ разъ, благодаря своей хитрости, Алешѣ удается справиться съ сильнымъ врагомъ. Но окончательно уничтожить „Идѣлице“ со всей его „силою невѣрной“ суждено только богатырю-крестьянину Ильѣ Муромцу.

14. (Стран. 30). Алешѣ Поповичу, подобно Добрынь, хотя и нѣсколько рѣже, присвоивается прозвище „младъ“. Онъ изъ всѣхъ богатырей наименѣе любимъ народомъ, что высказывается какъ въ изображенiи, съ видимымъ удовольствiемъ и обстоятельностью, комическихъ положенiй въ его жизни и къ презрительной кличкѣ „Алешка“, такъ и въ томъ, что единственная былина, которой онъ является героемъ—настоящая былина о борьбѣ его съ Тугариномъ Змѣвичемъ—имѣется вполнѣ лишь въ одномъ пересказѣ (у Кирши Данилова); память народная, точно нарочно, утратила воспоминанiе о главномъ подвигѣ этого несимпатичнаго богатыря. Наши современные собиратели успѣли разыскать только три отрывка этой былины.

15. (Стран. 31). Каликами переходжами, одними изъ древнихъ гѣвцовъ былинь, внесено въ былины много именъ изъ священнаго писанія. Такъ „Сафать-рѣка“ получила свое названіе отъ ветхозавѣтной долины Іосафата. Въ настоящей былинь, воспѣвающей, какъ сказано, первое торжество христіанства надъ язычествомъ, перенесеніе дѣйствія на библейскую почву очень естественно.

16. (Стран. 32). „Калики переходжіе“ по своему названію хотя и близки къ нищимъ-калѣкамъ нашего времени, но общаго съ ними имѣютъ только хожденіе съ мѣста на мѣсто и прошеніе милостыни. Они, въ своемъ родѣ, также богатыри, но, подобно богатырямъ „старшимъ“, богатыри кочевой, до-владимірской эпохи: шуба на нихъ соболиная, лапти семи шелковъ, шитые серебромъ и золотомъ, сумка рытаго бархату; гуня въ тридцать пудъ, шляпа въ девять пудъ, посохъ въ сорокъ пудъ; подъ шагами ихъ мать-земля подгибается; а „зычный“ голосъ ихъ дѣйствуетъ пуще грома небснаго:

„Ставолися калики во единый кругъ,
Клюки-посохи въ сырѹ землю потыкали,
Сумочки на посохи навѣсили,
Сумочки-то рыта бархату,
Попросили милостыньки золотой гривны,
Отъ тѣхъ покриковъ отъ богатырскихъ
Да отъ голосовъ отъ молодецкихъ
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Со деревъ охлопья да посыпались,
Съ теремовъ верхи да повалилися,
Въ горенкахъ оконницы разсыпались,
Въ погребѣхъ напитки всколыбалися,
Конь подъ княземъ окарѣчился,
А богатыри съ коней попадали“.

(Не помѣщенная здѣсь былина о „Сорока каликахъ“.)

Это—послѣдніе могикины былой кочевой жизни, выговорившіе себѣ дальнѣйшее существованіе обѣтомъ странствовать ко святымъ мѣстамъ и распространять въ народѣ духовные стихи, а также поэтическія повѣствованія о сѣдой старинѣ. Силы въ нихъ еще болѣе, чѣмъ въ истыхъ богатыряхъ, которые поэтому зачастую и вооружаются каличею клюкою, или шелепугою; но смѣлости въ нихъ нѣтъ уже и „въ поль-богатыря“.

17. (Стран. 32). Имя „Тугаринъ“ дано противнику Алехи Поповича, какъ полагаютъ, по имени половецкаго хана Тугаркана, на внучкѣ котораго былъ женатъ сынъ Владиміра Мономаха Андрей. По тожеству именъ двухъ Владиміровъ, имя позднѣйшаго половецкаго хана, вѣроятно, перенесено народомъ и въ памятное ему царствованіе Владиміра Святого. Отчество „Змѣвичъ“ присвоено Тугарину, какъ потомку нечистой силы, которая всѣми народами олицетворяется чаще всего въ образѣ змѣя или дракона.

18. (Стран. 35). Оживленіе убитаго уже разъ Тугарина объясняется, какъ изложено въ прим. 13-мъ, возстановленіемъ разру-

шеннаго идола. Затѣмъ вообще, какъ отродье змѣиное, Тугаринъ долженъ обладать особенной жизненной силой.

19. (Стран. 40). „Пучай-рѣка“—нынѣшняя Почайна. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ, вмѣсто Пучая, встрѣчается „Израй-рѣка“, отъ библейскаго Израиля.

20. (Стран. 43). Змѣя предлагаетъ Добрынь побратимство—обычное между богатырями братство „крестовое“ или „на-званое“.

21. (Стран. 43). Племянница Владимірова „Забава“ называется иногда также „Запавой“ или „Любавой“. Имя отца ея „Путяты“ встрѣчается въ лѣтописяхъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую Владиміру Мономаху, и подобно имени Тугарина (см. выше прим. 17), перешло впоследствии въ былевые рассказы о времени Владиміра Святославича.

22. (Стран. 44). Большихъ горъ въ предѣлахъ древней Руси нѣтъ, и потому, вмѣстѣ съ неясностью понятія о горѣ, и самыя названія горъ въ былинахъ какія-то мифическія. Всего чаще упоминаются: 1) „Латырь-гора“ (воображаемый возвышенный берегъ Латырь-моря, т.-е. Балтійскаго моря); 2) гора „Сорочинская“ (сарацинская, арабская), которая, по представленію народному, помѣщается гдѣ-то на берегу Хвалынскаго (Каспійскаго) моря; 3) „Святія горы“, на которыхъ живетъ богатырь Святгоръ, вѣроятно, Карпаты.

23. (Стран. 54). О богатырицѣ Василисѣ Микуличѣ и мужѣ ея существуютъ двѣ разныя былины, построенныя на одномъ и томъ же мотивѣ: что мужъ ея впадаетъ въ немилость князя Владиміра; но развитіе и развязка дѣйствія въ одной былинѣ комичны, въ другой трагичны. Мы выбрали первую редакцію какъ потому, что послѣдняя, по развязкѣ, весьма схожа съ помѣщаемою здѣсь былиною о „Дунаѣ Ивановичѣ и Настасѣ королевичнѣ“, такъ и потому, что въ послѣдующихъ былинахъ упоминается о счастливомъ супружествѣ еще здравствующихъ Ставра и Василисы. Въ трагическомъ пересказѣ былины мужъ Василисы называется Данилоу Ловчаниномъ и посылается княземъ въ „службу дальнюю, невзворотную“, на Буянъ-островъ. Съ горя, что онъ сдѣлался „неугоденъ“ князю, Данило, побивъ предварительно враговъ, падаетъ грудью на „востро копье“. Василиса, съ тоски, „спарываетъ“ себя „бѣлую грудь“ надъ трупомъ мужа.

24. (Стран. 54). Въ лѣтописи (Новгородской) Ставѣрь упоминается въ первый разъ подъ 1118 годомъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ бояръ новгородскихъ, присягавшихъ въ Кіевѣ Владиміру Мономаху, но не угодныхъ ему, онъ былъ отправленъ въ ссылку. Тождественность событія и одинаковость именъ царствующихъ князей послужили слагателямъ былинъ поводомъ къ наименованію Ставромъ одного изъ богатырей Владиміра Святого, при чемъ родино его, вмѣсто Новгорода, называется Черниговъ.

25. (Стран. 54). Торговля въ старину производилась по болшей части мѣновая и купцы находились постоянно въ разъѣздахъ,

т.-е. вездѣ были гостями; отсюда названіе ихъ—„гости торговые“.

26. (Стран. 55). Василиса Микулична — старшая дочь Микулы Селяниновича (см. былинну о немъ). Въ народныхъ сказкахъ она называется также „Василисою Золотою Косою“, „Василисою Премудрою“ и „Прекрасною“.

27. (Стран. 56). Подъ выраженіемъ „посадить на овесъ и на воду“, очевидно, слѣдуетъ разумѣть „на хлѣбъ (овсяный) и на воду“.

28. (Стран. 56). „Грознымъ“ (страшнымъ) представляется простолюдину всякій посолъ, застающій его врасплохъ съ неожиданю, негаданю вѣстью.

29. (Стран. 58). По плохому состоянію дорогъ въ древней Руси по нимъ ставились вѣхи.

30. (Стран. 60). Въ былинахъ „лицами безъ рѣчей“, подобно князьямъ-боярамъ, являются еще такъ называемые „скупченныя“ богатыри, дѣлая кучи которыхъ, по общему ихъ свойству, носятъ одно общее имя: „братья Пригченки“ (отъ прыткій), „Хапиловы“ (отъ хапаты, хвататы—„хвататы“), „Сбродовичи“ (отъ сбродъ), мужики „Залѣшане“ (отъ залѣсье, лѣсь).

31. (Стран. 68). Молодому заѣзжему венеціанскому купцу, одаренному удивительнымъ искусствомъ пѣнія и игры на гусляхъ (подъ которыми здѣсь слѣдуетъ понимать, конечно, нѣчто въ родѣ итальянской мандолины или гитары), дано имя искуснѣйшей пѣвчей птицы—„Соловья“, точно такъ же, какъ и знаменитому блевому Соловью разбойнику, свистъ котораго если и не умиляетъ, то сражаетъ всякаго съ ногъ. Отечество „Будиміровичъ“, составленное изъ словъ буди и міръ, усиливаетъ еще артистическое значеніе Соловья, который, какъ Орфей, своей чарующей игрой пробуждаетъ весь окружающій міръ.

32. (Стран. 71). „На златѣ-серебрѣ не погнѣваться“— значить: князь не прогнѣвается, что ему не дарятъ злата-серебра: такимъ подаркомъ его не удивишь.

33. (Стран. 71). „Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
Всѣ-то мудрости Ерусалима,
А все замыслы Соловья Будимірова“—

означаетъ: всѣ подробности узоровъ были заморскіе, но соединеніе ихъ въ одно стройное и дѣлое принадлежало самому Соловью.

34. (Стран. 72). Какъ человѣку торговому, князь предлагаетъ Соловью Будиміровичу для застройки „бойкое“ мѣсто; но Соловью, хотя и строящему затѣмъ, кромѣ теремовъ, гостиный дворъ, не того надобно.

35. (Стран. 75). Соловьѣва золота казна „стучить-бренчить, щелчить-молчить“, т.-е. только и слышно пересыпаніе денегъ.

36. (Стран. 76). По одному варианту, Соловей Будиміровичъ съ Забавой Путятничной тутъ же мѣняются перстнями; но Соловьѣва

матушка отсрочиваетъ свадьбу до тѣхъ поръ, пока сынъ не расторгнется. Соловей отъѣзжаетъ за синія моря. Между тѣмъ является къ князю Владиміру съ подарками „голый шапъ“ (бѣдный щеголь) „Давидъ Поповъ“, и князь отдаетъ за него племянницу. Во время свадебнаго пира однако возвращается Соловей Будиміровичъ, и Забава изъ-за стола съ радостью бросается къ нему и выходитъ за него. Этотъ эпизодъ явно заимствованъ изъ былины о „Добрынь въ отъѣздѣ“, такъ какъ не только общее содержаніе его, но и многія мелкія подробности и даже цѣлыя фразы схожи съ концомъ послѣдней былины; „голый“ же „шапъ Поповъ“ есть, очевидно, „бабій пересмѣшникъ“ Алеша „Поповичъ“.

37. (Стран. 78). Пока совершаются богатырями кievскаго князя описываемые въ предыдущихъ былинахъ подвиги,—далеко на сѣверѣ, въ нынѣшней Владимірской губерніи, подъ Муромомъ, въ деревушкѣ Карачаровѣ безвѣстно прозябаетъ растительною жизнью параличный крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, которому суждено сдѣлаться впослѣдствіи спасителемъ отчизны отъ враговъ внутреннихъ, духовныхъ и внѣшнихъ. Здѣсь представленный въ теченіе десятилѣтій самому себѣ, въ дали отъ суеты мірской, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, Илья исподволь набирается того безкорыстнаго, человѣчнаго духа, который необходимъ истинному оберегателю общественныхъ интересовъ, остающемуся вѣкъ безсемейнымъ бобылемъ для вящей пользы общины. На родинѣ его, въ селѣ Карачаровѣ, и въ настоящее время есть крестьяне Илюшины, которые съ гордостью производятъ отъ него родъ свой.

38. (Стран. 79). Мать Ильи Муромца, по преданію, называлась Ефросиньей Яковлевой.

39. (Стран. 79). Въ теченіе тридцатилѣтняго „сидѣнія“ Илья Муромца въ немъ какъ бы назрѣваютъ исполинскія силы, необходимыя для предстоящихъ ему подвиговъ, непреодолимыхъ для другихъ смертныхъ. Но вывести его изъ неподвижности можетъ только внѣшняя, сверхъестественная, искупительная сила; такими ангелами - искупителями являются могучіе представители вѣчнаго движенія, былого кочевья—калики переходячіе,—однимъ словомъ своимъ пробуждающіе къ жизни его онѣмѣлые члены, однимъ прикосновеніемъ губъ къ напитокку, который онъ испиваетъ послѣ нихъ, дѣлающіе изъ него сильнѣйшаго богатыря.

40. (Стран. 81). Заря, по народному повѣрью, самое дѣйствительное время для совершенія всякихъ чаръ, роса же заревая обладаетъ будто бы особенною цѣлебною силой, и купаніе въ ней подъ Ивановъ день принадлежитъ къ древнѣйшимъ обрядамъ славянъ.

41. (Стран. 82). Какъ самъ Илья Муромецъ, до пробужденія богатырскихъ силъ его поданнымъ каликами питьемъ, находится въ безпомощномъ, параличномъ состояніи, такъ и богатырскій конь его, до купанія въ чародѣйной утренней росѣ, долженъ быть болѣзненнымъ, шелудивымъ.

42. (Стран. 86). „Въ полпути“ отъ села Карачарова къ Мурому дѣйствительно воздвигнута надъ ключомъ часовня во имя пророка Ильи, который такимъ образомъ является какъ бы ангеломъ муромскаго богатыря.

43. (Стран. 86). Въсто Чернигова, въ разныхъ вариантахъ называются „Бѣжеговъ“, „Бекетовець“. „Кидишъ“, „Кряковъ“, „Смолягинъ“ (Смоленскъ) и „Турговъ“.

44. (Стран. 89). „Заставы“ въ былинахъ бываютъ двойаго рода: заставы вражьи — преграды, встрѣчаемыя богатырями на своемъ пути со стороны враговъ или вообще враждебныя силы, и, въ противоположность имъ, заставы богатырскія — небольшія крѣпостцы, большею частью по окраинамъ государства, на которыхъ стоитъ богатырская дружина, „братья крестовая“, или „названная“, обороною отчизны отъ вѣшнихъ враговъ.

45. (Стран. 89). Рѣка „Смородина“ или „Самородина“ есть мифическая рѣка, сама рождающаяся и, подобно древнегреческой Летѣ, безпощадно поглощающая въ своихъ волнахъ всѣхъ смертныхъ, переплывающихъ ее. Поэтому она протекаетъ и мимо Соловьинаго гнѣзда, гдѣ всякому прохожему грозитъ неминуемая смерть.

46. (Стран. 89). Соловей разбойникъ, залегающій тридцать лѣтъ дорогу въ стольный Кіевъ, олицетворяетъ собою вообще главныхъ внутреннихъ враговъ возникающаго государства — шайки разбойниковъ, которыя разсѣять суждено первому нашему герою — Ильѣ Муромцу. Кто не испытывалъ невольной дрожи темною ночью въ глухомъ мѣстѣ при неожиданномъ рѣзкомъ свистѣ, служащемъ обыкновенно условнымъ знакомъ для злоумышленниковъ? Неудивительно, что народное воображеніе одарило прототипъ русскихъ разбойниковъ убійственнымъ соловьинымъ свистомъ, отъ котораго онъ и получилъ свое имя. Отчество же его „Рахмановичъ“ производится отъ слова рахманъ или брахманъ, т.-е. браминъ — индѣйскій жрецъ и чудесникъ. Иногда онъ называется и „Птицей Рахманной“, „Алатырцемъ некрещенымъ“ (отъ Латырь - моря), а по батюшкѣ „Одихмантьевичемъ“ (какъ и старшій богатырь Сухманъ) или „Ахматовичемъ“ (отъ татарскаго Ахмата).

47. (Стран. 93). По другимъ пересказамъ, неожиданное нападеніе до того раздражило нашего богатыря, что онъ разорилъ все гнѣздо Соловьиное и „показнилъ“ всю семью, за исключеніемъ самого отца-разбойника, котораго повезъ съ собой въ Кіевъ.

48. (Стран. 102). Какъ Вольга Всеславъевичъ есть полубогъ-охотникъ и воинъ, побѣждающій всю одушевленную природу, такъ Микула Селяниновичъ есть „любимый землю“ полубогъ-крестьянинъ, божественный представитель земледѣлія и первой осѣлости на Руси, который, избораживая своею чудесною сохою вдоль и поперекъ всю матушку святую Русь, порабощаетъ питательную силу земли. Имя его „Микула“ — Микола, Николай; отчество „Селяниновичъ“ показываетъ, что онъ сынъ

селянина, т.-е. крестьянина; въ видѣ исключенія онъ величается и „Никитичемъ“. Сыновой у него нѣтъ; но, по одинаковости происхожденія, изъ „младшихъ“ богатырей всего ближе приходится ему главнѣйшій—Илья Муромецъ. Второй, послѣ Ильи, младшій богатырь—Добрыня Никитичъ, типъ селянина, женится на одной изъ трехъ поленицъ-дочерей Микулы—Настасѣ, старшая сестра которой, Василиса, замужемъ за богатыремъ - купцомъ Ставромъ. Такимъ образомъ Микула есть въ нѣкоторомъ родѣ родоначальникъ младшихъ богатырей.

49. (Стран. 106). Тяжесть сохи Микулиной, которой не могла осилить вся дружина Волгѣй, есть та же самая „земная тяга“, которую затѣмъ тщетно силится одолѣть въ переметной сумкѣ Микулиной великанъ-Святогоръ (см. былинѣ о немъ).

50. (Стран. 107). По лѣтописи, Олегъ подъ Гурчевцемъ или Вручевцемъ нашель смерть: „Побѣгъшу же Ольгу съ вой своими въ градъ, рекомый Вручій, бяше черезъ гроблю мостъ ко вратамъ граднымъ: тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга съ мосту въ дебрь, падаху людье мнози, и удавича кони челоуѣци. И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и-есть могила его и до сего дня у Вручего“.

51. (Стран. 112). Двухъ главныхъ „старшихъ“ богатырей, о которыхъ имѣются отдѣльныя былины, Волги Всеславьевича и Микулы Селяниновича, при князь-солнышкѣ Владимірѣ нѣтъ уже въ живыхъ. Изъ прочихъ старшихъ богатырей, нѣкоторые также сошли уже со сцены; другіе, не умѣя освоиться съ условиями осѣдлой жизни, доживаютъ кое-какъ свой вѣкъ, не совершая уже никакихъ богатырскихъ подвиговъ. Одинъ изъ нихъ, Святогоръ, удалился отъ свѣта на свои Святыя горы, и единственная попытка его (описываемая въ настоящей былинѣ) приложить свою исполнскую мощь къ новымъ житейскимъ условіямъ—къ земному дѣлу—почти погубила его: онъ по колѣна утязь въ землю, и кровь, вмѣсто пота, потекла по лицу его. Онъ—представитель грубой физической силы кочевого періода, которая, какъ самостоятельная стихія, въ строгомъ строѣ одухотворенной нравственнымъ началомъ гражданской жизни не имѣетъ уже мѣста и должна умереть. Изрѣдка Святогору присваивается отчество „Колывановичъ“.

52. (Стран. 121). По одному пересказу, встрѣча Ильи Муромца съ Святогоромъ происходитъ тотчасъ на первомъ выѣздѣ его изъ родительскаго дома. Но конь Святогоровъ возитъ своего хозяина съ Ильєю трое сутокъ; Илья же, простоявъ въ Муромѣ заутреню, къ поздней обѣднѣ того же дня поспѣлъ въ Кіевъ, слѣдовательно по пути, очевидно, не могъ трехъ сутокъ пробыть въ карманѣ Святогора. Затѣмъ, рассказывая въ Кіевѣ князю о помѣхахъ, замедлившихъ его своевременное прибытіе къ обѣду „княженецкому“, онъ ни въ одномъ вариантѣ не упоминаетъ о своей встрѣчѣ съ Святогоромъ. Далѣе, рекомендуясь Святогору, онъ въ нѣсколькихъ пересказахъ называетъ себя богатыремъ изъ

Кіева (значить, ѣдущимъ изъ Кіева, а не впервые въ Кіевъ), и указываетъ даже цѣль своей поѣздки—повидать Святогора, невиданнаго еще кіевскими богатырями. Поэтому не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что поѣздку свою на Святія Горы Илья совершилъ уже послѣ перваго пріѣзда своего въ Кіевъ съ Соловьемъ разбойникомъ. Рядомъ съ настоящею былиною могла бы быть помѣщена извѣстная побывальщина объ „Аникѣ-воинѣ“, имѣющая также темою гибель представителя грубой богатырской силы, который, судя по встрѣчающимся въ разсказѣ именамъ однихъ старшихъ богатырей (Святогора, Самсона и Колывана), долженъ бы также быть изъ числа ихъ (см. прим. 3). Но не говоря уже о книжномъ и разрушенномъ стихѣ этой побывальщины, дѣлающимъ возстановленіе ея довольно затруднительнымъ, мы не сочли удобнымъ включать ее въ сводъ образцовъ русскаго народнаго эпоса и по ея апокрифическому происхожденію. Какъ подробности основной ея темы—борьбы „храбраго челоуѣка“ Аники со смертью, такъ и греческое имя ея героя (Аникита, т.-е. „не побѣдимый“) сближаютъ ее съ византійскою поэмою о „Дигенисѣ-Акритѣ“ (также „непобѣдимомъ“), извѣстною и въ русскихъ пересказахъ. При этомъ, впрочемъ, не можемъ не указать на то, что недалеко отъ Вологды есть мѣсто, обросшее въ настоящее время мелкимъ кустарникомъ и носящее еще названіе Аникина лѣса, по имени жившаго тамъ нѣкогда разбойника Аники, о которомъ разсказывается то же, что и объ Аникѣ-воинѣ, съ тою лишь любопытною разницею, что въ завѣтной котомкѣ (сумѣ) странника, попадающагося Аникѣ, кромѣ земли, оказываются еще частицы антидора и святяги мощи, въ которыхъ такимъ образомъ какъ бы заключается главная сила котомки.

53. (Стран. 126). Вдохнувъ въ себя могучій богатырскій духъ Святогора и получивъ въ наслѣдство его славный мечъ (называемый въ одномъ вариантѣ мечомъ-кладенцомъ), Илья Муромецъ дѣлается прямымъ воспріемникомъ древнихъ русскихъ титановъ—„старшихъ“ богатырей, и можетъ смѣло выступить въ защиту отечества противъ всѣхъ враговъ духовныхъ (Идолища) и внѣшнихъ (царя Калина), какъ выдержалъ уже убійственный свистъ врага внутренняго (Соловья разбойника).

54. (Стран. 128). Въ „Идолищѣ“ (иначе „Одוליще“—отъ одолѣть) представляется метафорически, какъ надо полагать, старшій изъ древнерусскихъ боговъ Перунъ (отъ глагола переть, бить), соответствующій греческому Зевсу-громовержцу. „Силу поганую“, сопровождающую Идолище, составляютъ прочіе боги: Купало—богъ земледѣлія, Волось—богъ скотоводства, Стрибогъ—богъ вѣтровъ, Ладо—богъ семейнаго счастья и любви, Коляда—богъ міра, и другіе. Всѣ боги древней Руси олицетворялись кумирами, которымъ, для ббльшей внушительности, придавался обыкновенно возможно грозный видъ огромными размѣрами тѣла, множествомъ головъ и страшными чертами лица, причемъ каждый кумиръ имѣлъ свои необходимыя, наводящіе ужасъ

атрибуты, въ видѣ многоголовыхъ ящеровъ, змѣевъ и т. п. Туловище громоноснаго Перуна было искусно вырѣзано изъ дерева и стояло на желѣзныхъ ногахъ; голова его была серебряная съ золотыми усами, а въ рукѣ у него сверкала молнія изъ рубиновъ и карбункуловъ.

55. (Стран. 128). Смѣлый Алеша Поповскій сынъ, первый изъ русскихъ богатырей дерзнувшій свергнуть одиночный идолъ (Тугарина Змѣевича), не нашелъ въ себѣ одинако же достаточно мужества, чтобы выступить противъ всего сонмища языческихъ боговъ.

56. (Стран. 133). По лѣтописнымъ свѣдѣнiямъ, Владимiръ Святославичъ, окрестившись въ Херсонѣ (близъ нынѣшняго Севастополя) въ 988 году, по возвратѣ въ Кiевъ, прежде всего распорядился уничтоженiемъ языческихъ идоловъ. Идолъ Перуна, возвышавшiйся на священномъ холмѣ противъ самаго княжескаго терема, былъ привязанъ къ лошадиному хвосту и, подъ палочными ударами, спущенъ подъ гору въ Днѣпръ. Здѣсь бѣдный идолъ будто бы, съ рыданиями и воплями пытался еще выбиться на берегъ; но его схватили, и съ тяжелымъ камнемъ на шеѣ онъ пошелъ ко дну. Послѣ этого, убѣжденный въ безпомощности своихъ старыхъ боговъ, народъ повалилъ толпами къ рѣкѣ, гдѣ, стоя въ водѣ, по примѣру Христа, и былъ окрещенъ iереями. Прочiе кумиры были также или разбиты, или сожжены.

57. (Стран. 135). Былина объ „Ильѣ Муромцѣ въ ссорѣ съ княземъ Владимiромъ“ заслуживаетъ особеннаго вниманiя потому, что въ ней муромскiй герой, „помѣшавъ ученыя мѣста“ на пиру у Владимiра и усадивъ затѣмъ рядомъ съ собою бѣдный пролетарiатъ — „голей кабацкихъ“, удовольствовавшись самъ, впрочемъ, мѣстомъ середнимъ, — ратуетъ за равноправность сословiй, которая лишь 9 вѣкомъ спустя, въ минувшее царствованiе, по собственной державной волѣ въ Божѣ почитающаго нынѣ Царя-Освободителя, дарована русскому народу въ столь широкой мѣрѣ — въ крестьянской реформѣ, всесословныхъ земскихъ и городскихъ учрежденiяхъ, гласномъ судѣ съ присяжными и всеобщей воинской повинности.

58. (Стран. 145). Поголовное побѣненiе татаръ Ильею Муромцемъ, рассказываемое въ былинѣ о немъ и царѣ Калинѣ, не соответствуетъ никакой исторической битвѣ въ особенности, какъ и въ самомъ царѣ Калинѣ не слѣдуетъ искать какой-нибудь определенной исторической личности: царь Калинъ есть лицо собирательное, внѣшнiй врагъ по преимуществу, и въ побѣжденiи этого врага съ его несчетной силой должно видѣть вообще побѣдоносныя дѣйствiя оружiя Владимiровыхъ богатырскихъ дружинъ противъ азиатскихъ варваровъ, особенно печенѣговъ, безпрестанно вторгавшихся въ русскiе предѣлы, при чемъ побѣдные лавры, естественно, предоставляются все тому же любимому былевому герою — Ильѣ Муромцу. Татарское иго однако запечатлѣлось въ памяти народной настолько глубоко, что позднѣйшими рапсодами, вмѣсто тѣхъ

или другихъ враговъ Владимірской Руси, вездѣ называются одни „татаровья“, а вмѣсто царя Калина нерѣдко выступаетъ „Батый Батыевичъ“ („Батыга“, „Бутеянь Бутеяновичъ“) или „Мамай“; такъ что въ окончательномъ избіеніи силы царя Калина, описываемомъ съ такимъ торжествомъ, воспѣвается безсознательно и сверженіе татарскаго ига, совершившееся 500 лѣтъ спустя (въ 1480 году).

59. (Стран. 153). Интересно сравнить это описаніе несмѣтныхъ полчищъ царя Калина съ рассказомъ Волынскаго Лѣтописца о нашествіи Батыя въ 1237 году: „Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многумъ множествомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарская, и бысть градъ во обдержаннѣ велицѣ. И бѣ Батый у города, и отроци его обсѣяху градъ, и не бы слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревъннѣ вельблудъ его и рѣжанія отъ гласа стадъ конь его“.

60. (Стран. 163). Достоинно вниманія, что князь Владиміръ добровольно предоставляет здѣсь народу ту самую льготу, которою прежде Илья Муромецъ обусловилъ примиреніе свое съ княземъ.

61. (Стран. 164). Ч у р и л а П л ё н к о в и ч ѣ есть яркій типъ получившаго свѣтскій лоскъ того времени богатаго купеческаго сынка, живущаго въ полное свое удовольствіе, не знающаго удержку своимъ затѣямъ и поставившаго себѣ жизненною цѣлью—своимъ щегольствомъ и удачью разудивить весь міръ. Въ этихъ видахъ онъ поступаетъ и на службу къ князю, при дворѣ котораго есть чѣмъ и предъ кѣмъ блеснуть. Своею удачью онъ возвысился до богатырства; но онъ ограничивается только придворною должностію, а не привыкаетъ къ земской богатырской дружинѣ: ему, бѣлолицему красавцу и щеголеватому волокитѣ, не до защиты отчизны, въ чистомъ полѣ, въ дождѣ и вьюгѣ, или на дальнихъ, безлюдныхъ „заставахъ“, въ дали отъ столичнаго комфорта. Имя „Чурила“ (или „Чурило“) нѣкоторыми языковѣдами производится отъ предполагаемаго родоначальника его Чура, какого-то древняго славянскаго бога, которому вѣроятно воздвигались встрѣчавшіеся въ старину на перекресткахъ идолы—чурки или чуры, и которымъ и донинѣ чураются въ заговорахъ и заклинаніяхъ. Имя же „Чура“ тѣми же лингвистами сближается съ именемъ греческаго бога Гермеса (Меркурія).

62. (Стран. 168). Имя „Плѣнь“ („Плѣнко“, „Плѣнчище“) происходитъ вѣроятно, отъ слова плѣнъ, полонъ: плѣнныя, полоненныя продавались нѣкогда въ рабство, составляя весьма важную статью торговли; одному изъ главныхъ торговцевъ этимъ живымъ товаромъ легко могло быть присвоено соответственное имя Плѣнь. Происхожденіемъ же этотъ „гость“—„Сурожанинъ“, т.-е. съ Сурожя (Азовскаго моря).

63. (Стран. 173). Ни въ одной другой былинѣ столь свойственный русскому народу простодушный юморъ не достигаетъ такой силы, какъ въ былинѣ о „Дюкѣ Степановичѣ“: не знаешь что

забавнѣ: небывалыя ли чудеса Дюкова „посельца“ и наивное удивленіе „обѣнчивающихъ“ ихъ русскихъ богатырей, или же самъ пѣвецъ былины, искренно вѣрующій во все эти чудеса и невинно подтрунивающій, вмѣстѣ съ Дюкомъ, надъ простычками-киевлянами. Особенно яркій контрастъ представляетъ самоувѣренно-спокойное хвастовство вылощенного западно-европейской цивилизаціей Дюка съ доморощеннымъ ухарствомъ кievскаго фата Чурилы. Хотя Дюкъ и величается въ былинѣ „бояриномъ“, но, судя по имени, онъ едва ли не Дух, герцогъ, который, впрочемъ, какъ усматривается изъ конца былины, не гнушается заниматься и (столь прибыльнымъ) торговымъ дѣломъ; для этого дѣла то онъ въ сущности, можетъ быть, и прибылъ въ Кіевъ, и пущенная имъ въ глаза кievлянамъ пыль, которою ослѣплять такъ умѣютъ насъ и современные иностранные „гости“, послужила ему лучшей рекламой, добывшей ему право вѣчнаго безошпиннаго торгова. Родина Дюка—родственная намъ Галицкая Русь („Галичь проклятая“), которая однако, какъ лежащая за предѣлами Владиміровыхъ владѣній, помѣщается неособенно сильными въ географіи рапсодами гдѣ-то тамъ—въ „Индіи богатой“.

64. (Стран. 174). О значеніи купанія въ росѣ см. прим. 40.

65. (Стран. 197). Невѣжа-черный воронъ олицетворяетъ собою цѣлое вражеское полчище.

66. (Стран. 198). „Участь-таланъ“ Илья Муромца въ томъ, что ему „смерть на бою не писана“.

67. (Стран. 199). Сборы Добрыни въ дорогу описываются здѣсь, нѣкоторыми рапсодами, такъ же обстоятельно и тѣми же словами, какъ и сборы его на гору Сорочинскую противъ змѣя Горынчища, для избавленія Забавы Путятичны (см. былинку о второмъ боѣ его съ змѣемъ). Такъ какъ такое же подробное описаніе сборовъ, съ незначительными отступленіями, должно было быть сохранено нами, по его характеристичности, еще въ двухъ былинахъ, гдѣ героями являются два другіе богатыря (Илья Муромецъ, въ былинѣ о немъ и царѣ Калинѣ, и Дюкъ Степановичъ), то въ настоящей былинѣ мы сочли умѣстнымъ выбрать сокращенную редакцію, незадерживающую дѣйствія.

68. (Стран. 200). Одинъ пѣвецъ (правда, лучший—Рябининъ) повѣствуетъ здѣсь и о самыхъ подвигахъ Добрыни Никитича, при чемъ Добрыня дается княземъ Владиміромъ въ товарищи другому богатырю—Василію Казиміровичу, отправляющемуся къ королю (царю) Бутеяну Бутеяновичу (Батыю) отвезти дани-выходы за двѣнадцать съ половиною лѣтъ; но, прибывъ къ Бутеяну, отодвигаетъ Василія на второй планъ и выступаетъ самъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Такъ какъ ни въ одномъ изъ прочихъ многочисленныхъ (до тридцати) пересказовъ былины о „Добрынѣ въ отъѣздѣ“—о походе Добрыни ничего не упоминается, то мы склоняемся къ мнѣнію, что рассказъ объ этихъ походахъ перенесенъ Рябининымъ въ настоящую былинку изъ какой-нибудь другой самостоятельной былины, отрывки которой и передаются также нѣко-

торыми другими распадами. Не включая затѣмъ этихъ богатырскихъ приключеній въ нашу сводную былину, тѣмъ болѣе что они повредили бы цѣльности и занимательности всего разсказа, имѣющаго предметомъ эпизодъ изъ семейной жизни Добрыни, — мы не можемъ, тѣмъ не менѣе не привести здѣсь въ извлеченіи весьма картиннаго описанія Добрыниныхъ подвиговъ:

На вопросъ Бутеяна Бутеяновича:

„—Ай же вы, дородны добры молодцы!
Кто изъ васъ гораздъ играть во шашки-шахматы,
Да во славныя во тѣвлей нѣмецкія? *)

Василій Казиміровичъ отвѣчаетъ:

„—Дома у меня всѣ игроки оставлены,
Только есть у меня надеюшка
Что на Спаса, на Пречисту Богородицу
Да на своего на братца на крестоваго,
На млада Добрынюшку Никитича“.

Кликнули Добрынюшку Никитича. „Со великой со горячности“ просмотрѣлъ Добрыня одинъ „ступень“ шашечный и проигралъ Бутеяну добра коня богатырскаго. Подъ другую игру король ставить залогомъ великую безсчетную золоту казну, а русскій молодець свою буйную головушку. На этотъ разъ однако, — Добрыня обыгрываетъ короля. Тогда король предлагаетъ другого рода состязаніе:

„—Кто изъ васъ гораздъ стрѣляти изъ туга лука,
Пропущати стрѣлочку каленую
По тому по острію ножевому,
Чтобы вѣсомъ ровно шла да на двѣ стороны,
Угодила бы въ колечико серебряно?“

Василій Казиміровичъ посылаетъ вмѣсто себя опять своего братца крестоваго. Побѣжали слуги королевскіе за лукомъ.

„Какъ несутъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый, —
Подъ конецъ несутъ лукъ сто татаровой,
Подъ другой несутъ другое сто,
Подъ середочку еще да третье сто, •
Всѣ идутъ татаровья — покрятывають.
Бралъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,
Сталъ Добрыня стрѣлочку накладывать,
Сталъ шелковую тетивочку потягивать —
Заскрипѣли полосы булатныя,
Заревѣли змѣи у туга лука,
Изломался тугой лукъ, полопался,
Со бедра его Добрыня бросилъ ѓ землю“.

Какъ Добрыня играетъ здѣсь только роль „товарища“ Василя Казиміровича, такъ у него самого взять пажомъ молодой Иванушка

*) „Нѣмецкія“ — явно новѣйшая редакция.

Дубровичъ; этого пажа онъ посылаетъ къ коню богатырскому от-
стегнуть отъ праваго стремени его собственное „дранное лучёнышко
завозное“.

„Какъ во томъ луку разрывчатомъ, въ тупомъ концѣ,
Были сдѣланы гусельшки яровчаты,
Да не для-ради красы-угожества,
Для-ради потѣхи молодецкія...“
„Какъ беретъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,
Самъ становится да на рѣзвы ножки
Супротивъ колечика серебряна,
Какъ кладетъ онъ тугой лукъ подъ ножку лѣвую,
Съ лѣвой ножки на правое плечо:
Защелкала тутъ тетивочка шелковая,
Натянулся у Добрыни тугой лукъ,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Три раза стрѣлилъ по острию ножевому,
Три раза попалъ въ колечико серебряно“.

Послѣ него стрѣляетъ Бутеянь:

„Первый разъ стрѣлилъ—перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ—не дострѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—попасть не могъ“.

Королю дѣло не слюбилось, и онъ предлагаетъ бороться.

„Какъ на улицѣ-то ходятъ три борца,
Три борца да три татарина,
Дружка дружку за воротъ похватываютъ,
Дружка дружку наземь да побрасываютъ“.

Добрыня сходитъ съ крыльца и спрашиваетъ Бутеяна: какъ прика-
жетъ съ ними драться—со всѣми ли вдругъ или по одиночкѣ? Бу-
теянь отвѣчаетъ, что можетъ драться, какъ ему угодно. Тогда
Добрыня перваго татарина хватаетъ за воротъ, втораго за голову,
третьяго за волосы, бросаетъ о сыру землю и зашибаетъ до смерти.
„Та борьба была побдрана“. Бутеянь, испугавшись, не только от-
казывается отъ привезенныхъ ему русскими богатырями даней-вы-
ходовъ, но даетъ имъ еще „грамоту повинную“ платить съ своей
стороны кievскому князю дани-выходы „вѣкъ по вѣку“.

69. (Стран. 209). Какъ указано въ прим. 16, калики переходящіе
были послѣдними представителями былой кочевой жизни. Богатырь
Михайло Пѣтыкъ, выступающій въ одной былинѣ (о „Сорока
каликахъ“, не помѣщенной здѣсь) во главѣ каликъ, есть по преиму-
ществу богатырь-бродяга, какъ показываетъ самое прозвище его
„Пѣтыкъ“ (пѣтыкаться, слоняться по міру) или „Потокъ“ (не-
удержимо-подвижный какъ потокъ, рѣка). Изъ эпохи кочевья,
къ которой онъ принадлежитъ еще своимъ существомъ, богатырь
этотъ влечетъ за собою всю языческую обстановку: жену-оборотня,
подземныхъ гадювъ, добывающихъ живую воду, и проч. Но хри-
стіанское начало въ немъ все-таки пустило уже столь глубокие
корни, что еретница-жена тщетно пытается погубить его, и сама,
по смерти мужа, несетъ заслуженное наказаніе, будучи обречена
живую лечь съ нимъ въ могилу.

70. (Стран. 210). „Бѣлою Лебедью“, въ которую обыкновенно обращались красавицы женщины-оборотни сказочныхъ временъ, стали называться въ послѣдствіи вообще женщины-красавицы. Авдотья Лиходѣвна (иначе Лиховидѣвна) есть, по нѣкоторымъ вариантамъ, дочь царя Лиходѣя Лиходѣвича.

71. (Стран. 212). Безшабашный разгуль есть одна изъ характеристическихъ чертъ бродяжничества, представителемъ котораго служить Потыкъ.

72. (Стран. 212). Со стороны довѣрчиваго Потыка такой уговоръ былъ искреннимъ выраженіемъ безграничной супружеской вѣрности, тогда какъ Бѣлая Лебедь Авдотья Лиходѣвна, какъ показали послѣдствія, имѣла при этомъ свой особый злой умыселъ.

73. (Стран. 213). По нѣкоторымъ пересказамъ, вѣсть о смерти жены застаётъ Потыка на чужбинѣ, въ ордѣ царя Налета Налетовича (иначе царя заморскаго Бухаря), гдѣ онъ, по примѣру Добрыни (см. прим. 68), обыгрываетъ царя въ шашки-шахматы.

74. (Стран. 214). Покойники въ старину доставлялись въ церковь не иначе, какъ на саняхъ.

75. (Стран. 216). Уже разъ отпѣтые покойники, въ случаѣ оживленія, вновь освящаются.

76. (Стран. 217). Въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины рассказываются еще дальнѣйшія похождения Потыка, вызванныя побѣгомъ жены его къ королю литовскому: волшебница Лебедь Бѣлая подноситъ погнавшемуся за нею мужу „зелья заблудцаго“ и обращаетъ его въ бѣлый горячій камешекъ (см. прим. 2); но братья названные его, Илья Муромецъ и Добрыня, при помощи встрѣтившагося имъ калики перехожаго приподнимаютъ грузный камешекъ, который раскалывается и выпускаетъ на свѣтъ Божій Потыка. Несмотря на уговариванья братцевъ крестовыхъ, мягкосердый Потыкъ вторично идетъ въ Литву за женою, которая снова успѣваетъ слабому до зеленна вина мужу преподнести, подъ видомъ зеленна вина, соннаго зелья. Тутъ однако спасаетъ его, посредствомъ уловки, дочь королевская Настасья, съ которою Потыкъ и „принимаетъ по злату вѣнцу“, снявъ предварительно буйну голову чародѣйкѣ-женѣ за ея „поступки неумильные“.

77. (Стран. 218). „Васька Долгополистый“, „Долгополюй“, „Долгополище“, иначе называемый еще „Василіемъ Казимировичемъ“, „Долгомѣровичемъ“ или „Игнатъевичемъ“, а также „Пьяницей“, оба съ Михайлой Потыкомъ — знаменитые пьяницы.

78. (Стран. 220). Смотрѣніе въ даль изъ кулака молодецкаго соотвѣтствуетъ современному наблюденію въ подзорную трубку, которая, впрочемъ, какъ анахронизмъ, иногда упоминается и рпсодами.

79. (Стран. 224). „Не улѡва птицы, теребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься“ —

значить: не поймавъ птицы, уже щиплешь ее; не сваривъ птицы, садишься за столъ.

80. (Стран. 225). По одному пересказу, послѣ боя на копьяхъ, богатыри еще тягаются черезъ гривы лошадиныя:

„Тягами желѣзными хватался,
Черезъ гривы лошадиныя тянулся,
Другъ другѣ никто не перетягивалъ,
Другъ другѣ богатыри не ранили“.

81. (Стран. 226). У всѣхъ исчадіи тьмы—груды черныя, тогда какъ у людей, хотя бы и враговъ, онѣ бѣлыя.

82. (Стран. 228). „Латыгорка“ (иначе „Латымірка“, „Лысогорка“, „Горынинка“, „Горынчанка“, въ сказкахъ „Баба-Яга“), богатырица царства тьмы, получила свое имя отъ Латырь-горы, которая есть нечто иное, какъ берегъ Латырь-моря (Балтійскаго).

83. (Стран. 228). „Сокольникъ“ (иначе „Соловникъ“, „Борисъ Козловъ“, „Збудъ королевичъ младъ“, „Жидовинъ богатырь“, Татарченко въ Бусурманченко“) есть представитель тьмой силы, такъ что бой его съ Ильей Муромцемъ есть какъ бы аллегорическая борьба начала тьмы и зла съ свѣтлымъ, нравственнымъ началомъ.

84. (Стран. 228). Сокольникъ называется также сыномъ Ильи Муромца.

85. (Стран. 238). Нѣкоторые расказы заставляютъ „старого“ послѣ этого умереть.

„Какъ прѣхалъ опять во Кіевъ градъ,
Ко пещерамъ тѣмъ ко кіевскимъ,
Прилетала сила невидимая,
И взимали стараго со добра коня,
Заносили во пещеры во кіевски;
Туть ли старый и опочивъ держалъ,
Туть матѣрь чловѣкъ и окаменѣлъ,
И понынѣ его мощи нетлѣнныя“.

Въ кіевскихъ пещерахъ, дѣйствительно, до настоящаго времени показываются мощи Ильи.

86. (Стран. 239). Существуетъ мнѣніе, что былина о томъ, „Какъ перевелись богатыри на святой Руси“,—значительно позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ всѣ прочія былины Владимірова круга. Поводомъ къ такому мнѣнію должно было послужить приведенное выше (въ прим. 85) окончаніе былины о „Трехъ поѣздочкахъ Ильи Муромца“, который, по нѣкоторымъ пересказамъ, умеръ своею смертію при возвратѣ съ послѣдней поѣздки, чѣмъ оправдалъ на дѣлѣ предсказаніе каликъ переходящихъ, давшихъ ему богатырскую силу: что смерть ему на бою не написана. Притомъ же былина о гибели богатырей имѣется вполнѣ лишь въ одномъ пересказѣ. Но подобное мнѣніе едва ли основательно. Каждый былевой богатырь есть типъ, живущій вѣка, и продолжительность жизни богатырей соотвѣтствуетъ грандіознымъ размѣрамъ всего ихъ бытія; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если богатыри Влади-

мирова времени дожили до перваго нашествія на Русь Чингисхана въ 1223 году (слишкомъ 200 лѣтъ по смерти Владиміра). До татаръ они имѣли дѣло съ половцами, печенѣгами и другими беспокойными, но, относительно, слабыми сосѣдями (впослѣдствіи въ устахъ народа получившихъ общее прозваніе „татаръ“), и постоянныя побѣды надъ этими врагами должны были вселить въ нихъ самоувѣренность, доходящую до самообольщенія. И первыя полчища новой „нездѣмой“ силы, накатившейся съ востока, наши богатыри не могли не встрѣтить съ тою же самонадѣянностью, вызвавшейся въ возгласѣ вѣчнаго хвастуна Алеши Поповича:

„Подавай намъ силу хоть небесную: *)
Мы и съ тою силой, братцы, справимся!“

За это-то самохвальство, по благочестивому воззрѣнію народа, Провидѣніе и ниспосылаетъ имъ двухъ грозныхъ супротивниковъ, которые, разрубаемые пополамъ, удваиваются только числомъ и наконецъ наступаютъ такую несмѣтную силой, что богатыри въ паническомъ страхѣ обращаются въ бѣгство и окаменѣваютъ — окаменѣваютъ въ неизблемыхъ образахъ народнаго богатырскаго эпоса. Въ глазахъ народа эти супротивники — вызванная богохульникомъ Алешей сила небесная; въ дѣйствительности же это — невиданные до толѣ легіоны азиатскихъ варваровъ, по мѣрѣ истребленія, подобно саранчѣ прибывающихъ все большими и большими массами и этими массами окончательно подавляющихъ нашу немногочисленную богатырскую дружину. Поэтому былина о гибели богатырей, созданная, какъ надо полагать, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ татарскаго нашествія, по мнѣнію нашему, достойно заключаетъ древне-кѣвскій богатырскій эпосъ, отдѣльныя былины котораго также возникли постепенно въ періодъ времени отъ Владиміра до первыхъ годовъ татарскаго владычества.

87. (Стран. 239). Въ виду божественнаго происхожденія, которое дается народомъ двумъ супротивникамъ русскихъ богатырей, представляется естественнымъ перенесеніе дѣйствія къ библейской Сафатъ-рѣкѣ.

88. (Стран. 239). О „Горденкѣ“ („Гордей“, „Годинъ“, „Хотень“) Блудовичѣ и Иванѣ Гостиномъ сынѣ есть двѣ отдѣльныя былины, мало однако замѣчательныя.

89. (Стран. 240). Въ подлинникѣ единственнаго цѣльнаго варианта былины здѣсь названъ, по очевидному недоразумѣнію, новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ; мы считали себя въ правѣ замѣнить его „старшимъ“ кѣвскимъ богатыремъ Самономъ Самойловичемъ, который одинъ изъ всѣхъ богатырей кочеваго періода ѣздитъ, хотя и неохотно, „поляковать“ съ младшимъ поколѣніемъ богатырей и, конечно, долженъ былъ также погибнуть наравнѣ съ послѣдними въ борьбѣ съ „нездѣшной“ силой.

*) Вариантъ: „нездѣшнюю“.

90. (Стран. 241). Замѣчательно что роковой вызовъ небесамъ, повлекшій за собою гибель всей богатырской братіи, влагается въ уста все того-же Алеши Поповича, ядовитый языкъ котораго разсѣваетъ повсюду разладъ и раздоръ.

91. (Стран. 245). О Василии Буслаевѣ въ Лѣтописи (именно Никоновой) говорится вообще только разъ, какъ о посадникѣ Васкѣ Буславичѣ, скончавшемся въ 1171 году. Уменьшительное Васька въ былинѣ вполне соответствуетъ типу народнаго удалца; при чемъ во второй былинѣ о немъ (о его смерти), когда удалецъ отчасти остепенился, оно уже не повторяется. Имя отца Василя „Буслай“ или „Буславъ“—сокращенное славянское „Богуславъ“.

92. (Стран. 245) Мужики новгородскіе—мужи, горожане.

93. (Стран. 245). Изъ этого надо заключить, что отецъ Василя былъ въ древнемъ Новгородѣ лицомъ именитымъ, чуть ли не посадникомъ, въ пользу чего говоритъ также раннее обученіе Василя грамотѣ, письму и пѣнію церковному.

94. (Стран. 250). Въмѣсто Ѡмы Горбатенькаго, называется также Котельная Пригарина.

95. (Стран. 255). Разнорѣчіе: бой дружины Васильевой продолжается трое сутокъ.

96. (Стран. 254). По нѣкоторымъ вариантамъ, дѣвушка-чернавуха (иначе Чернавка, дѣвка поварѣиная), прежде чѣмъ бѣжать за Василемъ, сама еще побиваетъ коромысломъ малую толку „мужиковъ“ новгородскихъ.

97. (Стран. 256). Старчище Андронище (Андронище) иначе Игнатище, Елизарище или пилигримище—странникъ (peregrinus), калика переходжій, имѣвшій главное пристанище въ мѣстномъ Кириллово-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

98. (Стран. 256). Вариантъ:

„Я иду—Василью смерть несу!“

99. (Стран. 256). „Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ“. Стало быть, бой былъ въ Петровки.

100. (Стран. 257). „А у стараго во лбу и глазъ ужъ вѣку нѣтъ“, т.-е. старецъ и при жизни еще слѣпъ былъ.

101. (Стран. 258). Есть слѣдующее отрывочное начало былинны о „Смерти Василя Буслаева“, которое могло бы служить какъ бы присказкой ея:

„По синю морю корабличекъ бѣжить, таки бѣжить;
Къ Нову-городу корабличекъ спѣшить, таки спѣшить;
По кораблику Васильюшка погуливаетъ,
Онъ во звонкія гусельчики поигрываетъ:
„Ахъ, вы гусли, вы гусли, гусельчики мои,
„Заиграйте вы, гусли, при мнѣ, таки при мнѣ,
„При мнѣ, таки при мнѣ, при Васильѣ молодцѣ,
„При Васильѣ молодцѣ, при купеческомъ сынкѣ!“

Хотя однако же умѣніе играть на гуслихъ ни мало не противорѣчило бы общему характеру новгородской вольницы, но нигдѣ, кромѣ приведеннаго отрывка не упоминается о подобномъ искусствѣ Василя Буслаева; почему оно присвоено ему здѣсь едва ли не случайно отъ настоящаго „загусельщика“ Садка купца или же отъ кievскаго заѣзжаго артиста-богатыря Соловья Будиміровича, которые оба также „похаживаютъ“ по своимъ кораблямъ.

102. (Стран. 260). вмѣсто *Ѡаворъ-горы*, называютъ также *Сіонъ-гора* и *гора Сорочинская* (см. прим. 22).

103. (Стран. 261). *Островъ Куминскій*—въ устьѣ р. *Кумы*, впадающей въ *Каспійское море*.

104. (Стран. 263). *Встрѣчаемая* *Василіемъ Буслаевымъ* на *Ѡаворъ-горѣ* *голова*, нѣкоторыми изслѣдователями сравнивается съ древне-греческою головою *Медузы*.

105. (Стран. 267). Въ былинѣ *Садко*, прежде чѣмъ сдѣлаться богатымъ гостемъ, не болѣе какъ веселый молодець, т.-е. гуслиарь или даже *скоморохъ*, добывающій себѣ хлѣбъ насущный игрою на гуслихъ. Въ *Лѣтописяхъ* же XII вѣка онъ упоминается неоднократно уже какъ *Соткѣ Богатой* или *Съдкѣ Сытиничъ*, построившій въ 1167 году церковь св. мучениковъ *Бориса* и *Глѣба* въ *Новгородѣ*. Такимъ образомъ *Садко* долженъ былъ быть современникомъ *Василя Буслаева*, умершаго, по *Лѣтописи*, въ 1171 году. Производятъ имя *Садко* различно: отъ слова *Садокъ* (уменьшит. слова *садъ*), отъ званія *сотникъ* (*сотскій*) или же, наконецъ, отъ *лѣтописнаго* отчества его *Сытиничъ* (*Сытничъ*), происходящаго отъ имени *Сытъ* или *Сытой* (нѣм. *Satt*, лат. *Satur*).

106. (Стран. 167). *Поддонный Царь*—также *Царь Морской*, *Царь Водяной*, *Водяникъ*, *Водовикъ*. По одному варианту, *Садко* является въ *Новгородѣ* съ *матушки Волги-рѣки*, поклонъ которой приносить братцу ея озеру *Ильмену*; *Ильмень* же, въ образѣ добраго молодца, даетъ тотъ же совѣтъ, что и *Поддонный Царь*.

107. (Стран. 270). Въ первой былинѣ о *Василіи Буслаевѣ*, по нѣкоторымъ пересказамъ, въ числѣ мужей (мужиковъ) новгородскихъ упоминается *Никола Зиновьевичъ* и *Ѡома Родіоновичъ*. Весьма вѣроятно, что это—тѣ же настоятели *Лука Зиновьевъ* и *Ѡома Назарьевъ*, что упоминаются въ первой былинѣ о *Садкѣ*, такъ какъ *Садко* и *Василій Буслаевъ*, какъ выше сказано, должны были быть современниками.

108. (Стран. 272). *Разнорѣчіе*: *Садко* „пораздумался“, что не выкупить ему товаровъ со всего бѣла свѣта: „богатъ я, *Садко*, да богатѣ меня *Новгородъ*“,—и отдаетъ свой проигранный закладъ.

109. (Стран. 274). *Черные корабли*, вмѣсто обычнаго эпитета „червлѣные“, въ противоположность *Садкову* кораблю—бѣлому кречету.

110. (Стран. 276). „*Дружки-братья корабельщики*“—иначе: „*Ярыжки*, люди наемые, наемны люди—подначальные“.

111. (Стран. 276). Извѣстный купеческій девизъ „не надуть— не продать“ въ былое время, когда гости торговые, какъ птицы залетныя, всегда могли уклониться отъ преслѣдованія со стороны обманутыхъ покупателей, безъ сомнѣнія, былъ еще болѣе въ ходу, чѣмъ въ нашъ практическій, но и просвѣщенный вѣкъ. Садко, конечно, не составлялъ исключенія изъ общаго правила, и потому совершенно понятно его желаніе, во что бы то ни стало, по древнему языческому обычаю, откупиться отъ подлежащаго божества— сначала богатымъ даромъ, а затѣмъ и человѣческой жертвою.

112. (Стран. 276). По одному варианту, Садко въ правую руку беретъ образъ „Миколы Угодника“, а въ лѣвую гусли.

113. (Стран. 278). вмѣсто Царицы Поддонной Садеу является также Святитель Никола (образъ котораго имъ взятъ былъ съ собой).

114. (Стран. 279). Дѣвушка черная или повареная, играющая извѣстную роль и въ первой былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ,— едва ли не разновидность встрѣчающейся столь часто въ сказкахъ разныхъ народовъ Замарашки (Сандрильоны).

115. (Стран. 280). Въ вариантѣ (другого стихосложенія), который мы находимъ у Кириши Даниловича, Иванъ Васильевичъ, еще великій князь, а не царь московскій, съ прозваніемъ Прозритель, милостиво принимаетъ отъ царицы казанской Елены ковригу съ солью, а саму царицу велитъ крестить и затѣмъ въ монастырь постричь, супругу же ея, царю Симеону, за гордость его, что не встрѣтилъ съ хлѣбомъ-солью, „вынялъ ясны очи косицами“, и, снявъ съ него царскую корону и порфиру, „царской костью въ руки принялъ“.

„И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ Московское царство;
Что тогда-де Москва основалась,
И съ тѣхъ поръ великая слава“.

116. (Стран. 287). Воспѣваемый въ былинѣ объ „Оговорѣ царевича передъ Грознымъ“ эпизодъ изъ жизни Грознаго включенъ графомъ Ал. Толстымъ въ извѣстную историческую повѣсть его „Князь Серебряный“.

117. (Стран. 288). Здѣсь разумѣется сынъ Грознаго, Феодоръ Ивановичъ, котораго нѣкоторые рапсоды такъ и называютъ по имени.

118. (Стран. 289). И въ настоящее время еще сохранилось названіе Поганыхъ прудовъ.

119. (Стран. 289). Никита Романовичъ—третій и младшій братъ царицы Анастасіи Романовны, отецъ которой Романъ Юрьевичъ былъ царскимъ окольничимъ, изъ рода Андрея Кобылы, вышедшаго изъ Пруссіи въ XVI вѣкѣ.

120. (Стран. 290). Разнорѣчіе: „нерадошну вѣстку“ приноситъ Никитѣ Романовичу слуга его (такъ и въ „Князь Серебряномъ“).

121. (Стран. 290). Вариантъ: Никита Романовичъ для спасенія царевича, жертвуетъ своимъ любимымъ клюшникомъ (или конюхомъ).

„Ужь ты гой еси Малюта, сынъ Скурлатовичъ!
Не твой кусъ, да не тебѣ и кушати!
Ужь ты на-тко да насытися
Молодымъ моимъ ли клюшникомъ!“

Малюта, срубивъ клюшнику голову, приноситъ окровавленную саблю царю.

122. (Стран. 291). По разнорѣчію, въ то время, какъ остальной народъ печалится, у Никиты въ селѣ его Романовскомъ пирь „на веселѣ“, въ трубы трубятъ, въ барабаны бьютъ. Извѣстившись о томъ отъ бояръ Годуновыхъ, разгѣванный царь велитъ привести Никиту предъ свои ясны очи.

123. (Стран. 292). Или же Никита выпрашиваетъ себѣ самого Малюту.

124. (Стран. 292). Послѣ настоящей былины изъ семейной жизни Грознаго могла бы слѣдовать другая, того же рода былина о „Кострюкѣ“, гдѣ описывается кулачная борьба шурина царскаго Кострюка Темрюковича съ двумя московскими „молодчиками“, осмѣливающими его въ концѣ концовъ. Описание это однако настолько безцвѣтно, что мы ограничимся здѣсь лишь началомъ былины, служащимъ какъ бы вступленіемъ къ ней и довольно живо передающимъ отношенія къ Грозному его первой супруги Анастасіи:

„Приутихло-приуныло море синее,
Глядочись со тѣхъ со черныхъ кораблей,
Со тѣхъ марсовъ корабельныхъ
И со тѣхъ со трубочекъ подзорныхъ
На тѣ круты-красны бережки
И на тѣ поля зеленыя.
Приутихли-приуныли круты-красны бережки,
Приутихли-приуныли и поля зеленыя,
Глядочись на государевъ дворъ:

Преставляется царица благовѣрная,
Молода Настасья дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ-то два царевича,
А въ ногахъ сидятъ двѣ молоды княжны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:

„Ужь ты слушай, царь, послушай-ка,
Что тебѣ, царица, я повеysкажу:
Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
До своихъ до двухъ младыхъ царевичей:
Когда будутъ они во полномъ умѣ,
Во полномъ умѣ, во твердомъ разумѣ,
Тогда будутъ обороной отъ иныхъ земель.
Еще слушай, царь, послушай-ка:
Когда будутъ дѣвицы да во полномъ умѣ,
Во полномъ умѣ, во твердомъ разумѣ,
Отдавай тогда дѣвицъ замужъ.
Еще слушай, царь, послушай-ка,
Что тебѣ, царица, я повеysкажу:

Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
 До своихъ князей и до думныхъ бояръ,
 До того до дялюшки любимаго
 И до своего до крестнаго до батюшки,
 До того Богдана Сирскаго:
 Тутъ вѣдь твоя дума крѣпкая.
 Еще слушай, царь, послушай-ка:
 Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
 До своихъ солдатушекъ служащихъ:
 Тутъ вѣдь твоя сила вѣрная.
 Еще слушай, царь, послушай-ка:
 Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
 До всего народу православнаго.
 Еще слушай, царь, послушай-ка:
 Что тебѣ, царица, я привакажу,
 Что привакажу тебѣ, повыскажу:
 Какъ, царица, я преставлюся,
 Не женись ты, царь, во золотой Ордѣ
 На купаваѣ той татарскоей
 На той Марьѣ на Темрюковнѣ,
 Хоша много есть у ней приданаго,
 Много злыхъ, поганныхъ татаровой,
 Хоша есть у ней и брателко родимое,
 Молодой Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,—
 А женись ты, царь, во каменной Москвѣ“.
 Тутъ царица и преставилась,
 Тутъ царицѣ и славу поють“.

Тѣмъ не менѣе, однако спустя три мѣсяца, Грозный отправляетъ за Марьей Темрюковной въ Орду, откуда беретъ съ собой и ея „брателку Кострюка-Мострюка“—героя былины.

125. (Стран. 293). Разсказъ о походѣ Ермака въ Сибирь самъ по себѣ хотя и прозаиченъ, но заслуживаетъ особеннаго вниманія по своимъ подробностямъ, позволяющимъ слѣдить за покорителемъ шагъ за шагомъ едва ли не съ бѣльшею точностью, чѣмъ по имѣющимся историческимъ даннымъ.

126. (Стран. 293). Ермакъ, иначе Ермилъ.

127. (Стран. 293). Рядомъ съ Ермакомъ, одна былина называетъ, вмѣсто есаула Асташки Лаврентьевича, двухъ другихъ атамановъ: Самбура Андреевича и Анофрїя Степановича.

128. (Стран. 293). Посоль персидскій (въ Персію отъ Ивана Васильевича Грознаго)—Карамышевъ Семень Константиновичъ, объ убіеніи котораго казаками сложена также особая былина, сама по себѣ мало замѣчательная.

129. (Стран. 296). Татары видятъ, что казаки ни дать, ни взять снопики, но не догадываются, что это выставленные впередъ соломенные чучела.

130. (Стран. 297). Одна былина рассказываетъ далѣе, какъ Ермакъ, посланный царемъ къ Котовскимъ татарамъ „братъ данивыходы въ казну государеву“, погибаетъ при возмущеніи татаръ: собираясь перескочить на другую ладью, онъ оступается на „переходнѣ обманчивой“, которая „съ верхняго конца подымалася и на него опушалася, расшибала ему буйну голову и бросила въ ту

Енисей быстру рѣку. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, Ермакъ утонулъ въ Иртышѣ.

131. (Стран. 301). Царица, мать царевича Дмитрія Угличскаго, 7-я супруга Грознаго Марія Федоровна, изъ рода Нагихъ, въ иночествѣ Марѳа, такъ и названа въ былинѣ.

132. (Стран. 305). Изъ разряда былинъ „петровскихъ“ литературное значеніе, по своей цѣльности и поэтическому складу, имѣютъ лишь помѣщаемыя здѣсь былины „Азовъ“ и „Плачь войска о Петрѣ“, а также былины о стрѣлецкихъ смутахъ и постриженіи царицы Евдокіи, которыя однако, по своему содержанію, не могли войти въ это популярное изданіе. Въ прочихъ былинахъ петровскихъ встрѣчаются только изрѣдка, цѣнными самородками въ грудахъ булыжника, яркіе поэтическіе образы. Не можемъ не привести здѣсь наиболѣе удачныя изъ нихъ.

Сборы русскихъ противъ шведовъ описываются устами самого „батушки православнаго царя Петра Алексѣевича“ слѣдующимъ образомъ:

„Еще пишетъ король шведскій ко мнѣ грамотку,—
Онъ де будетъ, король шведскій, ко мнѣ кушати.
Ужъ мы столики разстави́мъ ли—Преображенскій полкъ,
Скатерти разстелемъ—полкъ Семеновскій,
У насъ вилки да тарелки—полкъ Измайловскій,
У насъ пойлица медвяны—полкъ драгунушекъ,
У насъ кушанья сахарны—полкъ гусарушекъ,
Подчивать заставимъ—полкъ пѣхотушекъ“.

Въ противоположность такому свѣтлому, ободрительному взгляду виновника похода на предстоящія войску трудности само войско (въ другомъ образцѣ) смотритъ на дѣло съ болѣе будничной стороны:

„Гдѣ намъ день днѣвать, ночь корѣтати!
Намъ денекъ днѣвать во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, подъ яснымъ небомъ;
Ночь корѣтати во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу во сыромъ бору;
Намъ постелечка—мать сыра земля,
Намъ зголовнице—зло корѣнице,
Умыванье—чистый мелкій дождь,
Утиранье—шелковѣ трава!“

На гражданскихъ чиновъ одна вѣсть о войнѣ производитъ панической страхъ. Когда „батушка первый императоръ“ „докатается до сенату“:

„Изъ каретушки да выгѣзаетъ,
Во присутствіе да самъ заходитъ—
Сенаторы всѣ да испугались,
Изъ рукъ перья у нихъ повалились,
Изъ очей слезы да покатались“.

Полтавскій бой, вдохновившій и перваго нашего поэта къ его замѣчательной поэмѣ, описывается въ народной пѣснѣ по своему, просто и картинно:

„Подымалась полтавская баталья.
 Запалить шведская сила
 Изъ большого снаряда—изъ пушки;
 Запалить московская сила
 Изъ медкаго ружья—изъ мушкета.
 Не крупень чеснокъ разсыпался:
 Смѣшалася шведская сила.
 Распахана шведская пашня,
 Распахана солдатской бѣлой грудью;
 Орана шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронена шведская пашня
 Солдатскими руками;
 Посѣяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Поливана новая пашня
 Горячей солдатской кровью“.

Былина-пѣсня о „Ладожскомъ озерѣ“ начинается такъ:

„Ахъ, далече-далече, въ чистомъ полѣ,
 Расплачется травушка зеленая,
 Унимаетъ ее мати земля сырая:
 Не плачь, не плачь, трава-мурава,
 Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько,
 И мнѣ еще того тошнѣе.
 Какъ ѣхалъ государь-царь изъ-подъ Риги,
 Велѣлъ меня, землюшку, копати,
 И рвы, и колодези вырывать,
 Ключевую воду испускати“.

Далѣе пѣсня переходитъ вообще въ жалобу безымяннаго мѣлдца, собирающагося „съ великія печали посхимиться“.

133. (Стран. 307). „Плачь войска о Петрѣ“, подобно былинѣ объ Азовѣ, повторяетъ старѣйшіе мотивы, а именно стародавнюю пѣсню о „Громѣ Гремучемъ“.

134. (Стран. 311). О былевой рѣкѣ Смородинѣ см. прим. 45. Нѣкоторыми „сказителями“ былинѣ безымянному мѣлдцу настоящей былины присвоивается имя богатыря Добрыни Никитича или царя Петра Алексѣевича. Мы сочли однако же за лучшее вовсе упустить имя, такъ какъ въ былинѣ о томъ, „Какъ перевелись богатыри святой Руси“, Добрыня погибаетъ въ числѣ прочихъ богатырей; въ вариантѣ же Кирши Данилова тотъ же молодецъ уѣзжаетъ на чужбину съ кручины, что государь-царь (т.-е. царь Петрѣ Алексѣевичѣ) на него „гнѣвъ възложилъ“; стало быть, молодецъ здѣсь, очевидно, не можетъ быть въ то же время и Петромъ Алексѣевичемъ.

135. (Стран. 315). Былина о „татарскомъ полѣнѣ“, по всему вѣроятію, сложилась уже послѣ татарскаго ига въ періодъ набѣговъ крымскихъ татаръ на южную Русь, въ пользу чего говорить и то, что соотвѣтственная этой былинѣ пѣсня есть и на малороссійскомъ языкѣ.

136. (Стран. 317). Хотя нѣкоторые варианты столь разнovidной былины о „Горѣ“ имѣютъ до 300 стиховъ, но выбранный нами

небольшой вариантъ, по своей сжатости и образности, долженъ почитаться образцовымъ. Въ одномъ вариантѣ отъ горя уходитъ не молодецъ, а молодица, которую

„Въ воскресеньице матушка замужъ выдала,
Къ понедѣльничку горе привязалось“.

Бѣдная спасается отъ Горя сперва „во темны лѣса“, потомъ „во чисты поля“, „въ зелены луга“, „во высокъ теремъ“, „во круты горы“.

„Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:

„—Я червѣмъ совьюсь, горы выточу,
Горы выточу, тебя доступлю.—

„—Ахъ, ты матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ Горя дватися?

Я пойду съ Горя во сыру землю.—

„Горе вслѣдъ идетъ со острымъ заступомъ,
Устоялося, засмѣялося:

„—Ужъ ты, дочь ли моя рѣдная!
Ты успѣла Горюшко повыгоревать!“

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТРЕБУЮЩИХЪ ОБЪЯСНЕНІА СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И НЕОБЫЧНЫХЪ СЛОВЪ,
ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ БЫЛИНАХЪ.

А.

- Азвяковна (царица)—жена индѣйскаго царя Салтыка Ставрульевича (см. прим. 7).
Алеша Поповичъ—см. прим. 13 и 14.
Апраксія—стольная княгиня кievская (см. прим. 10).
Афимья Александровна—мать Добрыни Никитича.

В.

- Базыга—хрычъ.
Баса—краса.
Башлыкъ (отъ восточнаго *башъ*—голова, атаманъ, преимущественно рыболовный).
Безвременье—невзгода.
Бермята Васильевичъ — см. прим. 8.
Бесѣда—скамья.
Бласловить—благословить.
Богатырь—герой (см. прим. 3).
Богачество—богатство.
Богорадные старцы — богадѣленные въ церковномъ страннопріимномъ домѣ.
Большой уголь—главный уголь, гдѣ стоять образа.
Бранный—узорчатый, вышивной.
Братовство—братство.
Буде—если.
Булатъ — сталь; *булатный* — стальной.
Буркѣ—бурый конь.
Бурнастый—бурый.
Бусы-галеры — извѣстный родъ судна.
Бѣгецъ—бѣгунъ.

Бѣлоярова пшена — пшеница-кукуруза.

В.

- Вальякъ—рѣзба; *вальящый*—рѣзной.
Василиса Микулична — старшая дочь Микулы Селяниновича (см. прим. 23 и 26).
Василій Буслаевъ — см. прим. 91.
Васька Долгополый или Долгополый—см. прим. 77.
Вдвоемъ — вдвое; «*вдвоемъ тебѣ*»—вдвое противъ тебя.
Вдовить—лишать жену мужа.
Веденецъ—Венеція; *веденецкій*—венеціанскій.
Верѣхъ—верхъ.
Взимать—брать.
Вливать—выливать.
Во всю голову—во все горло.
Волжанка—кляка изъ дерева таволги.
Волокнистый — волочащійся съ мѣста на мѣсто.
Волхъ-рѣка—Волховъ.
Вольга Всеславьевичъ — см. прим. 6.
Вольгота — свобода, вольный шагъ.
Во-потаи (впотаи)—тайно.
Воспроговорить—выговорить.
Воспрокуриться — подняться, ударить въ голову (въ переносномъ смыслѣ).
Вранъ—воронъ.
Выжлецъ борзой—ловчій песъ.
Выгрышь—содержаніе пѣсни.
Вырука—выручка.

Выступка—поступь, осанка; *выступкою щипать*—щеголять поступью, осанкою.

Выть—1) ѣда, кормъ («медвѣжья выть»); 2) количество ѣды за разъ.

Выщипливать—щеголять.

Выщербить—выломать часть цѣлаго.

Вѣжество—вѣжливость.

Вѣковѣчный—начинающійся съ начала вѣка или продолжающійся до конца вѣка.

Г.

Главище (глава)—голова.

Глуздырь—птенецъ.

Голь кабацкая—народъ обѣднѣвшій, бездомный.

Горденко Блудовичъ—см. прим. 88.

Гостебище—пирушка, гости.

Гость торговый—купецъ; гость корабельный—мореходный купецъ (см. прим. 25).

Граять—каркать.

Гридня—столовая комната.

Грудью пойти—поскакать.

Грядка—шесть для вѣшанья одежды.

Гуня—верхнее платье.

Гурчевецъ (Вручевецъ, Вручій)—вѣроятно, Овручъ (Волинской губ.) (см. прим. 50).

Гусѣлышви, гусельцы—гусли.

Д.

Державушка (держава)—владыка.

Держать—носить, тратить; держаться—издерживаться.

Дивоваться—удивляться.

Добрыня Никитичъ—см. прим. 5.

Довѣтетъ—подобаетъ, прилично.

Догадка—догадливость.

Долина—длина, вышина.

Домовище—гробъ.

Дунай Ивановичъ—см. прим. 11.

Надымъ пустить—пожечь.

Дѣянье—дѣйствіе.

Дѣяться—дѣлаться.

Дюкъ Степановичъ—см. прим. 63.

Ю.

Еврейскій стихъ—духовный.

Епанѣчка (епанча)—плащъ.

Ерусалимъ—Іерусалимъ.

Ж.

Жаровой лѣсъ—рослый, выросшій на припекѣ, на жару.

Жалкій—жалобный.

Живность—жизнь.

З.

Забава Путятична—племянница князя Владиміра (см. прим. 21).

Завидливый, завидушій—завистливый.

Заводъ—заливъ, защищенный отъ вѣтра.

Завозный—взятый на дорогу, привезенный для дороги.

Заворачивать—забирать.

Завѣсистая шапка—съ завѣсами, которые можно опускать и приподнимать.

Завѣтъ—обѣтъ.

Загусельщикъ—гусярь.

Задаться—поступить въ обученіе или на службу.

Задѣрнуть—приготовить.

Зазыватель—позовщикъ.

Займище—топкое мѣсто, иногда поросшее тростникомъ или лѣсомъ.

Закататься—закатываться.

Заколдить—покрыться колодьемъ.

Залѣшанинъ (имя нарицательное) — лѣсной житель, дикарь; отъ того же корня: мужики Залѣшане (см. прим. 30) и Никита Заолѣшанинъ, подъ именемъ котораго скрывается Илья Муромецъ (см. кievскую был. XVI).

Замуравѣть — покрыться муравою.

Заносливый — заносчивый.

Заповѣдь — см. завѣтъ.

Заржучись — отъ *заржаты*.

Застава — преграда (см. прим. 44).

Застолье — мѣсто за столомъ.

Застояться — остановиться.

Затохоль — затхлый запахъ.

Затыхаться — сдѣлаться затхлымъ.

Затюремщикъ — заключенникъ.

Захвастливый — хвастливый.

Захлыщевый — забубенный, отчаянно-смѣлый.

Захошь — см. хошь.

Зачинъ — начало.

Звеселять — взвеселять.

Земь — земля.

Златоверховатый — съ золотымъ верхомъ.

Златъ — золотой.

Зобать — ѣсть что-нибудь мелкое, рассыпчатое.

Зычный — звучный.

И.

Иванъ Гостинный сынъ — см. прим. 88.

Идѣлице — см. прим. 13 и 54.

Избыть — избавиться.

Изотчество, изотчина — отцовское имя.

Илья Муромецъ — см. прим. 37.

Индѣйское царство — см. прим. 7.

Индія богатая — см. прим. 63.

Ископытъ — комъ грязи или земли изъ-подъ конята.

Исполѣшаться — всполошиться.

Источенька — разноцвѣтный стручатый поясъ.

К.

Кавурка (каурка) — каурый (желторыжий) конь.

Калика перехожая — нищій калѣка (см. прим. 16).

Калинъ царь — см. прим. 58.

Камень бѣлый горючій, или, просто, горючій — янтарь (см. прим. 2).

Камочка — камка (см. саянъ).

Кирпичать полъ — кирпичный.

Клюшничать — быть клюшникомъ.

Княгиня — молодая въ бракѣ.

Кожанъ, кожанецъ — 1) не выдѣланный овчинный тулупъ; 2) кожаный мѣшокъ.

Кой — который.

Коковка — загнутый верхній конецъ палки (клюви).

Коло — около.

Колпакъ — см. шляпа.

Колыбаться — колебаться.

Конникъ — залавокъ сейчасъ при входѣ въ дверь, послѣдній уголъ.

Конюхать — быть конюхомъ.

Корба — чаша мелкаго лѣса.

Косица — високъ.

Кочетъ — см. укрючины.

Красовитый — красивый.

Крестьянствовать — заниматься крестьянскимъ дѣломъ.

Крылецъ — крыльцо.

Крылось — клирость.

Кряжъ крутой — каменистый берегъ.

Кряковистый — съ корявымъ пнемъ, суковатый.

Кудельба — см. курево.

Купавъ — красивый; купава — красавица.

Курево — пылъ столбомъ.

Л.

Ладить — готовить, приготовиться; ладиться — 1) собираться; 2) быть вбóру.

Ластинье — тонкая дрань.

Латыгорка — мать Сокольника (см. прим. 82).

Латырь — камень — янтарь (см. прим. 2).

Латырь-море — Балтийское (см. прим. 2).

Леванидовъ крестъ — курсунскій (см. прим. 1).

Леванидовы дуга — см. прим. 1.

Литва — всякая земля на западъ отъ Кіева (см. прим. 9).

Ложня — спальная комната.

Луда — подводный камень.

Лукоморье — излучина морского побережья.

Луна небесная — твердь.

Люби — отъ *любовь*; *до-люби* — сколько угодно; *по-люби* — по душѣ.

Въ любовь придти — по сердцу придти, понравиться.

М.

Маломожный (маломочный) — малосильный.

Мамельфа Тимоѳеевна — мать Дюка Степановича и Василя Буслава.

Марѳа Всеславьевна — мать Вольги Всеславьевича.

Марѳа Матвѣевна — мать царевича Дмитрія Угличскаго (см. прим. 131).

Матѳрый, матерѳй — престарѣлый и сильный.

Матерѣть — расти, становиться большимъ и сильнымъ.

Меженный — отъ *межень*, жаркая лѣтняя пора.

Микула Селяниновичъ — см. прим. 48.

Михайло Пóтыкъ Ивановичъ — см. прим. 69.

Младъ — молодой.

Могота — мощь.

Молявиться — молиться.

Мосты — насланные переходы наружныхъ сѣней.

Мудрости искать надъ кѣмъ — стараться перехитрить, опутать чарами.

Муравленый — муравою, разводками расписной, пестрый.

Мурашь — муравей.

Мурзаецкій — отъ *мурза* (эпитетъ копыя).

Мурманка — шапка, имѣющая съ обѣихъ сторонъ завѣсы, которые можно опускать и приподнимать.

Н.

Набольшій — наибольший.

По надобью — сколько надобно.

Надеиный — надёжный.

Нагрышь — содержаніе пѣсни.

Наконь — разъ.

Накрутиться — накутаться, нарядиться.

Налучникъ, налушно — чехоль на лузъ.

Намѣтывать (служебу) — налагать.

Напускъ — сильное нападеніе.

Напустить — напуститься.

Нарядить — справиться.

Науличье — площадь на улицѣ.

Нахтарма — пушистая сторона мѣха.

Невѣжа-черный воронъ — см. прим. 65.

Немудрый — простой.

Неорлёный — безъ царскаго орла.

Неуёмчивый — неукротимый.

Неумильный — невѣжливый.

О.

- Обзариться — заглядѣться, польститься.
 Обкольчужиться — надѣть кольчугу.
 Облатиться — надѣть латы.
 Ободверина — притолка и косяки у дверей.
 Обоймень — что можно обнять двумя руками.
 Оболоко — облако.
 Обцѣщикъ, — оцѣщикъ.
 Объумѣться — придти въ себя.
 Огнёвушка — горячка.
 Одинцовый — темно-зеленый.
 Одноличныи — одинаковаго лица.
 Однодѣный — изъ одной мѣди.
 Озадориться — раззадориться.
 Окаракою, окарачь — на четверенькахъ.
 Окатиться — раскатиться.
 Околенька — оконница.
 Окольный — идущий *около* чего-нибудь.
 Омѣшикъ — рало у сохи.
 Оперезъ — прежде.
 Опознать — узнать.
 Опочивъ держать — опочивать.
 Опочипуться — уснуть.
 Опсковъ — Псковъ.
 Оратай — землешапецъ.
 Орать — пахать.
 Орда — земля, сторона (см. прим. 9).
 Ордынскій — отъ *орда* (эпитетъ тельги.)
 Орѣховецъ — вѣроятно, вымышленный городъ.
 Въ особину — особенно.
 Отвѣдать — попробовать.
 Отчина — см. изотчина.
 Ошарашиться — стать дыбомъ.

II.

- Палатный брусъ — гряда, откуда и *гредня*, или *гридня* (столовая).
 Палица (палка) — дубинка.

- Паль — обгорѣлый лѣсъ.
 Паробокъ — слуга.
 Пенъе — пни.
 Перелестникъ (судейскій) — обманщикъ (эпитетъ Алеши Поповича).
 Перѣное крыдечко — съ *перѣнами*, или *периллами*.
 Перепасться — перепугаться.
 Перещанить — перещеголять.
 Писчикъ — писарь.
 Платѣныи — платяной.
 Пленъ (Пленко, Пленчище) Сурожанинъ — отецъ Чурилы Пленковича (см. прим. 62).
 Повалешное — подать съ валька, съ портомойни.
 Поверткій — поворотливый, проворный.
 Проволжанныи — изъ дерева таволги.
 Поволька — воля.
 Поворотъ держать — вернуться.
 Повѣнчное — подать съ брака.
 Повѣтеръ — попутный вѣтеръ.
 Погода — непогода.
 Погодиться — пригодиться.
 Погрязывать, угрязывать — погружаться въ грязь, въ землю.
 Подвигаться — подвизаться, совершать подвиги, полевать.
 Поддонный царь — см. прим. 106.
 Подираться — драться.
 Подковыренныи лапти — проплетенные вторично.
 Подколѣнный — младшій (отъ *колѣно*, старшій въ семьѣ или въ родѣ).
 Подкрутиться — приодѣться.
 Подорожникъ — попадающійся на дорогѣ («разбойнички - подорожнички».)
 Подорожныи — 1) взятый на дорогѣ или на дорогу; 2) платимый за дорогу.
 Подсолнечникъ — зонтикъ, опахало.

Подстолье—мѣсто подь столомъ.
 Пожадѣться—исполниться, жажды, изнѣть.
 Позариться—польститься.
 Показаться—поправиться.
 Покляпый—наклоненный въ одну сторону.
 Полевать—рыскать по чисту полю, отыскивая приключеній.
 Поленица—женщина-богатырица (см. прим. 4); также и иноземные богатыри.
 Полоня—взятое въ плѣнъ.
 Полонь—1) плѣнъ; 2) плѣнникъ.
 Полтеи—половинки тѣлѣ убитыхъ.
 Получка—данъ.
 Поляковать—см. полевать.
 Помялушко (помело)—метла для выметанія печи.
 По поряди—рядкомъ.
 Попротивиться—вступить въ бой.
 Поразострониться—посторониться.
 Пороша—молодой снѣгъ.
 Порученьки—перила.
 Порыскучій—см. рыскучій.
 Поселица (поселье)—мѣсто посѣленія, постоянного жительства.
 Поскакучій—отъ *поскакивать* (эпитетъ зайца).
 Поскочить—поскакать.
 Пословаться—вести посольское дѣло.
 Поступка—поступъ.
 Посыльный—посольскій.
 Потникъ—подстилка подь сѣдло, чтобы не тереть спины лошади.
 Поучёный—знающій.
 Почестка—почесть.
 Прикакуивать—ликовать.
 Приниматься къ рѣчамъ—обращать вниманіе.
 Присошекъ—лопатообразная часть сохи, накладываемая попеременно то на одинъ, то на другой омѣ-

шкѣ, для откидыванія вспаханной земли.

Пристиляться—разстиляться.
 Причѣнки—см. прим. 30.
 Прихватка—ухватка.
 Причѣтъ—причитанія.
 Приогрѣшиться—погрузиться.
 Приужахнуться—ужаснуться.
 Провизгъ—визгливый тонъ рѣчи.
 Провѣщиться—заговорить.
 Пропитомство—пропитаніе; *пропитомствовать*—пропитать.
 Просто—легко.
 Путины—пути.
 Пучай рѣка—Почайна (см. прим. 19).
 Пѣхотю—пѣшкомъ.
 На пату отворить дверь—настежь.

Р.

Разболакивать—разоблачаться, скидывать.
 Развалить—расчистить.
 Разгорчивый—легко разгорающийся.
 Разрывчатый—отъ *разрывать* (эпитетъ лука).
 Ратиться—сражаться.
 Ратовье—жердь.
 Рогачъ—рукоятка у сохи.
 Родитель, родителекъ—родной, родная.
 Розстанъ—перекрестокъ.
 Рудожелтый—красно-желтый.
 Рукобитье—обрядъ сговора.
 Рыбій зубъ—моржовая кость.
 Рыкущій—издающій рыкъ.
 Рыскучій—рыскающій.

С.

Садко купецъ—см. прим. 105.
 Салтыкъ Ставрुльевичъ—см. прим. 7.
 Самсонъ Самойловичъ—см. прим. 3.
 Саповочка—дудочка.
 Сафатъ рѣка—см. прим. 15.

Сахарный — сахарный (эпитетъ яствъ и усть.)
 Саянь (итал. Сая) — то же, что «камка хрущатая», полумшелковая, протканная золотомъ твань, а затѣмъ и одежда изъ этой ткани.
 Сбродовичи — см. прим. 30.
 Сверстаться — поровняться.
 Сверстный — равный, подходящий.
 Сворохнуться — пошевелиться.
 Святогоръ — см. прим. 51.
 Святыя Горы — см. прим. 22.
 Сдивоваться — удивляться.
 Семья, семеюшка — общее названіе супруговъ въ отношеніи другъ друга.
 Середа — поль.
 Сила — войско.
 Сиротать — лишать родителей.
 Скорбить — доводить до скорби.
 Скурлатъ — шерстяная ткань разнаго цвѣта.
 Слава идетъ — молва; *славу тѣтъ* кому-нибудь — пѣть въ честь умершаго.
 Слезить — вводить въ слезы.
 Смѣртушка — смерть.
 Смородина (рѣка) — см. прим. 45.
 Смѣта — счетъ.
 Снарядный — нарядный.
 Сокольникъ — см. прим. 83.
 Сокротиться — укротиться, смириться.
 Сокрушиться — одѣться.
 Соловей Будимировичъ — см. прим. 31.
 Соловей разбойникъ — см. прим. 46.
 Соловый — блѣдно-желтый.
 Сорочинскій — сарацинскій, арабскій; *гора Сорочинская* — см. прим. 22.
 Спрогдворить — проговорить.
 Спустить — отпустить.
 Спѣтъ — глаголъ, выражающій *тѣ-
не* спускаемой тетивы или стрѣ-
лы.

Ставеръ Годиновичъ — см. прим. 24.
 Стаметъ (аксамить) — бархатъ.
 Становитый — статный.
 Старина, старинка, старинушка — пѣсня про *старину*, былина.
 Статья — 1) свойство характера, качество, выпавшее кому-нибудь на долю; 2) самая участь, судьба.
 Столованье — пированье.
 Стольничать — быть стольникомъ.
 Сторожокъ — спускная дверь.
 Стоялый — 1) давно стоявшій (эпитетъ меда); 2) гдѣ есть стойло (эпитетъ конюшни).
 Стредомірскій (панъ) — Сепдомірскій (воевода Юрій Мпяшекъ).
 Стрѣта — встрѣча.
 Ступа, ступокъ — тихій шагъ.
 Ступень — ходъ (въ игрѣ).
 Сумляться — сомнѣваться.
 Супротивиться — драться, вступать въ бой.
 Супротивникъ (супротивница) — равный по силѣ или по другому свойству противникъ, а также вообще ровня.
 Супротивъ — 1) напротивъ; 2) *супротивъ* кого силою, красотой — ровня.
 Суханъ Домантьевичъ — см. прим. 3.
 Сходня, сходенька — лѣстница.
 Сцапина — парापина.
 Счудиться — сотвориться (о чудѣ).
 Счудоваться — быть пораженнымъ чудомъ.
 Съ-подъ — изъ-подъ.
 Сыгрышь — музыка, напѣвъ.
 Сыта (медвяная) — жидкій пчелыный медъ.
 Сыть — то, чѣмъ бываютъ *сыть* («волчья сыть».)
 Сѣдатый — сѣдой.

Т.

- Тавлеи (tabula) — шашки, шахматы.
 Тайницкій — потайной.
 Тать — воръ.
 Толкучій — сталкивающийся.
 Тоневья — тони, рыболовные сѣти.
 Тороки — дорожный мѣшокъ, сума за сѣдомъ.
 Тощитья — истощаться.
 Тугаринъ Змѣевичъ — см. прим. 13 и 17.
 Туляться — прятаться; *тулица* — тулящійся, прятающійся.
 Туръ — зубръ, волъ.

У.

- Увалиться — провалиться.
 Углище — Угличъ.
 Угодить — понасть.
 Угожество — красота.
 Уграживать — угрожать.
 Угрязывать — см. погрязывать.
 Укладный — изъ закаленного желѣза.
 Укрючины — уключины, въ которыхъ ходять весла.
 Укрѣпа — крѣпость.
 Улещать — ластиться.
 Уливаться — заливаться.
 Уловный — гдѣ кто уловленъ, найдень.
 Умильный — умѣлый, вѣжливый, любезный.
 Уныльный — унылый.
 Упадка — упадокъ духа; *не съ упадкою* — безъ боязни.
 Уповодъ — прѣмь.
 Управа — посадка.
 Уродствовать — проказить, чудить.
 Утопить (очи) — уставить.
 Утріе — утро.
 Утѣшенье (утишье) — тишина; <си-

нему морю на утѣшенье» — чтобы было тихо.

Уѣда — кушанье.

Х.

- Хайлице — пасть.
 Хамкать — лаять по-собачьи.
 Хапиловы — см. прим. 30.
 Хвалынское море — Каспійское.
 Хоробрый — храбрый.
 Хошь, захошь — хочешь, захочешь.
 Христовъ день — Свѣтлое воскресенье.
 Хрущатый (хрустящій, шелестящій) — жесткій, плотный.

Ц.

- Царѣвъ — постоянный эпитетъ кабака.
 Цѣловальникъ — цѣловавшій въ знакъ вѣрности крестъ кому-нибудь.

Ч.

- Чашничать — быть чашникомъ.
 Чебурацкій (?) — эпитетъ свинца.
 Челомъ-битчикъ — челобитчикъ.
 Червлѣный — багряный, пурпуровый.
 Червчатый — красноватый.
 Черनावушка — см. прим. 96 и 114.
 Чернедь — чернь.
 Чернизина — черное пальто.
 Черный дьяконъ — іеродьяконъ.
 Чивье — рукоятка.
 Чингалище — кинжалъ.
 Чоботъ — полусапожекъ, сапогъ.
 Чурила Пленковичъ — см. прим. 61.

Ш.

Шалыга, шелепуга — плеть съ
обвязанной пудей, кистень.

Шеломъ—шлемъ.

Ширинка—полотенце.

Шишира—праздношатающійся.

Шляпа (колпакъ) земли гре-
ческой—дорожная съ широкими
полями.

Шопоткомъ—шопотомъ.

Шпенекъ—пряжечная спиалька.

Щ.

Щапиль—щеголять.

Щапль—щеголь.

Щелейка—горное

Щепливый (щепел-
гольской).

Щепомъ щепить—

Я.

Ярлыки скорописчаты — гра-
моты.

Яровчатый—яворчатый, изъ де-
рева явора.

Ясакъ—вѣсть, голосъ, зовъ.

Тавлеи (та
маты.

Тайницкѣ

Тать—вѣ

Толку

ч

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ

О

КНИГЪ БЫЛИНЪ.

„Кому не извѣстны эти эпическія русскія произведенія съ ихъ оригинальнымъ, чисто народнымъ языкомъ, смѣлыми, яркими и образными оборотами рѣчи, съ ихъ глубокой поэзіей? Намъ думается, что эта **КНИГА БЫЛИНЪ** можетъ оказать особыя услуги въ качествѣ семейнаго чтенія, къ которому прислушиваются вечеромъ дѣти и взрослые, уютно собравшись за столомъ. Взрослыхъ поразили поэзія образовъ, удивительная сила и мѣткость языка, тонкій юморъ, обиліе сравненій и параллелей, вызываемыхъ этими былинами въ человѣкѣ, знакомомъ съ памятниками и исторіей всеобщей литературы. Для дѣтей здѣсь впервые откроется міръ русскаго богатырскаго эпоса; разъ заправъ въ дѣтское воображеніе и память, могучія фигуры этого полумифическаго, полусторическаго міра навсегда останутся въ нихъ запечатлѣнными. Нельзя не порадоваться въ этомъ отношеніи за нашихъ дѣтей. Сокровища русской народной поэзіи достаются имъ теперь легко и просто, тогда какъ въ „наше“ время только-что начиналась еще разработка этихъ сокровищъ, и мы почти впервые знакомились съ ними на университетской скамьѣ. Народная поэзія драгоценна тѣмъ, что она даетъ каждому возрасту то, что можетъ быть имъ воспринято. Вотъ почему мы думаемъ, что **КНИГЪ БЫЛИНЪ** должно быть отведено мѣсто во всякомъ русскомъ домѣ“.

„Московскія Вѣдомости“ 1880 г. № 77.

Благопріятные отзывы о **КНИГЪ БЫЛИНЪ** дали и многіе другіе органы печати: „Новое Время“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Голось“, „Правительственный Вѣстникъ“, „Вѣстникъ Европы“, „Нива“, „St.-Petersburger Zeitung“ и проч.

Stanford University Libraries

3 6105 026 822 309

PG 3114

A 9

DATE DUE			
		OCT 19	1982

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305